

под редакцией «Друзей Анжелики»

Анн Голон

Анжелика

Тени и свет Парижа

V

роман-поток

Annotation

Переводы книг «под редакцией Друзей Анжелики» представляют собой отредактированный читателями перевод новой версии, осуществленный издательством «Клуб семейного досуга» в 2008 - 2011 годах.

5 том. Тени и свет Парижа. Анн Голон

Время действия: 1661 - 1662 гг.

Место действия: Париж

События, описанные в романе Анн Голон «Тени и свет Парижа», соответствуют менее чем половине романа «Путь в Версаль» - второго романа первоначальной серии Анн Голон «Анжелика», а именно с главы 3 (частично) до 23 включительно. Объем новой версии романа Анн Голон увеличился незначительно, примерно на треть. Однако по сравнению с прежними русскоязычными изданиями (переводы Агапова и Науменко), роман «Тени и свет Парижа» обладает иным литературным качеством. Прежние издания в значительной мере представляли собой сокращенный пересказ произведения Голон, причем фрагментарность пересказа нередко приводила к утере элементарной логики изложения. Теперь же мы имеем дело с полноценным литературным текстом. Кроме того, переводчики старой версии брали за основу англоязычные издания романа Анн Голон «Анжелика», что приводило, помимо прочих ошибок, к искаженной транскрипции имен персонажей (например, Бурже вместо Буржую). В отличие от переводов старой версии романа Анн Голон, в настоящем издании, как и в предыдущих томах серии, последовательно переводятся имена собственные, что особенно важно

для тома «Тени и свет Парижа», потому что множество второстепенных персонажей – обитатели парижского дна, преступники с говорящими кличками. Текст продолжают сопровождать необходимые примечания, позволяющие русскому читателю оценить кропотливый труд историка, вложенный писательницей Анн Голон в ее произведение.

- [Часть первая](#)
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Глава 7](#)
 - [Глава 8](#)
 - [Глава 9](#)
 - [Глава 10](#)
 - [Глава 11](#)
 - [Глава 12](#)
- [Часть вторая](#)
 - [Глава 13](#)
 - [Глава 14](#)
 - [Глава 15](#)
 - [Глава 16](#)
 - [Глава 17](#)
- [Часть третья](#)
 - [Глава 18](#)
 - [Глава 19](#)
 - [Глава 20](#)
 - [Глава 21](#)
 - [Глава 22](#)
 - [Глава 23](#)
 - [Глава 24](#)

- [notes](#)

- [1](#)
- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)

- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)
- [55](#)
- [56](#)
- [57](#)
- [58](#)
- [59](#)
- [60](#)
- [61](#)
- [62](#)
- [63](#)
- [64](#)
- [65](#)
- [66](#)
- [67](#)
- [68](#)
- [69](#)
- [70](#)
- [71](#)

- [72](#)
- [73](#)
- [74](#)
- [75](#)
- [76](#)
- [77](#)
- [78](#)
- [79](#)
- [80](#)
- [81](#)
- [82](#)
- [83](#)
- [84](#)
- [85](#)
- [86](#)
- [87](#)
- [88](#)
- [89](#)
- [90](#)
- [91](#)
- [92](#)
- [93](#)
- [94](#)
- [95](#)
- [96](#)
- [97](#)
- [98](#)
- [99](#)
- [100](#)
- [101](#)
- [102](#)
- [103](#)
- [104](#)
- [105](#)
- [106](#)
- [107](#)

- [108](#)
 - [109](#)
 - [110](#)
-

Часть первая
Двор чудес

Глава 1

Это была идея Николая — занять с бродягами и нищими, находившимися в его подчинении, развалины старой крепостной стены, некогда построенной Филиппом Августом вокруг средневекового Парижа. Уже четыре века город пытался разорвать этот стеснявший его рост каменный пояс. Укрепления правобережной части города почти полностью исчезли, но на левом берегу продолжали сопротивляться разрушению остатки стены, заросшей плющом, зато изобиловавшей заброшенными комнатами и потайными ходами.

За эти развалины Николай Весельчак вел долгую, тайную и упорную борьбу, стратегию которой его советник, Деревянный Зад, разработал с ловкостью, достойной лучшего применения.

Сначала к крепостным стенам послали ватаги завшивленных детишек с их оборванными матерями. Ни у одного стражника не поднялась рука на этих несчастных, хотя бы из опасений вызвать таким жестоким поступком возмущение целого квартала.

Потом появились нищие. Старики и старухи, немощные, слепые, готовые довольствоваться малым: каменной норой, где капает вода, краешком лестницы, старой нишей для статуи, уголком погреба... Последними пришли солдаты, вооруженные шпагами или мушкетонами, заряженными старыми гвоздями, и захватили лучшие места: донжоны и еще прочные потерны^[1] с красивыми просторными помещениями и тоннелями. В считанные часы они выставили на улицу семьи ремесленников и мастеровых, которые надеялись обрести дармовую крышу над головой. Изгнанные бедняки, не всегда находившиеся в ладах с городскими

властями, не осмелились жаловаться и постарались побыстрее убраться восвояси, радуясь тому, что успели прихватить хоть что-то из своего скарба и не получить ножом в живот.

Между тем стремительные вылазки по захвату не всегда проходили гладко. Среди старых хозяев встречались особые упрямы: то были члены других нищенских банд, не желавшие уступить свое место. Происходили кровавые стычки, и рассвет являл миру их жестокость, освещая истерзанные трупы, выброшенные на берега Сены.

Труднее всего оказалось завладеть старой Нельской башней, громада которой с массивными навесными бойницами возвышалась между Сенной и заброшенным рвом у бывшей городской стены. Но когда бандиты там обустроились, они были просто счастливы! Настоящий замок!..

Весельчак превратил башню в свое логово. И тогда другие главари банд поняли, что этот новый «брат» стал хозяином окрестностей старинных ворот Сен-Жермен, Сен-Мишель и Сен-Виктор вплоть до берегов Сены у подножия моста Турнель, а значит, окружил плотным кольцом весь Университетский квартал.

Студентам, предпочитавшим драться на дуэлях в Пре-о-Клер, горожанам, которые обожали по воскресеньям удить пескарей в старых рвах, прекрасным дамам, желавшим нанести визит подругам в предместье Сен-Жермен или увидеться со своими духовниками в Валь-де-Грасе, отныне оставалось только готовить свои кошельки. Полчища нищих останавливали всадников и кареты в узких проходах ворот или на мостиках, переброшенных через рвы. Крестьянам или путникам, прибывавшим в город, приходилось вторично платить въездную пошлину грозным «бродячим солдатам», на чьи посты они натыкались, уже давно войдя в Париж. Люди

Весельчака воскрешали старый пояс укреплений Филиппа Августа, делая его столь же непреодолимым, как и во времена подъемных мостов.

Следует отдать дань ловкости Весельчака. Такой мастерский трюк в королевстве тюнов^[2] видели впервые. Владыка королевства, Великий Кесарь, умный и жадный урод Коротышка-Ролен, не стал вмешиваться в происходящее. Весельчак не забывал щедро платить. Его уверенная манера вести сражения, его смелые решения, воплощенные в жизнь гением стратегии Деревянным Задом, — все это день ото дня увеличивало могущество Николя. Вслед за Нельской башней он прибрал к рукам Новый мост — самое удивительное место в Париже, где никогда не иссякал поток безмятежных зевак, которые позволяли срезать свои кошельки столь легко, что настоящие мастера, такие, как Хвастун, даже брезговали там воровать.

Битва за Новый мост была ужасной. Она длилась несколько месяцев. Весельчак выиграл потому, что его люди заняли все подступы к мосту. В ветхие плоскодонки, доживавшие свой век у пролетов или свай моста, Николя рассадил нищих, которые, притворяясь спящими, на самом деле оказывались бдительными часовыми. Вознаграждением за разумную стратегию стала долгожданная победа, после которой все проходимцы столицы признали, что Новый мост принадлежит Весельчаку.

Новый мост никогда не был обычным мостом и никогда им не станет, ведь, отдавая приказ о его строительстве, Генрих IV хотел, чтобы через оба рукава Сены можно было переправиться напрямую, не спускаясь на остров Сите^[3].

Вот почему на мосту было запрещено строить дома. В то же время выступающие части моста были обустроены так, что на них можно было расположить лавки торговцев и подмостки комедиантов. С обеих сторон от проезжей части находились каменные тротуары, позволявшие пешеходам ловко уклоняться от карет и быстрых тележек. В жизни города Новый мост стал скорее не местом переправы, а местом встречи. Именно здесь встречались два берега Сены, встречалось все, что только можно увидеть в Париже.

У Анжелики, скучавшей в Нельской башне, пока Николая отправлялся на разбойничьи вылазки, вошло в привычку спускаться в большой зал, расположенный на первом этаже.

Здесь собирались сообщники Весельчака и толпа всяческого отребья, пришедшая на поклон к главарю разбойничьей шайки. Каждый вечер эта грязная и шумная публика под крики мальчишек, громкие звуки отрыжки, сквернословие и брань кутила под сводами зала, и звон оловянных кубков смешивался с невыносимым запахом ветхого тряпья и вина.

На этом сборище встречались все яркие образчики бандитов. Главарь бдитительно следил, чтобы в его владениях всегда водились откупоренные бочонки с вином и на вертеле жарилось мясо. Такая щедрость подкупала самых отъявленных сорвиголов.

Именно поэтому, когда шел дождь и дул ветер, а улицы становились пустынными, когда дворянин пренебрегал театром, а мещанин не шел в трактир, что мог придумать проголодавшийся «пройдоха», как не отправиться к Весельчаку «поплотнее набить брюхо»?

Деревянный Зад восседал прямо на столе, взирая на окружающих с высокомерием доверенного лица главаря

банды и мрачным видом непризнанного философа. Его давний приятель Баркароль прыгал от одного знакомого к другому, изрядно раздражая картежников. Крысобой продавал «дичь» проголодавшимся старушенциям, Тибо-Музыкант вертел ручку своего музыкального инструмента, бросая насмешливые взгляды сквозь прорехи соломенной шляпы, в то время как Лино, его юный спутник, мальчишка с ангельскими глазами, бил в медные тарелки. Мамаша и папаша Труля-ля пускались в пляс, и их причудливые огромные тени, рожденные отблесками огня, дотягивались до самого потолка. Эта парочка нищих, шутил Баркароль, имела на двоих всего один глаз и три зуба. Папаша Труля-ля был слепым и пиликал на какой-то коробке с двумя натянутыми струнами, которую он называл скрипкой. Мамаша — одноглазая, толстая, с густой, похожей на серую паклю шевелюрой, постоянно выбивавшейся из-под грязного тряпичного тюрбана, щелкала кастаньетами и притоптывала распухшими ногами, укутанными в несколько слоев чулок.

Баркароль говаривал, что, должно быть, она была испанкой... когда-то. От тех времен остались лишь кастаньеты.

В ближайшее окружение Весельчака входили также всегда задыхавшийся бывший скороход Легкая Нога, Табело-Горбун, Хвастун-Срежь-Кошель, вор Осторожный, вечно хнычущий и боязливый, что, однако, ничуть не мешало его участию в самых дерзких ограблениях; Красавчик — из тех, кого принято называть «щупальце», то есть сутенер, и который, одевшись, как принц крови, мог своим видом ввести в заблуждение самого короля; проститутки — вялые, как овцы, или крикливые, как гарпии; а еще бродячие акробаты, впрочем, немногочисленные, потому что в большинстве своем они подчинялись Родогону-Египтянину; лакеи-мошенники, которые, подыскивая

себе новое место после того, как их прогнали за воровство со старого, пытались сбыть здесь украденные вещицы. Сбившиеся с пути студенты, навсегда испорченные попрошайничеством, к которому их подтолкнула бедность, приходили сюда, чтобы в обмен на мелкие услуги получить право поиграть в кости с ворами. Знатоков латыни считали важными помощниками, потому что именно они сочиняли законы Великого Кесаря. К таким ученым людям принадлежал и Толстяк, который, переодевшись монахом, заманил в смертельную ловушку Конана Беше.

Мошенники, умело пользовавшиеся человеческим состраданием, мнимые калеки, слепые, хромые — все те, кто днем прикидывались умирающими, вечером занимали насиженные места в Нельской башне. Старые стены, видевшие роскошные оргии королевы Маргариты Бургундской и слышавшие предсмертные хрипы молодых людей, зарезанных после ночи любви с ней, заканчивали свою зловещую службу, приютив худшие отбросы общества. Здесь были и настоящие калеки, слабоумные, юродивые, отвратительные уроды — такие, как Петушиный Гребень: его лоб был обезображен жутким наростом, на который Анжелика даже не могла смотреть. В конце концов, Весельчак прогнал несчастного прочь.

Проклятый мир: дети, не похожие на детей, женщины, отдающиеся мужчинам прямо на соломе, брошенной на каменный пол, старики и старухи с мутными глазами бездомных собак... И тем не менее, вопреки всему, в этой толпе царила атмосфера беззаботности и удовольствия, и она не была фальшивой.

Нищета невыносима лишь тогда, когда она не абсолютна и когда ее есть с чем сравнить. А обитатели Двора чудес не имели ни прошлого, ни будущего, и им не с чем было сравнить настоящее.

Здесь в праздности жирело множество здоровых, но ленивых молодчиков. Голод и холод — для слабаков и для тех, кто к ним привык. Преступление и попрошайничество — вот стоящее дело! Никого не волновало, что будет завтра. Не все ли равно?! Высочайшей ценой за эту неопределенность становилась свобода, право убивать вшей при свете дня, когда вздумается. В любое время может появиться охотник на бедных!^[4] Знатные дамы по советам своих духовников могут жертвовать на больницы, приюты... Нищие никогда не переступят порога подобных заведений, если только их не затащат туда насильно. Им не нужен бесплатный суп. Стол Весельчака несравненно лучше — ведь его снабжали из надежных мест верные подручные, которые отслеживали суда на Сене, отирались около колбасных и мясных лавок, нападали на крестьян, направлявшихся на рынок.

Сначала появление Анжелики в большом зале вызывало мертвую тишину и даже страх. Ее красота, та неспешность, с которой она проходила и садилась к столу, ни на кого не глядя, никого не приветствуя, ставили в тупик присутствующих, отличавшихся особой подозрительностью, привыкших к опасности и соблюдавших свои обычаи.

Однако очень скоро выяснилось, что у «новенькой» тоже есть свои «чудачества», как заметил старик по кличке Магистр.

Не выказывая высокомерия к окружающим людям и не пренебрегая «жратвой», которую ей предлагали, Анжелика неожиданно заинтересовалась теми, кто, по мнению большинства, не заслуживал никакого внимания до тех пор, пока не наступит пора привлечь

их к делу, — ребятишками. Это были дети в возрасте от двух до трех лет; как только малыши становились способны ходить без помощи взрослых, их посылали просить милостыню на улицы.

Рожденные во Дворе чудес, они впитали его дух и потому всегда старались вернуться с добычей, неловко сжимая в маленьких ручонках морковь, кругляши сельдерея, а те, кто постарше — кочаны капусты или салата, которые им вручали жалостливые торговки. При виде детей, ползающих на четвереньках под лотками в поисках пропитания, лавочницы говорили: «На вот, возьми на суп для твоей мамы...»

Объясняясь знаками, Анжелика попросила, чтобы ей приготовили миску с холодной и чистой водой. Воды, воды для Маркизы Ангелов!.. Еще одно из «чудаществ». Зачем ей вода?.. Чтобы мыть овощи. Нищие с восхищением следили за ее ловкими и быстрыми руками, которые, казалось, наделяют плоды земли красотой и свежестью. Руки феи... или колдуньи, думали они со смутным беспокойством. Потом она требовала еще воды, целый таз, и приказывала поставить его в очаг, где Хвастун (или другой дежурный бродяга) постоянно поддерживал огонь, гудевший под котелками и горшками, наполненными мясом, салом и колбасками.

Маркиза Ангелов следила за варкой овощей так внимательно, словно готовила магическое зелье. Иногда она с изяществом подносила ложку ко рту, пробуя отвар. Она зачаровывала собравшихся, тем более что изъяснялась только знаками. Она перестала говорить, окружив себя стеной мертвого молчания через несколько дней после появления в Нельской башне. Даже во время любовных утех Николая не слышал от нее ни единого слова. Она была здесь, и ее не было.

Давая указания с помощью жестов, Анжелика доваривала суп из принесенных ребятишками овощей, а это доказывало, что она не ушла в «другой мир», как часто случалось с сотнями и сотнями людей, порой молодых, но чаще старых, которые после пережитых несчастий превращались в пустые, безразличные ко всему создания с погибшей душой. Появляясь в большом зале, своим молчанием Анжелика тут же притягивала взгляды бродяг. Они находили ее все более и более прекрасной. Порой Маркиза Ангелов приказывала отнести котелок с бульоном в ее комнату, где она пила отвар в полном одиночестве, и по этой причине многие видели в ней ученую знахарку, наделенную загадочной властью. Но чаще всего она оставалась внизу, и, все так же не произнося ни слова, наполняла овощным бульоном миски и разносила их больным, которых замечала по углам зала. Сморщенные старушки, не привыкшие, чтобы о них заботились, не осмеливались отказываться. Этот бульон «не насыщал брюхо», нет, но он был намного вкуснее, чем суп для бедных.

Писарем у Николая служил Магистр. Весельчак, «хозяин» Нового моста, не стеснялся пользоваться услугами ученого грамотея, ведь даже Коротышке-Ролену служил такой же старикан — Паленый. Поговаривали, что у Магистра «не все в порядке с башкой». Николай платил своему «секретарю» крадеными кувшинами с вином, которыми были забиты все погреба Нельской башни. Магистр был закоренелым пьяницей. Обычно его видели сидящим за столом и что-то пишущим гусиным пером при слабом свете, падавшим сквозь бойницы. У старика постоянно тряслись руки, а рядом с ним на полу валялись кипы бумаг.

Как-то раз Анжелика сидела за общим столом в ожидании Николая и то ли слушала, то ли нет

разглагольствования Деревянного Зада, устроившегося на столе. Неожиданно Магистр встал, нетвердым шагом приблизился к ней и решительно потянул ее к двери. Так, по-прежнему ведомая властной рукой, она оказалась на улице, окруженная наступающей ночью и зимним холодом.

— Ты должна выходить отсюда, — сказал старик, глядя прямо в лицо Анжелике, — не бойся, что тебя узнают, сейчас ночь. Но тебе нужно выходить, иначе ты сойдешь с ума.

И молодая женщина поняла, что с тех пор, как оказалась в Нельской башне, она ни разу не смогла заставить себя покинуть надежное убежище, выйти за его стены и очутиться там, где ее поджидали всяческие опасности.

— Иди! — скомандовал Магистр, толкая Анжелику перед собой.

Она машинально подчинилась, и, быстро отойдя от Нельской башни, миновав развалины некогда знаменитого дворца и других домов, которые были построены и затем разрушены, весь этот хаос, ставший свидетелем многочисленных бандитских стычек, Магистр повел ее в лабиринт переулков, улиц и тупиков.

Внезапно ее обуял страх: идти ночью по Парижу с полубезумным стариком! Затем Анжеликой вновь овладела тупая покорность.

— Ну, вот мы и пришли! — удовлетворенно изрек Магистр. — Посмотри! Не правда ли, красивый дом, а сегодня вечером в нем устраивают праздник.

Анжелика вгляделась в темноту. Действительно, они оказались перед красивым особняком, в котором веселилась шумная компания, в окнах виднелись многочисленные силуэты гостей и слуг с факелами.

Пусть и не из новых, этот особняк, безусловно, был одним из самых роскошных и притягательных зданий

Парижа, отражавших последние архитектурные веяния — стремление к красоте и к избавлению от массивности, без которой нельзя было строить предназначенные для обороны старинные замки.

— Садись, — сказал старик.

Сам он уселся прямо на землю на другой стороне улицы, опершись спиной о низкую ограду.

Но Анжелика подчинилась не сразу. Он удивил ее настолько, что она почувствовала, как в ней пробуждается былое любопытство. Она решила прервать свое затянувшееся молчание и задать вопрос:

— В каком мы квартале?

Старик прыснул от смеха, выдав несколько ехидных «Хи! Хи! Хи!». Анжелика не поняла, что же так развеселило Магистра: то, что он смог заставить ее заговорить, или же нелепость вопроса.

— В каком квартале? Да оглянись вокруг... Смотри получше!

Анжелике пришлось приложить настоящее усилие, нет, не для того, чтобы открыть глаза, они и так уже были широко раскрыты, но для того, чтобы заставить себя наконец воспринимать все то, что ее окружало, для того, чтобы просто видеть — ведь на самом деле именно от этого она до сих пор отказывалась. Молодая женщина заметила, что улица освещена фонарями зажиточных домов и лунным светом, который струится сквозь облака. И у нее вырвалось удивленное восклицание.

Совсем неподалеку Анжелика смогла рассмотреть знакомый силуэт Нельской башни.

— Ха! Да! — усмехнулся Магистр. — У нас под боком расположились богачи. А под боком у богачей раскинулся самый большой парижский Двор чудес. Они еще не поняли... Они любят это местечко, мы тоже. Они — из-за аббатства Сен-Жермен-де-Пре, что неподалеку, а мы — из-за ярмарки Сен-Жермен и Нового моста. Они

строят себе красивые дома и готовят нам «поживу». Сядь, я тебе говорю. Теперь ждем.

Усевшись на землю, Анжелика съежилась около нищего старика. Постепенно она начала чувствовать холод, а также осознавать всю необычность ситуации.

— Это отель Генего^[5], — объяснил старик. — Самый прекрасный в Париже. Но зря они разрушили дворец Невер. Уж поверь мне, было время, когда я блистал там во всем великолепии. То, что происходило в его залах, стоило голубой комнаты красавицы Артемизы. Никогда не нужно разрушать дома, где блистали великие умы. Но они принадлежали к королевскому роду и потому полагали, что имеют право на все...

Анжелика мерзла, но рассказы Магистра ей были интересны, к тому же ее манили освещенные окна, за которыми угадывались движение, роскошь, жизнь другого мира.

Какая-то тень мелькнула между деревьями перед особняком. Внезапно перед сидящими появился какой-то незнакомец в черном. Скорее всего, он был духовным лицом, так как не носил парик. Мужчина подошел, устроился рядом с Магистром и заговорил с ним на вульгарной латыни. Затем он передал нищему толстую связку свернутых рулонов и бутылку вина в придачу, после чего таинственная тень, бывшая, по всей видимости, капелланом из особняка, исчезла.

— Возьми, — проворчал Магистр, вручая документы Анжелике, — да помоги мне подняться.

Наверное, капеллан доверил нищему работу переписчика.

Надо полагать, его попросил об этой услуге один из начинающих поэтов или романистов, что в поисках меценатов и покровителей часто посещают такие места, как отель Генего, — места, где собирается высшее общество и блестящие умы. Эти новички

начинали с чтения своих творений лишь в кругу внимательных друзей, а потом отваживались замахнуться на «право публикации произведения», то есть заключить соглашение с известным и жадным книготорговцем, спешащим поскорее издать и продать пользующиеся огромным спросом произведения, распространение которых «принесет солидный доход», если говорить на языке коммерсантов. Экземпляров рукописи никогда не хватало — они оставались на руках друзей; отсюда и возникала нужда в многочисленных переписчиках.

Прижимая бутылку к сердцу, Магистр взглянул на принесенную рукопись. «Надо же, какая-то бабенка написала», — открытие вызвало у нищего смех.

Он надежно спрятал бутылку под полую рваного плаща. Анжелика поздравила себя с тем, что возвращаться им недалеко, потому что холод явно усиливался. Но на обратном пути Магистр совсем стариковски засеменил. На него нашел стих, и он пустился в откровения.

— Вся моя жизнь, — объяснял он, — сломалась из-за того, что меня приняли за искателя сокровищ. А дело это крайне опасное и к тому же преследуется законом. Но отнюдь не я указал им место захоронения. Я только сказал, кто покоится в этой могиле. Ведь я всегда был знатоком истории, потому-то меня и наняли.

Он остановился посреди пустынной улицы, внимательно осматривая землю.

— Ну-ка, приклонись! — потребовал старик.

Он заставил Анжелику согнуться, обводя напыщенным жестом грязную улицу, посередине которой тускло сверкали небольшие лужи.

— Там была отверстая могила, — выкрикивал он. — О, я узнал скелет моего короля... его оружие, его копье, его шпагу, голову его любимой лошади, бронзовое ожерелье и... стой спокойно... хрустальный шар, с

помощью которого божественный государь исцелял немощных и предвидел будущее. И... и там, слушай меня внимательно, там было также триста золотых пчел... Триста!^[6] Ровным счетом.

Он на секунду замолчал, а потом мечтательным голосом продолжил удивительные воспоминания:

— Землекоп украл двух золотых пчел...

Прежде чем продолжить путь, Магистр заставил Анжелику прижаться к стене дома, как будто бы она должна была обогнуть открытую могилу, чтобы не свалиться в нее. На этот раз женщина решила, что у ее провожатого действительно не все в порядке с головой.

— А после того как я понял, что меня ждет, — продолжил старик, когда они прошли несколько шагов, — я сбежал. В том месте в Арденнах, там растут огромные, мощные деревья с раскидистой кроной. А я укрылся на самой верхушке такого дерева, где даже птицы не вьют гнезд. Они напрасно искали меня, и собаки не помогли им... Они выкололи глаза всем землекопам...

— Чтобы узнать, кто украл пчел?

— Нет! Чтобы никто не смог найти дорогу к могиле.

Они уже подошли к Нельской башне, и Анжелика испытала облегчение, услышав приветствия часовых из своей банды.

— Ну, что ты думаешь о моей истории? — требовательно спросил Магистр.

— Я считаю, что это довольно страшная история, — ответила Маркиза Ангелов, хотя она и предпочла бы промолчать.

Но вдруг ей захотелось разговаривать.

— Все истории о жизни достаточно страшные, — сказал он.

Николя метался по залу, как хищник в клетке.

— Куда ты ее потащил?

— Мы были в двух шагах! Но я поводил ее по улицам, чтобы посмотреть, не собирается ли она удрать... Нет, она не воспользовалась предоставленной возможностью. Можешь быть спокоен, Весельчак. Она не сбежит. А если ты боялся, что она стала немой, ха! Что ж! Не волнуйся!.. Она умеет задавать вопросы, когда ее в самом деле что-то интересует. Для женщины это хороший знак. И не забудь, я — ученый профессор, который всегда испытывает жажду.

— Ты заслужил большую бутылку вина, — пообещал хозяин Нельской башни.

Анжелика испытывала небывалое облегчение: она больше не боялась покидать стены башни.

Все последующие дни Маркиза Ангелов исследовала подземный Париж в обществе Легкой Ноги, Баркароля или Деревянного Зада; постепенно она ознакомилась с системой грязных подвалов и тайных убежищ, тщательно спланированной ее бывшим товарищем по детским играм.

— А ты хитрее, чем я думала, — как-то вечером сообщила она Николаю. — У тебя в голове есть несколько неплохих идей.

И она коснулась рукой его лба.

Подобный жест был столь необычен для Анжелики, что бандит был просто потрясен. Николай усадил Маркизу к себе на колени.

— Тебя это поражает?.. Ты не могла поверить в сообразительность такого увальня, как я? Но я никогда не был деревенским увальнем, я просто не желал им быть...

И он презрительно сплюнул на каменный пол.

Они сидели у очага в большом зале Нельской башни. Анжелика устроилась на жестких коленях Весельчака. В

этом громиле не было ни унции лишнего жира. Мальчишка, некогда лазавший по деревьям с проворством белки, превратился в настоящего силача, мощного и мускулистого. Лишь широкие плечи выдавали бывшего крестьянина. Но Николая сумел отряхнуть деревенскую пыль со своих башмаков. Он стал настоящим городским хищником, гибким и стремительным.

Когда его руки смыкались на талии Анжелики, женщине казалось, что ее сжимает железный обруч, который никому не под силу разломать. В зависимости от настроения она то негодовала, то по-кошачьи терлась щекой о колючую щеку Николая. Ей нравилось наблюдать, как его глаза загораются восторгом, и тогда она лишней раз убеждалась в том, что ее власть над Николаем безгранична. Весельчак никогда не появлялся перед ней в гриме. Видя знакомые черты Николая из Монтелу, Анжелика становилась мягче и не вспоминала об империи нового Николая, а когда тот нашептывал ей ласковые слова на языке их детства, те слова, что дарят пастушкам в душистых стогах сена, гнусное окружение отступало, становилось размытым, нечетким. Лекарство, снадобье, врачующее слишком глубокие раны.

Гордость, которую испытывал этот мужчина лишь от одной мысли, что отныне Анжелика принадлежит ему безраздельно, была ей оскорбительна, но в то же время производила сильное впечатление.

— Ты была дочерью барона... Запретный плод, — любил повторять Николай, — но я говорил себе: «Я ее заполучу»... Я знал, что однажды ты придешь... И теперь ты моя!

Анжелике хотелось поставить его на место, но она понимала — это не поможет. Невозможно бояться человека, которого знаешь с раннего детства: детские привязанности всегда слишком сильны. Их взаимная

симпатия родилась не сегодня, у нее была долгая история.

— Знаешь, о чем я думал? — разглагольствовал Николая. — Все эти идеи, что появились у меня в Париже, благодаря которым мне удалось добиться успеха, — они крепко связаны с нашими детскими приключениями и с нашими экспедициями. Мы всегда их заранее тщательно готовили, ты помнишь? И вот, когда я начал налаживать мою... работу, порой я говорил себе...

Он прервался, чтобы лучше сформулировать свою мысль, провел языком по губам. Мальчишка по кличке Флипо^[7], сидевший на корточках у ног Николая, протянул ему кубок вина.

— Обойдусь, — буркнул Весельчак, отклоняя кубок, — не мешай нам беседовать. Ты понимаешь, — продолжил он, — иногда я говорил себе: «А как бы поступила Анжелика? В ее головку обычно приходили отличные идеи». И это мне помогало... Почему ты смеешься?

— Я не смеюсь, я улыбаюсь. Просто я вспомнила нашу последнюю экспедицию, а ее трудно назвать удачной. Тогда мы отправились в Америку и потерпели полную неудачу в Ньельском аббатстве...

— Что правда, то правда! Это была порядочная глупость. Мне не стоило тогда тебя слушаться...

Он снова задумался.

— В то время твои идеи уже не были блестящими. И все потому, что ты выросла, превращалась в женщину. А женщины не могут похвастаться наличием здравого смысла... Но это уже другой разговор, — закончил Николая, весело рассмеявшись.

Несколько секунд Весельчак краешком глаза наблюдал за подругой, прежде чем осмелиться на ласку. Он никогда не знал, как отреагирует Анжелика на очередное проявление его любви. И в этом

заклучалась ее сила. Порой за поцелуй она могла вцепиться ему в лицо, как разъяренная кошка, угрожая спрыгнуть с башни и ругаясь, словно базарная торговка, чей лексикон она быстро освоила.

Она доказала, что может дуться часами. Ледяное молчание производило неизгладимое впечатление даже на Баркароля и заставляло заикаться Красавчика. В такие минуты Весельчак созывал своих обескураженных соратников и расспрашивал их о причинах дурного настроения возлюбленной.

Иногда, напротив, Анжелика становилась тихой, улыбочивой, почти нежной. И тогда Николая узнавал ее. Это она!.. Его вечная мечта! Малышка Анжелика с босыми ногами, в старом платье, с веточками в волосах, бегущая лесными тропинками.

Порой она ни на что не реагировала, как будто отсутствовала. Во всем покорно подчинялась Николаю, но выглядела столь безразличной, что он отступал обеспокоенный, почти испуганный.

Действительно, странная она, эта Маркиза Ангелов!..

На самом деле в ее поведении не было расчета. Но нервы были расшатаны настолько, что Анжелика то погружалась в бездну отчаяния и ужаса, то впадала в какой-то ступор, делавший ее почти счастливой. Женский инстинкт подсказал ей единственное средство защиты. Совсем как в детстве, когда Анжелика покорила пастушка Мерло, она смогла укротить бандита, в которого он превратился. Она избежала участи стать его рабыней или его жертвой. Она подчинила его как лаской и покорностью, так и грубыми отказами. И страсть Николая с каждым днем становилась все более неистовой.

Этот опасный человек с руками, обагренными кровью, совершивший не одно преступление, начинал

дрожать при мысли, что может прогневить свою подругу.

В тот вечер, видя, что Маркиза Ангелов не сердится, бандит стал с гордостью ласкать ее. Она же покорно прильнула к его плечу. Анжелика не обращала никакого внимания на жуткие, ухмыляющиеся рожи, что их окружали. Она позволила любовнику приспустить корсаж ее платья, жадно целовать губы.

Ее изумрудные глаза поблескивали сквозь ресницы вызывающе и дерзко. Казалось, Анжелика смакует всю мерзость своего падения, с удовольствием выставляет напоказ ту гордость, что она испытывает, ощущая себя «вещью» столь опасного хозяина.

Такое поведение Маркизы Ангелов заставляло Польку рычать от ярости.

Бывшая «законная» любовница Николя не желала мириться со своей внезапной «отставкой», тем более что Весельчак, отличавшийся жестокостью настоящих тиранов, превратил женщину в служанку Анжелики. Не кто иной, как брошенная возлюбленная, должна была подавать своей счастливой сопернице горячую воду для умывания — обычай столь удивительный для мира нищих, что о нем постоянно судачили повсюду, вплоть до пригорода Сен-Дени. От злости Полька всякий раз опрокидывала часть кипящей воды себе на ноги. Но власть бывшего крестьянина над своими людьми была столь велика, что бедняжка не осмеливалась перечить той, кто завладела сердцем неверного любовника.

Анжелика с одинаковым равнодушием принимала и услуги, и ненавидящие взгляды пышнотелой брюнетки. Когда-то Полька была маркитанткой, солдатской девкой, сопровождавшей армейские полки на войне. Не каждый швейцарский наемник-ветеран мог похвастаться таким обилием воспоминаний о войнах, как эта женщина. Полька со знанием дела рассуждала о пушках, аркебузах и пиках, ведь она «обслуживала»

солдат из всех родов войск. Она хвасталась, что не раз крутила любовь и с офицерами, исключительно ради их прекрасных глаз и великолепных усов, потому что карманы этих милых господ бывали пустыми чаще, чем карманы храбрых солдат-мародеров. Однажды целую кампанию она сопровождала полк поляков, откуда и пошло ее прозвище.

На поясе Полька носила нож, который доставала по любому поводу и с которым, по словам очевидцев, управлялась с отменной ловкостью.

Частенько вечером, осушив до дна кувшин с вином, она с воодушевлением принималась разглагольствовать о грабежах и пожарах.

— Ах! Война — прекрасное время! Я говорила солдатам: «Целуйте меня, храбрые воины. А я поубиваю всех ваших вшей!»

И она начинала распевать разудалые казарменные песни, обнимать бывших солдат.

Случалось, что ее пинками выгоняли вон. Тогда «маркиза Полька», невзирая на дождь и зимний ветер, бежала на берег Сены и протягивала руки к невидимому в ночи Лувру.

— Эй! Величество! Эй! Королишко! — вопила она. — Когда ты дашь нам войну?.. Добрую войну! Что ты там делаешь в своем домишке, ни на что не годный правитель? На кой черт мне сдался король без сражений? Король без побед?..

Протрезвев, Полька забывала свои воинственные речи и думала лишь о том, как бы вновь завоевать Весельчака. Она прикладывала для этого все усилия, не гнушаясь ничем и проявляя неистовый темперамент. Она утверждала, что Весельчаку скоро наскучит эта девица, которая никогда не смеется и чьи глаза порой глядят на вас, но не видят. Конечно, они «земляки», а это связывает, но она-то хорошо знает Весельчака. Ему этого будет мало. И, черт побери, она, Полька, думает,

что можно было бы его и поделить. В конце концов, две женщины на одного мужчину, это не так уж и много. Вон, у Великого Кесаря их целых шесть!..

И разыгралась неизбежная драма. Она была короткой, но бурной.

Как-то вечером Анжелика отправилась навестить Деревянного Зада в его норе, расположенной рядом с мостом Сен-Мишель. Она принесла ему колбаску из свиной требухи. Деревянный Зад был единственным членом банды, к которому Анжелика проявляла уважение.

Маркиза Ангелов выказывала нищему знаки внимания, которые тот принимал как должное с видом злобного бульдога.

В тот вечер, обнюхав колбаску, калека взглянул на Анжелику и сказал:

— И куда ты сейчас направляешься?

— В Нельскую башню.

— Не ходи туда. Иди к трактирщику Рамезу, что у Нового моста. Весельчак там со своими дружками и Полькой.

Деревянный Зад подождал минутку, как будто бы для того, чтобы она осмыслила сказанное, а затем настойчиво спросил:

— Поняла, что должна сделать?

— Нет.

Анжелика опустилась перед ним на колени, как делала обычно, чтобы оказаться на одном уровне с калекой. Пол и стены его логова были глинобитными. Никакой мебели — лишь сундук, обтянутый дубленой кожей, в котором Деревянный Зад хранил свои четыре куртки и три шляпы. Этот огрызок человека всегда тщательно следил за своей внешностью.

Его убежище освещалось ворованной старой церковной лампадой, прикрепленной к стене:

изысканное ювелирное изделие из позолоченного серебра.

— Войдешь в трактир, — наставлял Деревянный Зад с видом ученого профессора, — и когда увидишь Весельчака с Полькой, возьми первое, что попадется тебе под руку: горшок, бутылку, и треснешь его по черепушке.

— Кого?

— Весельчака, черт подери! В этих случаях с девушкой не связываются.

— У меня есть нож, — заявила Анжелика.

— Брось, ты все равно не умеешь им пользоваться... И потом, чтобы преподать урок бандиту, который обманывает свою маркизу, лучше всего подходит удар по голове, уж поверь мне!

— Да мне наплевать, что этот мужлан мне изменяет, — произнесла Анжелика с высокомерной улыбкой.

Глаза Деревянного Зада вспыхнули из-под густых бровей. Он очень медленно проговорил:

— Ты не имеешь права. Я скажу больше: у тебя нет выбора. Весельчак среди наших — важная шишка. Он тебя выиграл. Он получил тебя. И отныне ты не имеешь права им пренебрегать. И ты не имеешь права позволять, чтобы пренебрегали тобой. Это твой мужчина.

Анжелика содрогнулась, испытывая одновременно гнев и тайное наслаждение. Ее горло сжалось.

— Я не хочу, — сдавленно прошептала она.

Безногий горько расхохотался.

— Я тоже не хотел, чтобы ядро под Нёрдлингеном^[8] оторвало мне обе ноги. Но оно почему-то не поинтересовалось моим мнением. Мы не можем изменить такого рода вещи. Мы можем лишь приспособиться к ним. Вот и все... Надо учиться передвигаться на деревянной тележке...

Огонь лампы подчеркивал рубцы на крупном лице Деревянного Зада. Анжелика подумала, что он похож на огромный трюфель — гриб, растущий в темной и сырой земле.

— Так что учись жить среди всяческого отребья, — продолжил он низким и настойчивым голосом. — Делай, как я тебе говорю. Или ты умрешь.

Женщина надменным жестом откинула назад длинные волосы.

— Я не боюсь смерти.

— А я и не говорю о смерти физической, — сказал калека. — Я совсем о другой смерти, о той, что много хуже: о смерти души, о потере самого себя...

Внезапно он разозлился.

— Ты заставляешь меня болтать всякую чепуху! Я пытаюсь объяснить тебе самые простые вещи, черт возьми! Ты не имеешь права позволить какой-то Польке раздавить себя! Ты не имеешь права... Тебе нельзя. Поняла?

И он взглянул прямо в глаза Анжелике. Его взгляд был полон огня.

— Давай, поднимайся и вперед! Ну-ка, дай мне бутылку и стакан, они вон там, в углу.

Налив полный стакан водки, калека скомандовал:

— Выпей это залпом и иди... И не бойся, бей сильнее. Я отлично знаю Весельчака. У него крепкий череп!..

Войдя в трактир Рамеза Овернца, Анжелика остановилась на пороге. Внутри помещения, как и снаружи, стоял густой туман. В печи почти не было тяги, и комната наполнилась дымом. Несколько работяг сидели, опершись локтями на хромые столики, и молча пили.

В глубине зала, у очага, Анжелика заметила четверых солдат, составлявших обычную охрану Весельчака: Пиона, Гобера, Рике и Шоссе, рядом на

столе примостился Баркароль. Еще ближе к очагу сидели Хвастун, Осторожный, Толстосум, Крысобой и, наконец, сам Николая, державший на коленях непристойно развалившуюся и полураздетую Польку с обнаженной грудью, горланившую застольные песни.

Это был тот Николая, которого она ненавидела, Весельчак с лицом, скрытым под безобразным гримом.

Вся эта сцена, а еще и водка, которую ее заставил выпить Деревянный Зад, пробудили в Анжелике боевой задор. Она подхватила с одного из столов тяжелый оловянный кувшин и двинулась напрямиком к развеселой компании. Все присутствующие были слишком пьяны, чтобы заметить и узнать ее. Подойдя к Весельчаку со спины, она собрала все свои силы и ударила почти вслепую.

Баркароль издал нечленораздельный крик: «Ух!» Николая Весельчак покачнулся и стал падать головой в угли очага, увлекая за собой вопящую Польку.

Поднялся страшный гвалт. Случайные посетители трактира кинулись на улицу. Было слышно, как кричат: «Караул! Убивают!» «Рыцари удачи» выхватили свои шпаги, а Хвастун, придавленный тяжестью Николая, пытался оттащить его от очага.

У Польки вспыхнули волосы. Баркароль пробежал по столу, на котором до этого сидел, схватил кувшин воды и вылил его содержимое на голову женщине.

Вдруг раздался тревожный крик:

— Братья, уносим ноги! Здесь враги, стража...

Снаружи слышались шаги. На пороге с пистолетом в руке появился полицейский сержант из Шатле и закричал:

— Всем ни с места, бродяги!

Но из-за густого дыма и почти кромешной темноты, царившей в комнате, он потерял несколько драгоценных секунд.

Схватив тело своего бесчувственного главаря, бандиты потащили Николая к кладовке и сбежали через черный ход.

— Пошевеливайся, Маркиза Ангелов! — заорал Толстосум.

Перепрыгнув через опрокинутую скамью, Анжелика попыталась присоединиться к убегающим, но ее перехватила чья-то сильная рука. Раздался голос:

— Я поймал девку, сержант!

Неожиданно Анжелика увидела, как перед ней выросла Польша. Нищенка занесла свой кинжал.

«Сейчас я умру», — в смятении подумала Маркиза Ангелов. Лезвие ножа сверкнуло, рассекая тьму. Стражник, державший Анжелику, согнулся пополам и с хрипом рухнул на пол.

Польша толкнула стол под ноги подбежавших полицейских, потянула соперницу к окну, и они обе выпрыгнули на улицу. Вслед громыхнул выстрел.

Через несколько секунд женщины догнали своих около Нового моста. Там они остановились, чтобы отдышаться.

— У-уф! — вздохнул Пион, вытирая рукавом потный лоб. — Не думаю, что они станут преследовать нас здесь. Но чертов Весельчак, он из свинца отлит, право слово!

— Никто не попался? Ты здесь, Баркароль?

— Я всегда здесь. Польша объяснила:

— Они сцапали Маркизу Ангелов. Но я пырнула полицейского ножом, прямо в живот. За такое прощения нет.

И она гордо продемонстрировала кинжал, испачканный кровью.

Отряд вновь двинулся к Нельской башне, по дороге увеличиваясь за счет дружков, слонявшихся в этот поздний час в своих излюбленных уголках. Новость передавалась из уст в уста.

— Весельчак! Знаменитый Сорвиголова! Ранен!..

Толстосум объяснял:

— Это Маркиза Ангелов саданула его, потому что он приударил за Полькой...

— Все по закону! — слышались голоса.

Один из бандитов предложил:

— Я схожу за Большим Матье. — И убежал.

В Нельской башне Весельчака положили на стол в большом зале.

Анжелика подошла к любовнику, сорвала с него маску и внимательно осмотрела рану. Глядя на неподвижного окровавленного Николая, она почувствовала замешательство; ей казалось, что она ударила не так сильно, и парик должен был бы его защитить. Но основание кувшина соскользнуло и задело висок. Кроме того, падая, Весельчак обжег лоб.

Она приказала:

— Пускай поставят подогреть воду.

Несколько мальчишек, толкаясь, бросились исполнять распоряжение Анжелики. Все знали: Маркиза Ангелов помешана на горячей воде, а сейчас неподходящий момент, чтобы ей перечить. Она как следует врезала Весельчаку, в то время как Полька никогда не осмеливалась привести свои угрозы в исполнение. Анжелика никому не стала жаловаться, а действовала сама, когда следовало... Все по закону. Маркизой Ангелов восхищались, и никто не беспокоился за Весельчака, потому что все знали, что башка у него крепкая.

Внезапно снаружи раздалась бравурная музыка. Открылась дверь, и на пороге появился Большой Матье — врач, зубодер и шарлатан с Нового моста.

Даже в столь поздний час он не преминул нацепить свой знаменитый плоеный воротник, натянуть ожерелье из коренных зубов и прихватить своих музыкантов с кимвалами^[9] и трубой.

Большой Матье, как и все ловкие обманщики, пользовался уважением и в среде нищих, и в прихожей принцев. Перед клещами зубодера все люди равны. Боль делает наивным и слабым как самого высокомерного вельможу, так и отважного разбойника. Спасительные болеутоляющие, чудодейственные эликсиры, волшебные примочки, которые готовил Большой Матье, делали его незаменимым. Именно в его честь Грязный Поэт сложил песню, которую распевали на каждом углу бродячие музыканты:

...он тайную постиг причину
болезней, хворей и кручины
и тем же средством, что коней,
легко излечивал людей...

Он врачевал девиц и мошенников, чтобы снискать их благодарность и потому, что был добряком от природы, а знать и богачей — из тщеславия и корыстолюбия. Большой Матье мог бы сделать головокружительную карьеру в салонах знатных дам, которых он фамильярно похлопывал по плечу; он лечил то аристократок, то проституток, то деревенских баб. Но, постранствовав по Европе, лекарь решил закончить свои деньки рядом с Новым мостом, и никто не мог его оттуда прогнать.

Большой Матье с явным удовлетворением оглядел по-прежнему неподвижного Николая.

— Вот кровящи-то. Это ты его так отделала? — поинтересовался он у Анжелики.

Прежде чем Маркиза Ангелов успела ответить, Матье схватил ее челюсть уверенной рукой и принялся осматривать рот.

— Ни одного гнилого зуба, который можно было бы вырвать, — разочарованно заявил он. — Давай-ка посмотрим ниже. Ты беременна?

Здоровяк принялся столь энергично мять живот Анжелики, что она вскрикнула.

— Нет. Сундучок-то пустой. Посмотрим еще ниже...

Анжелика отскочила, как ошпаренная, чтобы избежать дальнейшего осмотра.

— Эй вы, мешок с пилюлями! — закричала она в бешенстве. — Вас сюда не для того позвали, чтобы меня ощупывать, а чтобы помочь человеку...

— Хо! Хо! Маркиза! — захохотал Большой Матье. — Хо! Хо! Хо! Хо! Хо!..

Эти странные «Хо-хо!» становились все громче и громче, казалось, что от смеха здорового мужчины, державшегося обеими руками за живот, обрушится потолок. Этот румяный гигант всегда наряжался в атласные сюртуки кричащих оранжевых или голубых тонов. Он носил парик, поверх которого водружал шляпу с пышными перьями. Когда Большой Матье появлялся среди нищих в серых лохмотьях, с отвратительными ранами, он сверкал, как солнце.

Пока здоровенный детина хохотал, Николая Весельчак пришел в себя. Усевшись на столе, главарь бандитов скорчил угрожающую рожу, чтобы скрыть свое смущение. В сторону Анжелики он не осмеливался даже взглянуть.

— Ну и что вы все тут ржете, стадо придурков? — загремел его голос. — Хвастун, болван! Опять у тебя мясо подгорело? Здесь воняет горелой свининой!

— Ба! Весельчак, так ведь жареная свинья — это ты! — Большой Матье, пунцовый от смеха, вытирал клетчатый платком выступившие слезы. — И Полька

тоже! Вы только посмотрите! Да у нее половина спины прожарилась! Хо! Хо! Хо!..

И он вновь принялся хохотать все громче и громче.

В ту ночь в обители нищих, в Нельской башне, прямо напротив Лувра, еще долго царило шумное веселье.

Вскоре Анжелика нанесла ответный визит Большому Матье.

Он внушал женщине доверие. Она чувствовала, что под маской шута и балагура скрывается настоящий целитель. Маркиза Ангелов была убеждена, что найдет в его аптеке некоторые снадобья Мелюзины.

Ведь от одной мысли, что она может забеременеть от Николя, Анжелика испытывала дурноту.

Глава 2

Посмотри-ка туда! — сказал Пион Анжелике. — Видишь парня, который закутался в плащ, так что одни усы торчат, и натянул шляпу на глаза? Ходит туда-сюда по берегу... Заметила? Так вот, это сыч.

— Сыч?

— Ну, ищейка, если хочешь. Полицейский, вот это кто.

— Откуда ты знаешь?

— Я не знаю, я это чувствую.

И «рыцарь удачи» сморщил свой здоровенный шишковатый нос, за малиновый цвет которого пьянчуга и получил кличку Пион.

Анжелика стояла, облокотившись о перила горбатого мостика, перекинутого через ров у ворот Нельской башни. Бледное солнце рассеивало туман, который уже несколько дней окутывал город. Противоположный берег, берег Лувра, еще оставался невидимым, но в воздухе разлилось тепло, свидетельствовавшее о том, что зима уходит. Оборванные ребятишки удили рыбу во рву, а в реке лакей купал двух лошадей, предварительно в досталь напоив их.

Человек, на которого Пион указал концом мундштука своей курительной трубки, казался безобидным прохожим: небогатый горожанин, вышедший прогуляться перед ужином на берег Сены. Он смотрел, как лакей обтирает коней пучком соломы, и время от времени поднимал голову к Нельской башне, как будто бы его интересовал этот полуразрушенный памятник былой эпохи.

— Ты знаешь, кого он ищет? — вернулся к разговору Пион, пуская Анжелике в лицо клубы табачного дыма.

Она немного отодвинулась.

— Нет.

— Тебя.

— Меня?

— Да, тебя, Маркизу Ангелов.

На губах Анжелики появилась легкая улыбка.

— А ты наделен богатым воображением.

— Я... чего?

— Ничего. Я хочу сказать, что ты все выдумал. Никто меня не ищет. Никто обо мне не думает. Я больше не существую.

— Возможно. Но сию минуту вот уж кого точно не существует, так это стражника по имени Мартен... Не забыла, как у Рамеза Овернца Толстосум крикнул тебе: «Пошевеливайся, Маркиза Ангелов!»? Они это хорошенько запомнили, а когда увидели стражника со вспоротым брюхом... «Маркиза Ангелов» — вот та девка, что его уколошила. И теперь тебя ищут. Я знаю это, потому что мы, старые солдаты, порой встречаемся, чтобы пропустить по рюмочке с боевыми товарищами, которые служат в Шатле. Так мы кое-что узнаем.

— Ба! — раздался позади них голос Весельчака. — Было бы из-за чего беспокоиться! Если понадобится, так парень, что там шляется, быстро полетит вверх тормашками в Сену. Что они могут против нас? Их с трудом наберется сотня, в то время как нас...

И он гордым жестом обвел рукой весь город. Сверху по течению Сены, со стороны Нового моста, слышался шум и доносились выкрики промышлявших там шарлатанов.

На мост въехала карета. Люди расступились, чтобы пропустить экипаж; но на выезде с моста лошади заартачились, потому что им под копыта бросился нищий. Это был Черный Хлеб, один из приспешников Весельчака — седобородый старик, с головы до ног

увешанный четками и бусами из раковин морского гребешка.

— Смилуйтесь! — причитал пройдоха. — Пожалейте бедного пилигрима, который направляется в Сантьяго-де-Компостела, чтобы исполнить обет! Мне не на что продолжить путь. Подайте несколько су, и я помолюсь за вас на могиле святого Иакова.

Кучер с размаху хлестнул попрошайку хлыстом.

— Поди прочь, чертов мошенник!

Из-за занавески выглянула дама. На ее шее распахнулась накидка и сверкнули роскошные драгоценности.

— Что происходит, Лоррен? Гоните лошадей. Я хочу быть в аббатстве Сен-Жермен-де-Пре к вечерней службе.

Николя сделал несколько шагов вперед и взялся за ручку дверцы кареты.

— Набожная госпожа, — усмехнулся он, снимая дырявую шляпу, — вы торопитесь на богослужение и отказываете в монетке бедному паломнику, который идет молиться Богу в такую даль, в Испанию?

Дама рассмотрела с головы до ног мужчину, внезапно появившегося в наступающих сумерках. Ее цепкий взгляд отметил не только чернобородое лицо, но и всю фигуру нападавшего, чей дырявый плащ с широкими рукавами предоставлял возможность полюбоваться бицепсами борца, а пояс украшал мясницкий нож. Открыв огромный рот, она завопила:

— На помощь! Убива...

Пион уже приставил кончик шпаги к животу кучера. Черный Хлеб и Флипо, один из мальчишек, рыбачивших во рву, придерживали лошадей. Тут же подоспел Осторожный, а Весельчак запрыгнул внутрь кареты и рукой грубо заткнул даме рот.

Он крикнул Анжелике:

— Косынку! Давай сюда косынку!

Анжелика, сама не зная как, очутилась в карете, в аромате ирисовой пудры, на сиденье рядом с великолепной юбкой, украшенной золотой тесьмой.

Весельчак сорвал с подруги шейный платок и затолкал его даме в глотку.

— Поторапливайся, Осторожный! Сними-ка с нее кольца! Забери деньги!

Дама энергично отбивалась. Осторожный с превеликим трудом снял с нее маленькую золотую цепочку, но никак не мог справиться с замочком на прекрасном золотом колье с множеством крупных бриллиантов — «ошейником», как называли его вору.

— Маркиза Ангелов, да помоги же ты мне! — простонал грабитель. — Просто запутался со всеми этими замочками.

— Торопись, давай скорее! — ругался Весельчак. — Она выскользывает у меня из рук. Угорь какой-то!

Руки Анжелики нащупали застежку. Все оказалось очень просто. Когда-то она сама носила подобные драгоценности.

— А ну-ка, стегни кучера! — насмешливо крикнул Пион.

Со страшным грохотом карета понеслась к предместью Сен-Жермен. Кучер, счастливый, что отделался легким испугом, нахлестывал коней. Через некоторое время, избавившись от кляпа, ограбленная дама вновь закричала.

В руках Анжелики было полно золота.

— Принесите свечу, — крикнул Весельчак.

В зале Нельской башни все бандиты собрались вокруг стола посмотреть, как сверкают драгоценности, разложенные Маркизой Ангелов.

— Отличное дельце!

— Черный Хлеб получит свою долю. Ведь это он все затеял.

— А все же рискованно, — вздыхал Осторожный. — На улице было еще светло.

— Такой случай не стоит упускать, когда ты это запомнишь, неповоротливый болван, олух! Ха! А еще говорят, что ты ловкач. Если бы маркиза тебе не помогла...

Николя посмотрел на Анжелику, на его губах играла странная торжествующая улыбка.

— И ты тоже получишь свою долю, — проговорил он.

И кинул женщине золотую цепочку. Анжелика в ужасе оттолкнула драгоценность.

— А все же, — завел свою шарманку Осторожный, — это было рискованно. И сыч в двух шагах, это неразумно.

— Стоял туман. Он не мог ничего увидеть, а если бы что услышал, то должен был еще добежать. А потом, что он мог сделать?

Есть только один человек, которого я боюсь. Но его что-то давно не видать. Надеюсь, прирезали где-нибудь в темном уголке. Хотя обидно, я бы хотел собственными руками спустить с него шкуру, с него и с его чертовой собаки.

— Ух! Собака! Собака! — Осторожный вытаращил глаза. — Она ухватила меня вот здесь...

И он поднес руку к горлу.

— Человек с собакой, — прошептал Весельчак, прикрывая глаза. — Кажется, однажды я видел тебя с ним у Малого моста. Ты его знаешь?..

Он подошел к Анжелике и задумчиво взглянул на нее, а затем снова улыбнулся зловещей улыбкой.

— Ты его знаешь! — повторил Николя. — И это хорошо. Ведь ты нам поможешь его схватить, теперь, когда ты стала одной из нас?

— Он уехал из Парижа. Он больше не вернется, я это знаю, — произнесла Анжелика бесстрастным голосом.

— Ха! Как бы не так, он вернется.

Весельчак покачал головой, и присутствующие повторили его жест. Пион мрачно пророкотал:

— Человек с собакой всегда возвращается.

— Ты нам поможешь, да? — настаивал Николая.

Он взял со стола золотую цепочку.

— Возьми ее, моя красавица. Ты ее заслужила.

— Нет!

— Почему?

— Я не люблю золото, — сказала Анжелика, внезапно содрогнувшись. — От одного его вида мне становится страшно.

И она вышла, не в силах долее выносить это дьявольское окружение.

Полицейский исчез. Анжелика брела вдоль берега реки. В сером тумане расцветали желтые венчики фонарей, прикрепленных к носам лодок. Маркиза Ангелов услышала, как какой-то лодочник настроил гитару и запел. Она пошла дальше, к окраине предместья, откуда тянуло запахом деревни. Когда она остановилась, ночь и туман поглотили все звуки. Было слышно только, как где-то внизу, в камышах, плещется вода, разбиваясь о борта привязанных лодок.

Как ребенок, испугавшийся окружающего безмолвия, Анжелика вполголоса позвала:

— Дегре!

Ей показалось, что она слышит тихий голос, отражающийся в ночи и в воде: «Когда в Париже наступает вечер, мы отправляемся на охоту. Мы спускаемся к набережной Сены, бродим под мостами и между свай, шатаемся по пригороду и у старых крепостных стен, погружаемся на самое дно Парижа, кишашее нищими и бандитами».

Человек с собакой вернется... Человек с собакой всегда возвращается...

«А теперь, господа, настал час услышать великий голос, голос, который, возвышаясь над морем человеческой низости, всегда стремится лишь к одному: направить своих верных слуг на путь истины».

Человек с собакой вернется... Человек с собакой всегда возвращается...

Анжелика обхватила себя руками за плечи и сжала их, чтобы сдержать крик, рвущийся из груди.

— Дегре! — повторила она.

Но ответом ей была тишина, тишина столь же глубокая, как то снежное безмолвие, в котором ее оставил когда-то Дегре.

Еще несколько шагов к реке, и ступни погрузились в ил. Потом вода поднялась до лодыжек. Анжелика чувствовала, что леденеет... Баркароль сказал бы: «Бедная Маркиза Ангелов! Должно быть, ей не очень понравилось умирать в холодной воде, ведь она так любила горячую!»

Вот в камышах закопошился какой-то зверек, скорее всего, крыса. Комок мокрой шерсти задел икры Анжелики, которая вскрикнула от отвращения и поспешно выскочила обратно на берег. Но лапки с коготками упорно цеплялись за ее юбку. Крыса стала карабкаться вверх по платью. Маркиза Ангелов попыталась стряхнуть с себя противную тварь, но зверек пронзительно заверещал. Вдруг Анжелика почувствовала, что вокруг ее шеи обвиваются две крошечные ледяные лапки. От неожиданности она закричала:

— Что это? Это не крыса!..

Мимо нее по отмели проходили два лодочника с фонарем, и Анжелика попросила:

— Эй, там! Перевозчики! Посветите-ка мне!

Мужчины остановились, с недоверием оглядывая ее.

— Красивая девка! — сказал один.

— Не трогай ее, — вступил в разговор второй, — это подружка Весельчака. Стой спокойно, если не хочешь, чтобы тебя прирезали, как свинью. Он ее так ревнует! Настоящий турок!

— Ой! Да это обезьянка! — воскликнула Анжелика, которой наконец удалось разглядеть, что за зверек взобрался ей на руки.

Обезьянка все еще сжимала свои длинные хрупкие лапки вокруг шеи Анжелики, а ее черные испуганные глазки смотрели на молодую женщину почти по-человечески. Она дрожала всем тельцем, хотя на ней были надеты короткие штанишки из красного шелка.

— Она ваша или, быть может, кого-нибудь из ваших друзей?

Лодочники отрицательно покачали головами.

— Точно нет. Скорее всего, ее хозяин — один из фокусников с ярмарки Сен-Жермен.

— Я нашла ее там, у реки.

Один из лодочников посветил фонарем в сторону, куда показала Анжелика.

— Там кто-то есть, — сказал он.

Они подошли поближе и обнаружили человека, который, казалось, спал.

— Эй, дружище! Сейчас слишком прохладно, чтобы тут дрыхнуть!

Но лежавший не пошевелился. Тогда лодочники перевернули тело и закричали от ужаса: лицо незнакомца закрывала маска из красного бархата. Длинная белоснежная борода разметалась по его груди. Коническая шляпа, отделанная красными перекрещивающимися лентами, расшитая сума, бархатные штаны, крепившиеся к ногам все такими же грязными и потрепанными лентами, могли принадлежать лишь итальянскому фокуснику,

показывающему зверей. Такие приходили из Пьемонта, двигаясь от ярмарки к ярмарке.

Человек был мертв. В его открытый рот уже набилась тина.

Обезьянка, по-прежнему вцепившаяся в Анжелику, жалобно кричала.

Молодая женщина наклонилась и сняла красную маску, скрывавшую лицо изможденного старика. Смерть исказила его черты; глаза остекленели.

— Нам остается лишь столкнуть тело в реку, — сказал один из лодочников.

Но другой, набожно перекрестившись, предложил сходить за священником в аббатство Сен-Жермен-де-Пре и похоронить несчастного иностранца похристиански.

Анжелика бесшумно покинула мужчин и направилась обратно к Нельской башне, прижимая к груди маленькую обезьянку.

Покачав головой, она вдруг припомнила сцену, на которую когда-то не обратила никакого внимания. Дело было в таверне «Три молотка». Именно там она в первый раз увидела обезьянку, которая веселила посетителей, изображая, как те пьют и едят. Гонтран тогда еще сказал, показывая сестре на старого итальянца:

— Взгляни, какое роскошное сочетание: красная маска и белая как снег борода!

Анжелика вспомнила, что хозяин называл забавную зверушку Пикколо^[10].

— Пикколо!

Обезьяна печально вскрикнула и прижалась к женщине. Только тогда Анжелика заметила, что продолжает сжимать в руке красную маску.

Глава 3

Март 1661

Глубокая ночь, Венсеннский замок. Женская рука ложится на плечо спящего короля, рука мадам Амелен, которая когда-то была его кормилицей и которая сохранила исключительное право приходить по утрам и будить монарха, прежде чем он предстанет перед придворными.

Сейчас до рассвета еще далеко, но так они условились заранее.

Эта рука на плече означает:

— Вставайте, Ваше Величество! Свершилось... Кардинал только что скончался.

И он встает, стараясь не разбудить королеву, свою супругу, которая спит рядом. Его одевают; торопливо, очень просто, в полной тишине.

Он идет по коридорам, в которых зарождается шум первых сдавленных рыданий. Он идет к своему окончательному одиночеству.

Все расступаются перед ним.

Вчера кардинал дал ему последние наставления: «Никакого премьер-министра, Ваше Величество. Никаких фаворитов! Владыка — вы один».

Мазарини сообщил также королю тайны, известные лишь трем-четырем доверенным людям. Те тайны, что называют «государственными»: старые заговоры и угрозы, напоминающие спящие вулканы, о которых должен помнить тот, кто берет на себя ответственность за народ и его историю.

Больше ему ничего не нужно.

Он готов.

В апартаментах кардинала застыл в молитве отец Биссаро. Священник принадлежал к ордену театинцев, основанному в 1524 году Каэтаном Тиенским и Джанпьетро Караффой, который и стал первым настоятелем ордена. До этого Караффа был архиепископом Театры, а затем под именем Павла IV взошел на папский престол. Священники создавали орден в надежде изменить нравы духовенства, они даже запретили монахам просить милостыню и иметь иные источники доходов, кроме добровольных пожертвований. Театинцы проповедовали, посещали больных, исповедовали приговоренных и умирающих. В своей власти папа Павел IV опирался на высший трибунал римской инквизиции и с его помощью издал «Индекс запрещенных книг»^[11].

Итальянец Джулио Мазарини, питавший особое расположение к театинцам, пригласил их в Париж, где у них имелась собственная резиденция на набережной Малаке.

Карманы отца Биссаро и в этот грустный час были полны ходатайствами о возбуждении дел и всевозможными прошениями, которые он готовил к каждому посещению Венсеннского замка. Стоило показаться его длинной черной сутане с белой полосой по подолу, как тотчас же театинец подвергался бурному натиску, от которого он защищался как мог. Напрасно он говорил, что призван в Венсеннский замок для иной, более серьезной миссии. Сам кардинал уполномочил отца Биссаро подготовить его к смерти и помочь пересечь последний порог, как полагается доброму христианину.

Просители продолжали взывать к нему, умоляя призвать кающегося грешника на путь великодушия,

справедливости и исправления...

Даже в последние часы жизни Его Преосвященство оставался всемогущим.

В его худых руках, сложенных в жесте покаяния, по-прежнему сосредотачивалась Власть.

Он принял все прошения, представленные театинцем, и собственноручно подписал их.

Неужели все кончено? Кардинала не стало.

Власть угасла.

Что теперь будет? К кому обращаться?

«Ко мне, господин архиепископ», — ответил на следующий день Людовик XIV, встретив в прихожей главу Соборного духовенства, который поинтересовался у короля, к кому отныне следует обращаться для решения вопросов, ранее находившихся в ведении кардинала.

«Никакого премьер-министра... Никаких всемогущих фаворитов... Государство — это я, господа».

Король приказал читать молитвы сорок часов кряду и облачился в траур. Двор должен был последовать его примеру. Все королевство шептало молитвы перед алтарями за упокой души некогда ненавистного итальянца, и два дня над Парижем, ни на секунду не смолкая, раздавался похоронный звон.

Позднее, в своих мемуарах Людовик напишет: «Кардинал, который любил меня и которого любил я...»

После того как были пролиты последние слезы юного сердца, которое отныне не могло позволить себе быть чувствительным, Людовик XIV принялся за работу.

Двор недоверчиво улыбался. Король составил расписание, в котором отметил каждый час; сюда входили все дела, включая балы и свидания с любовницами, но прежде всего работа, работа

напряженная, постоянная, скрупулезная. Придворные качали головами. «Это продлится недолго», — говорили они.

Это длилось пятьдесят лет.

Глава 4

На другом берегу Сены, в Нельской башне, отголоски королевской жизни доходили до нищих, благодаря рассказам Баркароля. Карлик всегда был отлично осведомлен о том, что происходит при дворе, потому что порой, нарядившись в костюм шута XVI века с бубенцами и перьями, он открывал двери дома одной из самых знаменитых парижских прорицательниц.

— И прекрасные дамы, которые приходят ее повидать, напрасно скрывают свои лица под масками и вуалями, я их всех знаю...

Он называл знакомые имена и приводил известные Анжелике подробности, поэтому она нисколько не сомневалась, что самые роскошные цветы из окружения короля частенько посещают подозрительное логово этой гадалки.

Ее звали Катрин Монвуазен. Она получила прозвище Лавуазен — «Соседушка». Баркароль уверял, что она опасна и, кроме того, очень искусна. Присев на корточки в излюбленной «жабьей позе» рядом со своим другом Деревянным Задом, Баркароль запросто раскрывал Анжелике тайные интриги, описывал ужасающие деяния и мошенничества, свидетелем которых он становился. Анжелика то пугалась, то сгорала от любопытства.

Почему же все эти знатные дамы или принцы покидали Лувр, облачившись в серые плащи и маски? Почему бежали они по грязным переулкам Парижа и стучали в дверь вертепа, которую им открывал гримасничающий карлик? Почему доверяли свои самые сокровенные тайны слуху полупьяной женщины?..

Потому что они хотели получить то, что невозможно приобрести за деньги.

Они хотели любви. И той любви, что присуща молодости, и той, которую пытаются удержать стареющие дамы, понимая, что любовники ускользают из их сетей. Приходили сюда и ненасытные честолюбцы, которые стремились подняться все выше и выше...

Они клянчили у Лавуазен магическое зелье, порабощающее сердце, афродизиаки, пробуждающие чувственность.

Некоторые жаждали заполучить наследство старого дядюшки, который почему-то и не думал расставаться с жизнью, кто-то мечтал о смерти старого мужа, соперницы или еще не родившегося ребенка.

Лавуазен была акушеркой, отравительницей и колдуньей в одном лице.

Чего же еще они хотели? Отыскать клады, общаться с дьяволом, увидеть призрак покойного, убить колдовством на расстоянии... Им некуда было идти, кроме как к Лавуазен. А здесь стоило лишь договориться о цене, и Лавуазен созывала своих подручных: ученого, изготавливающего яды; лакея или служанку, крадущих письма; сбившегося с пути священника, служащего черную мессу, и подыскивала ребенка для жертвоприношения, ребенка, в шею которого всаживали длинную иглу и пили кровь...

Анжелика, низвергнутая на самое дно Двора чудес процессом о ложном колдовстве мужа, слушая рассказы Баркароля, внезапно обнаружила, что настоящее колдовство существует. Карлик также открыл ей глаза на ужасающую извращенность религиозных чувств в их век, когда место Бога занял Сатана.

Детей для жертвоприношений продавал Лавуазен некий Гнилой Жан. Именно благодаря ему Баркароль получил у предсказательницы работу портье. Гнилой Жан любил серьезную, хорошо выполненную и хорошо организованную работу.

Дождь лил как из ведра.

— Вот удача для Дворца правосудия, — зубоскалила Полька. — Его подземные темницы наконец-то очистятся.

Как обычно в состоянии подпития, женщина принялась горячо спорить с присутствующими по поводу камер и застенков столичных тюрем.

Что касается камер, то она согласна! Если сравнивать темницы Большого Шатле с темницами Дворца правосудия, которые еще называли «складами», то трудно решить, какие из них ужаснее.

Но если говорить о застенках, так называемых «мешках забвения», то среди парижан самыми страшными считались казематы Дворца правосудия. Ужас только усиливали утверждения властей, будто в этом дворце, построенном для короля и его гостей, никаких тюрем нет. Зловещие слухи подтверждались в половодье, когда Сена выходила из берегов. Мало кто из парижан мог бы сказать, где именно в этом огромном здании, веками обраставшем пристройками, находятся «мешки забвения».

Полька утверждала, что они находятся в Соловьинной башне, прямо под залом пыток, откуда раздаются дикие крики несчастных, из-за чего башня и получила такое название ^[12].

Именно там, в самом низу, проложены узкие тоннели, соединенные с Сеной двумя колодцами. Их стены оцетинились железными шипами и крючьями, разрывающими тела несчастных, обреченных на исчезновение.

Узников отправляют по темной дороге по одному, а потом с помощью хитроумной системы рычагов

открывают под ногами осужденных люки, и искалеченные, израненные, агонизирующие люди падают вниз, встречая смерть.

И лишь в половодье, когда всем жителям острова Сите приходится передвигаться по улицам на лодках, вода выносит трупы из тюремных подземелий.

— А ты-то откуда все это знаешь? — спрашивали у Польки. — Можно подумать, что к тебе заглянул поболтать выходец с того света...

Вовсе нет, просто какой-то счастливчик, идущий по подземному туннелю, увидел, как его предшественник исчезает в люке, остановился, стал кричать, взывая о милосердии во имя Господа, и его пощадили... Что ж, такое случается.

Чтобы избавиться от окружающего ее кошмара, Анжелика занималась самыми обыденными делами, которые она превратила в ритуалы. Таким способом молодая женщина восстанавливала душевное равновесие.

Механический труд, как, например, приготовление овощного бульона, приносил умиротворение, если бы не одно загадочное обстоятельство. То и дело случалось, что продуктов приносили меньше — «войска» Анжелики, как в шутку называл их Деревянный Зад, редели. Порой она напрасно искала среди разношерстной публики, заполнявшей огромные низкие залы Нельской башни, знакомое детское лицо. Обнаружив в очередной раз пропажу малыша, Анжелика заставила себя разобраться в причине и сообразила, что дети исчезали, когда проведать обитателей Нельской башни заходил мерзкий тип из Двора чудес Коротышки-Ролена — Гнилой Жан. «Причем приходит без приглашения», — уточняла Полька, которая, как и многие в их банде, не любила его.

Именно он поставлял Лавуазен многочисленных младенцев для жертвоприношений.

Каждый раз при встрече с этой гнусной личностью Анжелику охватывала дрожь.

Когда тщедушный человечек с бледным лицом и мутными глазами дохлой рыбы проскальзывал в полуразвалившуюся дверь зала, ее трясло от ужаса. Даже змея не могла бы сильнее испугать Анжелику.

Гнилой Жан был торговцем детьми. Где-то в предместье Сен-Дени, во владениях самого Великого Кесаря, у него имелась большая грязная лачуга, о которой даже самые прожженные негодяи рассказывали, понизив голос. День и ночь оттуда доносился плач невинных мучеников. То были и подкидыши, и украденные ребяташки. Самым слабеньким вывихивали руки и ноги, а затем отдавали внаем нищенкам, которые с их помощью пытались разжалобить прохожих. И наоборот, самых красивых мальчиков и девочек воспитывали с особой заботой, чтобы в будущем продать их еще юными развратным господам, которые использовали малюток для удовлетворения своих безобразных похотей. Самыми счастливыми оказывались те ребяташки, которых покупали бесплодные женщины, жаждущие осветить свой дом детской улыбкой или же угодить обеспокоенным мужьям. Иные с помощью мнимого потомства добивались получения наследства.

Бродячие акробаты и ярмарочные фокусники всего за несколько су покупали здоровых детей и обучали их своим трюкам.

Непрерывный, неисчерпаемый поток живого товара. Малыши гибли сотнями, но незаконная торговля процветала. Гнилой Жан был неутомим. Он посещал кормилиц, посылал своих людей в деревни, собирал подкидышей, подкупал служанок в общественных приютах, приказывал похищать маленьких савояров и овернцев, которые приходили в Париж со своими

коробами, полными товаров, работали трубочистами или чистильщиками обуви, а потом исчезали навсегда.

Париж поглощал их, как поглощал он всех слабых, бедных, одиноких, безнадёжных больных, инвалидов, стариков, солдат, оставшихся без пенсии, крестьян, согнанных войной с насиженных мест, разорившихся торговцев...

Перед этими несчастными городское дно открывало свое зловонное чрево и предлагало всевозможные способы выживания, отшлифованные веками.

Одни обучались изображать эпилептиков, другие — воровать. Старики и старухи подражались плакальщиками для участия в похоронных процессиях. Девушки занимались проституцией, а матери торговали дочерьми. Иногда знатный вельможа платил банде головорезов, чтобы те где-нибудь в темном углу прикончили его врага. А еще во Дворе чудес можно было нанять людей, готовых затеять бунт, который помогал одержать верх в дворцовой интриге. Получив деньги за крики и ругань, представители воровского братства с радостью отводили душу. Перед толпой грозных оборванцев многие министры уже видели себя летящими в Сену, и уступали натиску соперников.

Накануне больших церковных праздников около самых опасных притонов можно было заметить силуэты крадущихся священников. На следующий день по улицам пройдет процессия, несущая раку с мощами святой Оппортуны^[13] или святого Марцелла. Каноники капитула жаждали, чтобы вовремя происшедшее чудо укрепило веру толпы. А где еще можно отыскать исцеленных чудом, как не во Дворе чудес? За хорошую плату мнимые слепые, глухие, паралитики, расположившись на пути процессии, внезапно вскакивали и, проливая слезы радости, объявляли об исцелении.

Но кто бы осмелился подумать, что подданные королевства тюнов жили в праздности? Что им все так легко давалось?

Красавчик — разве не натерпелся он горя со своим батальоном проституток, которые, конечно, приносили ему изрядный доход, но чьи ссоры он вынужден был постоянно усмирять? Ему приходилось еще и воровать наряды, необходимые для их уличного ремесла!

Пион, Гобер, другие мошенники и ворюги — как трудно порой обнаружить холодной ночью редкую добычу!

Ради какого-то сорванного плаща столько долгих часов ожидания, столько криков и шума!..

А пускать изо рта мыльные пузыри, изображая «припадочного», кататься по земле в кругу глупых зевак — думаете, это весело?

И главное, что в конце пути ждет лишь одинокая смерть где-нибудь в прибрежных камышах или, что еще хуже, пытки в тюрьмах Шатле, пытки, от которых рвутся сухожилия и глаза вылезают из орбит, и, наконец, виселица на Гревской площади. Виселица, которая станет концом всему, ведь недаром в королевстве тюнов ее окрестили «Обитель Утоли-мои-печали».

Апрель 1661

Между тем, защищенная в королевстве тюнов покровительством Весельчака и дружбой с Деревянным Задом, Анжелика наслаждалась свободной и размеренной жизнью.

Она считалась неприкосновенной. Став подругой бандита, Анжелика заплатила сполна. Законы воровского мира суровы. Все знали, что ревность Весельчака беспощадна, и поэтому Анжелика даже

глубокой ночью могла совершенно спокойно находиться рядом с такими жестокими и опасными людьми, как Пион или Гобер: они бы никогда не позволили себе ни малейшей двусмысленности. И какие бы желания она у них ни вызывала, пока главарь не снял запрет, Маркиза Ангелов принадлежала только ему.

Таким образом, жизнь Анжелики, с виду весьма убогая, делилась на долгие часы сна, подавленности и бесцельных прогулок по Парижу. Для нее всегда находилась какая-нибудь еда, а в Нельской башне ее ждал огонь очага.

Молодая женщина могла бы хорошо одеваться, ведь порой грабители приносили роскошные туалеты, благоухающие ирисом и лавандой, но она утратила вкус к нарядам. Анжелика по-прежнему носила одежду из коричневой саржи, с сильно истрепавшейся юбкой. Все тот же чепец прикрывал ее волосы. Новым было только то, что Польша подарила Маркизе специальный пояс, чтобы прятать свой нож под корсажем.

— Хочешь, я научу тебя обращаться с ножом? — предложила бывшая любовница Николая.

После сцены с оловянным горшком и зарезанным стражником они стали испытывать друг к другу чувство уважения, едва ли не дружбу.

Анжелика редко выходила на улицу при свете дня и почти не удалялась от башни. Инстинктивно она подстроилась под ритм жизни своих товарищей, которым законопослушные горожане — торговцы и стражники, по молчаливому согласию, уступили ночь.

Однажды Магистр во второй раз увлек с собой Маркизу Ангелов на прогулку. Старик сказал Анжелике, что лишь ей одной он может доверить тайну своей жизни, которой угрожает опасность, и что если с ним приключится несчастье, он хотел бы, чтобы она знала ВСЕ.

На сей раз они удалились от Нельской башни и пересекли несколько мостов. Постепенно трагическое настроение спутника сменилось детской радостью, и Магистр заявил, что хочет удивить Анжелику. Стояла темная ночь, та, которую особенно любят преступники: непроглядный мрак, лишь иногда прорезаемый светом месяца, мелькавшего между облаками.

Анжелика действительно удивилась, но отнюдь не из-за старика. Оглядевшись, взволнованная женщина поняла, что она оказалась посередине моста Нотр-Дам; когда-то она наблюдала, как его украшают к торжественному въезду короля в Париж. Магистр хотел показать своей спутнице одного из королей Франции, чьи позолоченные бюсты были расставлены по обеим сторонам улицы, начиная с Фарамона, считающегося первым вождем франков, и заканчивая Людовиком XIV, который проехал по мосту через несколько дней после того, как его украсили. Эти бюсты так и остались на мосту, вместе с кариатидами, держащими цветы и плоды.

Магистр принес с собой фонарь и теперь зажег его. На улице уже горело несколько масляных ламп, озарявших слабым сиянием ночной мрак. Старик заявил, что по ночам это место тщательно охраняется, чтобы о самом прекрасном мосте Парижа, да и всего мира, не пошло дурной славы. Через определенные промежутки времени здесь проходят два стражника из Шатле.

— Вот он, — благоговейно произнес Магистр, — вот тот человек, кто является причиной моего смертного приговора. Дагобер II.

Он замолчал, и в удручающей тишине Анжелика, стремясь вернуть старика к действительности, спросила:

— Это тот, кто был в могиле?

Магистр подскочил, как оскорбленный экзаменатор, получивший неверный ответ ученика.

— Да нет же! Там в могиле лежал Хильдерик I собственной персоной, сын Хлодвига I Великого ^[14].

— Тогда почему вы говорите, что причиной вашего смертного приговора является Дагобер II?

— Потому что я хотел вернуть его на прежнее место. Я поместил его среди королей Франции, на место, которое принадлежало ему по праву. После долгих лет поисков я обнаружил доказательства его существования, его правления. Дагобер, убитый король... исчезнувший... стертый из памяти.

Магистр прервал свою речь и с беспокойством огляделся вокруг.

— Сматываемся! Идет стража.

Вскоре они оказались в окрестностях Нельской башни. Тогда Магистр вновь обратился к Анжелике:

— Запомни, где он находится. Это тот, что прямо под домом с номером 26, выбитым золотыми цифрами.

Магистр завел спутницу в соседний темный переулок, где его бдительный взор не заметил ни одного стражника, и заговорил вполголоса:

— Сейчас твой мозг затуманен несчастьем, но у тебя цепкая память, и серьезные вещи ты воспринимаешь всерьез. Не забудь того, о чем я тебе рассказал, когда вырвешься из воровского братства.

— Николя говорит, что из воровского мира уйти невозможно.

— Для тех, кому не за что больше бороться. Это — болото, оно засасывает, и ты погибаешь. Если не от голода, то от неприспособленности к жизни на самом дне. Но для иных это — дно, темная нора, укромное местечко, где враги даже и не подумают их искать.

— Кому придет в голову идея прятаться среди таких ужасов?

— Ну, например, тебе. Хо! Хи! Или мне... А может, тем землекопам, что украли двух золотых пчел. Хи-хи!

Бессвязность речей Магистра, которые он старался произносить уверенным тоном преподавателя, забавляла Анжелику. Против своей воли она слушала очень внимательно, стараясь понять, о чем старик говорит. Ведь он был Магистром, и старался оправдать это звание: магистр, учитель, мэтр — обычно так называли преподавателей из Университета, не высшего, но и не низшего ранга, таких, кто преподавал все понемножку или повторял один и тот же курс. Мэтры не считались знатоками какой-либо отдельной науки, и их не относили к ученым.

— Магистр пьяных наук, вот он кто, — частенько говаривал Николя, который завидовал, что Магистр всегда умел завладеть вниманием Анжелики, а главное, что именно он заставил ее заговорить.

Магистр много работал. Он писал плохо отточенными гусиными перьями, в числе прочего переписывал листы со словами песен, которые продавала мамаша Тру-ля-ля. Она, кроме того, пела эти песни и танцевала под звуки отвратительной скрипки папаши Тру-ля-ля.

«Эта история вас не интересует, бедняжки мои», — вздыхал Магистр по поводу произведения «бабенки», которое ему вручил капеллан из отеля Генего. Обычно чтением рукописей, которые были у него под рукой, Магистру удавалось заинтересовать собрание пригорюнившихся «дам»: нищенок и уставших проституток, по вечерам возвращавшихся в башню. Он прочитал им «Сида»^[15] и «Дон-Кихота», где было достаточно сражений и звона мечей, чтобы привлечь их внимание, а также отрывки из модного романа «Астрея»^[16], причем любовные перипетии из жизни пастуха и пастушки погрузили слушательниц в мечтательную меланхолию.

Магистр проявлял постоянную заботу о сохранности своего серого парика и поэтому носил на затылке шитый черный колпак. Букли парика падали ему на плечи и напоминали свалявшуюся шерсть, которая, как уверяли насмешники, больше походила на гриву старой клячи, чем на человеческие волосы. Но Магистр дорожил своим париком. По его словам, он особенно ценил то обстоятельство, что так его никогда не спутают с проклятым церковным отродьем. Пусть им позволено облачаться в кружева и бархат, но запрещено носить парик.

Глава 5

Однажды ночью прошлое жестоко напомнило Анжелике о себе. Банда Весельчака грабила дом в предместье Сен-Жермен. Ночь была безлунной, улица почти не освещалась. Когда Сорви-Замок, мальчишка с проворными пальцами, сумел отодвинуть щеколду на маленькой дверце для прислуги, воры проникли внутрь без особых предосторожностей.

— Дом большой, а живет в нем лишь один старикан со служанкой, да и то их спальни наверху, — объяснил Николая. — Так что мы тут спокойно похозяйничаем.

Весельчак зажег потайной фонарь и повел своих подручных в гостиную. Черный Хлеб, который частенько просил милостыню в этих местах, указал точное расположение комнат.

Замыкала шествие Анжелика, которая уже не в первый раз участвовала в подобных авантюрах. Вначале Николая не хотел брать ее с собой.

— Ты можешь попасть в беду, — говорил он.

Но Маркиза Ангелов всегда поступала по-своему. Она шла не для того, чтобы воровать. Ей нравилось вдыхать запахи спящих домов: гобелены, навощенная мебель, легкий аромат стряпни или выпечки. Молодая женщина трогала безделушки, а затем ставила их на место. Но она никогда не задавалась вопросом: «Что ты здесь делаешь, Анжелика де Пейрак?» Кроме той ночи, когда банда Весельчака грабила дом старого ученого Глазера^[17] в предместье Сен-Жермен...

В ту ночь Анжелика обнаружила на столике с выгнутыми ножками канделябр со свечой. Она зажгла свечу от фонаря воров, пока те набивали свои мешки. Затем, увидев в глубине комнаты маленькую дверь, женщина из любопытства толкнула ее.

— Черт возьми! — прошептал у нее за спиной Осторожный. — Что это?

Огонек свечи отразился в больших стеклянных сферах с длинными выступающими носиками. В сумеречном свете можно было различить переплетающиеся медные трубки, фаянсовые баночки с латинскими надписями, разноцветные флаконы.

— Что это такое? — ошеломленно повторил Осторожный.

— Это лаборатория.

Очень медленно Анжелика пошла вперед и остановилась около кирпичного стола, на котором был установлен нагревательный прибор.

Она отмечала каждую деталь. Вот маленький пакет, запечатанный красным сургучом, на нем она прочла: «Для господина де Сен-Круа». Рядом, в открытой коробочке, виднелся какой-то белый порошок. Анжелика повела носом. Запах был ей знаком.

— А это, это что? — спросил Осторожный. — Мука? Пахнет вкусно. Чесноком...

Он взял щепотку порошка и поднес ко рту. Не раздумывая, Анжелика схватила вора за руку. У нее перед глазами вновь предстал Фриц Хауэр, вскрикнувший: «Gift, gnädige Frau!»^[18].

— Брось, Осторожный. Это яд, мышьяк.

И молодая женщина испуганно огляделась.

— Яд! — повторил потрясенный бандит.

Он попятился и опрокинул реторту, которая упала и с хрустальным звоном разбилась вдребезги.

Незванные гости тут же поспешили восвояси. Гостиная опустела. Было слышно, как где-то наверху по плиточному полу застучала деревянная трость. Вскоре на лестнице появился старик и послышался его голос:

— Мари-Жозефа, вы опять забыли запереть кошек. Это невыносимо. Мне опять придется спускаться и все

осматривать.

Потом старик перегнулся через перила и прокричал:
— Это вы, Сен-Круа? Ищете порошок?

Анжелика и Осторожный поспешили в кухню, а затем в подвал, где находилась взломанная ворами дверца. Пробежав несколько переулков, они остановились.

— Уф! — вздохнул Осторожный. — Как же я перепугался! Кто бы мог подумать, что мы вломимся к колдуну!.. Только бы это не принесло нам несчастья! А где все остальные?

— Должно быть, вернулись другой дорогой.

— Могли бы и нас подождать. Какая темень, не видать ни зги.

— Ох! Хватит жаловаться, бедняга Осторожный. Такие, как ты, должны видеть даже ночью.

Вдруг он схватил Анжелику за руку.

— Прислушайся! — воскликнул бандит.

— В чем дело?

— Разве ты не слышишь? Слушай... — повторил вор, и в его голосе сквозил безумный страх.

Внезапно Осторожный прохрипел:

— Собака!.. Собака!

И, бросив на землю мешок, пустился наутек.

«У бедного малого тоже не все в порядке с рассудком», — сказала себе Анжелика, машинально наклоняясь, чтобы подобрать добычу взломщика.

И тут женщина тоже расслышала в глубине безмолвных улиц какие-то звуки.

Какой-то легкий, очень быстрый галоп приближался с каждой секундой. Вдруг на противоположном конце улицы Анжелика увидела зверя, похожего на белое мчащееся привидение. Охваченная безотчетным страхом, Маркиза Ангелов тоже бросилась прочь. Она бежала как сумасшедшая, не обращая внимания на выбоины в мостовых, на которых было так легко

подвернуть ногу. Она ничего не замечала. Она чувствовала себя беззащитной, ей хотелось кричать, но ни единый звук не вырывался у нее из горла.

Прыгнув на плечи собака опрокинула Анжелику лицом в грязь.

Женщина всем телом ощутила вес животного, а на шее, прямо у затылка, почувствовала, как сжимаются челюсти с острыми как гвозди зубами.

— Сорбонна! — закричала Анжелика.

И повторила чуть тише:

— Сорбонна!

Затем, очень медленно, Маркиза Ангелов повернула голову. Вне всякого сомнения, это была Сорбонна, потому что собака тотчас же ослабила хватку. Анжелика подняла руку и погладила огромную голову датского дога. Собака с удивлением обнюхала «добычу».

— Сорбонна, моя славная Сорбонна, как же ты меня напугала. Это, знаешь ли, не очень хорошо.

В ответ собака лизнула лицо Анжелики шероховатым языком.

Женщина с трудом поднялась, болезненно морщась. При падении она сильно ушиблась.

И тут она услышала шум шагов. Кровь застыла у нее в жилах. Вслед за Сорбонной... мог появиться только Дегре.

Анжелика отскочила в сторону.

— Не выдавай меня, — тихо взмолилась она, обращаясь к собаке. — Не выдавай меня.

Времени ей хватило лишь на то, чтобы спрятаться в дверной нише. Сердце выскакивало у нее из груди. Молодая женщина лелеяла безумную надежду, что это не Дегре. Он должен был уехать из Парижа. Он не мог вернуться. Он принадлежал к умершему прошлому...

Шаги приблизились, и человек остановился.

— Ну, Сорбонна, — послышался голос Дегре, — что с тобой произошло? Ты не сцапала эту нищенку?

Сердце Анжелики билось с такой силой, что ей было больно.

Какой знакомый голос, голос адвоката!

«А сейчас, господа, пришло время услышать великий голос, голос, который, возвышаясь над морем человеческой низости...»

Стояла глубокая, черная, как бездна, ночь. В кромешной тьме Анжелике стоило сделать всего два шага, чтобы очутиться рядом с Дегре. Она чувствовала его совсем близко и догадывалась, что он озадачен.

— Проклятая Маркиза Ангелов! — воскликнул адвокат. — Хочется верить, что она не заставит нас бегать за ней всю ночь. Давай, нюхай, Сорбонна, нюхай. Эта оборванка имела глупость оставить в карете свой шейный платок. Теперь она не сможет от нас ускользнуть. Пойдем, вернемся к воротам у Нельской башни. Там мы найдем ее след, я уверен.

И Дегре ушел, свистом подзывая собаку.

У Анжелики по вискам струился пот. Ее ноги стали ватными. Наконец, она отважилась сделать несколько шагов из своего убежища. Если Дегре бродит в окрестностях Нельской башни, то возвращаться туда нельзя.

Надо добраться до берлоги Деревянного Зада и попросить у него убежища до утра.

Во рту пересохло. И тут она услышала журчание воды в фонтане. Небольшая площадь, посередине которой находился источник, освещалась тусклым светом масляной лампы, висящей над лавкой галантерейщика.

Анжелика подошла к фонтану и погрузила испачканное грязью лицо в свежую воду. Она вздохнула с облегчением.

Но как только она выпрямилась, чья-то сильная рука обхватила ее талию, в то время как ладонь другой руки грубо зажала рот.

— Ну вот, красотка! — раздался голос Дегре. — Думаешь, от меня так легко удрать?

Анжелика попыталась освободиться. Напрасно. Мужчина держал ее так, что она не могла пошевелиться, не закричав от боли.

— Нет-нет, мой цыпленочек, и не пытайся сбежать! — сказал он с глухим смешком.

Парализованная Маркиза Ангелов узнала знакомый запах его поношенной одежды: кожа португалии, чернила и пергамент, табак. Это был адвокат Дегре, его «ночная ипостась». Она обмякла, и в голове забились одна-единственная мысль: «Только бы он меня не узнал... А то я умру от стыда... Только бы мне удалось сбежать, прежде чем он меня узнает!»

Продолжая удерживать пленницу одной рукой, Дегре поднес ко рту свисток и трижды пронзительно свистнул.

Через несколько секунд из соседних проулков выскочили пятеро или шестеро мужчин. Было слышно, как позвякивают их шпоры и шпаги в ножнах. Это были стражники ночного патруля.

— Полагаю, что поймал нашу птичку, — бросил Дегре.

— Что ж, отлично, удачная ночь. Мы задержали двух грабителей, которые пытались спастись. Если мы приведем еще и Маркизу Ангелов, можно сказать, месье, что вы направили нас по верному следу. Вы знаете все закоулки...

— По следу нас ведет собака. С шейным платком этой девки она должна была привести нас прямо к ней. Но... есть одно обстоятельство, которое я не могу понять. В какой-то момент ей удалось от меня ускользнуть... Вы знаете эту Маркизу Ангелов?

— Это маркиза Весельчака. Больше о ней ничего не известно. Единственный из нас, кто видел ее, погиб. То был стражник Мартен, она уколошила его в кабачке. Но нам нужно забрать с собой малышку, которую вы держите, месье. Если это Маркиза Ангелов, госпожа де Бренвилье ее сразу опознает. Когда бродяги напали на карету, еще было светло и пострадавшая отлично рассмотрела женщину, которая была их сообщницей.

— Но все-таки, какая дерзость! — проворчал один из стражников. — Они больше ничего не боятся, эти бандиты. Напасть на карету дочери лейтенанта полиции, среди бела дня, в самом центре Парижа!

— Они еще за это заплатят, поверьте.

Анжелика слушала, что о ней говорят. Она старалась не двигаться в надежде, что Дегре ослабит хватку. Тогда она сразу же прыгнет в объятия спасительной ночи и сбежит. Молодая женщина не сомневалась, что Сорбонна не станет ее преследовать. А грузным и неповоротливым мужчинам, стесненным своей униформой, ее не догнать.

Но бывший адвокат не собирался забывать о своей пленнице. Привычным движением руки он обыскал ее.

— А это еще что? — протянул Дегре.

Анжелика почувствовала, как его пальцы скользнули ей под корсаж. Полицейский присвистнул.

— Нож, честное слово! И поверьте уж, не перочинный. Да, подружка, ты не похожа на тихоню.

Дегре убрал кинжал Родогона-Египтянина в один из своих многочисленных карманов, после чего продолжил обыск.

Маркиза Ангелов вздрогнула, когда горячая и грубая рука прошла по ее груди и задержалась там.

— А сердечко-то как бьется! — усмехнулся мужчина. — Еще одна девица, чья совесть нечиста. Давайте-ка выведем ее на свет, вон туда, к лавке, поглядим, на кого она похожа.

Резким движением Анжелике удалось освободиться. Но тут же десять железных рук вновь схватили ее и на женщину обрушился град ударов.

— Сволочь! Хочешь заставить нас побегать?

Анжелику подтащили к фонарю. Дегре грубо собрал ее волосы в кулак и отвел голову назад.

Молодая женщина закрыла глаза. У нее не хватило времени как следует умыться. Эта маска из грязи и крови — быть может, Дегре и не узнает ее. Анжелика дрожала так сильно, что у нее стучали зубы.

Секунды, в течение которых она оставалась на всеобщем обозрении при слабом свете масляной лампы, показались Анжелике вечностью. Дегре отпустил ее волосы, разочарованно проворчав:

— Нет, это не она. Это не Маркиза Ангелов.

Стражники принялись дружно браниться.

— Но почему вы так решили, месье? — осмелился спросить один из них.

— Я ее уже видел. Мне однажды показали ее на Новом мосту. Эта девица похожа на Маркизу, но это не она.

— Давайте все равно ее задержим. А вдруг она сможет нам чего-нибудь рассказать.

Дегре, казалось, был озадачен.

— Впрочем, меня сразу кое-что смутило, — начал он задумчивым тоном. — Сорбонна никогда не ошибается. А она не схватила эту девчонку. Собака была всего в нескольких шагах от нищенки, но не тронула ее... Вот доказательство того, что она не опасна.

И адвокат заключил со вздохом:

— Полная неудача. Еще счастье, что вы захватили двух взломщиков. Где они промышляли?

— Улица Пти-Лион, у старого аптекаря, некоего Глазера.

— Давайте вернемся туда. Возможно, нам удастся обнаружить там след.

— А девушка, с ней-то что делать?

Дегре колебался.

— Я вот думаю, а может, стоит ее отпустить? Теперь, когда я знаю ее в лицо, я ее не забуду.

Стражники не стали настаивать. Они отпустили молодую женщину и, гремя шпорами, скрылись в темноте.

Анжелика скользнула из освещенного места. Она прошла вдоль стены дома и с облегчением окунулась во тьму. Но тут Маркиза Ангелов заметила у фонтана белое пятно и услышала, как лакает воду Сорбонна. Рядом с собакой маячила тень Дегре.

Анжелика вновь замерла. Она вдруг увидела, как Дегре распахивает плащ и бросает по направлению к ней какой-то предмет.

— Держи, — услышался голос бывшего адвоката, — я возвращаю твой нож. У меня нет привычки обворовывать женщин. И потом, этот кинжал может пригодиться девушке, которая прогуливается в столь поздний час. Ну что же, доброй ночи, красотка.

Анжелика по-прежнему молчала, и поэтому он добавил:

— Ты не хочешь сказать мне «доброй ночи»?

Она собрала все свое мужество и выдохнула:

— Доброй ночи.

Анжелика слушала, как удаляется звук его шагов, как все тише стучат по мостовой подбитые гвоздями огромные башмаки полицейского Дегре. И, ничего не видя, побрела по улицам Парижа.

Глава 6

Рассвет застал ее на окраине Латинского квартала, около улицы Бернардинцев. Восход уже разливал розовый свет по черным крышам коллежей. В крошечных окошках виднелись отсветы свечей, зажженных рано поднявшимися студентами. Навстречу Анжелике, зевая и потирая мутные глаза, то там, то тут брели юные тщедушные школяры, только что покинувшие бордель, где в течение нескольких часов невзрачных юнцов ублажали жалостливые уличные девки. Студенты косились на молодую женщину, порой бросая дерзкое словцо. Все они были в бедной, насквозь пропахшей чернилами одежде из потрепанной саржи, в грязных манишках; черные чулки спадали с худых икр.

Церковные колокола начали свой утренний перезвон. Анжелику шатало от усталости. Она шла босиком, потому что потеряла оба башмака. Неподвижный взгляд говорил о полном безразличии к окружающему.

Подойдя к набережной Турнель, женщина почувствовала запах свежего сена.

Здесь выстроились в ряд небольшие речные суда, доверху заполненные легким и душистым грузом. Они встречали парижский рассвет нежными фимиамами, ароматами сухих цветов, обещанием теплых дней, которые вот-вот наступят.

Анжелика спустилась к реке. Неподалеку у костра грелись лодочники, не заметившие ее появления. Она вошла в воду, чтобы забраться на нос одной из барж, и, оказавшись на палубе, с наслаждением погрузилась в сено. Под навесом запах казался еще более пьянящим: влажным, теплым и напоенным грозой, словно летний день. Откуда могли привезти это раннее сено? Из

дальней провинции, богатой и тихой, привычной к солнцу. Это сено будило грезы о бескрайних полях, высушенных ветром, о чистых небесах и о тайнах небольших укромных долин, что хранят жару и питают ею землю.

Анжелика вытянулась на сухой траве, раскинув руки. Ее глаза были закрыты. Она погружалась в сено, она тонула в нем. Она витала в облаках пронзительного аромата и больше не чувствовала своего истерзанного тела. Ее окружало Монтелу, оно качало Маркизу Ангелов на своей груди. Воздух обрел запах цветов, привкус росы. Ветер ласкал Анжелику. Она плыла и улетала к солнцу. Она покидала ночь с ее страхами. Солнце дарило нежную ласку. Уже очень давно ее никто так нежно не ласкал.

Она стала добычей дикаря — Весельчака; превратилась в подругу волка, которому порой, во время краткого объятия, удавалось вырвать у нее звериный крик наслаждения, хрип самки, которой овладел самец, но тело забыло настоящую ласку.

Она блуждала по Монтелу и погружалась в сено с ароматом малины. По ее пылающим щекам, пересохшим губам струился ручеек, освежая нежным лобзанием. Анжелика открывала рот и вздыхала:

— Еще!

Во сне слезы текли по ее лицу и терялись в густых волосах. Но это были слезы невероятной нежности, а не печали.

Молодая женщина вытягивалась в струнку, отдаваясь вновь обретенным удовольствиям. Она словно плыла, укачиваемая журчащими голосами полей и деревьев, которые шептали ей на ухо:

— Не плачь... Не плачь, моя милая... Ничего... Беда ушла... Не плачь, бедняжка.

Анжелика открыла глаза. В полумраке навеса она разглядела рядом, на сене, какую-то расплывчатую

фигуру. На нее смотрели смеющиеся глаза.

Женщина пробормотала:

— Кто вы?

Неизвестный приложил палец к губам.

— Я ветер. Ветер из одной деревеньки, что затерялась в Берри^[19]. Когда косили сено, скосили вместе с ним и меня... Посмотри, я говорю правду, я скошен, разорен, я остался на мели.

Молодой человек быстро встал на колени и вывернул карманы.

— Ни лиарда! Ни единого соля! Меня разорили, скосили. С сеном. Меня кинули в лодку, и вот я в Париже. Странная история для маленького ветерка из деревни.

— Но... — протянула Анжелика, тщетно пытаюсь собраться с мыслями.

Молодой человек был одет в черный, потрепанный и местами даже дырявый костюм. На его шее болталась, как тряпка, манишка, а пояс жюстокора^[20] лишь подчеркивал худобу.

Но его лицо можно было назвать привлекательным, даже красивым, несмотря на порожденную голодом бледность. Большой и тонкий рот незнакомца, казалось, был создан для того, чтобы болтать без умолку и смеяться по любому поводу. У него было очень живое лицо: он гримасничал, хохотал, корчил разные рожи. Забавную физиономию обрамляла светлая льняная шевелюра, а челка падала на глаза, добавляя облику наивность крестьянина, но хитрый взгляд опровергал первое впечатление.

Пока Анжелика рассматривала незнакомца, он продолжал тараторить.

— А что может делать в Париже маленький ветерок, вроде меня? Ветерок, привыкший гулять по плетням? Ну конечно, я буду раздувать юбки дамам и получать

пощечины... Я унесу шляпы святош, и меня отлучат от церкви. Меня заключат в темницу в башне собора Парижской Богоматери, и я заставлю звонить невпопад все колокола... Какой скандал!

— Но... — повторила Анжелика, делая попытку подняться.

Проворным жестом молодой человек вернул ее на место.

— Не шевелись... Тсс!

«Слегка сумасшедший студент», — подумала Маркиза Ангелов.

Он вновь улегся рядом и, погладив Анжелику по щеке, прошептал:

— Не плачь больше.

— Я и не плачу, — возразила Анжелика, но тут же осознала, что ее лицо все мокрое от слез.

— Я тоже люблю спать на сене, — продолжал ее собеседник. — Когда я прокрался на судно, то обнаружил тебя. Ты плакала во сне. Тогда я приласкал тебя, чтобы успокоить, и ты мне сказала: «Еще!»

— Я?

— Да. Я вытер твое лицо и увидел, что ты необыкновенно красива. Крылья твоего носа так же тонки, как те ракушки, что мы находим на речном песке. Ты понимаешь, о чем я говорю — ракушки, такие белые и тонкие, что их можно назвать полупрозрачными. Твои губы — лепестки клематиса. Твоя шея такая гладкая и нежная...

Анжелика в полудреме внимала его речам. Да, действительно, уже давно с ней никто не говорил подобным образом. Казалось, слова долетали откуда-то издалека, и она боялась, что молодой человек всего лишь насмехается над ней. Разве мог он в самом деле считать ее красивой? Ведь этой ужасной ночью она стала помятой, поблекшей, навсегда испачканной... и

поняла, что больше никогда не сможет посмотреть в лицо людям, знавшим ее в прошлой жизни!

А незнакомец продолжал нашептывать:

— Твои плечи — два шара слоновой кости. Твои груди нельзя сравнить ни с чем, кроме них самих, настолько они прекрасны. Они точно созданы для того, чтобы помещаться в мужской ладони, и их украшают маленькие прелестные почки цвета розового дерева... такие почки мы видим, когда приходит весна. Твои бедра гладкие, как шелк. Твой живот, как округлая подушечка из белого, тугого атласа, на такую подушечку так приятно положить свою щеку!

— Надо же! Хотелось бы знать, — произнесла смущенная Анжелика, — как вы можете судить обо всем этом!

— Пока ты спала, я вдоволь налюбовался тобой.

Анжелика резко села.

— Наглец! Ах ты, распутный школяр! Дьявольское отродье!

— Тише! Не так громко. Ты хочешь, чтобы пришли лодочники и выбросили нас за борт?.. Отчего вы сердитесь, прекрасная дама? Когда мы находим на дороге изысканное украшение, стоит его внимательно рассмотреть, не правда ли? Увериться, что перед нами чистое золото, что драгоценность действительно прекрасна; а главное — решить, подходит ли нам эта драгоценность или стоит оставить ее там, где мы ее нашли. *Rem passionis suae bene eligere princeps debet, mundum examinandum*^[21].

— И это вы тот государь, на которого смотрит мир? — язвительно поинтересовалась Анжелика.

Молодой человек изумленно прищурил глаза.

— Ты понимаешь латынь, маленькая нищенка?

— Ну, раз нищий вроде вас говорит на латыни...

Студент недоуменно закусил нижнюю губу.

— Кто ты? — тихо спросил он. — Твои ноги сбиты в кровь. Должно быть, ты долго бежала. Что тебя испугало?

Анжелика не отвечала, и он продолжил:

— У тебя нож, вот там... Ужасное оружие, кинжал Египтянина. Ты умеешь им пользоваться?

Анжелика бросила на него лукавый взгляд из-под ресниц.

— Возможно!

— Ай! — воскликнул незнакомец, отодвигаясь.

Он вытащил из сена соломинку и принялся покусывать ее. Его светлые глаза стали мечтательными. В какой-то момент Маркизе Ангелов показалось, что незнакомец больше не думает о ней. О чем же тогда он размышлял? Быть может, о башнях собора Парижской Богоматери, куда его будто бы должны заточить... Теперь его неподвижное и далекое, слишком бледное лицо казалось не таким уж и молодым. Анжелика заметила в уголках его век легкие морщинки — следы увядания, которыми могут отметить человека в полном расцвете сил нищета или разгул.

Впрочем, у незнакомца не было возраста. Худое тело в слишком просторной одежде казалось бесплотным. Она испугалась, как бы собеседник не исчез, словно видение.

— Кто вы? — прошептала Анжелика, касаясь его руки.

Он обратил к ней глаза, которые словно вообще не были созданы для света.

— Я тебе уже говорил: я — ветер. А ты?

— Я — бриз.

Мужчина рассмеялся и взял Анжелику за плечи.

— А что делают ветер и бриз, когда они встречаются?

Незнакомец слегка подтолкнул ее, молодая женщина снова упала в сено и совсем рядом со своим

лицом увидела его крупный чувственный рот. Губы молодого человека пересекала тонкая складка, отчего они кривились в странном изгибе, который напугал Маркизу Ангелов, хотя она сама не понимала почему. Признак язвительности, а возможно — жестокости. Но его взгляд был нежным и смеющимся.

Мужчина продолжал нависать над Анжеликой, пока она сама, подчиняясь властному зову, не потянулась к нему. Тогда он накрыл ее тело своим и поцеловал.

Поцелуй длился невероятно долго, за это время можно было бы подарить друг другу с десятков неспешных, сменяющих друг друга поцелуев.

Он словно оживил измученное тело Анжелики. Возвратил ей былые наслаждения, столь отличные от грубых, хоть и страстных, ласк бывшего слуги, к которым она уже успела привыкнуть.

«Я только что чувствовала себя такой уставшей, — подумала она, — но теперь усталость ушла. Мое тело больше не кажется мне жалким и оскверненным. Значит, я все-таки не совсем умерла...»

Анжелика тихонько пошевелилась на сене, счастливая от того, что вновь ощущает, как где-то в глубине живота зарождается робкое желание, которое постепенно становится все более настойчивым.

Мужчина приподнялся, опершись на локоть, и вновь посмотрел на нее с загадочной полуулыбкой.

Нет, она не испытывала нетерпения, но внимательно прислушивалась к тому жару, что разливался в ней. Он скоро вернется к ласкам, у них впереди целая вечность.

— Забавно, — прошептал незнакомец, — ты изящна, словно знатная дама. А ведь это даже в голову не придет, когда смотришь на твою рваную крестьянскую юбку.

Анжелика тихонько рассмеялась.

— Правда? А вы водите знакомства со знатными дамами, господин судейский?

— Иногда.

Молодой человек пощекотал кончик носа Анжелики сухим цветком и объяснил:

— Когда у меня в животе урчит от голода, я нанимаюсь к мэтру Жоржу, в парильни Сен-Николя. Именно туда они и приходят, эти знатные дамы, в поисках острой приправы к обыденным светским интрижкам. Да! Конечно, я не похож на дикого зверя, как Красавчик, и услуги моего бедного недокормленного тела оплачиваются не столь щедро, как услуги крепкого волосатого грузчика, провонявшего луком и дешевым вином. Но в моем колчане иные стрелы. Да, дорогая. Никто в Париже не может похвастаться знанием стольких отменных непристойных историй, как я. А мои дамы любят их слушать, чтобы настроиться на нужный лад. Я забавляю этих прелестных распутниц. Женщины ведь больше всего жаждут веселья. Хочешь, расскажу тебе историю о молоте и наковальне?

— Ах нет! — живо отказалась Анжелика. — Прошу вас, не надо, я не люблю истории подобного рода.

Незнакомец выглядел растроганным.

— Невинное сердечко! Забавное сердечко! Как странно! Я не раз встречал знатных дам, похожих на бродяжек, но никогда не видел бродяжек, напоминающих знатных дам. Ты первая... Ты так красива, как мечта... Слышишь перезвон часов на башне около Самаритянки ^[22] на Новом мосту?.. Уже полдень. Хочешь, пойдем на Новый мост и украдем пару яблок на обед? А еще букет цветов, в котором ты спрячешь свою милую мордашку?.. Мы послушаем, как расхваливает свои снадобья Большой Матье, и посмотрим, как старый шарманщик заставляет танцевать дрессированного

сурка. И посмеемся над полицейским, который разыскивает меня, чтобы повесить.

— Почему вас хотят повесить?

— Но... разве ты не знаешь, что меня все время хотят повесить? — изумленно поинтересовался молодой человек.

«Решительно, он немного безумен, но какой забавный», — подумала Анжелика.

Она потянулась. Ей хотелось, чтобы незнакомец снова поцеловал ее.

Меж тем новый приятель Анжелики задумался о чем-то совершенно ином.

— Постой, теперь я припоминаю, — вдруг воскликнул он, — я тебя уже видел там, на Новом мосту. А ты не из банды Весельчака, знаменитого Сорвиголовы?

— Да, это правда, я принадлежу Весельчаку.

Мужчина отодвинулся от собеседницы с выражением притворного ужаса.

— Ой-ой-ой! Куда же это я опять вляпался, неисправимый волокита за женскими юбками! А ты случайно не та Маркиза Ангелов, которую столь яростно ревнует наш Весельчак?

— Да, но...

— Ого, только поглядите, куда может завести женская неосторожность! — вскричал незнакомец трагическим голосом. — Несчастливая, а ты не могла сказать об этом раньше? Или тебе так интересно взглянуть, как из моих вен вытечет вся моя разнесчастливая гадкая кровь? Ай-ай-ай! Весельчак! Вот невезенье! Я наконец-то нашел женщину своей мечты, и нужно ведь такому случиться, что она принадлежит Весельчаку!.. Нет, к черту! Самая восхитительная любовница — это сама жизнь. Прощай, моя красавица!

Молодой человек схватил старую шляпу-конус, какие носят школьные учителя, и, нацепив ее на

светловолосую шевелюру, направился к борту лодки.

— Будь умницей, — прошептал он, улыбнувшись напоследок, — не рассказывай о моих подвигах своему любовнику... Да, я вижу, что ты ничего не скажешь. Ты — сама любовь, Маркиза Ангелов... Я буду помнить о тебе до того самого дня, когда меня повесят... и даже потом... Прощай!

Анжелика услышала, как молодой человек спрыгнул с борта, подняв облако брызг. Потом она увидела, как он бежит по берегу, залитому лучами солнца. Во всем черном, в заостренной шляпе, с худыми ногами, в дырявом плаще, развевающемся на ветру, он походил на диковинную птицу. Лодочники, видевшие, как незнакомец выпрыгнул с судна, принялись швырять камни ему вслед. Молодой человек повернул к ним свое мертвенно-бледное лицо, рассмеялся и исчез столь же внезапно, как утренний сон.

Это фантастическое событие успокоило Анжелику и отодвинуло на задний план воспоминания о событиях прошлой ночи и о горькой встрече с Дегре.

Не стоит больше думать об этом. Маркиза Ангелов встряхнула головой и провела рукой по волосам, чтобы вынуть из них стебельки сухой травы. Сейчас самое главное — не разрушить очарование этого часа. Женщина с легким сожалением вздохнула. Неужели она действительно собиралась изменить Николая?

Маркиза Ангелов пожала плечами и зло усмехнулась. Таким любовникам не изменяют. Ее не связывало с Николаем ничего, кроме неволи и нищеты.

Поспешное бегство молодого человека еще раз подтвердило, сколь надежна защита, которой ее окружил бандит. Без него и без его безумной любви не пала бы она еще ниже?

В обмен на покровительство Анжелика отдала Весельчаку свое благородное аристократическое тело, о котором он всегда мечтал.

Теперь они квиты. Молодая женщина не ощущала ни малейших угрызений совести оттого, что хотела испытать с другим более изысканное наслаждение, вкус которого она давно забыла. Но, увы, тот другой сбежал, и, быть может, к лучшему. Она бы не перенесла, если бы нож Весельчака заставил замолчать забавного болтуна.

Анжелика выждала несколько минут, прежде чем, в свою очередь, спуститься с сена. Коснувшись воды, Маркиза Ангелов нашла ее холодной, но не ледяной. Она огляделась вокруг, и свет ослепил ее; наконец наступила весна.

Студент что-то говорил о цветах и яблоках, которые в изобилии продаются на Новом мосту? Слово по мановению волшебной палочки Анжелика ощутила, как набирает силы самая нежная пора года.

Дымчатое небо отливало всеми тонами розового, Сена облачилась в серебряные доспехи. По спокойной, ровной глади воды скользили многочисленные лодки. Раздавался плеск весел. Ниже по течению вальки прачек перекликались со стрекотом водяных мельниц.

Скрывшись от любопытных взглядов лодочников, Анжелика умылась холодной водой, которая окончательно унесла ее усталость. Затем она снова оделась и пошла вдоль берега к Новому мосту.

Речи незнакомца пробудили разум Анжелики, скованный зимним льдом.

Впервые она увидела Новый мост во всем его великолепии: прекрасные белые арочные пролеты, на которых разворачивается радостная, стихийная, неумная жизнь.

Над мостом стоял беспрестанный шум, в котором сливались крики лавочных зазывал, наставления

эмпириков^[23] и зубодеров, припевы песен, перезвон Самаритянки и причитания нищих.

Анжелика пошла между рядами лавок и лотков. Ее ноги были босы, платье разорвано. Она потеряла свой чепец, и длинные волосы струились по плечам, сияя золотом на солнце. Но это не имело никакого значения. На Новом мосту босые ноги часто соседствовали с огромными башмаками ремесленников и красными каблуками сеньоров.

Молодая женщина остановилась перед водонапорной башней Самаритянкой, чтобы взглянуть на «рукотворное чудо» — башенные куранты; они показывали не только часы, но дни и месяцы, а также поражали переливчатым перезвоном колоколов, которыми их не забыл снабдить механик, добросовестный фламандец.

Фасад этой монументальной гидравлической машины, питавшей водой Лувр и Тюильри, украшал барельеф со сценой из Евангелия: самаритянка, подносящая воду Иисусу у колодца Иакова.

Анжелика останавливалась у каждой лавочки, перед каждым продавцом игрушек, каждым торговцем домашней птицей, птицеловом, продавцом чернил и красок, перед каждым кукловодом с марионетками, стригалем собак, жонглером кубков. Она заметила, что здесь, рядом с Самаритянкой, расположились и Черный Хлеб с его раковинами, и Крысобой с ножом для «унылой дичи», и также мамаша и папаша Тру-ля-ля.

Окруженный толпой зевак, старый слепец пиликал на скрипочке, а старуха горланила сентиментальный романс, в котором говорилось о повешенных, о трупах, чьи глаза выклевали вороны, и о прочих ужасах из жизни нищих и бандитов. Некоторые слушатели качали головами и утирали слезу. Публичные казни и роскошные процессии всегда служили развлечением

бедному парижскому люду: такие спектакли были бесплатными и в то же время бередили душу, пробуждали чувства. Мамаша Тру-ля-ля проникновенно выводила «рулады»:

*Послушай же, народ простой!
Когда меня мой рок лихой
На виселицу занесет —
Мой черный выпавший язык
За вас псалмы поет!*

Нищенка так широко открывала беззубый рот, что можно было без труда заглянуть ей в глотку. Слеза стекала с уголка глаза мамаша Тру-ля-ля и пряталась в глубоких морщинах. Она была отвратительна и восхитительна одновременно.

Старуха выдала финальное тремоло, послюнявила толстый палец и принялась раздавать листы бумаги, связку которых таскала под мышкой:

— Ну, у кого еще нет своего повешенного?

Дойдя до Анжелики, старуха издала радостный вопль.

— Эй, Тру-ля-ля, а вот и малышка! Ты бы слышала, какие серенады распевал нам все утро твой ненаглядный! Орал, что проклятая собака разорвала тебя в клочья и что он поведет всех парижских нищих и бандитов брать Шатле. А Маркиза — вот она, как миленькая, разгуливает по Новому мосту!..

— А почему бы и нет? — высокомерно возразила Анжелика. — Вы же здесь шлаетесь!

— Я-то здесь работаю, — суетливо заговорила старая пройдоха. — Эта песня, знаешь ли, приносит отличный доход. Я всегда говорю Грязному Поэту: «Дай-ка мне про повешенных. Ничто не продается так хорошо, как повешенные». На, хочешь слова? Совершенно бесплатно, ведь ты наша маркиза.

— Сегодня вечером в Нельской башне тебя будет ждать отличная жареная колбаска, — пообещала Анжелика.

Она пошла прочь вместе с другими зеваками, читая строчки на листке.

*Послушай же, народ простой!
Когда меня мой рок лихой
На виселицу занесет —
Мой черный выпавший язык
За вас псалмы споет!*

В углу, в самом низу страницы стояла подпись, которую она уже видела: «Грязный Поэт». Горькое, наполненное ненавистью воспоминание вновь всколыхнулось в душе Анжелики. Она взглянула на бронзового коня, возвышающегося на открытой площадке. Ей говорили, что именно сюда, к ногам лошади, порой забирается поэт с Нового моста, чтобы переночевать. Воры и бродяги уважали его сон. Впрочем, у стихотворца нечего было красть. Он был беднее нищего; вечный бродяга, всегда страдающий от голода, всегда преследуемый и вечно создающий скандалы, которые, как яд, отравляли Париж.

«Интересно, почему его до сих пор не убили? — подумала Анжелика. — Я бы непременно его убила, если бы только встретила. Но сначала я бы ему сказала, за что...»

Она скомкала бумагу и швырнула ее в реку. Мимо проехала карета, перед которой, как белки, скакали скороходы. В шелковых ливреях, в шляпах, украшенных перьями, они были великолепны.

Толпа пыталась угадать, кто находится в карете. Анжелика смотрела на скороходов и думала о Легкой Ноге, чье сердце не выдержало постоянного бега.

Старый добрый бронзовый король Генрих IV сверкал на солнце и улыбался, глядя поверх моря красных и розовых зонтиков. Центральную часть моста занимали цветочницы и продавщицы апельсинов. Громкими криками они привлекали внимание к золотистым плодам:

— Португальские! Португальские!

Цветочницы появлялись на Новом мосту с раннего утра. Они приходили с улицы Цветочниц, что рядом с Сен-Жюльен-лё-Повр, где находилась их цеховая «резиденция», или с Дровяной улицы, где пополняли запасы цветов в садах Провансальских Братьев.

Самые юные из них, держа в руках корзины с амариллисами, розами и жасмином, сновали в толпе прохожих, в то время как торговки постарше присматривали за лотками, установленными в тени больших красных зонтов.

Одна из таких кумушек попросила Анжелику помочь ей составить букеты, и, увидев, что молодая женщина делает это с отменным вкусом, вручила помощнице двадцать су.

— Похоже, по годам ты уже не годишься в ученицы, — сказала торговка, внимательно оглядев Маркизу Ангелов. — Но любая девчонка потратит года два, пока научится составлять такие букеты, как у тебя. Если хочешь работать со мной, можем договориться.

Анжелика отрицательно покачала головой, зажала в руке двадцать су и пошла дальше. Время от времени она поглядывала на монеты, что дала ей цветочница. Это были первые деньги, которые она заработала собственным трудом.

Молодая женщина купила у разносчика два пирожка, с жадностью проглотила их и смешалась с толпой зевак, которые хохотали во все горло перед тележкой Большого Матье.

Великолепный Большой Матье! Он устроился прямо напротив короля Генриха IV, нисколько не стесняясь ни его улыбки, ни величия.

Взгромоздившись на свою тележку-платформу на четырех колесах, лекарь обращался с речью к толпе зевак, и его громовой голос разносился по всему Новому мосту.

Личный оркестр Большого Матье состоял из трех инструментов: трубы, барабана и кимвала. Музыканты сопровождали речи лекаря, а также заглушали ужасающим грохотом стоны клиентов, которым он вырывал зубы.

Энергичный и упорный, обладающий к тому же удивительной силой и сноровкой, Большой Матье справлялся с самыми упрямыми зубами, даже если для этого ему приходилось ставить пациента на колени, а затем поднимать его с земли лишь с помощью кончиков щипцов. После чего зубодер посылал свою чуть живую жертву к продавцу крепких спиртных напитков полоскать рот. В промежутке между двумя клиентами Большой Матье, в шляпе с пером, развевающимся на ветру, с двойным ожерельем из зубов, оттеняющим его атласный наряд, с огромной саблей, бьющей ему по пяткам, ходил из конца в конец платформы, нахваливая свои небывалые научные знания и превосходное качество снадобий, порошков, электуариев^[24] и всевозможных мазей, приготовленных на основе сливочного и растительного масел, воска и каких-то безвредных травок.

— Дамы и господа, вы имеете счастье лицезреть самую важную особу в мире, виртуоза, единственного в своем роде профессионала, жемчужину медицины, преемника Гиппократата и его наследника по прямой линии, естествоиспытателя, грозу всех факультетов Университета! Вы видите собственными глазами врача,

который славится человеколюбием, патологоанатома, химика, спагирика^[25] и эмпирика. Я лечу солдат из благородства, бедняков — ради любви к Богу, а богатых торговцев — ради денег. Я не доктор, не философ, но моя мазь исцеляет лучше, чем все философы и доктора, вместе взятые. Опыт превышает науку. У меня имеется помада для отбеливания лица: она бела как снег, благоуханна, как бальзам или мускус... А еще у меня вы можете купить мазь, она совсем дешевая, но — слушайте меня внимательно, легкомысленные дамы и господа! — эта мазь защищает всех, и мужчин, и женщин, всех, кто ей пользуется, от коварных шипов с розового куста любовных страстей.

И, подняв руки, Большой Матье с чувством продекламировал:

*Приходите, господа, торопитесь, дамы,
И от всех болезней вам тут лекарство дам я.
Вот волшебный порошок, исцелит он сразу
Пьянице и дураку его скудный разум.
Совесть он плуту вернет, честь вернет девице,
К старой даме ухажер мигом возвратится,
Даст влюбленным старикам молодца руку,
А невежды школяры вспомнят про науку...*

Эта последняя фраза, которую Матье произнес, выпучив огромные глаза, заставила Анжелику расхохотаться. Тот заметил Маркизу Ангелов и дружески подмигнул ей.

«Я засмеялась. Почему я засмеялась? — спросила себя Анжелика. — Ведь он несет откровенную чепуху».

Но ей хотелось смеяться.

Неожиданно к ней подошел какой-то господин.

— Красотка, — сказал он, — я погляжу, у тебя отличное настроение, но ты не слишком богата. Хочешь

заработать двадцать ливров?

— Каким образом? — поинтересовалась Анжелика, смерив собеседника презрительным взглядом.

— Мой хозяин — респектабельный иностранец, который впервые прибыл в Париж. Он горит желанием познакомиться с сокровенными прелестями парижанок и отправил меня подыскать для него веселую и милостивую подружку на ночь. Я пришел на Новый мост, потому что знаю, здесь их можно найти. Ты получишь башмаки, платье, вкусный ужин и двадцать ливров. Между прочим, мой хозяин — отнюдь не уродливый старикашка, он — молодой мужчина приятной наружности, хотя и немного полноват. Это тебя устраивает?

— Нет, совершенно не устраивает.

— Может, поговорить с твоим сутенером?

Анжелика тихонько присвистнула, как будто бы выражая свое восхищение.

— Ну, ты-то в любом случае не иностранец.

— Точно! — ответил слуга. — Я родом из Парижа. Но уже три года я нахожусь на службе у дворянина из провинции Голландия. Меня забросила туда война, даже сам не пойму каким образом. И вот сегодня, после стольких лет, я опять на Новом мосту.

Мужчина восхищенно огляделся вокруг, и Анжелика, воспользовавшись случаем, растворилась в толпе.

Чуть поодаль, на невысоком помосте, старик с деревянной ногой пытался привлечь внимание прохожих.

— Подходите, взгляните на краснокожего мужчину. Прелюбопытнейшее явление природы. Вы считаете себя образованными, потому что видели нескольких чернокожих. Но что может быть сегодня привычнее, чем марокканцы, которыми нас в избытке снабжает турецкий султан? А я покажу вам неведомое существо

из неведомого мира! Я говорю об Америке, чудесной стране, откуда я сам прибыл...

Слово «Америка» удержало Анжелику перед помостом.

Одноногий старик был плохо выбрит, его голову покрывал красный платок, а в ухе поблескивала небольшая золотая серьга. Но казалось, он нисколько не заботился о своем внешнем виде, в отличие от бродячих актеров или эмпириков Нового моста, пытавшихся удивить зрителей блестящей мишурой нарядов. Его грязная рубашка в красную и белую полоску, залатанный жилет и надтреснутый голос не способствовали наплыву публики.

— Кто, как не я, бывший матрос, избороздивший на королевских судах сотню морей, расскажет вам правду о неведомых странах? Но вы торопитесь, дамы и господа, это видно. А ведь я привез с собой не только воспоминания, но и забавное чудо природы, которое там, в Америке, я поймал своими собственными руками.

И концом палки он ткнул на сооружение, напоминающее будку, закрытую занавеской. Это был весь арсенал его «чудес».

— Краснокожий человек, дамы и господа, краснокожий человек!

Анжелика бросила несколько оставшихся у нее су в деревянную площадку, стоявшую перед помостом. Другие зеваки последовали ее примеру.

Когда инвалид счел, что собрал уже достаточно публики, он театральным жестом отодвинул занавеску.

В глубине будки стояла статуя, которую, на первый взгляд, изваяли из терракоты, а ее голову и бедра украсили перьями.

Вдруг статуя пошевелилась, сделала несколько шагов вперед и вышла на солнце. Люди стали перешептываться. Не осталось сомнений, что это действительно был живой мужчина. У него были нос,

рот, уши с серьгами, узкие глаза, окинувшие публику безучастным взглядом, руки, ноги. Его кожа отливала темной медью, но не более, и зрители пришли к выводу, что ее можно сравнить с кожей некоторых испанских или итальянских горцев. В итоге, за исключением перьев, которые обрамляли его бедра и голову, человек с красной кожей не представлял из себя ничего необычного.

Вдосталь насмотревшись и обменявшись мнениями, зрители разошлись, а бывший моряк вернул «экспонат» в его будку. Затем старик позволил себе перерыв, чтобы натереть немного табака, и, скатав его в шарик, принялся жевать.

Анжелика осталась около помоста. Ветер, дувший с Сены, трепал ее волосы и усиливал иллюзию бескрайнего простора, рожденную этим словом: «Америка». Она подумала о Жослене и вновь увидела брата, его сияющий и немного диковатый взгляд, и услышала, как он шепчет:

— Я ухожу в море.

Пастор Рошфор приехал накануне вечером. Он расположился у очага в детской, и дети Сансе окружили его, пожирая восхищенными взглядами. Жослен... Раймон... Ортанс... Гонтран... Анжелика... Мадлон... Дени... Мари-Аньес... Как они были прекрасны, дети Сансе, в своей невинности и в неведении собственных судеб! Они слушали незнакомца, и его слова воспламеняли их сердца.

— Я всего лишь любознательный путешественник, с жадностью изучающий новые земли, где никто не знает ни голода, ни жажды и где человек чувствует себя свободным. Именно там я понял, что все зло исходит от человека белой расы, потому что он не только не следует заветам Господа, но более того, он их извращает. Ведь Господь не повелевал ни убивать, ни разрушать, но только любить друг друга.

Анжелика закрыла глаза.

Когда она открыла их снова, то увидела в нескольких шагах от себя, в толчее Нового моста, Хвастуна, Толстосума, Пиона, Гобера, Красавчика и других бандитов, смотревших на нее во все глаза.

— Сестренка, — воскликнул Пион, хватая Анжелику за руку, — я пойду и поставлю свечку Отцу Всевышнему в церкви Сен-Пьер-о-Бёф. Мы уж было подумали, что больше никогда тебя не увидим!

— Шатле или Общественный госпиталь — вот где следовало тебя искать, выбор невелик.

— Если только тебя не растерзала проклятая собака.

— Сорви-Замок и Осторожный попались. Сегодня утром их повесили на Гревской площади.

Мужчины окружили Маркизу Ангелов. В ее жизнь вернулись зловещие рожи, хриплые голоса беспробудных пьяниц, а вместе с ними — цепи воровского братства, те цепи, что невозможно разбить за один день. Между тем, после того дня, который Анжелика окрестила «днем кораблика с сеном» или «днем Нового моста», в ее душе зародился слабый лучик надежды. Молодая женщина не знала почему, но она надеялась. Со дна трудно подняться столь же быстро, как упасть туда.

— Мы собираемся повеселиться, красавица, — сказал Пион. — Знаешь, почему мы среди бела дня прогуливаемся по Новому мосту? Да потому, что малыш Флипо должен сдать экзамен на умение срезать кошельки.

Флипо, один из сопливых мальчишек Нельской башни, по такому случаю сменил свои привычные лохмотья на костюм из фиолетовой саржи и огромные башмаки, в которых, правда, передвигался с большим трудом. Воришка даже нацепил на шею брыжи из тонкой ткани и взял замшевую сумку, где, как предполагалось, он должен был бы носить книги,

таблички для письма и перья — в таком обличье Флипо походил на сына ремесленника, прогуливающего школу на Новом мосту перед театром марионеток.

Хвастун наставлял с ученым видом:

— Слушай меня внимательно, парень. Сегодня речь не о том, чтобы просто срезать кошель, как ты уже это делал не раз... Мы должны знать, способен ли ты смыться в суматохе и прихватить с собой добычу. Понял?

— Усек, — ответил Флипо.

Мальчишка намеренно вставил словцо из воровского жаргона. Затем он нервно шмыгнул носом и несколько раз провел по нему рукавом.

Бандиты подталкивали паренька к толпе, давая ему последние наставления.

— Когда закончишь возиться с ножницами, а рука устанет, спрячь их в сумке. Твои пальцы сами должны найти дорогу в карманы обыкновенных кумушек, проскользнуть в складках юбок богатых дам, ощупать их красивые платья. У них столько просторных карманов... И берегись, чтобы сержант стражи не дотронулся до тебя своим жезлом, символизирующим королевскую власть!.. Пока он не коснулся тебя этим жезлом, ты еще можешь попытаться улизнуть. Но если ты сбежишь, помеченный королевским знаком, будешь виновен в оскорблении Его Величества и тебе грозит виселица или что-нибудь похуже!

Флипо раздувался от гордости, осознавая собственную значимость и значимость того задания, которое должно было превратить его в настоящего мужчину, то есть в личность, способную совершить преступление.

Его подельники рассматривали прохожих.

— Так, посмотрим, вон подходящий господин, занятый своей прекрасной спутницей, и они идут пешком... Повезло! Ты заметил этого богатея, Флипо?

Вон, они останавливаются около Большого Матье. Пора! Вот твои ножницы, парень, и давай, за дело.

Торжественным жестом Хвастун вручил мальчишке тщательно заточенные ножницы и толкнул его в толпу. Сообщники бандитов уже затесались в ряды зрителей Большого Матье.

Наметанным глазом Хвастун внимательно следил за перемещениями своего ученика. Вдруг он завопил:

— Берегитесь, месье! Месье! Эй! У вас режут кошелек!..

Прохожие посмотрели, куда указывает бандит, и кинулись бежать. Тут во все горло завопил Пион:

— Сударь, осторожнее! Там какой-то мальчишка хочет вас обокрасть!

Господин поднес ладонь к кошельку и схватил за руку Флипо.

— Караул, грабят! — взвыл он.

Его спутница пронзительно заорала.

Поднялась всеобщая суматоха. Люди кричали, наносили удары, вцеплялись друг другу в горло и пьянели от ярости, в то время как приспешники Весельчака лишь усиливали беспорядок своими криками и призывами.

— Я держу его!

— Вот он!

— Ловите! Он убегает!

— Вот там!

— Сюда!

Дети, попавшие в давку, плакали. Женщины падали в обморок. Прилавки опрокидывались. Красные зонты улетели в Сену. Защищаясь, продавцы фруктов кидались яблоками и апельсинами.

Собаки стригая присоединились к общей суеде и теперь путались под ногами, катаясь ошалевшими, хрипящими клубками сваленной шерсти.

Красавчик носился от одной женщины к другой, обнимал горожанок, целовал и тискал их самым непристойным образом прямо на глазах у растерянных мужей, которые тщетно пытались огреть нахала тростью. Удары доставались ни в чем не повинным прохожим, которые в отместку срывали с оскорбленных мужей парики.

В людском водвороте Хвастун и его сообщники срезали кошельки, опустошали карманы, срывали плащи, а Большой Матье под грохот словно с цепи сорвавшегося оркестра размахивал саблей и ревел со своего помоста:

— Давайте, парни! Пошевеливайтесь! Это полезно для здоровья!

Анжелика поднялась на ступени небольшой открытой площадки у подножия статуи и сверху наблюдала за всем этим спектаклем. Вцепившись в решетку, она хохотала до слез. День заканчивался великолепно. Это было то, что нужно: Маркиза Ангелов наконец удовлетворила безудержное желание смеяться и плакать, которое мучило ее с тех пор, как она проснулась на корабле в стог сена, ласкаемая незнакомцем.

Она видела папашу и мамашу Тру-ля-ля, вцепившихся друг в друга и плывших по зыби сражения, как огромная пробка из грязных лоскутов.

Анжелика захохотала еще сильнее. Она задыхалась от смеха. Ох! Она просто с ума сходила от смеха!..

— Значит, тебе ужасно весело, милочка! — проворчал чей-то ленивый голос у нее за спиной.

Мужская рука сжала запястье Анжелики. «Сыч — его не узнают, его чувствуют», — сказал как-то раз Пион. С прошедшей ночи Анжелика научилась чувствовать, откуда исходит опасность. Она все еще смеялась, но несколько тише, и напустила на себя невинный вид.

— Да, забавно, эти люди дерутся, сами не знают почему.

— А может, ты это знаешь?..

Анжелика с улыбкой склонилась к полицейскому. Внезапно уверенной рукой она схватила мужчину за нос и крутанула со всей силы носовой хрящ, а когда от боли полицейский закинул голову назад, Маркиза Ангелов ударила его ребром ладони по выступающему кадыку.

Этому приему ее научила Польша. Он был не настолько жестоким, чтобы оглушить полицейского, но достаточно действенным, чтобы не дать себя схватить.

Освободившись, Анжелика пустилась в бегство, прыгая, как газель.

В Нельскую башню все возвращались кто откуда.

— Конечно, придется проверить, целы ли наши руки и ноги, — радовался Хвастун, — но каков улов, друзья мои, каков улов!

И на стол обрушилась лавина плащей, шпаг, драгоценностей, звонких кошельков.

Флипо, «нашпигованный» синяками, как рождественский гусь трюфелями, водрузил на стол кошель того господина, на которого ему указали.

Мальчишку чествовали, как победителя, и позволили отужинать среди бывалых воров за столом Весельчака.

— Анжелика, — шептал Николая, — Анжелика, если бы я тебя не нашел...

— Что бы произошло?

— Я не знаю...

Он привлек молодую женщину к себе, прижал к мощной груди, как будто бы хотел раздавить ее.

— Ох! Пожалуйста, не надо, — вздохнула Маркиза Ангелов, освобождаясь.

Она прижалась лбом к решетке крошечного окна. Темно-синее небо любовалось на звезды, отражавшиеся в спокойной воде Сены. Воздух был напоен ароматом миндальных деревьев, цветущих в садах и парках предместья Сен-Жермен.

Николя подошел к Анжелике, пожирая ее взглядом. Столь сильная, незатухающая страсть смутила молодую женщину.

— Что бы ты сделал, если бы я не вернулась?

— Смотря по обстоятельствам. Если бы тебя схватили стражники, я бы поднял на ноги всех моих подручных. Они бы следили за тюрьмами, за больницами, за всеми арестованными девушками. Мы бы освободили тебя. Если бы тебя задушила собака, я бы повсюду разыскивал собаку и ее хозяина, чтобы убить их... И наконец, если...

Голос Николая стал хриплым.

— Если бы ты сбежала с другим... я бы нашел тебя и пустил бы кровь этому другому.

Анжелика улыбнулась, потому что у нее перед глазами промелькнуло бледное насмешливое лицо. Но Николая оказался более проникательным, чем она могла бы предположить, и любовь обострила его чутье.

— Не думай, что сможешь легко ускользнуть от меня, — заговорил Весельчак угрожающим тоном. — Среди нищенской братии не принято изменять друг другу, как это делают в высшем свете. Если такое случается, виновный умирает. Ты нигде не сможешь найти убежища... Нас слишком много, и мы могущественны.

Мы разыщем тебя везде — в церкви, в монастыре, даже во дворце короля... Мы хорошо организованы, и ты это знаешь. По правде говоря, больше всего на свете я люблю организовывать сражения.

Он раздвинул полы своей рваной куртки и показал маленькое синеватое пятнышко около левого соска.

— Вот, видишь? Моя мать всегда говорила: «Это знак твоего отца!» Потому что моим отцом был вовсе не деревенский увалень Мерло. Нет. Моя мать родила меня раньше, до свадьбы, от какого-то военного, важного офицера. Она никогда не называла его имени. Но много раз, когда папаша Мерло хотел надавать мне тумаков, она кричала: «Не трогай моего старшенького, в нем течет голубая кровь». Ты ведь не знала об этом, не так ли?

— Ублюдок солдафона! Нашел чем гордиться, — презрительно фыркнула Анжелика.

Своими мощными руками Николая сжал хрупкие плечи любовницы.

— Порой мне хочется раздавить тебя, как лесной орех. Но я тебя предупредил. Если ты когда-нибудь мне изменишь... Если разделишь ложе с другим мужчиной...

— Не бойся. Мне достаточно твоих объятий.

— Но почему ты говоришь это с таким злым видом?

— Потому что надо обладать поистине невероятным темпераментом, чтобы желать чего-то еще на стороне. Если бы только ты мог быть немного понежнее!

— Понежнее? Это я-то недостаточно нежен? — взревел Весельчак. — Да я тебя обожаю! Повтори еще раз, что я недостаточно нежен!

И он занес над ней огромный кулак. Анжелика резко выкрикнула:

— Не смей меня трогать, деревенщина! Скотина! Вспомни о Польке!

Рука Николая безвольно упала. Бандит, мрачно глядя на возлюбленную, вздохнул.

— Прости меня, Анжелика. Ты по-прежнему сильнее меня.

Николай улыбнулся и неловко протянул руки к любовнице.

— Все же иди ко мне. Я постараюсь быть нежным.

Маркиза Ангелов позволила опрокинуть себя на убогое ложе и безразличная, пассивная отдалась объятиям, которые стали для нее привычными.

Насытившись, Николая еще долго лежал, прижавшись к ней. Анжелика чувствовала на щеке колючий ежик волос, которые из-за парика Весельчак стриг очень коротко.

Наконец он произнес глухим голосом:

— Теперь я знаю... Ты никогда не будешь моей. Я хочу не только любовных утех. Мне нужно твое сердце.

— Нельзя получить все, мой бедный Николая, — рассудительно проговорила Анжелика. — Когда-то ты владел частичкой моего сердца, теперь тебе принадлежит мое тело, все целиком. Когда-то ты был моим другом Николая, а теперь ты — мой хозяин Весельчак. Ты убил во мне даже память о той привязанности, что я испытывала к тебе, когда мы были детьми. Но все же я дорожу тобой, пускай по-другому, потому что ты сильный.

Мужчина весь сжался. Он вновь вздохнул и пробормотал:

— Я все время спрашиваю себя, не придется ли мне однажды убить тебя.

Анжелика зевнула, уже засыпая.

— Не говори глупостей.

Тусклый свет звезд проникал в комнату через окошко и отражался в стеклах краденых зеркал. У подножия башни жабы ни на секунду не прекращали свое протяжное пение.

— Николая, — внезапно окликнула Анжелика.

— Да?

— А ты помнишь, как мы хотели отправиться в Америку?

— Да.

— А что, если мы действительно туда уедем, сейчас?

— Куда это?

— В Америку.

— Ты сошла с ума!

— Нет, честное слово... Это страна, где нет ни холода, ни голода, где все свободны.

И она настойчиво продолжила:

— Что нас тут ожидает? Тебя — только тюрьма, пытки, галеры или виселица. Меня... меня, у которой больше ничего не осталось, что ожидает меня, если ты когда-нибудь исчезнешь?..

— Если живешь во Дворе чудес, никогда не стоит думать о том, что тебя ждет. Здесь нет завтрашнего дня.

— Там мы смогли бы получить землю, новую землю — даром. Мы бы стали ее обрабатывать... Я бы помогала тебе.

— Ты сошла с ума! — гнев вновь овладел Николя. — Я только что тебе объяснил, что у меня нет ничего общего с погаными землепашцами. Неужели ты думаешь, что я вот так смоюсь, оставив Родогону-Египтянину все доходы от ярмарки Сен-Жермен?

Молодая женщина не ответила, вновь став ко всему безучастной.

Весельчак ворчал еще некоторое время.

— Ох уж эти девицы, вечно им что-нибудь взбредет в голову!..

Взбешенный, он вертелся с боку на бок и никак не мог успокоиться. Его внутренний голос нашептывал: «Что тебя ждет? Виселица, «Обитель Утоли-мои-печали»? Да. Ну и что? Но как можно жить где-то, кроме Парижа?..»

Той весенней ночью из широкой груди Николя то и дело вырывались приглушенные вздохи.

Он смотрел, как спала Анжелика, и его снедала ревность. Он даже хотел разбудить улыбающуюся во сне любовницу.

А она спала и видела во сне, как уплывает за море на кораблике с сеном.

Глава 7

Однажды вечером в начале лета в Нельскую башню, в логово Весельчака, проскользнул Гнилой Жан. Он пришел повидаться с женщиной, которую прозвали Фанни-Крольчиха. У нее было десять детей, которых она сдавала внаем всем желающим по очереди. За счет этого она и жила, занимаясь попрошайничеством скорее ради развлечения, а проституцией — по привычке, причем последняя привычка отнюдь не уменьшала ее способности размножаться.

Гнилой Жан явился, чтобы «застолбить» ребенка, которого ждала Фанни. Как честный продавец, она предупредила покупателя:

— Тебе придется выложить за него кругленькую сумму, потому что у него будет кривая ступня.

— Ты-то откуда знаешь?

— Тот, кто мне его состряпал, был с кривой ступней.

— Ха-ха-ха! — ехидно расхохоталась Польша. — Вот так удача — ты знаешь, как выглядел тот, кто сделал тебе ребенка. А ты уверена, что не ошиблась?

— Да, у меня есть из кого выбирать, — с достоинством ответила Фанни.

И она вновь принялась пряхь грязную шерсть. Фанни была работающей женщиной и не любила сидеть без дела.

Маленькая обезьянка Пикколо прыгнула на плечо Гнилому Жану и проворно выдрала у него клочок волос.

— Противная тварь! — закричал мужчина, отбиваясь от обезьянки шляпой.

Анжелика осталась довольна выходкой своей любимицы. Зверек не скрывал отвращения, которое ему внушал этот мучитель детей. Но так как Гнилой Жан был важным человеком, которого высоко ценил сам

Великий Кесарь, в чьих владениях и обретался торговец живым товаром, Маркиза Ангелов поманила обезьянку к себе.

Гнилой Жан с проклятиями почесывал макушку. Он уже не раз ябедничал Великому Кесарю: люди Весельчака наглые и опасные. Они считают себя хозяевами. Но наступит день, когда другие бандиты перестанут с этим мириться. И тогда...

— Давай, пропусти стаканчик, — предложила Полька, чтобы успокоить гостя.

Она налила ему полную чарку горячего вина. Гнилой Жан всегда мерз, даже летом. Казалось, в его венах течет рыба кровь. К тому же и сине-зеленые глаза, и холодная, липкая кожа торговца живым товаром напоминали о рыбе.

Когда он выпил, его рот оскалился в отвратительной улыбке, приоткрыв ряд испорченных зубов.

В сопровождении маленького Лино в башню вернулся Тибо-Музыкант.

— Э! Что за прелестный малыш, — проговорил Гнилой Жан, потирая руки. — Тибо, на этот раз решено, я у тебя его покупаю и дам за него — слушай внимательно! — я тебе дам пятьдесят ливров! Целое состояние!

Старик бросил смущенный взгляд сквозь прореху своей соломенной шляпы.

— Что, по-твоему, мне делать с этими пятьюдесятью ливрами? И потом, кто будет бить в барабан, если я останусь без мальчишки?

— Надрессируешь другого.

— Но этот-то мой внук.

— Как, ты не хочешь, чтобы он был счастлив? — заверещал отвратительный Гнилой Жан с хитрой улыбочкой. — Только представь, твой внук будет ходить в бархате и кружевах. Я тебе не вру, Тибо. Я уже знаю, кому я его продам. Он будет фаворитом одного

знатного вельможи, а потом, если хватит ловкости, сможет достичь высокого положения.

Гнилой Жан погладил темные кудри ребенка.

— Лино, хочешь носить красивую одежду, есть от пуза с золотой посуды, грызть конфеты?

— Я не знаю, — ответил мальчишка с недовольной миной.

Маленький музыкант плохо представлял себе подобные прелести жизни, ведь в жизни он не видел ничего, кроме нищеты своего деда.

Желтый солнечный луч прокрался в приоткрытую дверь комнаты и осветил золотистую кожу ребенка. У Лино были длинные густые ресницы, огромные черные глаза, красные, как вишни, губы. Он носил свои лохмотья с непередаваемой грацией. Мальчика можно было принять за маленького аристократа, переодевшегося для маскарада, и казалось удивительным, что такой цветок смог вырасти посреди навоза.

— Пойдем! Пойдем! Мы с тобой отлично поладим, — сказал Гнилой Жан.

И его белая рука скользнула по плечам ребенка.

— Идем, мой красавчик, мой ягненочек.

— Да я ведь не согласен! — запротестовал музыкант, дрожа от страха перед Жаном. — Ты не имеешь права отбирать у меня внука!

— А я его и не отбираю, я его у тебя покупаю. Пятьдесят ливров! Правильно? И вообще, давай поспокойнее, а то и вовсе ничего не получишь. Вот так-то.

Пройдоха отодвинул старика в сторонку и поволок Лино к выходу.

Но перед дверью стояла Анжелика.

— Ты не можешь забрать его без разрешения Весельчака, — спокойным голосом заявила она.

И, взяв мальчика за руку, вернулась с ним в зал.

Лицо торговца детьми, которое и без того обыкновенно было воскового цвета, совершенно побледнело. Секунды три Гнилой Жан не мог перевести дух от гнева.

— Надо же! Вот это да! — процедил он и, придвинув к себе скамейку, добавил: — Что ж, подождем Весельчака.

— Можешь ждать хоть всю жизнь, — сказала Польшка. — Если она не захочет, так ты малыша и не получишь. Весельчак делает все, как она скажет, — закончила женщина, в голосе которой слышались одновременно горечь и восхищение.

Весельчак в сопровождении своих молодчиков вернулся лишь с наступлением темноты. Прежде всего он потребовал выпивки. О делах можно поговорить позднее.

Пока бандит жадно утолял жажду, в дверь постучали. Это было необычно, свои заходили без стука. Присутствующие переглянулись, и Пион, обнажив шпагу, пошел открывать.

Снаружи раздался женский голос:

— Гнилой Жан здесь?

— Заходите, — пригласил Пион.

Смоляные факелы, укрепленные на стенах в железных кольцах, осветили нежданных гостей: крупную девицу, закутанную в плащ, и лакея в красной ливрее, с корзиной в руках.

— Мы искали тебя в предместье Сен-Дени, — объяснила девушка Гнилому Жану. — Но нам сказали, что ты у Весельчака. Признаться, ты заставил нас побегать. Что и говорить, от Тюильри до Нельской башни мы добрались бы гораздо быстрее.

Продолжая болтать, она откинула плащ и взбила кружева на корсаже, в вырезе которого сверкал маленький золотой крест на черной бархатной ленточке. Глаза мужчин загорелись при виде этой

прелестной бойкой бабенки, чей тонкий кружевной чепец почти не скрывал пылающей рыжей шевелюры.

Анжелика незаметно отошла подальше. На ее висках выступили капельки пота. Она сразу же узнала Бертиль, горничную графини де Суассон; именно эта девушка несколько месяцев тому назад вела с ней переговоры о продаже Куасси-Ба.

— У тебя что-то есть для меня? — спросил Гнилой Жан.

С многообещающим видом девушка сняла покрывало с корзины, которую лакей поставил на стол, и достала новорожденного младенца.

— Вот, — сказала она.

Гнилой Жан придирчиво взглянул на товар.

— Толстый, ладный, — произнес он с недовольной гримасой. — Клянусь честью, я не смогу дать за него больше тридцати ливров.

— Тридцать ливров! — возмущенно воскликнула девица. — Слышишь, Гиацинт? Тридцать ливров! Нет, ты что, на него даже не посмотрел? Ты уже не способен оценить товар, который я тебе приношу!

Она развернула пеленку и продемонстрировала при свете пламени совсем голенького новорожденного.

— Посмотри на него хорошенько.

Разбуженный малыш слабо зашевелился.

— Ой! — воскликнула Полька. — Да у него член черный!

— Это сын мавра, — прошептала служанка, — полукровка. Ты знаешь, какими они вырастают красивыми, эти мулаты с золотой кожей! Таких не часто увидишь. Вот исполнится ему шесть или семь лет, и ты сможешь перепродать его намного дороже, например в пажи.

Бертиль зло усмехнулась и добавила:

— Кто знает? Возможно, ты сможешь продать ребенка его собственной матери, графине де Суассон.

Глаза Гнилого Жана загорелись от жадности.

— Ладно, — решил он. — Я дам тебе сто ливров.

— Сто пятьдесят.

Гнусный торговец вплеснул руками.

— Ты хочешь меня разорить! Только представь, во сколько мне обойдется его воспитание, особенно если я собираюсь вырастить мальчишку толстым и сильным?..

Последовал отвратительный торг. Чтобы добиться своего, Бертиль положила ребенка на стол и, уперев руки в боки, предложила всем присутствующим взглянуть на младенца, что бандиты и сделали, правда, с некоторой опаской. За исключением очень темных гениталий, ребенок ничем не отличался от любого другого новорожденного. Лишь кожа его казалась слегка красноватой.

— И вообще, кто мне подтвердит, что это действительно мулат? — заявил Гнилой Жан, исчерпав все аргументы.

— Я тебе клянусь, его отец был чернее, чем дно у котелка.

Фанни-Крольчиха испуганно вскрикнула:

— Ой! Я бы умерла от страха. Как твоя хозяйка только смогла...

— А правду говорят, что мавру достаточно взглянуть в глаза женщине, и она уже забеременеет? — спросила Полька.

Служанка зашлась в приступе ехидного хохота.

— Ага, говорят... И даже наперебой повторяют и в Тюильри, и в Пале-Рояль, с тех самых пор, как стала заметна беременность моей хозяйки. Этот слух дошел даже до покоев самого короля. Его Величество заметил: «В самом деле? Для этого, я полагаю, необходим очень глубокий взгляд». И, встретив мою хозяйку в своей приемной, повернулся к ней спиной. Можете себе представить, как это разозлило графиню де Суассон! Она ведь так надеялась прибрать короля к рукам! Но он

просто в бешенстве с тех самых пор, как начал подозревать, что мужчина с черной кожей обладал мадам де Суассон точно так же, как и он сам. И, что самое ужасное, ни муж, ни любовник — этот мерзавец маркиз де Вард, не желают признавать свое отцовство. Но моя хозяйка изворотлива, она сумеет остановить сплетни. Прежде всего, официально она должна разродиться лишь в декабре.

Бертиль уселась, оглядев присутствующих торжествующим взглядом.

— Польша, налей-ка мне стаканчик, я сейчас расскажу. Так вот. Все не так уж сложно. Достаточно уметь считать на пальцах. Мавр оставил службу у моей хозяйки в феврале. Если она родит в декабре, то, значит, он никак не может быть отцом ребенка, не правда ли? Графине лишь остается ослаблять корсет на платье и жаловаться: «Ах! Моя дорогая, этот ребенок так брыкается. Он меня измучил. Даже не знаю, смогу ли отправиться сегодня вечером на королевский бал!» И потом, в декабре, — роды. С большой помпой, быть может, даже в Тюильри. Вот тогда-то, Гнилой Жан, ты должен будешь продать нам самого свеженького однодневного младенчика. Его отцом может быть кто угодно. Главное, чтобы он был белым. Так мы докажем всем, что мавр тут ни при чем. Все знают, что в феврале король сослал его на галеры.

— А за что он угодил на галеры?

— Из-за одной грязной истории с колдовством. Он был в сговоре с колдуном, которого сожгли на Гревской площади.

При всем своем самообладании Анжелика не удержалась и бросила быстрый взгляд на Николая. Но тот пил и ел с полным равнодушием. Тогда молодая женщина еще сильнее забилась в тень. Ей очень хотелось уйти из зала, но в то же время Маркиза

Ангелов умирала от желания услышать продолжение рассказа.

— Да уж, грязная история, — продолжила Бертиль, понизив голос. — Этот чернокожий дьявол умел наводить порчу. Именно за это его и осудили. Потому-то даже Лавуазен отказалась помочь моей хозяйке, когда та пришла к ней и попросила вытравить плод.

Карлик Баркароль вскочил на стол рядом со стаканом служанки.

— Оп! Я видел эту даму и тебя тоже; я видел тебя много раз, моя прелестная кудрявая лисичка. Я — тот маленький демон, что открывает дверь в доме предсказательницы, моей знаменитой покровительницы.

— Действительно, и я тебя узнала, твою дерзость нельзя забыть. Лавуазен не захотела помочь графине избавиться от ребенка, потому что та носила под сердцем сына мавра.

— Откуда же она про это узнала? — спросила Фанни.

— Она все знает. Она ведь колдунья. Ей лишь стоило взглянуть на линии руки моей хозяйки, и она тут же ей все рассказала, — с испугом добавила служанка. — Что это будет ребенок смешанной крови, что черный мужчина, зачавший его, сведущ в тайнах магии, что она не может его убить, иначе навлечет на себя несчастье, хотя и сама колдунья. Моя хозяйка сильно огорчилась: «Что же мы будем делать, Бертиль?» — спросила она у меня. Она была вне себя от ярости. Но Лавуазен не уступила. Колдунья сказала только, что поможет моей хозяйке разродиться, когда придет время, и сделает так, что об этом никто не узнает. Но больше она ничем не может помочь. И потребовала кучу денег! Все случилось прошлой ночью в Фонтенбло, куда весь двор переехал на лето. Лавуазен пришла с одним из своих подручных, колдуном, которого зовут Мудрец. Моя

хозяйка родила в маленьком домике, принадлежащем семье Лавуазен, он находится совсем рядом с замком. На рассвете я проводила хозяйку обратно в замок. И вот уже рано утром она, наряженная, с подведенными глазами предстала перед королевой, как это и положено, ведь мадам де Суассон возглавляет свиту Ее Величества^[26]. Ее появление озадачит многих придворных, которые сейчас так надеются увидеть хозяйку в затруднительном положении. Им придется прекратить грязные сплетни. Госпожа де Суассон по-прежнему беременна и родит лишь в декабре, причем совершенно белого ребенка, и, возможно, господин де Суассон признает его своим.

Последнее заявление служанки было встречено дружным взрывом хохота. Баркароль перекувыркнулся и сказал:

— Я слышал, как моя покровительница сообщила Мудрецу, что это дельце мадам де Суассон озолотило ее получше найденного клада.

— Еще бы! Лавуазен — настоящая грабительница, — злобно пробормотала Бертиль. — Она потребовала столько, что моя хозяйка в благодарность за помощь смогла подарить мне всего лишь маленькое ожерелье.

Служанка задумчиво взглянула на карлика.

— А вот ты, — внезапно сказала девушка, — сдается мне, тебе по силам порадовать одну очень высокопоставленную особу, с которой я знакома.

— Я всегда думал, что создан для великих свершений, — заявил Баркароль, гордо выпрямившись на маленьких кривых ножках.

— Карлик королевы умер, и это событие безмерно расстроило Ее Величество, а королеве вредно расстраиваться, особенно с тех пор, как она беременна. Карлица — так та и вовсе в отчаянии. Никто не может ее успокоить. Ей нужен новый спутник... ее размера.

— О! Я уверен, что понравлюсь этой благородной даме! — воскликнул Баркароль, цепляясь за юбку служанки. — Возьмите меня с собой, прекрасная рыженькая барышня, уведите меня к королеве. Разве я не восхитительный, разве не очаровательный?

— Это правда, он не урод. Ты согласен, Гиацинт? — забавляясь, промурлыкала Бертиль.

— Меня даже можно назвать красивым, — гордо изрек маленький уродец. — Если бы природа подарила мне лишних пол-туаз^[27], я был бы самым шустрым любовником. И поверьте, мой язык никогда не устанет говорить комплименты дамам.

— Карлица говорит только по-испански.

— Зато я говорю и по-испански, и по-немецки, и по-итальянски!

— Его надо забрать! — воскликнула Бертиль, хлопая в ладоши. — Это превосходное дельце, Ее Величество нас отблагодарит. Давайте поторопимся. К утру мы должны возвратиться в Фонтенбло, чтобы никто не заметил нашего отсутствия. Может, положить тебя в корзинку новорожденного мулата?

— Вы смеетесь надо мной, мадемуазель, — запротестовал Баркароль, уже видевший себя важным вельможей.

Все присутствующие хохотали и поздравляли карлика. Бар-кароль у королевы!.. Баркароль у королевы!

Весельчак ограничился тем, что поднял взгляд от миски.

— Не забывай своих товарищей, когда станешь богатым, — изрек напоследок главарь банды. И сделал характерный жест, как будто бы пропуская эю между большим и указательным пальцами.

— Да чтоб ты мне всю кровь выпустил, если забуду! — воскликнул карлик, отлично разбиравшийся в

безжалостных законах воровской братии.

Баркароль допрыгал до угла, в котором укрылась Анжелика, и отвесил ей низкий придворный поклон.

— До свидания, прекраснейшая, до свидания, сестренка, Маркиза Ангелов.

Забавный маленький человечек поднял на Анжелику взгляд живых, необыкновенно пронизательных глаз. И добавил, изображая из себя заправского щеголя:

— Надеюсь, дорогая, что мы еще увидимся. Я назначаю вам свидание... в покоях королевы.

Глава 8

Двор обосновался в Фонтенбло. Для такой жары трудно было подыскать нечто более прелестное, чем этот белый замок, утопающий в зелени, манящий тенистым прудом с карпами, среди которых была старая, совсем белая рыба-патриарх, носящая в ноздрях кольцо самого Франциска I.

Вода, цветы, рощи...

Король работал, король танцевал, король охотился в сопровождении свиты. Король был влюблен. Нежная Луиза де Лавальер^[28], трепещущая от одной мысли, что сумела пробудить страсть в королевском сердце, поднимала на государя роскошные темно-синие глаза, полные неги. Весь двор, обращаясь к ярким аллегориям и сравнивая прелестницу с лесной богиней Дианой, которая в конце концов отдалась Эндимиону, наперебой восхвалял восхождение скромной светловолосой девушки, чей цветок невинности сорвал сам Людовик XIV.

Луизе исполнилось семнадцать лет. Совсем недавно девушка распрощалась с бедностью и многочисленным провинциальным семейством и потому стояла особняком среди фрейлин Мадам. Немудрено, что юная Луиза де Лавальер приходила в замешательство, когда «нимфы» и «сильваны» лесов Фонтенбло, стоило ей появиться в лунном сиянии, шептали: «Вот идет фаворитка!» Сколько суматохи вокруг ее персоны! Она не знала, как скрыть силу своей любви и грех бесчестья! Но придворные в совершенстве освоили все тонкости ремесла паразитов. Именно через любовницу они могли влиять на короля, плели интриги, получали места, милости, денежные пенсии. И пока королева, отягощенная бременем будущего материнства,

оставалась в своих покоях в обществе безутешной карлицы, летние дни мелькали непрерывной чередой праздников и развлечений.

Во время приватного ужина на канале, когда в лодках не нашлось места для офицеров королевского рта, было забавно наблюдать, как принц Конде, вместо того чтобы выигрывать сражения или устраивать заговоры против короля, берет блюда, которые ему протягивают с соседней лодки, и предлагает их Его Величеству и его фаворитке, как образцовый слуга.

11 августа все дамы охотились на оленей. 14 состоялся бал на открытом воздухе, во время которого король в костюме пастушка танцевал с Лавальер. 18 августа давали концерт в лесу, и оркестр, укрытый в кустах, соперничал с птицами. 25 устроили факельное шествие... и процессию возглавляла Любовь.

Окутанная смрадом, поднимавшимся от берегов Сены, обнажившихся в жару, Анжелика смотрела, как на собор Парижской Богоматери опускаются сумерки.

Над высокими квадратными башнями и длинным нефом, заканчивающимся массивной апсидой, виднелось желтоватое небо, усеянное пятнышками ласточек. Время от времени птицы проносились рядом с сидящей женщиной и, задевая берег крылом, с пронзительным криком улетали.

На другой стороне реки, вниз по течению от домов каноников собора Парижской Богоматери тянулась длинная глиняная коса, место самого большого парижского водопоя.

В этот час сюда направлялась вереница лошадей, ведомых извозчиками или кучерами карет. Непрекращающееся ржание животных оживляло прекрасный вечер.

Анжелика резким движением поднялась с места. «Я пойду посмотреть на моих детей», — решила она.

За двадцать су перевозчик переправил ее на лодке к пристани Сен-Ландри. Анжелика прошла по улице Ада и остановилась в нескольких шагах от дома прокурора Фалло де Сансе. Она даже и не помышляла о том, чтобы появиться в особняке сестры в нынешнем плачевном виде: в оборванной юбке, с растрепанными волосами, подвязанными косынкой, в стоптанных башмаках. Но вот уже некоторое время ей не давала покоя мысль, что если встать где-нибудь рядом с домом, то, возможно, доведется увидеть обоих сыновей. В последнее время эта идея превратилась в навязчивую, она занимала все помыслы Анжелики; потребность увидеть малышей с каждым днем становилась все сильнее и сильнее. Маленькое личико Флоримона всплывало из пучины забвения и безразличия, в которую она была погружена. Молодая мать вновь видела черные кудри сына, выбивающиеся из-под красного чепчика, слышала его лепет. Сколько ему сейчас лет? Немногим более двух. А Кантору? Семь месяцев. Его Маркиза Ангелов даже не могла себе представить. Она оставила сына таким крошечным!

Прислонившись к стене рядом с лавочкой сапожника, Анжелика не спускала глаз с фасада дома, в котором жила, пока еще была богата и уважаема. Всего год назад ее экипаж перегородил этот узкий проулок. Именно отсюда роскошно одетая графиня де Пейрак отправилась любоваться триумфальным въездом короля в Париж. И Кривая Като передала Анжелике выгодное предложение суперинтенданта Фуке: «Милочка, не лучше ли принять предложение... чем расстаться с жизнью?»

Анжелика отказалась. И потеряла все. Порой она спрашивала себя, а не потеряла ли она и саму жизнь, ведь у нее больше не было ни имени, ни прав на

существование. Для всех, кто знал ее прежде, она умерла.

Время шло, но двери дома оставались закрытыми. Только за грязными стеклами конторы прокурора смутно угадывались силуэты клерков.

Один из них вышел, чтобы зажечь фонарь.

Анжелика спросила:

— Мэтр Фалло де Сансе у себя, или он уехал за город в имение?

Прежде чем ответить, служащий внимательно посмотрел на обратившуюся к нему женщину.

— Мэтр Фалло здесь больше не живет, — сказал незнакомец. — Он продал свою должность. У него были неприятности из-за процесса о колдовстве, в котором оказалась замешана его семья. Это нанесло ущерб его профессиональной деятельности. К тому же его ограбили. Он переехал.

— А... вы не знаете куда?

— Нет, — заявил мужчина надменным тоном. — И даже если бы знал, я бы тебе этого не сказал. Ты для него неподходящая клиентка.

Анжелика была потрясена. Уже несколько дней она жила лишь одной мыслью: увидеть, пускай мельком, лица детей. Она рисовала в своем воображении, как они возвращаются с прогулки: Кантор на руках Барбы, Флоримон весело семенит рядом. И вот они навсегда исчезли из ее жизни!

Маркизе Ангелов пришлось прислониться к стене, так сильно у нее закружилась голова.

Сапожник, который как раз вышел запереть свою лавочку на ночь и слышал разговор, спросил:

— Тебе так нужно увидеть мэтра Фалло? По поводу какой-то тяжбы?

— Нет, — ответила Анжелика, пытаясь взять себя в руки, — но я... я хотела бы увидеть девушку, которая была у него в услужении... ее зовут Барба. Неужели

никто не знает адреса господина прокурора в новом районе?

— Насчет мэтра Фалло и его семьи я ничего не знаю, зато с Барбой проще. Она у них больше не служит. В последний раз, когда ее видели, она работала в трактире «Храбрый петух», на улице Валле-де-Мизер^[29].

— Ах! Благодарю вас.

Анжелика бежала по городу в сгущающихся сумерках. Улица находилась прямо за тюрьмой Большой Шатле и считалась вотчиной торговцев жареным мясом. Днем и ночью здесь раздавались крики домашней птицы, которую резали мясники, и слышался непрерывный скрип вертелов, вращавшихся над огромными очагами.

Трактир «Храбрый петух» располагался в самом конце улицы и отнюдь не выглядел процветающим. При виде его скорее можно было подумать, что уже начался Великий пост.

Анжелика вошла в зал, скупо освещенный двумя или тремя свечами. За столом перед кувшином вина сидел дородный мужчина, чью голову венчал грязный поварской колпак. Казалось, он был больше увлечен выпивкой, нежели обслуживанием клиентов. Правда, и клиентов было немного — несколько ремесленников и какой-то весьма потрепанного вида путешественник. Подросток в засаленном фартуке, еле волоча ноги, разносил неаппетитные на вид блюда.

Анжелика обратилась к здоровяку повару:

— У вас есть служанка по имени Барба?

Небрежным жестом мужчина указал в сторону кухни.

Анжелика заметила Барбу, которая, сидя перед очагом, ощипывала птицу.

— Барба!

Девушка подняла голову и вытерла рукой вспотевший лоб.

— Чего ты хочешь, подружка? — спросила она устало.

— Барба! — повторила Анжелика.

Глаза служанки округлились, и она приглушенно вскрикнула:

— Ох! Госпожа! Пусть госпожа меня извинит...

— Не следует больше называть меня госпожой, — резким тоном произнесла Анжелика.

Она присела на камень у очага. Жара была удушающей.

— Барба, где мои дети?

Толстые щеки Барбы задрожали от еле сдерживаемых рыданий. Девушка проглотила слюну и наконец сумела выговорить:

— Они у кормилицы, госпожа... Под Парижем, в деревне около Лоншана.

— Моя сестра Ортанс не оставила детей у себя?

— Госпожа Ортанс сразу передала их кормилице. Однажды я была у этой женщины, чтобы отдать ей деньги, которые вы мне оставили. Госпожа Ортанс потребовала, чтобы я отдала деньги ей, но я отдала ей не все. Я хотела, чтобы деньги пошли малышам. Но потом... больше я не бывала у кормилицы... Я ушла от госпожи Ортанс... Я работала в разных местах... Сейчас так трудно заработать на жизнь.

Теперь она говорила чересчур быстро, избегая смотреть Анжелике в глаза. Маркиза Ангелов задумалась. Лоншан располагался недалеко от Парижа. Придворные дамы часто прогуливались туда пешком, чтобы попросить совета или просто побеседовать с монахинями из аббатства... Барба снова принялась нервными движениями ощипывать птицу. Анжелика почувствовала на себе чей-то пристальный взгляд. Обернувшись, она увидела помощника повара, который

пялился на нее во все глаза, отнюдь не скрывая тех чувств, что в нем пробудила эта прекрасная женщина в жалких лохмотьях. Анжелика давно привыкла к жадным взорам мужчин. Но на сей раз излишнее внимание вывело ее из себя. Молодая женщина быстро поднялась.

— Где ты живешь, Барба?

— Здесь, на чердаке.

В комнату вошел владелец «Храброго петуха» в своем сбившемся на бок колпаке.

— Так-так, что это вы тут делаете? — спросил он, еле ворочая языком. — Давид, тебя требуют клиенты... Птица скоро будет готова, Барба? Честное слово, я один должен крутиться, пока вы тут прохлаждаетесь... А нищенка чего тут ошивается? Убирайся, брысь, пошла вон! И не пытайся стянуть у меня каплуна...

— Ой! Госпожа!

Но в тот вечер Анжелика была в боевом настроении. Она уперлась кулаками в бока и выложила весь словарный запас Польки.

— Захлопни пасть, жирная бочка! На кой черт мне сдались твои старые картонные петухи? А ты, юный девственник, изнывающий от похоти, лучше опусти свои гляделки и закрой хлебало, если не хочешь схлопотать по морде...

— Ой! Госпожа! — в ужасе вскрикнула Барба. Анжелика воспользовалась тем, что оба мужчины остолбенели от неожиданности, и шепнула служанке:

— Я подожду тебя во дворе.

Чуть позже, когда появилась Барба с подсвечником в руке, Анжелика поднялась вслед за ней по старой расшатанной лестнице на чердак, который хозяин Буржую сдавал служанке за скромную плату.

— У меня здесь очень бедно, госпожа, — смущенно произнесла Барба.

— Ничего. Я знакома с бедностью.

Анжелика скинула башмаки, чтобы насладиться прохладой каменного пола, и уселась на постель — обычный соломенный тюфяк без покрывала, установленный на четырех ножках.

— Не сердитесь на мэтра Буржую, — начала Барба. — Он неплохой человек. Но после смерти жены он помешался от горя и запил. Поваренок — его племянник. Хозяин привез парнишку из провинции, чтобы тот помогал ему, но он не очень-то расторопен. Вот дела и идут из рук вон плохо.

— Если тебя не обременит, Барба, — попросила Анжелика, — позволь мне провести здесь ночь. Завтра на рассвете я пойду навестить детей. Могу ли я разделить с тобой постель? Мне нужно отдохнуть.

— Госпожа окажет мне честь.

— Честь, — горько усмехнулась Анжелика. — Посмотри на меня и больше не произноси этого слова.

Барба разрыдалась.

— Ох! Госпожа, — бормотала служанка. — Ваши прекрасные волосы... роскошные волосы! Кто же их вам теперь расчесывает?

— Я сама... иногда. Барба, перестань так горько плакать, я тебя прошу.

— Если госпожа мне позволит, — шептала служанка, — у меня есть щетка... Я могла бы... воспользоваться случаем, что я рядом с госпожой...

— Если хочешь.

Умелые руки начали распутывать чудесные пряди, отливающие теплым золотом. Анжелика закрыла глаза. Сколь велика власть обыденных жестов! Заботливых рук служанки оказалось достаточно для того, чтобы вернулась атмосфера уюта, которая, как казалось, исчезла навсегда. Барба шмыгала носом.

— Не плачь, — повторила Анжелика, — все это когда-нибудь закончится... Да, я верю, что кончится. Не сейчас, но я уверена, придет день... Ты не можешь

понять, Барба. Это какой-то дьявольский замкнутый круг, из которого только один выход — смерть. Но я начинаю верить, что мне удастся вырваться. Не плачь, Барба, моя добрая девочка...

Ночь они провели бок о бок. Барба вставала на работу с первыми лучами солнца. Вслед за служанкой Анжелика проскользнула на кухню трактира. Барба заставила бывшую хозяйку выпить подогретого вина и дала ей в дорогу два маленьких пирожка.

Анжелика отправилась в Лоншан. Она миновала ворота Сент-Оноре и по песчаному променаду, который называли Елисейскими полями, пришла в деревню Нёйи, где, как уверяла Барба, и находились дети. Молодая женщина еще не знала, что она собирается делать. Взглянуть на мальчиков издали? И, если вдруг Флоримон, заигравшись, подойдет к ней поближе, можно предложить ему пирожок...

Анжелика узнала у прохожих, где находится дом мамы Маво. Около дома, в пыли под присмотром девчушки лет тринадцати играли дети. Малыши были довольно грязными и неухоженными, но выглядели здоровыми.

Но Маркиза Ангелов напрасно пыталась распознать среди них Флоримона.

Наконец из дома вышла дородная женщина в грубых деревянных башмаках, и Анжелика, догадавшись, что это и есть кормилица, решила зайти во двор.

— Я бы хотела увидеть двоих детей, которых вам доверила мадам Фалло де Сансе.

Крестьянка, темноволосая мужеподобная баба, оглядела Анжелику с нескрываемым недоверием.

— Может, вы принесли деньги, которые мне задолжали?

— Так, значит, вам задолжали с оплатой?

— Если бы только задолжали! — взорвалась женщина. — Тех денег, что мне дала мадам Фалло, и тех, которые потом принесла служанка, хватило только на месяц. А потом — дудки, ни шиша! Я отправилась в Париж разобраться, в чем дело, но Фалло переехали. Вот и манеры этих прокурорских ворон!

— Где они? — спросила Анжелика.

— Кто?

— Дети.

— А я-то почему знаю? — кормилица пожала плечами. — У меня и без них полно хлопот, я занимаюсь карапузами, за которых мне платят.

Тут подошла девочка-подросток и быстро проговорила:

— Маленький там, я покажу.

И она повела Анжелику через двор к хлеву, где были привязаны две коровы. За яслями обнаружился ящик, в глубине которого лежал приблизительно полугодовалый ребенок. Малыш был совершенно голым, если не считать грязного лоскута на животе, край которого он с жадностью сосал.

Анжелика схватила ящик и потащила его в фермерский дом.

— Это я отнесла его в хлев, потому что ночью там теплее, чем в подвале, — прошептала девчушка. — Малыш весь покрыт коростой, но он не худой. Утром и вечером я дою коров и каждый раз даю ему немного молока.

Ошеломленная Анжелика смотрела на младенца. Это жалкое создание, все покрытое гнойниками и паразитами, не могло быть Кантором! И к тому же Кантор родился со светлыми волосами, а кудри этого малыша были совсем темными. В этот миг мальчик открыл светлые глазки.

— У него зеленые глаза, как у вас, — заметила девочка. — Вы его мать?

— Да, я его мать, — ответила потрясенная Анжелика. — А где же старший?

— Должно быть, в собачьей конуре.

— Жавотта, не суй нос не в свое дело! — крикнула крестьянка.

Она неприязненно наблюдала за перемещением Анжелики и девочки-подростка, но не мешала, втайне надеясь, что эта жалкая нищенка все-таки принесла деньги.

Анжелика, неся ящик с малюткой, пошла за девочкой.

В конуре сидела огромная сторожевая собака, чрезвычайно злобная на вид. Чтобы ее выманить, Жавотте пришлось прибегнуть к всевозможным ухищрениям и посулам.

— Фло всегда прячется за Пату, потому что он боится.

— Боится чего?

Девчушка живо огляделась по сторонам.

— Что его побьют.

И Жавотта вытащила из глубины будки какой-то черный и кудрявый шар.

— Да это же щенок! — воскликнула Анжелика.

— Нет, это его волосы.

— Конечно, — прошептала мать.

Такая шевелюра могла принадлежать лишь сыну Жоффрея де Пейрака. Но под густой, жесткой и темной гривой волос оказалось жалкое, исхудавшее серенькое тельце, кое-как прикрытое лохмотьями.

Анжелика опустилась на колени и дрожащей рукой отвела растрепанные волосы. Она увидела бледное тонкое личико, на котором горели черные, широко открытые глаза. Невзирая на сильную жару, ребенок непрерывно дрожал. Его хрупкие косточки выпирали наружу, как у скелета, кожа была шершавой и грязной. Анжелика поднялась и направилась к кормилице.

— Вы бросили их умирать от голода, — произнесла она медленно, глухим голосом. — Вы бросили их умирать в нищете... Много месяцев дети не видели никакого ухода, их не кормили. Только собачьи объедки и те куски, что эта девочка отрывала от собственного скудного ужина. Вы подлая мерзавка!

Крестьянка стала пунцовой. Она скрестила руки на груди и злобно заорала:

— Нет, как вам это нравится! Оставляем мне мелюзгу, не дав ни единого су, исчезаем, не оставив адреса, и нате — заявляется какая-то бродяжка с большой дороги, да еще оскорбляет... Оборванка, цыганка!

Анжелика, не слушая эти вопли, вернулась в дом.

Она схватила какую-то тряпку, висевшую перед очагом, и с ее помощью закрепила Кантора у себя на спине, завязав концы материи на груди, как носят детей цыгане.

— Что это вы собираетесь делать? — спросила кормилица, следовавшая за молодой матерью по пятам. — Вы хотите их забрать отсюда, да? Так давайте деньги.

Анжелика порылась в карманах и кинула на пол несколько монет. Крестьянка усмехнулась.

— Пять ливров! Ты смеешься надо мной, мне должны триста. Давай плати! А то я позову соседей с собаками, и тебя выгонят вон.

Высокая и толстая, она встала перед дверью, раскинув руки. Анжелика запустила ладонь под корсаж и достала кинжал. Клинок Родогона-Египтянина сверкал в тени комнаты так же ярко, как и зеленые глаза женщины, державшей его.

— Прочь с дороги! — сказала Анжелика хриплым голосом. — Отвали или я пушу тебе кровь.

Услышав воровской жаргон, крестьянка стала мертвенно-бледной. Даже за воротами Парижа все

знали об отваге нищих и о той ловкости, с которой они владели оружием. Кормилица в ужасе отступила, а Анжелика прошла мимо нее, направив лезвие кинжала в сторону дрожащей женщины, как ее учила Польшка.

— Никого не зови! И не вздумай пускать по моему следу собак или деревенских мужиков! Не слушаешь — так с тобой приключится беда. Завтра же твоя ферма сгорит... А ты сама проснешься, когда тебе будут резать горло... Поняла?

Дойдя до середины двора, Анжелика засунула кинжал за пояс и, взяв на руки Флоримона, отправилась в Париж.

Задыхаясь, она спешила в столицу, пожиравшую живых существ, в столицу, где у нее и ее двух полумертвых детей не было другого убежища, кроме развалин башни, и где ее ждало наводящее ужас покровительство нищих и бандитов.

Ее обгоняли кареты, поднимавшие тучи пыли, которая оседала на потном лице молодой женщины. Но она не замедляла шага, не замечала веса двойного груза.

— Это закончится! — думала Анжелика. — Когда-нибудь должно закончиться, однажды я стану свободной, я вернусь к живым...

В Нельской башне Маркиза Ангелов обнаружила Польшку, которая только что пришла в себя после попойки. Проститутка помогла молодой матери устроить детей.

Увидев малышей, Весельчак не выказал ни гнева, ни ревности, как того опасалась Анжелика. Но на его суровом и загорелом лице отразилось величайшее изумление.

— Ты сумасшедшая? — спросил Николя. — Только сумасшедшая могла привести сюда детей. Ты что, не видела, что здесь делают с детьми? Ты хочешь, чтобы у тебя их забрали и отправили просить милостыню?.. Чтобы их сожрали крысы?.. Чтобы Гнилой Жан украл их у тебя?..

Удрученная этими неожиданными упреками, Анжелика прильнула к нему.

— А куда бы ты хотел, чтобы я их отвела, Николя? Посмотри, что с ними сделали... Они умирали с голода! Я привела их сюда не для того, чтобы причинить им зло, но чтобы отдать их под твою защиту, ведь ты такой сильный, Николя.

Растерянная женщина прижалась к Весельчаку и смотрела на него, как никогда ранее. Но Николя не замечал этого, он покачал головой и повторил:

— Я не смогу защищать их постоянно... эти дети — благородной крови. Я не смогу.

— Почему? Ты сильный, тебя боятся.

— Я не настолько силен. Ты измотала мне сердце. Такие парни, как мы, когда примешиваем сердце к делам, то начинаем совершать глупости. Ничего не клеится. Иногда я просыпаюсь ночью и говорю себе: «Весельчак, остерегайся... Обитель Утоли-мои-печали уже не так далека».

— Не говори так. Я впервые о чем-то у тебя прошу. Николя, мой Николя, помоги мне спасти малышей!

Их прозвали «ангелочками». Под защитой Весельчака, среди нищеты и преступлений они зажили столь же спокойно, как и Анжелика. Дети спали в большом сундуке из кожи, набитом теплыми плащами и тонким сукном. Каждое утро им приносили свежее молоко. Для этого Ригобер или Пион подстерегали крестьянок, направлявшихся на рынок Пьер-о-ле ^[30] с

медными горшками на головах. В конце концов молочницы перестали ходить по дороге вдоль Сены, и их приходилось разыскивать почти у самого предместья Вожирар. Но вскоре женщины догадались: все, что от них требуется за право прохода, — это горшочек молока, и с этого момента разбойникам даже не приходилось вытаскивать шпаги из ножен.

Флоримон и Кантор разбудили спящее сердце Анжелики.

Вернувшись из Нёйи, молодая мать сразу понесла детей к Большому Матье. Она хотела попросить мазь для язв Кантора, а для Флоримона... Как вернуть к жизни это измученное дрожащее тельце, которое пугали даже ласки собственной матери?

— Когда я его оставила, он уже начал говорить, — рассказывала Маркиза Ангелов Польке, — а теперь он молчит.

Полька отправилась к Большому Матье вместе с Анжеликой. Ради них врач откинул темно-красный полог, деливший его помост на две части, и пригласил их, как знатных дам, в отдельный кабинет, где в неописуемом беспорядке лежали зубные клещи, медицинские свечи, скальпели, коробки с порошками, емкости для кипячения и даже страусиные яйца и два чучела крокодила.

Мэтр самолично, величественными жестами натер кожу Кантора мазью и пообещал, что через неделю все пройдет. Его прогноз оправдался: корки отпали, а под ними обнаружился спокойный пухленький мальчуган, с белой кожей, темно-русыми сильно выщипавшимися волосами, совершенно здоровый.

Но относительно Флоримона диагноз Большого Матье не был столь обнадеживающим. Лекарь взял ребенка на руки с большими предосторожностями и осмотрел его. Деланно улыбнувшись, он вернул малыша

матери и с недоуменным видом поскреб подбородок. Анжелика стояла рядом ни жива, ни мертва.

— Что у него?

— Ничего. Ему нужно есть. Для начала совсем чуть-чуть, потом он должен будет есть, сколько сможет. Возможно, тогда у него нарастет немного мяса на косточках.

— Когда я его оставила, он говорил, бегал, — повторила расстроенная женщина. — А теперь он ничего не говорит. И с трудом держится на ногах.

— Сколько ему было, когда ты его оставила?

— Двадцать месяцев, почти два года.

— Неподходящий возраст, чтобы учиться страдать, — задумчиво произнес Большой Матье. — Лучше уж привыкать к этому раньше, прямо с рождения. Или позже. Но малыши, которые только начинают познавать жизнь... Несправедливо, когда на них обрушивается столько беспощадной боли.

Анжелика подняла на Большого Матье глаза, блестящие от едва сдерживаемых слез. Она задавалась вопросом, откуда этот неотесанный, вульгарный горлопан может разбираться в столь деликатных материях.

— Он умрет?

— Может быть, и нет.

— И все же дайте мне какое-нибудь лекарство, — взмолилась безутешная мать.

Эмпирик насыпал в бумажный пакетик порошок из трав и велел давать его ребенку ежедневно, предварительно изготавив отвар.

— Это должно вернуть ему силы.

Однако на этот раз обычно многословный лекарь, неустанно нахваливавший достоинства своих лекарств, обошелся без лишней болтовни.

После недолгого размышления он сказал:

— Необходимо, чтобы он долго, очень долго не испытывал ни голода, ни холода, ни страха. Он больше не должен чувствовать себя брошенным, и его должны окружать одни и те же лица... Ему требуется то лекарство, которого, увы, не сыскать в моих горшочках... Дело в том, что он должен стать счастливым. Ты меня поняла, девочка?

Анжелика кивнула. Она была изумлена, даже потрясена. Никто и никогда не говорил с ней подобным образом о детях. В том обществе, в котором она когда-то вращалась, это было просто не принято. Но, возможно, простые люди лучше осознают некоторые вещи...

На помост поднялся пациент с раздутой щекой, обвязанной платком, и оркестр вновь грянул свою неблагозвучную мелодию. Большой Матье подтолкнул обеих женщин к выходу, на прощанье дружески хлопнув каждую по спине.

— Заставьте его улыбнуться! — крикнул он, хватаясь за щипцы.

С тех пор все обитатели Нельской башни лезли из кожи вон, стараясь рассмешить Флоримона. Папаша и мамаша Тру-ля-ля танцевали для малыша, изо всех сил притоптывая старыми ногами. Черный Хлеб разрешал мальчику играть с раковинами пилигрима. Те, кто возвращались с Нового моста, приносили апельсины, пирожные, бумажные мельницы. Маленький овернец показал Флоримону своего сурка, а какой-то фокусник с ярмарки Сен-Жермен устроил представление с восемью дрессированными крысами, танцевавшими менуэт под звуки скрипки.

Но Флоримон только пугался и закрывал глаза. Лишь Пикколо удавалось немного развлечь ребенка. Но даже обезьянка, со всеми ее ужимками и прыжками, не могла заставить мальчика улыбнуться.

Честь совершить чудо выпала Тибо-Музыканту. Как-то раз старик принялся наигрывать мелодию песни «Зеленая мельница». Анжелика, державшая Флоримона на коленях, почувствовала, как вздрогнул ее сын. Малыш поднял глаза к матери. Его губы дрожали, приоткрывая ряд маленьких зубов, похожих на рисовые зерна. Слабый, тихий и хрипловатый голос, идущий откуда-то издалека, произнес:

— Мама!

Появление детей укрепило дружбу Анжелики с Полькой.

Этой женщине, которую уже ничто не могло удивить, Маркиза Ангелов рассказала, почему она была вынуждена оставить детей. Разговорившись, Анжелика поведала, как ее дважды чуть не убили в коридорах Лувра.

«Вот видишь! — говорила подруге Полька. — Женщина всегда должна носить при себе кинжал!»

Она очень возмущалась, когда узнала, что муж Анжелики был сожжен на Гревской площади.

— Дворянин?! Сожжен?! Это же запрещено! Дворянам отрубают голову. Мэтр Обен никогда не промахивается своим огромным топором!

И Полька пустилась в долгий рассказ о мэтре Обене.

Во Дворе чудес парижского палача уважали даже больше, чем короля Франции. Он был истинным хозяином, потому что сколь ни бахвалься, а однажды можешь оказаться в его руках.

Высокая фигура в красных одеждах, заворачивающая за угол паперти или возвышающаяся над позорной колесницей^[31], на которой осужденных провозили для публичного покаяния, не раз являлась

парижанам в страшных снах. пытки могут подстерегать каждого. Тот, кто имел с ним дело, а это были не только помощники экзекутора, рассказывали о его отрешенном взгляде, который никогда не замечает жертву. На площади Позорного столба воцарялось странное молчание, ползущее от одного лотка к другому, когда палач шел исполнять свой долг.

Полька, находившаяся под впечатлением от сеансов чтения, которые устраивал Магистр, любила вставлять в свою речь мудреные словечки, и потому, рассказывая о мэтре Обене, заявила: «Он недоступен для понимания». У нее была совершенно особая манера говорить, которая делала любой рассказ бывшей подружки Весельчака правдивым и драматичным.

Анжелика слушала и соглашалась с Полькой. Можно представить силу и власть палача. Его слух был открыт как для слов, так и для молчания, а его всегда замкнутый рот хранил вырванные с криками боли тайны венценосных особ и самых бесчестных негодяев, которых только носила земля. ДОПРОС! И пытки, во время которых по непонятным причинам не должна была литься кровь.

— Не переживай насчет твоего мужчины, — добавляла Полька. — Его не могли пытать водой, эта пытка только для женщин.

Несчастья, постигшие Анжелику, казались проститутке чрезмерными.

— Ты слишком невезучая, — однажды заявила Полька. — Тебе стоит сходить к чародею из Дворца правосудия, мэтру Людовику. Он прогонит демонов, которые тебя преследуют.

Анжелика вздрогнула и попросила объяснений.

— Разве этим занимаются не служители церкви?

— Когда речь идет о больших демонах, забирающих душу, то да. Но что касается демонов мелких, каждодневных, отравляющих нашу жизнь, то никто не

поможет лучше, чем мэтр Людовик. Говорят, что к нему обращается за помощью сам канцлер Сегье.

Полька пояснила: этот ученый сведущ в самой великой, самой полезной для человека науке — он умеет подчинять демонов. У него своя лавочка в галерее Галантерейщиц во Дворце правосудия, и люди становятся в очередь, чтобы получить его помощь. Удивительный человек, достаточно хитрый и мужественный, чтобы иметь дело со злыми духами и противостоять им. Демоны для него — вроде шумной и непослушной своры собак, которую нужно приручить. Он выманивает их из логова, находит в душах тех, кто пришел просить о помощи, а затем проводит долгую и сложную работу — ну, ту, что по его части, и отправляет этих демонов никто не знает куда.

— Я точно знаю, что его клиенты навеки избавлялись от порчи, и в их жизни многое менялось. Так что не грех и раскошелиться. Ты мне не веришь! Ты мне не веришь! — нервничала Полька, видя, с каким сомнением относится Анжелика к ее словам.

Анжелика повторила, что экзорцизмом — изгнанием дьявола, занимается духовенство.

— С большими демонами — это да, их изгоняет духовенство. Например, Сатану, — согласилась Полька с умным видом. — Но обычных, отравляющих повседневную жизнь, может прогнать только мэтр Людовик, верь мне!

Туманным зимним вечером во Дворце правосудия у прилавка, на котором сиял рог единорога, звучал голос, обращенный к ней: «Вы должны избавиться от проклятия, которое лежит на вас...»

Внезапно Полька осенила себя крестным знаменем.
— Очень плохо говорить о подобных вещах!

Она кинулась в низкий зал и послала Крысобоя в маленькую церковь Святого Космы за святой водой.

Анжелика вместе с детьми присоединилась к подруге и спросила, почему та не послала за водой в аббатство Сен-Жермен-де-Пре, расположенное поблизости.

Но Полька не любила соседей, страшных «черных монахов». А в церкви Святого Космы обреталась община хирургов-цирюльников, находящаяся под покровительством святых Космы и Дамиана. Эти лекари каждый понедельник бесплатно принимали больных, которых можно было подлечить с помощью обычных медицинских манипуляций.

Через некоторое время Крысобой вернулся с несколькими пинтами ^[32] святой воды. Женщины окропили обоих детей, а также обрызгали все стены в комнате, в которой стоял большой сундук с крадеными плащами, где и спали малыши. Весельчака не было. Трудно сказать, как бы он отнесся к этому обряду. А испанец Крысобой, наемный убийца, считался в банде самым верующим человеком. Он поражал всех своей способностью в небывалых количествах поглощать пищу, оставаясь при этом тощим, как скелет. Весельчак не раз говорил, что испанец обходится ему недешево, но Николая высоко ценил ловкость его длинной рапиры, быстрой и точной, которая не раз защищала жизни бандитов.

В молодости испанец лишь чудом уцелел, исполняя строжайшие обеты, которые его закалили. Магистр рассказывал эту историю в качестве назидания.

«Быть сытым!.. Это означает для него искусство выжить... Именно этот урок он выучил в те ужасные

ночи, когда выпекал хлеб, но не мог откусить от него даже крошечного кусочка. Все испытания, что позднее выпали на его долю, когда он сражался в составе подразделений гражданской гвардии, испанских tercios, казались пустяком по сравнению с тем, что от него требовалось исполнять во имя Бога».

Сегодня испанец знал, что нет ничего лучше, чем есть досыта. Он боялся лишь одного: как бы его бывший наставник, главный конюший Кастилии, не пришел на старости лет к такому же выводу, ведь и он в молодости был безжалостен к собственной плоти... «Но испанец сказал, что это было бы большим несчастьем, потому что такие души, как душа главного конюшего Кастилии, — соль земли, и их утрата — траур для всех... Посмотрите на этого человека, — делал вывод Магистр, сдерживая смех, — и вы поймете, почему французы и испанцы так не похожи».

Глава 9

Наступил сентябрь, холодный и дождливый. «Вот и убийца-зима подросла», — стенал Черный Хлеб, греясь у огня в своих промокших лохмотьях. В очаге шипели влажные дрова. В виде исключения мещане и крупные парижские торговцы, не дожидаясь праздника Всех Святых^[33], достали зимнюю одежду и пустили себе кровь, как то предписывали правила гигиены, настоятельно рекомендовавшие четыре раза в год, при смене сезона, обращаться к хирургу за кровопусканием.

Но у дворян и у нищих имелись другие поводы для забот. Им было недосуг судачить о дожде и холоде. Все высокопоставленные особы королевского двора и крупные финансисты находились под впечатлением от ареста богатейшего суперинтенданта финансов, господина Фуке.

А отребье, городское дно, обсуждало только, какой поворот примет борьба между Весельчаком и Родогоном-Египтянином в связи со скорым открытием ярмарки Сен-Жермен.

Арест господина Фуке поразил всех, как гром среди ясного неба. Лишь несколько недель тому назад король и королева-мать, приглашенные в Во-ле-Виконт гостеприимным суперинтендантом, вновь восхищались великолепным замком, возведенным архитектором Лего^[34], любовались фресками живописца Лебрена^[35], наслаждались кухней Вателя^[36]. Они прогуливались по прекрасным садам, спланированным Ленотром^[37], по садам, орошаемым водами, которые инженер Франчини^[38] с помощью хитроумных приспособлений подвел к прудам, фонтанам, водопадам и гротам. И наконец, именно здесь, в зеленом театре, весь двор

аплодировал остроумнейшей комедии «Несносные», написанной молодым автором по имени Мольер.

Затем, когда был погашен последний факел, все отправились в Нант, на заседание провинциальных штатов Бретани. Именно там однажды утром неизвестный мушкетер подошел к Фуке, когда тот собирался сесть в свою карету^[39].

— Вам не туда, милостивый государь, вам следует сесть вот сюда, — сказал офицер, — в зарешеченный портшез, который вы видите всего в четырех шагах от себя.

— Как? Что это значит?

— Я должен арестовать вас именем КОРОЛЯ.

— Король имеет на это право, — прошептал, побледнев как полотно, суперинтендант. — Но ради его же славы я желал бы, чтобы он действовал более открыто.

В этом аресте проявилась характерная манера венценосного ученика Мазарини. Его нельзя было не сравнить с другим арестом, происшедшим годом ранее, когда схватили знатного тулузского вассала короля — графа де Пейрака, сожженного затем на Гревской площади за колдовство...

Но в том состоянии паники и страха, в пучину которого ввергла королевский двор опала суперинтенданта, никто не стал проводить сравнения и обсуждать решение Его Величества. Знать редко размышляет. Все понимали только, что при проверке счетов Фуке обнаружатся не только следы его хищений, но и всплывут имена тех, чьи услуги он оплачивал. Поговаривали также о некоторых чрезвычайно важных компрометирующих бумагах, из которых следовало, что многие вельможи и даже принцы крови во время Фронды были подкуплены финансистом.

Нет, никто не усматривал в этом втором аресте, более сенсационном и неожиданном, чем первый, все ту же властную руку и те же тайные мотивы...

Только Людовик XIV, ломая печати на депеше, сообщавшей о волнениях в Лангедоке, поднятых гасконским дворянином по имени д'Андижос, вздохнул:

— Вовремя!

Белка, сбитая с вершины дерева, падала вниз, ломая ветви. Момент был выбран удачно: Бретань не восстанет из-за Фуке, как восстал Лангедок из-за другого арестованного, того странного человека, которого пришлось сжечь живым на Гревской площади.

Дворяне, которым Фуке так щедро раздавал взятки, никогда бы не стали защищать опального министра, из одного только опасения разделить его незавидную участь. Огромные богатства Фуке вернулись в государственную казну, и это было справедливо. Лево, Лебрэн, Франчини, Ленотр, вечно смеющийся Мольер и Ватель, да и все те мастера, которых Фуке разыскал и поддерживал материально, вместе с многочисленными помощниками: составителями чертежей, художниками, подмастерьями, садовниками, актерами и поварами, отныне трудились во славу единственного хозяина. Их отправили в Версаль, крошечный «карточный домик», затерянный среди болот и лесов: ведь именно там Людовик XIV впервые сжал в объятиях нежную Лавальер. В честь этой всепоглощающей любви тут будет воздвигнут самый величественный памятник, который станет олицетворением славы «короля-солнце».

Глубокое и несколько необъяснимое беспокойство Людовика XIV, настойчивость, с которой он добивался смертного приговора для Никола Фуке, удивляли бесчисленных друзей и должников богатейшего и ослепительного хозяина Во-ле-Виконта. Все они усматривали в действиях суперинтенданта лишь

непомерное тщеславие и финансовую нечистоплотность. Потрясенная и разочарованная вельможная Франция почувствовала себя уязвимой.

Фуке предстоял долгий судебный процесс. Слушанье дела должно было состояться не во Дворце правосудия, а в Арсенале. Арестованного поместят не в Бастилию.

Нет, излишне проворную белку отправят в Пьемонт, в далекую крепость Пиньероль, когда-то завоеванную Людовиком XIII, а затем приобретенную Ришельё, чтобы следить за владениями герцога Савойского и за возможной переброской испанских войск из Неаполя или Милана через Альпы к Франш-Конте, а оттуда во Фландрию.

Анжелика не задумывалась над событиями последних недель. Судьба распорядилась таким образом, что падение человека, в жертву которому был тайно принесен Жоффрей де Пейрак, последовало почти сразу же за его победой. Но для Анжелики все произошло слишком поздно. Она не пыталась вспоминать, понимать... Вельможи приходили, уходили, устраивали заговоры, предавали, достаивались милости, исчезали... Молодой король, властный и невозмутимый, не раздумывая рубил головы оступившимся. Маленькая шкатулка с ядом покоилась в тайнике башни замка Плесси-Бельер.

Анжелика де Пейрак стала просто женщиной без имени, женщиной, которая прижимала к сердцу детей и со страхом ждала приближения зимы.

Если королевский двор походил на растревоженный муравейник, на который кто-то внезапно наступил, то городское дно бурлило в ожидании иного сражения, и оно грозило стать ужасным. Пока королева и

цветочницы с Нового моста ожидали появления дофина, в Париж входили цыгане.

Битва на знаменитой ярмарке Сен-Жермен, которая в первый же день ее открытия залила ярмарку кровью, впоследствии ставила в тупик всех, пытавшихся понять причину кровопролития.

Многие видели, как лакеи избивали студентов, аристократы протыкали шпагами тела уличных актеров, женщины подвергались насилию, а кареты горели. Но никто не мог сказать, из-за чего начались беспорядки.

Лишь один человек сделал верные выводы. Это был молодой человек по имени Дегре, мужчина образованный и с весьма бурным прошлым. Дегре только что получил место капитана в полицейском подразделении Шатле. Дегре не ведал страха, и очень скоро о нем стали говорить как об одном из наиболее ловких полицейских столицы. Впоследствии именно этот молодой человек отличится и подготовит арест самой известной отравительницы своего времени, а быть может, и всех времен и народов — маркизы де Бренвилье, а в 1678 году он первым приоткрывает завесу тайны, связанную с удивительной драмой «Дела о ядах», при расследовании которого окажутся «забрызганы грязью» даже ступени трона^[40].

Но пока, в конце года 1661, все секретные агенты в один голос утверждали, что полицейский Дегре и его собака Сорбонна были двумя обитателями Парижа, которые лучше других знали все закоулки и всех жителей города.

Уже давно полицейский следил за соперничеством двух самых влиятельных бандитских главарей, Весельчака и Родогона-Егип-тянина, боровшихся за господство над ярмаркой Сен-Жермен. Знал Дегре и об их соперничестве в любви, о споре за благосклонность

женщины с изумрудными глазами, которую называли Маркизой Ангелов.

Незадолго до открытия ярмарки он почувствовал, что в недрах воровского братства что-то затевается.

И хотя Дегре не занимал высоких чинов, утром в день открытия ярмарки он сумел «вырвать» разрешение на размещение полицейских сил столицы на подступах к предместью Сен-Жермен. Да, он не смог избежать кровопролития, начавшегося внезапно и отличавшегося особой жестокостью, но наличие предусмотрительно расставленных полицейских сократило число жертв и помогло остановить бойню столь же резко и внезапно, как она началась. Дегре вовремя погасил пожары, организовал оборону, построив в каре оказавшихся на месте дворян, вооруженных шпагами, и тут же приступил к массовым арестам. Когда на смену этой кровавой ночи пришел рассвет, двадцать человек были осуждены за бродяжничество, выведены из города к подножию зловещей общей виселицы Монфокон и повешены.

По правде говоря, именно слава ярмарки Сен-Жермен привела к той жесточайшей расправе, что разгорелась между бандами парижского отребья, мечтавшими обладать исключительным правом «пожинать ее плоды».

С октября по декабрь и с февраля до Великого поста весь Париж посещал ярмарку. Сам король не пренебрегал ею и порой вечером отправлялся в предместье Сен-Жермен со всем двором. Какое раздолье для воров и грабителей, какая возможность пощипать важных птичек!

На ярмарке Сен-Жермен продавали все. Торговцы из крупнейших провинциальных городов, из Амьена, Руана, Реймса привозили на ярмарку всевозможные товары. Дорогие лавки поражали роскошью плащей из

Марсея, бриллиантами из Алансона, сладостями из Вердена.

Португальцы продавали амбру и тонкий фарфор. Провансальцы торговали апельсинами и лимонами. Турки нахваливали персидские бальзамы и ароматические воды из Константинополя. Фламандцы выставляли картины и сыры. Это был все тот же Новый мост, только в мировом масштабе, наполненный звучанием колокольчиков, флейт, дудок, тамбуринов.

Владельцы зверинцев и редких диких животных собирали толпы зрителей. К ним подходили, чтобы увидеть крыс, танцующих под напев скрипки, или двух мух, сражающихся на соломинках.

В рядах зрителей чернь в лохмотьях соседствовала со знатными особами в парче. Каждый, кто приходил на ярмарку Сен-Жермен, обнаруживал, что здесь, среди разноцветных лотков, набитых всякой всячиной, царит необыкновенная свобода нравов, равной которой больше нигде не найти.

Здесь имелось все для утешения чувств и плоти.

Безудержное расточительство, разгул и обжорство: винные лавки соседствовали с отличными кабачками, манящими зеркалами и позолотой, а также с притонами, где играли в азартные карточные игры брелан и ландскнехт.

Не было такого юноши или девицы, одержимых демоном любви, которые бы не нашли здесь удовлетворения.

Но испокон веков самым главным «аттракционом» ярмарки Сен-Жермен считались цыгане. Со своими акробатами и гадалками они оставались настоящими королями развлечений.

С середины лета уже можно было видеть, как в город прибывают повозки цыган, запряженные худыми клячами с гривами, заплетенными в косички. Эти повозки были переполнены женщинами и детьми,

сваленной в кучу кухонной утварью, окороками и крадеными цыплятами. Мужчины, высокомерные и молчаливые, с длинными черными волосами, в фетровых шляпах с перьями, сверкали горящими, как уголья, глазами и несли на плечах огромные мушкеты.

Парижане, глядя на них, проявляли то же жадное любопытство, что и их предки, которые в 1427 году впервые увидели, как рядом с городскими стенами появляются эти вечные странники, кожа которых была цвета самшитового дерева. Тогда их называли «египтянами». Говорили также: «богемцы» или «скитальцы».

Нищая братия признала за ними определенную сферу влияния, и во время Праздника шутов герцог Египетский шествовал рядом с королем тюнов, а «знать царства Галилейского» считалась приближенными Великого Кесаря.

Родогон-Египтянин был цыганом и потому претендовал на высокий ранг в преступном мире Парижа. Он считал справедливым держать контроль над магическими святилищами, украшенными жабами, скелетами и черными кошками, которые устанавливали в центре ярмарки Сен-Жермен цыганки-гадалки, прозванные в народе «темными колдуньями».

Но и Весельчак, хозяин Нельской башни и Нового моста, мечтал безраздельно владеть этим лакомым кусочком. Такое соперничество могло закончиться только смертью одного или другого.

Несколько дней перед открытием ярмарки покой квартала нарушали непрерывные стычки бандитов.

Непосредственно накануне открытия войска Весельчака были вынуждены в беспорядке отступить и укрыться в развалинах Нельской башни, в то время как Родогон-Египтянин установил вокруг всего квартала, вдоль бывших рвов и русла Сены нечто вроде заградительного кордона.

Люди Весельчака собрались в большом зале вокруг стола, на который взгромоздился Деревянный Зад. Калека орал, как демон:

— Вот уже несколько месяцев я вижу, что делу швах. И все из-за тебя, Весельчак! Твоя маркиза свела тебя с ума. Ты больше не можешь сражаться. Скоро и другие главари покажут зубы. Они чувствуют, что ты сдаешь, и собираются подсобить Родогону, чтобы смять тебя. Я тут намеренно видел Синего Матроса...

Николя, стоя перед огнем, на фоне которого его мощный силуэт казался черным, вытирал кровь с плеча, задетого выстрелом из мушкетона. Он завопил громче, чем Деревянный Зад:

— Все отлично знают, что ты единственный предатель в банде, что ты собираешь главарей и с ними все время якшаешься, потому что мечтаешь занять место Великого Кесаря. Но берегись! Я пойду и предупрежу Коротышку-Ролена...

— Кретин! Что ты можешь против меня...

Анжелика с ума сходила от ужаса при одной только мысли, что рычание этих хищников может разбудить и напугать Флоримона.

Она бросилась в круглую комнату. Но ее маленькие ангелы мирно спали. Кантор был похож на херувима с голландской картины. Флоримон наконец снова научился играть, но сейчас его огромные черные глаза были закрыты, и во сне детское личико светилось от счастья.

Ужасные крики не смолкали.

«Хватит! Надо это все прекратить», — подумала Анжелика, как можно плотнее закрывая полуразвалившуюся дверь. Она услышала хриплый голос Деревянного Зада:

— Не обманывай самого себя, Весельчак, если ты отступаешь, то по своей вине. Родогон не знает жалости. И ему нужна не только ярмарка, но и твоя

девка, которую ты отнял у него на кладбище Невинных. Он ее безумно хочет! А получит ее он лишь в том случае, если исчезнешь ты. Теперь — или он, или ты!

Казалось, Николая успокоился.

— Ну и что мне делать? Все эти чертовы цыгане тут, под нашим носом, и после взбучки, которую мы только что получили, мы не сможем с ними справиться. Нас просто прихлопнут.

Анжелика вернулась в комнату, надела накидку и скрыла лицо под маской из красного бархата, которую она хранила в сундучке с мелочами.

В таком наряде молодая женщина вновь оказалась среди яростных воплей.

Ссора между Весельчаком и Деревянным Задом приобретала нешуточный характер. Главарь бандитов мог без труда раздавить инвалида на деревянной тележке. Но авторитет Деревянного Зада был столь высок, что именно он оставался хозяином положения.

При виде Анжелики в красной маске пыл спорщиков несколько приутих.

— Что это за карнавал? — проворчал Николая. — Куда ты собралась?

— Я просто хочу прогнать войска Родогона. Через час площадь будет чиста, мессиры. И вы сможете вновь занять ваш квартал.

Весельчак призвал Деревянного Зада в свидетели:

— Тебе не кажется, что она все больше сходит с ума?

— Я тоже так думаю, но, в конце концов, если ей пришла в голову какая-то идея, то пусть попробует ее осуществить. Никогда не угадать, что выкинет эта растреклятая Маркиза Ангелов! Она превратила тебя в тряпку. Так, может, ей удастся склеить разбитый горшок.

Анжелика, окунувшись в ночь, добралась до ворот Сен-Жак и лишь здесь осмелилась перейти ров. Один из

цыган Родогона появился перед молодой женщиной. На ломаном немецком Маркиза Ангелов выложила часовому путаную историю: она торговка с ярмарки Сен-Жермен, ей надо попасть к своему прилавку. Ничего не заподозрив, цыган пропустил женщину в маске, укутанную в черную накидку. Тогда Анжелика бросилась к своему другу, бродячему артисту, который был владельцем трех огромных медведей. Анжелика приворожила и этих трех медведей, и их старого хозяина, и даже мальчишку, который во время представления держал деревянную чашу для подаяния.

Ради прекрасных глаз гости они быстро договорились.

Лишь только на башне аббатства Сен-Жермен пробило десять часов вечера, как люди Родогона, дежурившие по всему периметру старых оборонительных рвов, увидели в призрачном лунном свете надвигавшуюся на них огромную ревущую массу. Тот, кто попытался выяснить, что за странное существо намеревается преодолеть кордон, получил мощный удар когтистой лапы в грудь, который вырвал у цыгана не только кусок плаща, но и добрый кусок плоти.

Остальные часовые, не дожидаясь каких-либо объяснений, перемахнули через насыпные валы. Некоторые бросились к Сене, чтобы предупредить своих. Но и здесь уже царил переполох, вызванный визитами незваных гостей. Большая часть бандитов попрыгала в воду и теперь плыла к берегу Лувра, подальше от опасных мест. Сражение, поножовщина, открытый бой с ворами и головорезами не могли утратить сердца отчаянных цыган. Но никто из людей Родогона не собирался драться с медведем, который, поднявшись на задние лапы, достигал почти двух туазов в высоту!

Анжелика спокойно вернулась в Нельскую башню и сообщила, что квартал полностью очищен от

непрощенных гостей. Весельчак со своими подручными отправился по району и вскорости признал тот очевидный факт, что цыгане покинули свои посты.

Глухие раскаты хохота Деревянного Зада заставили дам из предместья дрожать за пологам кровати.

— Хо-хо! Ну надо же! Ох уж эта Маркиза Ангелов, — повторял калека, — она сотворила чудо!..

Но Николая так не думал.

— Ты сговорила с ними, чтобы предать нас, — главарь бандитов все сильнее и сильнее сжимал запястье Анжелики. — Ты продалась Родогону-Египтянину!

Чтобы усмирить яростную ревность любовника, молодая женщина рассказала о своей военной хитрости.

На этот раз смех безногого нищего напоминал громовые раскаты. В окнах домов появились разъяренные местные жители, кричавшие, что сейчас они спустятся, прихватив шпаги и алебарды, чтобы преподать урок бродягам, которые мешают спать честным горожанам.

Но все эти вопли нимало не трогали калеку. Он пересек предместье Сен-Жермен, стуча своей тележкой по камням мостовых и хохоча во всю глотку. Даже спустя годы в воровском братстве продолжали рассказывать историю о трех медведях Маркизы Ангелов.

Увы, блистательный маневр не смог предотвратить грядущей драмы. И капитан Дегре поступил более чем разумно, когда утром 1 октября отправился к господину де Дрё д'Обре, сирю д'Оффемон и де Виллье, гражданскому лейтенанту Парижа, и убедил

последнего ввести все свободные подразделения полиции в окрестности ярмарки Сен-Жермен.

День начался спокойно. Люди Весельчака чувствовали себя хозяевами в толпе, увеличивавшейся час от часу. С наступлением сумерек стали прибывать кареты вельмож.

Освещенная сотнями факелов, зажженных над каждой лавочкой, ярмарка сделалась похожей на сказочный дворец.

Анжелика стояла рядом с Весельчаком и вместе с ним следила за боем зверей: два дога дрались с диким кабаном. Толпа, взбудораженная этим жестоким зрелищем, напирала на изгородь маленькой арены.

Анжелика была немного навеселе: переходя от лотка к лотку продавцов прохладительных напитков, она отведала мускатного вина, легкую настойку на цедре, коричную водку. Молодая женщина, не задумываясь и не считая, тратила деньги из кошелька, который ей вручил Николая. Она накупила марионеток и пирожных для Флоримона. На этот раз, чтобы его не заметили полицейские, — а Весельчак не сомневался, что они будут настороже, — Николая тщательно побрился и надел не столь дырявую, как обычно, одежду. Широкополая шляпа скрывала блеск его настороженных глаз, и бандит походил на небогатого крестьянина, который пришел поглазеть на ярмарку.

Анжелика и Николая забыли обо всем на свете. Свет отражался в их глазах; они вспоминали о чудесных ярмарках детства, проходивших в соседних городках или в деревнях.

Николая обвил рукой талию подруги в своей обычной манере, когда женщине казалось, что она заключена в железный обруч для узников. Но крепкое объятие не всегда было неприятным. Так, сегодня вечером, удерживаемая мускулистой рукой, Анжелика чувствовала себя худенькой, гибкой и слабой, но

защищенной. Ее руки были полны конфет, игрушек и маленьких флакончиков с духами; Маркиза Ангелов так увлеклась боем зверей, что кричала и топала ногами вместе со всей остальной публикой, когда черный и разъяренный шар, отбиваясь от нападающих собак, вспорол острыми клыками брюхо одного из догов.

Вдруг, прямо напротив них, с другой стороны арены, молодая женщина заметила Родогона-Египтянина.

Главарь цыган раскачивал длинный и тонкий кинжал, держа его кончиками пальцев. Брошенное оружие просвистело над сражающимися животными. Анжелика резко отклонилась в сторону, увлекая за собой своего спутника. Лезвие прошло всего в дюйме от шеи Николая и вонзилось в горло продавца китайских диковинок. Сраженный мужчина конвульсивно дернулся и раскинул руки, распахнув полы пестрого плаща. В этот момент он походил на огромную бабочку, приколотую булавкой к бумаге. Затем из горла несчастного хлынул поток крови и мужчина рухнул на пол.

И тогда ярмарка Сен-Жермен ВЗОРВАЛАСЬ.

Около полуночи Анжелика и еще десяток девиц и женщин, две из которых принадлежали к банде Весельчака, были брошены в одну из нижних камер тюрьмы Шатле. Тяжелая дверь захлопнулась, но Анжелике казалось, что она по-прежнему слышит вопли обезумевшей толпы, крики нищих и бандитов, столкнувшихся с не знающим пощады оружием стражников и полицейских, которые сажали арестованных в телеги и увозили с ярмарки Сен-Жермен в общественные тюрьмы.

— Уж попали так попали, — сказала одна девица. — Вот она, моя удача! Стоило пойти прогуляться в другой

район из своего Глати-ньи, как меня тут же сцапали. С них станется отправить меня на дыбу за то, что я вышла из своего квартала публичных домов.

— А дыба — это очень больно? — спросила девочка-подросток.

— Ох! Господи помилуй, у меня до сих пор все вены и жилы растянуты, как тесто. Когда мучители вздернули меня на дыбу, я кричала: «Добрый Иисус, Дева Мария, сжальтесь надо мной!»

— А мне, — подхватила другая женщина, — палач засунул в глотку полый рог и влил через него в мой живот не меньше шести чайников холодной воды. Если бы хоть это было вино! Мне казалось, что я лопну, как свиной пузырь. А потом они отволокли меня в кухню Шатле, прямо к жаркому огню, чтобы меня вырвало.

Во мраке зловонной темницы Анжелика слушала эти голоса, но не могла сосредоточиться на рассказах. Мысль о том, что ее тоже подвергнут пытке, как это обязательно случалось с каждым обвиняемым на предварительном допросе, пока не занимала ее разум. Маркизу Ангелов волновало лишь одно: «Мои малыши... что будет с ними?.. Кто о них позаботится? Вдруг их забудут в башне? И их съедят крысы...»

И несмотря на то что в камере царил леденящий влажный холод, на висках Анжелики выступили капельки пота.

Присев на корточки на грудку гнилой соломы, молодая женщина оперлась о стену и, обхватив руками колени, старалась унять дрожь и найти доводы, которые помогли бы ей успокоиться.

«Конечно, всегда найдется какая-нибудь женщина, которая позаботится о них. Безусловно, все они неряхи и все крайне бестолковы, но, в конце концов, они же кормят собственных детей... Значит, покормят и моих. Впрочем, если Польша там, то можно не беспокоиться...

И Николая, он присмотрит за малышами...»

Но вдруг Николая тоже арестован? Анжелика заново пережила ту панику, что охватила ее, когда она металась от проулка к проулку, пытаясь вырваться из кровавой каши, вновь и вновь натываясь на заградительные отряды стражников и сержантов.

Все выходы с ярмарки и из предместья оказались перекрыты, можно было подумать, что число полицейских и стражников возросло втрое.

Анжелика пыталась вспомнить, не ушла ли Польша с ярмарки до начала схватки. В последний раз, когда Маркиза Ангелов видела подругу, бесстыдница волокла какого-то молодого провинциала, одновременно напуганного и восхищенного, к берегам Сены. Но они могли зайти в одну из многочисленных лавок, могли пройти по ярмарке, выпить в кабачке...

Анжелика собрала всю свою волю и сумела убедить себя, что Польша не арестована, и эта мысль немного успокоила молодую мать. Где-то в глубине ее сознания, охваченного страхом, зарождалась страстная мольба, и ее губы машинально шептали обрывки забытых молитв: «Смилуйся над ними! Защити их, Пресвятая Дева Мария... Я клянусь, — повторяла Анжелика, — если мои дети будут спасены, я вырвусь из этого грязного болота... Я убегу от этой банды преступников и воров. Я попытаюсь зарабатывать на жизнь собственными руками...»

Молодая женщина вспомнила о цветочнице и принялась строить планы. Оставшиеся до рассвета часы не показались ей такими мучительно долгими.

Утром раздался оглушительный лязг замков, скрип ключей, и дверь открылась. На стенах камеры заплясали блики света от факела, который держал в руках стражник. Дневной свет, лившийся сквозь маленькое зарешеченное окошко, прорубленное в стене толщиной в два туза, почти не освещал темницу.

— Так, ребята, вот и маркизы! — радостно воскликнул стражник. — Ну-ка, подойдите поближе. Да, жатва будет отменная.

В камеру вошли еще три охранника, закрепив факел в кольце на стене.

— Давайте-ка, милочки, будьте умницами, договорились?

И один из мужчин вытащил из-под куртки большие ножницы.

— Снимай чепец, — приказал он ближайшей женщине. — Фу! Какие седые волосы. За них мы получим всего несколько су. Я знаю одного цирюльника, живущего рядом с площадью Сен-Мишель, он делает дешевые парики для старых клерков.

Солдат срезал седую шевелюру женщины, перевязал ее веревкой и бросил в корзину. Его товарищи внимательно изучали головы других арестанток.

— Со мной даже не трудитесь, — сказала одна из узниц. — Вы меня недавно стригли.

— Надо же, правда, — согласился жизнерадостный стражник. — Я ее узнал, маленькую шлюшку. Хе-хе! Как я вижу, вам нравится наш постоянный двор!

И тут один из солдат подошел к Анжелике. Она почувствовала, как грубая рука ощупала ее волосы.

— Эй! Друзья, — позвал он напарников, — у нас подарочек. Ну-ка, подтащите ее к факелу, посмотрим повнимательнее.

Солдаты стащили с Анжелики чепец, и теплый мерцающий свет озарил волну роскошных волос, отливающих медом. Раздался восхищенный свист.

— Великолепно! Конечно, они не совсем белокурые, но у них отличный оттенок. Мы сможем продать эти волосы господину Бине с улицы Сент-Оноре. Он никогда не спорит о цене, но всегда спорит насчет качества: «Заберите обратно вашу паклю с паразитами», — вот

что он мне говорит каждый раз, когда я приношу ему волосы заключенных. «Я не делаю парики из волос, уже поеденных червями!» Но тут уж он не станет задирать нос.

Анжелика поднесла руки к голове. Они не могут остричь ее волосы. Это просто невозможно!

— Нет, нет, не делайте этого! — взмолилась бедняжка. Но сильные руки отбросили ее кулачки.

— Давай-давай, моя красавица, если хотела сохранить шевелюру, не стоило попадать в Шатле. Ну пойми, нам тоже нужно немного подзаработать.

И, ловко орудуя ножницами, под их громкое металлическое лязганье солдат срезал рыжеватозолотистые пряди, которые еще совсем недавно с таким благоговением расчесывала Барба.

Когда солдаты вышли, Анжелика провела дрожащей рукой по своему лишенному волос затылку. Ей показалось, что голова стала слишком маленькой и слишком легкой.

— Не плачь, — сказала одна из женщин. — Они отрастут. Если только ты больше не дашь себя остричь. Потому что эти стражники — знатные жнецы. Заруби себе на носу: волосы в Париже стоят дорого, ведь все щеголи мечтают о париках.

Молодая женщина, не отвечая, вновь натянула чепец на голову. Ее товарки по несчастью полагали, что она плачет, но Анжелику просто била нервная дрожь. Неприятный случай уже почти стерся из ее памяти. В конце концов, велика важность! Единственное, что беспокоило Анжелику, — это судьба ее детей.

Глава 10

Время словно остановилось. Камера, где собрали всех арестованных женщин, оказалась настолько тесной, что в ней было тяжело дышать. Одна из заключенных сказала:

— Слава Богу, что всех нас засунули в эту клетушку. Обычно ее называют «Вход-в-две-калитки». Сюда пихают тех, кого вообще-то не за что арестовывать. Ведь когда нас задержали, мы не делали ничего плохого. Просто гуляли по ярмарке, как и все. Нас и не стали обыскивать, потому что там все были, даже почтенные надзирательницы из Шатле развлекались на ярмарке Сен-Жермен.

— Да уж, полиция там точно была, — с горечью заметила одна из девиц.

Анжелика дотронулась до кинжала, спрятанного под одеждой. Это был кинжал-близнец того лезвия, что Родогон-Египтянин метнул в Николая.

— Хорошо еще, что нас не стали обыскивать, — повторила женщина, которая, как и Анжелика, прятала под своим порванным платьем оружие, а может быть — жалкую выручку в несколько экю.

— Еще обещут, не переживай, — усмехнулась другая сокамерница.

Большинство женщин отнюдь не ожидали ничего хорошего. Они рассказывали тюремные байки о заключенных, просидевших взаперти больше десяти лет, прежде чем о них вспомнили. А те, кто хорошо знал Шатле, описывали камеры, существующие в зловещей крепости. По их словам, здесь имелся, например, карцер «Без удобств», заполненный экскрементами и разными ползучими гадами, причем там стоял такой смрад, что нельзя было даже зажечь свечу. Другой

каземат прозвали «Мясная лавка», потому что он был отравлен тошнотворными испарениями из большой мясной лавки, расположенной по соседству. «Цепями» окрестили огромную камеру, в которой заключенные были скованы одной цепью. Еще были камеры «Варварство», «Бальзам», она же «Пещера»; «Колодец», или «Котлован» — каменный мешок в форме перевернутого конуса. Несчастные узники в этой камере постоянно находились по колени в воде и не могли ни сидеть, ни лежать. Обычно они умирали после двухнедельного заключения. Вполголоса женщины рассказывали о страшных «Камерах забвения» — подземных казематах, откуда никто не возвращался живым.

Тусклый сероватый свет еле-еле проникал сквозь зарешеченное окошко. Было невозможно понять, который час. Одна пожилая женщина сняла свои стоптанные башмаки, вытащила гвозди из подошвы, а затем воткнула их обратно остриями наружу. Она показала странное оружие своим подругам по несчастью и посоветовала им сделать такое же, чтобы ночью отбиваться от крыс.

Однако где-то в середине дня дверь камеры с грохотом распахнулась и охранники, вооруженные алебардами, велели заключенным выйти из камеры. По бесконечным коридорам их привели в большой зал, по стенам которого висели гобелены с изображением желтых лилий на голубом фоне.

В глубине зала на полукруглом возвышении стоял резной деревянный стул с высокой спинкой, над которым располагались картина с изображением распятого Христа и маленький тканый балдахин.

На стуле восседал господин в черной одежде с роскошными белыми брыжами, в белом парике. Рядом

стоял другой мужчина со связкой пергаментов в руке. Это были парижский прево^[41] и его помощник.

Судебные исполнители, сержанты стражи и солдаты королевской гвардии окружили приведенных женщин и девиц. Их подтолкнули к подножию возвышения, для того чтобы они прошли перед столом, за которым секретарь суда записывал их имена.

Когда подошла очередь Анжелики назвать свое имя, она растерялась. У нее не было больше имени!.. Наконец, молодая женщина пробормотала, что ее зовут Анн Совер — так называлась деревня в окрестностях замка Монтелу, название которой в этот миг пришло ей в голову.

Суд был скорым. Шатле был «перегружен», и нужно было побыстрее решить, что делать с арестованными. Задав несколько вопросов каждой подсудимой, помощник прево зачитал переданный ему список имен и объявил, что «все вышеперечисленные особы приговариваются к публичному бичеванию, затем направляются в Общественный госпиталь, в котором набожные особы научат осужденных шить и молиться Богу».

— Это мы еще легко отделались, — шепнула одна из девиц Анжелике. — Общественный госпиталь — не тюрьма, а приют для бедных. Нас туда отправляют насильно, но там за нами никто не станет следить. Оттуда будет легко смыться.

Группу из двадцати женщин препроводили в большой зал на первом этаже, и сержанты выстроили арестованных вдоль стены.

Открылась дверь, и вошел высокий, полный военный. На нем красовался роскошный темный парик, обрамлявший его румяное лицо, щедро украшенное черными усищами. В синей куртке, лопающейся на его раздутых от жира плечах, в широкой портупее,

пересекающей внушительных размеров брюхо, с широкими манжетами, отделанными позументами, со шпагой и необъятным гофрированным воротником, перехваченным золотым шнуром, он немного походил на Большого Матье, но при этом великан не излучал ни добродушия, ни жизнерадостности лекаря-шарлатана. Его маленькие, глубоко посаженные глаза под густыми бровями смотрели сурово. Он был обут в сапоги на высоких каблуках, которые еще больше подчеркивали мощное телосложение.

— Это начальник охраны, — пробормотала соседка Анжелики. — Ой! Он настоящее чудовище. У него и прозвище-то — Людоед.

Людоед прошелся перед заключенными, клацая шпорами по плитам.

— О-хо-хо! Ну что, потаскушки, вас ждет отличная порка! Ну-ка, долой кофты. И берегитесь те, кто будет слишком громко орать! Им мы всыплем добавки.

Женщины, уже знакомые с наказанием кнутом, послушно сняли корсажи. Те, у кого были сорочки, спустили их с плеч, так что они упали на юбки. Охранники подошли к тем женщинам, которые медлили, и грубо сорвали с них одежду. Один из них, дернув за корсаж Анжелики, наполовину разорвал его. Молодая женщина, испугавшись, что кто-нибудь заметит пояс с ножом, поспешно сама оголилась до пояса.

Капитан стражи прохаживался туда-сюда, рассматривая женщин, выстроившихся перед ним в шеренгу. Он останавливался перед самыми молоденькими, и его маленькие свинные глазки загорались огнем. Наконец повелительным жестом он указал на Анжелику.

Один из стражников, понимающе гогоча, вытолкнул женщину из строя.

— Давайте, уводите прочь всю эту шваль, — приказал офицер. — И задайте им горячих! Сколько их тут у нас?

— Приблизительно двадцать, месье.

— Сейчас четыре часа пополудни. Вы должны закончить до захода солнца.

— Будет сделано, месье.

Стражники принялись выводить женщин. Во дворе Анжелика заметила тележку, наполненную крепкими прутьями, эта тележка должна была следовать вслед за процессией несчастных вплоть до места, отведенного для публичных наказаний около церкви Сен-Дени-де-ля-Шатр. Дверь снова закрылась. Оставшись наедине с офицером стражи, Анжелика удивленно и с беспокойством взглянула на него. Почему она не поделила судьбу своих сокамерниц? Неужели ее снова отправят в тюрьму?

Зал с низкими сводчатыми потолками и влажными стенами казался ледяным. Хотя снаружи еще царил день, здесь господствовала темнота и приходилось зажигать факелы. Дрожащая Анжелика, скрестив руки на груди, сжала ладонями плечи, не столько чтобы защититься от холода, сколько для того, чтобы спрятать обнаженную грудь от тяжелого взгляда Людоеда.

Топоча сапожищами, он подошел к ней и кашлянул.

— Ну что, моя козочка, ты действительно хочешь, чтобы с твоей красивой белой спинки содрали кожу?

Молодая женщина промолчала, поэтому капитан продолжил:

— Отвечай! Тебе правда этого хочется?

Само собой, Анжелика не хотела этого, но не могла вымолвить ни слова. Она лишь отрицательно покачала головой.

— Итак, в наших силах уладить эту маленькую неприятность, — снова слащавым тоном заговорил

офицер. — Было бы жалко потрепать такую хорошенькую курочку. Может, мы с тобой договоримся?

Он тронул пальцем подбородок Анжелики, поднимая ей голову, и с восхищением присвистнул.

— Черт возьми! Какие красивые глазки! Наверное, твоя мать пила абсент, пока ждала тебя! Давай-ка, улыбнись мне.

Как бы невзначай его крупные пальцы погладили нежную шею, скользнули по округлому плечу.

Анжелика отпрянула, не сумев сдержать дрожь отвращения. Людоед засмеялся, отчего его огромный живот затрясся. Пленница не сводила с капитана пронзительно зеленых глаз. В конце концов именно офицер, всей тушей нависавший над пленницей, первым почувствовал некоторое смущение.

— Ну что, договорились? — усмехнулся он. — Ты пойдешь ко мне, а потом присоединишься к партии заключенных. Зато и стражники тебя не тронут, и порки не будет... Ты довольна, да, моя цыпоська?

Здоровяк разразился игривым смехом. Сделав решительный шаг, он привлек к себе Анжелику и стал покрывать ее лицо звонкими, жадными поцелуями.

Прикосновение этих мокрых губ, пахнувших табаком и красным вином, вызвало у нее отвращение. Она начала извиваться, как угорь, чтобы выскользнуть из его объятий. Португепя и позументы униформы капитана царапали ей грудь.

Наконец, женщине удалось вырваться, и она поспешила кое-как прикрыться разорванной кофтой.

— Ты чего? — протянул изумленный гигант. — Что на тебя нашло? Ты разве не поняла? Я хочу избавить тебя от наказания.

— Благодарю вас, — твердым голосом произнесла Анжелика. — Но я предпочитаю порку.

У Людоеда отвисла челюсть, кончики его усов задрожали, а сам он побагровел, как будто шнур

воротника сдавил ему шею.

— Что... Что ты сказала?..

— Я предпочитаю кнут, — повторила Анжелика. — Господин парижский прево вынес мне приговор. Я не должна скрываться от правосудия.

И она решительно направилась к двери. Одним прыжком мужчина настиг ее и схватил за шею.

«О Боже! — подумала Анжелика. — Никогда в жизни больше не схвачу курицу за шею. Какой ужас!»

Капитан внимательно разглядывал пленницу.

— Ты, девка, какая-то странная, — произнес Людоед, чуть задыхаясь. — После того что ты сказала, я мог бы отлупить тебя и бросить умирать на каменном полу. Но мне не хочется портить твою шкуру. Ты красива, хорошо сложена. Чем больше я на тебя смотрю, тем сильнее хочу тебя. Было бы слишком глупо не договориться. Я могу оказать тебе услугу. Послушай, не делай глупостей. Будь со мной понежнее, и, когда ты присоединишься к другим — кто знает, — может, охранник, который тебя поведет, посмотрит в другую сторону...

Анжелика мгновенно представила, как она освобождается. Маленькие лица Флоримона и Кантора плясали у нее перед глазами.

Блуждающим взором она смотрела на грубое, красное лицо, склонившееся над ней. Она готова была согласиться, но тело взбунтовалось. Нет, это невозможно! Она не сможет! Ведь из Общественного госпиталя можно убежать... и даже по дороге, когда их будут вести, она могла бы попробовать...

— Я предпочитаю Общественный госпиталь! — вне себя закричала она. — Я предпочитаю...

Остаток фразы потонул в разразившейся буре. На потрясенную, не смеющую даже дышать женщину обрушился целый шквал отборнейшей брани. Дверь распахнулась настежь, впуслав в зал солнечный свет, и

Анжелика была вышвырнута вон со скоростью летящей пули.

— Пускай с этой шлюхи всю шкуру спустят!

С жутким грохотом дверь снова захлопнулась.

Анжелика упала перед группой солдат гражданской стражи, которые только что заступили в ночную вахту. В большинстве своем это были ремесленники и мирные торговцы, которые совершенно равнодушно относились к обязанностям, возложенным на них городскими цехами для безопасности столицы. Они являли собой яркий пример «сидячей» и «спящей» стражи.

Мужчины только-только раскурили трубки и достали игральные карты, как вдруг у них под ногами оказалась полуголая девица. Капитан настолько неотчетливо проорал свой приказ, что никто из них ничего не понял.

— Ну вот, еще одну наш мужественный капитан использовал по назначению, — заметил один из стражников. — Что-то не похоже, чтобы любовь сделала его нежным.

— И все равно ему везет. Он никогда не проводит ночи в одиночестве.

— Еще бы! Отбирает девиц из очередной партии заключенных и заставляет их выбирать между тюрьмой и его постелью.

— Если бы только парижский прево узнал про это, он бы пятки ему поджарил!

Анжелика поднялась, чуть живая от страха. Стражники смотрели на нее совершенно равнодушно. Они набивали свои трубки и тасовали карты.

Робкими шагами Маркиза Ангелов направилась к порогу караульного помещения. Ее никто не остановил.

Наконец, молодая женщина оказалась у сводчатого прохода улицы Сен-Лефрой, которая соединяла крепостную стену Шатле с улицей Сен-Дени и с мостом Менял.

Вокруг сновали прохожие. Анжелика поняла, что она свободна. Точно безумная, она бросилась бежать.

— Тсс! Маркиза Ангелов!.. Осторожно, стой.

Голос Польки остановил Анжелику неподалеку от Нельской башни.

Она оглянулась и заметила проститутку, которая из тени дверного проема подавала ей знаки. Маркиза Ангелов подошла к приятельнице.

— Эх! Бедняжечка моя, — вздохнула девица, — вот мы и встретились! Ты не представляешь себе, что произошло. Хорошо хоть, Красавчик на свободе. Он выбрил себе тонзуру, ну вроде он священник, и сказал на допросе, что был аббатом. А когда его стали перевозить из Шатле в епископальную тюрьму, тут-то он и удрал.

— Почему ты не дала мне подойти к Нельской башне?

— Проклятие! Там же Родогон-Египтянин со всей своей бандой. Анжелика побледнела как полотно. Полька объяснила:

— Надо было видеть, как они нас вытурили! Даже ни секундочки не дали, чтобы мы могли собрать свои пожитки! Но мне все-таки удалось спасти твой сундучок и твою обезьянку. Они на улице Валь д'Амур^[42], в доме, где у Красавчика есть друзья и где он собирается поселить своих девочек.

— А мои дети? — спросила Анжелика.

— Про Весельчака никто не знает, что с ним случилось, — продолжала болтать словоохотливая Полька. — Посадили в тюрьму? Повесили?.. Кто-то говорит, что видел, как его труп сбросили в Сену. А может быть, он удрал в деревню...

— Мне наплевать на Весельчака, — процедила Анжелика сквозь зубы.

Она схватила подругу с такой силой, что ее ногти впились Польке в плечи.

— Где мои малыши?

Полька подняла на Анжелику черные глаза, в которых сквозила растерянность, а потом опустила ресницы.

— Я пыталась, клянусь... но те, другие, были сильнее...

— Где они? — бесцветным голосом повторила Анжелика.

— Их забрал Гнилой Жан... вместе со всеми карапузами, которых он смог найти.

— Он увез их туда... в предместье Сен-Дени?

— Да. То есть он увез одного Флоримона. Не Кантора. Торговец сказал, что Кантор слишком жирный и его невозможно сдавать нищим.

— Что он с ним сделал?

— Он... он его продал... Да, за тридцать су... цыганам. Им были нужны дети, чтобы вырастить из них акробатов.

— А где цыгане?

— Ну я-то откуда знаю? — запротестовала, вырываясь, Полька. — Ты коготки-то убери, кошечка моя, а то ты мне шкурку попортишь... Что ты хочешь, чтобы я тебе сказала?.. Это были цыгане... Они ушли. Ночное сражение отбило у них вкус к битвам. Их нет в Париже.

— Куда они ушли?

— Около двух часов тому назад видели, как они направляются к воротам Сент-Антуан. А я пришла караулить сюда, потому что подумала, что ты здесь непременно появишься. Ты — мать! А матери — они такие, они сквозь стены пройдут...

Анжелика от отчаяния не находила себе места. Ей казалось, что она сходит с ума.

Флоримон там, в лапах этого отвратительного Гнилого Жана, малыш плачет, зовет маму!.. А Кантора и вовсе навсегда увезли неизвестно куда!

— Надо идти за Кантором, — сказала несчастная мать, — возможно, цыгане не успели уйти слишком далеко от Парижа.

— Моя бедная Маркиза, ты потеряла последний разум!

Но Анжелика уже шагала прочь. Польша последовала за товаркой.

— В конце концов, — покорно пробурчала она, — можно и пойти. У меня есть немного денег. А вдруг они согласятся его перепродать...

Дождь лил весь день. Воздух пропитался влагой, пахло осенью. Мокрые мостовые блестели.

По правому берегу Сены подруги вышли из Парижа у Арсенальной набережной. Вдоль горизонта низкое хмурое небо пересекала широкая багровая полоса заката. Наступивший вечер встретил путниц холодным ветром. Жители предместья сообщили, что видели цыган у моста Шарантон. Подруги шли очень быстро. Время от времени Польша пожимала плечами и бранилась, но назад не повернула. Она шагала за Анжеликой с фатализмом, который свойственен людям, привыкшим идти по приказу без остановки по любой дороге, в любую погоду, даже не задумываясь, куда и зачем.

Так они подошли к мосту Шарантон. Уже виднелись костры, разведенные на лугу, чуть в стороне от дороги.

Польша остановилась.

— Это они, — выдохнула она. — Нам повезло.

Женщины двинулись в сторону лагеря. Вне всякого сомнения, табор выбрал это место для привала, привлеченный близостью густой дубовой рощи. Единственным укрытием для цыган в дождливую ночь служили полотнища, натянутые меж ветвей деревьев. Женщины с детьми сидели вокруг огня и жарили на огромном вертеле барана. В стороне паслись худые лошади. Анжелика с подругой приблизились к лагерю.

— Постарайся их не раздражать, — прошептала Полька. — Ты даже и представить не можешь, какие они злые! Они нас зарежут, как овец, и больше о нас никто и не вспомнит. Дай мне с ними поговорить. Я немного знаю их язык...

Огромный верзила в меховой шапке отошел от костра и направился к незванным гостям. Те подали условный сигнал, по которому члены воровского братства узнавали друг друга, и мужчина быстро ответил им. Полька принялась объяснять цель визита. Анжелика ничего не понимала из тех фраз, которыми они обменивались. Она пыталась догадаться по лицу цыгана, о чем он думает, но было так темно, что Маркиза Ангелов не смогла различить черты его лица.

Наконец, Полька достала свой кошель; мужчина взвесил его на руке и удалился к костру.

— Он сказал, что ему надо переговорить с людьми из табора.

Женщины ждали, леденя на ветру, который дул с равнины. Той же уверенной и легкой походкой цыган вернулся.

Он что-то коротко сказал.

— Что он говорит? — задыхаясь, спросила Анжелика.

— Он говорит... что они не хотят возвращать ребенка. Они считают его очаровательным и милым. Они его уже полюбили. Они говорят, что довольны «покупкой» и не хотят от нее отказываться.

— Но это невозможно!.. Мне нужен мой ребенок, — закричала Анжелика.

Она сделала движение по направлению к лагерю, но Польша удержала подругу за руку.

Цыган достал шпагу, другие мужчины из табора уже спешили ему на помощь.

Проститутка потащила растерянную мать к дороге.

— Ты сумасшедшая!.. Ты что, хочешь, чтобы тебя убили?

— Это невозможно, — твердила Анжелика. — Надо что-то предпринять. Они не могут увезти Кантора далеко... далеко...

— Да не изводи ты себя так, это жизнь! Не сегодня, так завтра, но дети уходят... Чуть раньше, чуть позже — все едино. У меня тоже были дети! Думаешь, я знаю, где они теперь? И мне это не мешает жить!

Анжелика замотала головой, чтобы не слышать этих увещеваний. Вновь зарядил дождь, частый и мелкий. Надо что-то делать!..

— Я поняла, — заявила Маркиза Ангелов. — Возвращаемся в Париж. Мне надо вернуться в Шатле.

— Вот именно, давай вернемся в Париж, — одобрила Польша решение спутницы.

Они вновь побрели по дороге, спотыкаясь в лужах грязи. Ноги Анжелики, обутые в грубые башмаки, кровоточили. Промокшая юбка при порывах ветра липла к ногам. Молодая женщина чувствовала, что слабеет. Вот уже сутки она ничего не ела.

— Я больше не могу, — прошептала она, останавливаясь, чтобы перевести дыхание. — А нам надо спешить... спешить...

— Подожди, я вижу позади на дороге свет фонарей. А что, если эти всадники скачут в Париж? Мы их попросим посадить нас на лошадей позади себя.

Польша отважно встала посреди дороги. Когда кавалькада поравнялась с женщинами, проститутка

выкрикнула своим хриплым голосом, которому она умела придавать обольстительное очарование:

— Эй! Любезные сеньоры! Пожалейте двух красивых девушек, попавших в беду! Мы сумеем вас отблагодарить.

Всадники придержали лошадей. В темноте можно было разглядеть только их плащи с поднятыми воротниками и промокшие фетровые шляпы. Они обменялись несколькими фразами на иностранном языке. Потом Анжелика увидела протянутую руку и услышала молодой голос, говоривший по-французски:

— Садитесь, моя красавица.

Последовал энергичный рывок, и молодая женщина оказалась сидящей боком позади всадника. Лошади возобновили свой бег.

Полька заливалась смехом. Заметив, что мужчина, посадивший ее позади себя, был иностранцем, проститутка принялась обмениваться с ним шутками на плохом немецком, который она выучила на полях сражений.

Спутник Анжелики произнес, не оборачиваясь:

— Обнимите меня крепче, любезная. У моего коня слишком жесткая рысь, а седло узкое. Вы рискуете упасть.

Маркиза Ангелов повиновалась и обняла молодого человека, прижав свои замерзшие ладони к его горячей груди. Это тепло прибавило ей сил. Анжелика прильнула щекой к крепкой спине незнакомца и наслаждалась минутами отдыха. Теперь, когда она решила, что должна делать, несчастная женщина чувствовала себя спокойнее. Вскоре Анжелика поняла, что всадники — это группа протестантов, возвращающихся из храма в Шарантоне ^[43].

Когда кавалькада въехала в Париж, спутник Анжелики заплатил за нее дорожную пошлину у ворот

Сент-Антуана.

— Куда вас отвезти, красавица? — спросил всадник, на этот раз обернувшись, чтобы разглядеть лицо женщины.

Анжелика сбросила оцепенение, в которое впала во время скачки.

— Я не хотела бы злоупотреблять вашим вниманием, месье, но буду очень признательна, если вы доставите меня к Большому Шатле.

— С удовольствием.

— Анжелика, — выкрикнула Польша, — ты собираешься сделать глупость. Берегись!

— Оставь меня... И дай твой кошель. Возможно, он пригодится.

— Ну что же, ладно... — пробормотала девица, пожимая плечами.

Польша спрыгнула на землю и рассыпалась в благодарностях на грубом немецком языке; всадник, который на самом деле оказался не немцем, а голландцем, выглядел довольным и одновременно смущенным ее игривой сердечностью.

Спутник Анжелики, прощаясь, приподнял шляпу, а затем направил коня по широкой и почти пустынной улице Фобур-Сент-Антуан. Через несколько минут он остановился перед тюрьмой Шатле, которую Анжелика покинула всего пару часов назад. Женщина спешила.

Большие факелы, укрепленные под главным входом крепости, освещали площадь. В их красноватом сиянии Анжелика наконец-то смогла рассмотреть своего спутника. Это был молодой человек лет двадцати — двадцати пяти, в простой, но удобной одежде горожанина.

Маркиза Ангелов сказала:

— Я прошу простить меня за то, что оторвала вас от ваших друзей.

— Ничего страшного. Эти молодые люди не являются моими друзьями. Они иностранцы. А я француз, из Ла-Рошели. Мой отец, судовладелец, послал меня в Париж, чтобы приобщить к торговым делам столицы. Я путешествовал с этими иностранцами лишь потому, что встретил их в храме Шарантона, где мы все присутствовали на похоронах одного нашего единове́рца. Как видите, вы ничуть не нарушили моих планов.

— Благодарю вас за любезный ответ, месье.

Анжелика протянула мужчине руку. Он взял руку, и Маркиза Ангелов увидела склонившееся к ней с улыбкой доброе и серьезное лицо молодого человека.

— Я рад, что смог оказать вам услугу, милая.

Она смотрела, как всадник удаляется по улице Гранд-Бушри^[44], с ее залитыми кровью лотками. Он не оглянулся, но эта случайная встреча вернула мужество молодой матери.

Анжелика решительно шагнула под тюремные своды и вошла в караульное помещение. Ее остановил стражник.

— Я хочу переговорить с капитаном королевской стражи. Мужчина подмигнул.

— С Людоедом? Что ж, милашка, раз он в твоём вкусе, тогда проходи.

Весь зал тонул в голубоватом табачном дыму. Анжелика машинально разгладила влажную юбку. Лишь сейчас она заметила, что чепец унесло ветром, и со стыдом подумала об остриженных волосах. Тогда она сняла с шеи платок и покрыла им голову, завязав концы под подбородком.

Она вошла в главный зал. Перед очагом черным пятном маячил внушительный силуэт капитана. Он о чем-то громко разглагольствовал, держа в одной руке длинную трубку, в другой — стакан вина. Собеседники

слушали командира, позевывая и качаясь на стульях. Они давно привыкли к его бахвальству.

— Надо же, к нам пришла какая-то девица, — воскликнул один из солдат, радуясь внезапной возможности прекратить излишества начальства.

Капитан, узнав Анжелику, подскочил на месте и побагровел от злости. Но она не дала ему опомниться и закричала:

— Господин капитан, выслушайте меня. И вы, господа военные, придите мне на помощь! Цыгане похитили, увезли из Парижа моего ребенка. Сейчас они встали лагерем у моста Шарантон. Умоляю, отправьте кого-нибудь со мной и заставьте похитителей вернуть моего малыша. Они не посмеют ослушаться приказа городской стражи...

В комнате воцарилось изумленное молчание, а затем один из мужчин вдруг громко расхохотался.

— Ого! Надо же, ну и деваха, я такой наглости никогда еще не встречал! Ха-ха-ха! Эта девица приходит и требует от стражи, чтобы, чтобы... Ха-ха-ха! Это даже слишком смешно! Ты за кого себя принимаешь, маркиза?

— Ей приснился сон! Она возомнила себя французской королевой!

Смех охватил всех присутствовавших. Куда бы ни взглянула Анжелика, везде она видела лишь разинутые рты и сотрясавшиеся от безудержного хохота плечи. Не смеялся только капитан. На его перекошенном от гнева лице застыло выражение, которое испугало бы любого.

«Он собирается бросить меня в тюрьму, я погибла!» — подумала Анжелика.

Она в панике огляделась.

— Это маленький мальчик, ему только-только исполнилось восемь месяцев, — вскричала молодая женщина. — Он прекрасен, как ангел. Он похож на ваших детей, которые сейчас спят в колыбелях около

своих матерей... А моего крошку цыгане собираются увезти далеко... далеко... Он больше никогда не увидит свою мать... Он ничего не узнает ни о своем отечестве, ни о своем короле... Он...

Анжелику душили рыдания. Постепенно смех затих, лица солдат и стражников стали серьезнее. Раздалось еще несколько неуверенных смешков, но потом мужчины стали обмениваться смущенными взглядами.

— Надо же, — сказал совсем старый, покрытый шрамами солдат, — эта нищенка так дорожит своим малышом... А то они обычно бросают детей где-нибудь на углу улицы...

— Заткнитесь! — взревел капитан.

Он подошел к молодой женщине и склонился над ней.

— Итак, — произнес гигант с пугающим спокойствием, — эта оборванка, потаскуха, приговоренная к бичеванию, не только разгуливает на свободе, но и набралась наглости явиться сюда и отдавать приказы военному отряду! А что ты предложишь взамен, маркиза?

Анжелика бросила на капитана пламенный взгляд:

— Себя.

Глаза колосса сузились, казалось, он даже вздрогнул.

— Ну-ка иди сюда, — резко сказал офицер и толкнул Анжелику в соседнюю комнату, где находилась канцелярия суда.

— Что ты имеешь в виду? — буркнул Людоед.

Анжелика собрала все свое мужество и не замедлила с ответом.

— Я хочу сказать, что сделаю все, что вы захотите.

Молодая женщина умирала от страха. Что, если капитан не польстится на нее, ведь она сейчас так жалко выглядит? Жизни Кантора и Флоримона зависели от того, насколько похотливым окажется это животное.

А в это время Людоед думал, что никогда в жизни не встречал подобной женщины. Тело богини! Да! Всемиловитый Господь, даже лохмотья не могли скрыть ее совершенства. В этой нищенке было нечто, что отличало ее от раздавшихся в ширину, увядающих девиц, к которым он привык. А лицо, какое лицо! Раньше капитан никогда не смотрел на лица шлюх. Ему было попросту неинтересно. Только сейчас он наконец понял, каким может быть женское лицо! Оно может свести с ума, честное слово!

Людоед мечтал, а Анжелика дрожала. Наконец он протянул руки, схватил молодую женщину за плечи и грубо привлек к себе.

— Что я хочу, — сердито пробормотал он, — что я хочу.

Он тянул с ответом. Анжелика даже и не подозревала, что за этой нерешительностью кроется некоторая робость.

— Мне нужна вся ночь целиком, — решил страж порядка. — Поняла? Не минутное свидание, так, между прочим, как я тебе предлагал раньше... Вся ночь.

Вояка отпустил Анжелику на пол и взмахнул своей трубкой, как указкой.

— Это отучит тебя ломаться! Ну что? Договорились?

Не в силах вымолвить ни слова, Анжелика кивнула головой.

— Сержант! — заорал капитан.

Вбежал унтер-офицер.

— Лошадей!.. И пятерых солдат. Пускай пошевеливаются!

Маленькое войско остановилось у цыганского табора. Капитан отдал приказы.

— Двух человек вон туда, к леску, на случай, если цыгане попытаются дать деру. Ты, девица, остаешься здесь.

Цыгане, с их обостренным, как у ночных зверей, чутьем, уже смотрели на дорогу и сбивались в группы.

Капитан и стражники двинулись вперед, в то время как оба солдата пошли в обход.

Анжелика осталась в темноте. Она услышала, как капитан, не стесняясь в выражениях, объясняет вожаку табора, что все цыгане — мужчины, женщины и дети, должны быть построены. Он собирается их пересчитать. Это обязательная формальность, необходимая из-за происшествия на ярмарке Сен-Жермен, и больше от них ничего не потребуется.

Успокоенные кочевники подчинились. Они привыкли к придишкам полиции всего мира.

— Ну-ка иди сюда, девица! — громогласно позвал командир. Анжелика бросилась вперед.

— У вас ребенок этой женщины, — вновь заговорил офицер. — Отдайте его сию минуту, или мы вас всех прикончим.

В этот момент Анжелика заметила Кантора, спавшего у смуглой груди цыганки. С рычанием тигрицы Маркиза Ангелов прыгнула к женщине и вырвала у нее ребенка, который тут же начал плакать. Цыганка заголосила, но вожак табора суровым голосом приказал ей молчать. Вид верховых стражников с алебардами, на лезвиях которых поблескивал неясный отсвет костров, убедил его, что сопротивление бесполезно.

Однако цыган не преминул с высокомерием заявить, что за ребенка заплачено тридцать су. Анжелика бросила ему деньги и вновь страстно обхватила пухленькое, гладкое тельце. Кантору совсем не понравились эти чересчур крепкие объятия. Было видно, что малыш, с рождения отличавшийся отменным

умением приспособливаться, чувствовал себя на груди у цыганки превосходно.

Но размеренная рысь лошади, на которой ехала Анжелика, устроившись за спиной у стражника, укачала малыша, и он вновь задремал, засунув палец в рот. Совсем голенький, как и все цыганские дети, Кантор, казалось, не чувствовал холода.

Молодая мать прижала сына к груди, укрыв своей кофтой; она держала мальчика одной рукой, другой цепляясь за портупею стражника.

В Париже уже наступила ночь, и отсчитываемые ею минуты темноты текли незаметным ручейком в глубокие тени, чтобы позже вновь превратиться в день. Так невидимый миру подземный побег рвется к свету и солнцу.

Добропорядочные горожане закрывали ставни и задували свечи в домах. Знатные господа и зажиточные мещане отправлялись в трактиры или в театры. Достойным продолжением ужина считался стаканчик ^[45]россоли и фривольные поцелуи.

Часы на башне Шатле пробили десять.

Анжелика спрыгнула с коня на землю и подбежала к капитану.

— Позвольте мне отнести ребенка в надежное место, — взмолилась она. — Обещаю, я приду завтра ночью.

Людоед состроил ужасную гримасу.

— Хм! Не смей меня обманывать. Шкуру с тебя сдеру.

— Я клянусь вам, что приду!

И в доказательство честности своих слов Анжелика скрестила два пальца и плюнула на землю, как поступали все обитатели Двора чудес, давая нерушимую клятву.

— Что ж, это сгодится, — ответил капитан. — Я не часто слышал, чтобы такую клятву нарушали. Буду ждать... Но не заставляй меня томиться чересчур долго. А пока, чтобы скрасить мое ожидание, оставь-ка мне в задаток поцелуй.

Но Анжелика отпрыгнула назад, спасаясь от его лапищ. Как он только осмелился предложить такое сейчас, когда она держит на руках своего драгоценного малыша! Решительно, мужчин волнует только собственная похоть.

Улица Валле-де-Мизер находилась прямо за Шатле. Анжелика должна была пройти всего несколько метров. Не сбавляя шага, женщина вошла в трактир «Храбрый петух» и направилась в кухню.

Барба была занята привычным делом: она меланхолически ощипывала старого петуха. Анжелика сунула ребенка в руки своей бывшей служанки.

— Вот! Это Кантор! — Маркиза Ангелов едва перевела дыхание. — Береги его, защищай. Обещай, что бы ни случилось, ты его не оставишь.

Кроткая Барба прижала к груди и ребенка, и ощипанного петуха.

— Я вам обещаю, госпожа.

— Если твой хозяин Буржую рассердится...

— Ничего, пусть он сердится, госпожа. Скажу, что это мой ребенок, что я прижила его от одного мушкетера.

— Отлично. Теперь, Барба...

— Госпожа?

— Возьми свои четки.

— Да, госпожа.

— И начинай молиться за меня Деве Марии...

— Да, госпожа.

— Барба, у тебя есть водка?

— Да, госпожа, вон там, на столе...

Анжелика схватила бутылку и отхлебнула несколько больших глотков прямо из горла. В какой-то миг ей показалось, что сейчас она рухнет прямо на каменный пол; чтобы не упасть, Маркиза Ангелов была вынуждена опереться о стол. Но уже через мгновение к ней вернулась способность ясно видеть и она почувствовала, как внутри разливается приятное тепло.

Барба смотрела на хозяйку широко раскрытыми от изумления глазами.

— Госпожа... Где ваши волосы?

— Что ты болтаешь? Откуда мне знать, где мои волосы? — раздраженно ответила вопросом на вопрос Анжелика. — У меня есть дела поважнее поиска пропавших волос.

И молодая женщина твердым шагом направилась к двери.

— Госпожа, а куда вы идете?

— Искать Флоримона.

Глава 11

На углу глинобитного дома примостилась статуя, которой поклонялись бандиты: изображение Всевышнего, похищенное из церкви Сен-Пьер-о-Бёф. Кошунство и непристойности — вот все молитвы, что слышал Господь из уст окрестных обитателей.

За домом начинался лабиринт грязных зловонных улочек, ведущий в самое сердце королевства ночи и ужаса. Статуя Отца Небесного отмечала границу, пересекая которую в одиночку полицейские и стражники подвергали опасности свою жизнь, а добропорядочные горожане боялись даже приближаться к запретной черте. Да и что им было делать в этом безымянном квартале? Тысячи забытых Богом и людьми семей, единственным прибежищем которых стало городское дно, ютились в полуразрушенных, почерневших от времени домишках, в грязных лачугах и даже старых каретах, телегах, обветшавших мельницах и неизвестно как оказавшихся здесь полусгнивших кораблицах.

Непроглядная темнота и пугающая тишина... Анжелика поняла, что она проникла во владения Великого Кесаря. Песни, звучавшие в тавернах, остались где-то далеко позади. Здесь не было ни таверн, ни фонарей, ни песен.

Ничего, кроме первозданной нищеты, с ее нечистотами, крысами, бродячими собаками...

Однажды днем Анжелика вместе с Весельчаком уже побывала в этом квартале предместья Сен-Дени. Любовник показал Маркизе Ангелов вотчину Великого Кесаря, его странный дом в несколько этажей, который некогда, скорее всего, был монастырем. На бугристой земле среди старых досок, огромных камней и свай,

препятствующих обрушению ветхих стен, можно было различить остовы колокольных башен и руины клуатра^[46]. Полуразрушенное, перекошенное, словно калека на костылях, зияющее черными пролетами арок и пустыми глазницами стрельчатых окон, с горделивыми высокими султанами башен, здание выглядело как настоящий дворец короля нищих.

Великий Кесарь обитал здесь со своим двором: многочисленными женами, советниками и даже собственным шутом. Именно в этом дворце, пользуясь покровительством всемогущего хозяина, Гнилой Жан хранил свой «товар»: незаконнорожденных, украденных или купленных детей.

Перейдя границу сомнительного квартала, Анжелика сразу принялась разыскивать дом Великого Кесаря. Ее материнский инстинкт подсказывал: Флоримон там. Она шла, защищенная непроглядной тьмой. Встречные не обращали внимания на женщину в лохмотьях, ничем не отличавшуюся от других обитательниц жалких лачуг. Даже если бы кто-нибудь из них подошел к Маркизе Ангелов вплотную, то она бы не вызвала подозрений, потому что достаточно хорошо знала язык и обычаи нищих.

Лишь под одной маской можно было безнаказанно пересечь этот ад: под маской нищеты и падения.

В ту ночь, в разорванной и промокшей одежде, с коротко стриженными волосами бывшей арестантки, уставшая и перепуганная, Анжелика выглядела настолько жалкой, что ни одна нищенка не заподозрила бы ее в незаконном проникновении на чужую территорию.

Однако Анжелике приходилось соблюдать осторожность, чтобы не быть узнанной. Ведь в этом

квартале обретались две банды, соперничавшие с бандой Весельчака.

А если бы кто-то догадался, что здесь бродит сама Маркиза Ангелов? Ночная охота диких зверей в лесной чаще менее жестока, чем охота людей, преследующих своего собрата в городских трущобах!

Для большей безопасности Анжелика наклонилась и измазала лицо придорожной грязью.

В этот час дом Великого Кесаря особенно выделялся среди других строений квартала хотя бы потому, что был освещен. То тут, то там в его окнах вспыхивала рыжеватая звездочка грубой самодельной лампы: площадки с маслом, в котором плавал старый лоскут.

Спрятавшись за каменной тумбой, Анжелика довольно долго наблюдала за логовом бандитов. Дом Великого Кесаря был еще и самым шумным в квартале. В нем собирались нищие и бандиты со всей округи так же, как совсем недавно в Нельской башне сходились люди Весельчака.

Вечер выдался холодным, и все окна первого этажа были закрыты старыми досками.

Наконец Анжелика решилась подойти к одному из окон и заглянула в щель между досками. Зал был переполнен. Молодая женщина увидела несколько знакомых лиц: Малого Евнуха, ученого советника — Паленого Старикана с кустистой бородой, и, наконец, Гнилого Жана. Торговец детьми грел свои мертвенно-белые руки у огня и болтал с советником:

— Вот что называют отличной операцией, мой уважаемый ученый друг. Полиция не только не причинила нам никакого вреда, но еще и помогла уничтожить банду этого наглеца Весельчака.

— По-моему, ты сильно преувеличиваешь, утверждая, что полиция не причинила нам никакого вреда. Пятнадцать наших дружков были отправлены без суда и следствия на виселицу Монфокон! И никто не может подтвердить, будто Весельчак составил им компанию!

— Ба! В любом случае, ему сломали хребет, и он долго не сможет оправиться и восстановить силы... это если еще допустить, что он вообще когда-нибудь снова появится, в чем я сильно сомневаюсь. Родогон захватил все его владения.

Паленый вздохнул.

— Когда-нибудь нам придется сразиться и с Родогоном. Новым мостом и ярмаркой Сен-Жермен управляют из Нельской башни — это важный стратегический пункт. В былые времена, когда я преподавал историю нескольким шалопаям в Наваррском коллеже...^[47]

Гнилой Жан не слушал старика.

— Не смотри так мрачно на будущее Нельской башни. Я вот только порадуюсь, если время от времени будут случаться такие маленькие перевороты. Как я поживился в Нельской башне! Около двадцати прекрасных малюток, на которых я смогу заработать немало полновесных экю.

— И где же эти херувимчики?

Гнилой Жан показал рукой на потрескавшийся потолок:

— Наверху... Мадлен, дорогуша, подойди сюда и покажи мне своего сосунка.

Здоровая баба с тупым, ничего не выражающим лицом оторвала ребенка от груди и протянула его гнусному типу. Гнилой Жан взял малыша на руки и с восхищением осмотрел его.

— Не правда ли, он прекрасен, этот маленький мавр? Когда он подрастет, я наряжу его в небесно-голубые одежды и продам кому-нибудь из придворных.

Тут один из нищих взялся за дудку, а двое других стали отплясывать крестьянский бурре, и Анжелика больше не услышала ни слова из того, о чем говорили Гнилой Жан и Паленый Старикан.

Но теперь она знала наверняка: дети из Нельской башни находились именно в этом здании, скорее всего, в комнате, расположенной прямо над главным залом.

Очень медленно молодая женщина обошла дом. В ветхой стене она обнаружила пролом, ведущий прямо на лестницу. Анжелика сняла башмаки и пошла босиком. Никакого лишнего шума!

Винтовая лестница вела наверх.

Маркиза Ангелов начала подниматься по ней. Призрачный неяркий свет, льющийся неизвестно откуда, озарял глинобитные ступени, высокие и крутые. По обоим краям лестничных маршей шли какие-то гладкие дорожки, тоже из глины. На лестничных площадках дорожки заканчивались, но возобновлялись у следующего пролета.

Пока дрожащая от страха Анжелика поднималась, обращая внимание даже на мельчайшие детали окружающей обстановки, она сообразила, что эта наклонная плоскость, повторяющая изгибы лестницы, была задумана для особенного, хотя и достаточно многочисленного населения проклятого дома. По пандусу безногие инвалиды вроде Деревянного Зада и самого Коротышки-Ролена передвигались внутри здания самостоятельно, толкая руками тележку или деревянную платформу. Горло свело судорогой, когда она представила себе отвратительную, скрытую от посторонних взглядов жизнь этих опаснейших созданий, с их острым умом и звериным чутьем превративших грязные руины в неприступную крепость.

Но ничто не могло помешать ее подъему к вражескому логову, где томился в заключении Флоримон.

Лестница выходила в коридор. Его стены и пол были покрыты глиной, перемешанной с соломой. Слева Анжелика заметила пустынную комнату, освещенную масляным светильником. В стены комнаты были вмурованы цепи. Кого здесь держали?.. Кого истязали?.. Маркиза Ангелов вспомнила: ходили слухи, что во время Фронды Гнилой Жан промышлял похищением молодых горожан и одиноких крестьян для перепродажи юношей армейским вербовщикам... Тишина, царившая в этом крыле дома, была поистине ужасающей.

Анжелика продолжала идти вперед.

По ногам скользнула крыса, и женщина едва сдержала крик отвращения.

Вдруг она услышала какой-то шум, который, как казалось, шел из глубины здания.

Жалобные стоны, тихий плач — звуки постепенно приближались. Сердце Анжелики сжалось: плакали дети. Молодая мать представила себе личико Флоримона: огромные черные глаза, в которых застыл ужас, слезы текут по бледным щекам. Ему так страшно там, в темноте. Он зовет... Анжелика ускорила шаг, она почти бежала, влекомая этим плачем. Поднявшись на следующий этаж, она пересекла две комнаты, где тоже горели масляные лампы, заливая пространство грязным светом. На стене она заметила пару медных гонгов, а на полу валялись охапки соломы, которые вместе с глиняными мисками составляли всю меблировку зловещего помещения.

Наконец Анжелика поняла, что достигла цели. Теперь она отчетливо слышала печальную музыку рыданий и чуть слышный шепот. Должно быть, кто-то из старших детей пытался успокоить малышей.

Анжелика вошла в маленькую комнатку, расположенную с левой стороны коридора, по которому она продвигалась. В нише мерцал светильник, но хотя комната была пуста, звуки доносились именно отсюда. В это мгновение в глубине помещения Маркиза Ангелов заметила тяжелую дверь с массивными замками. Это была первая запертая дверь, которую Анжелика увидела в этом доме.

В створку двери было врезано окошко, забранное решеткой. Сквозь него ничего не было видно, но Маркиза Ангелов поняла, что дети заперты именно тут, в этом каменном мешке без воздуха и света. Как же привлечь внимание двухлетнего малыша?

Анжелика поднесла губы к самой решетке и тихонько позвала:

— Флоримон! Флоримон!

Плач немного утих, и из-за двери раздался шепот:

— Маркиза Ангелов, это ты?

— Кто это?

— Это я, Лино. Гнилой Жан забрал нас всех, и Флипо, и других мальчишек.

— Флоримон с вами?

— Да.

— Он плачет?

— Он плакал, но я сказал ему, что ты обязательно за ним придешь.

Анжелика догадалась, что мальчик отвернулся от двери и ласково прошептал:

— Вот видишь, Фло, мама пришла.

— Потерпите, я вас выручу, — пообещала Анжелика.

Она отошла от окошка и стала внимательно рассматривать дверь. Замки казались крепкими, но стена была ветхой; надо попробовать отодрать дверные петли. Маркиза Ангелов начала царапать ногтями песчаник.

Вдруг Анжелика услышала позади себя какой-то странный шум. Какое-то странное кудахтанье, сначала сдавленное, но постепенно становящееся все громче и громче, пока оно не превратилось в СМЕХ.

Анжелика обернулась и увидела на пороге Великого Кесаря.

Урод восседал на низкой платформе с четырьмя колесами. На этой тележке, отталкиваясь обеими руками от пола, король бандитов перемещался по извилистым коридорам опасного лабиринта.

Застыв на пороге комнаты, Великий Кесарь буравил молодую женщину жестоким взглядом. А она, парализованная ужасом, вспомнила фантастическую сцену на кладбище Невинных.

Калека продолжал кудахтать, отвратительно икая; хохот сотрясал его немощный торс, заканчивающийся двумя крошечными тоненькими увечными ножками.

По-прежнему смеясь, бандит стал приближаться. Как зачарованная, Анжелика следила взглядом за движением маленькой скрипящей тележки. Но Великий Кесарь направлялся не к ней, он свернул в сторону. И тут Маркиза Ангелов заметила висевший на стене медный гонг, такой же, какие она видела в других комнатах. Рядом на полу валялся железный прут.

Великий Кесарь собирался ударить в гонг. Тогда на его зов со всего дома примчатся демоны этого ада — нищие и бандиты. Они бросятся к Анжелике, к Флоримону...

Глаза убитого чудовища стекленели.

— Ой! Ты его зарезала! — раздался чей-то голос.

На пороге, где несколько секунд назад появился Великий Кесарь, стояла девушка, почти девочка, с лицом мадонны.

Анжелика взглянула на лезвие своего кинжала, красное от крови, и негромко произнесла:

— Тихо! А то мне придется убить и тебя.

— Нет-нет! Я не собираюсь никого звать. Я так рада, что ты убила его!

Девушка подошла к Анжелике.

— Ни у кого не хватало мужества прикончить эту падаль, — прошептала красавица. — Все его боялись. А на самом деле он был всего лишь мерзким и злым уродливым карликом.

Она подняла на Анжелику огромные черные глаза.

— Но теперь тебе нужно скорей бежать.

— Кто ты?

— Я — Розина... Последняя жена Великого Кесаря. Анжелика засунула кинжал за пояс и дрожащей рукой коснулась нежной розовой щеки девушки.

— Розина, помоги мне. Там, за дверью — мой сын. Его запер Гнилой Жан. Я ДОЛЖНА его забрать.

— Второй ключ от двери здесь, — сказала девушка. — Гнилой Жан отдал его Великому Кесарю. Ключ у него на тележке.

Розина склонилась над неподвижной отвратительной грудой. Анжелика старалась не смотреть в сторону убитого. Розина выпрямилась.

— Вот он, — сказала она.

Розина сама вставила ключ в замочную скважину. Замок заскрипел, и дверь открылась. Анжелика бросилась внутрь темницы и схватила Флоримона, сидевшего на руках у Лино. Ребенок не плакал, не кричал, но он до того замерз, что стал холодным, как ледышка. Он так сильно обхватил руками шею матери, что она едва не задохнулась.

— Теперь помоги мне выбраться отсюда, — обратилась Анжелика к Розине.

Лино и Флипо тоже рванулись к молодой женщине.

— Я не могу забрать вас всех.

Она вырвалась из объятий маленьких грязных ручишек, но оба мальчишки бросились за ней вслед.

— Маркиза Ангелов! Маркиза Ангелов, не бросай нас! Внезапно Розина, ведущая беглецов к лестнице, приложила палец к губам.

— Тсс! Сюда кто-то идет.

Этажом ниже раздался шум тяжелых шагов.

— Это дурак Бавотан. За мной!

И девушка кинулась бежать со всех ног. Она пронеслась по коридору, потом по лестнице. Анжелика и двое мальчишек бежали за ней по пятам. Когда они выскочили на улицу, из глубин дворца Великого Кесаря раздался нечеловеческий вопль. Это идиот Бавотан выл от горя рядом с трупом короля-урода, которому он так долго прислуживал.

— Бежим! — повторила Розина.

И обе женщины, а следом за ними и запыхавшиеся мальчишки, помчались по темным переулкам квартала. Их босые ступни скользили на камнях, покрытых липкой грязью. Наконец, Розина замедлила бег.

— Вот и фонари, — сказала она. — Это улица Сен-Мартен.

— Надо идти дальше. Нас могут преследовать.

— Бавотан не умеет говорить. Никто его не поймет; может, кто-то еще подумает, что дурачок и убил Ролена. Скоро выберут нового Великого Кесаря, но лично я никогда больше не вернусь в это логово. Я останусь с тобой, потому что ты его убила.

— А если нас разыщет Гнилой Жан? — спросил Лино.

— Он вас никогда не найдет. Я защищу вас всех, — заявила Анжелика.

Розина кивнула в сторону противоположного конца улицы, где на фоне робкого, бледного рассвета начали меркнуть фонари.

— Посмотри, ночь уже закончилась.

— Да, ночь закончилась, — решительно повторила Анжелика.

Каждое утро в аббатстве Сен-Мартен-де-Шан раздавали бесплатную похлебку для бедных. Знатные дамы, приехавшие к ранней мессе, помогали монахиням в этом богоугодном деянии.

Бедняки, порой вынужденные ночевать на улице у первого попавшего столба, обретали в трапезной монастыря мимолетный покой. Каждому из них давали по миске горячего бульона и круглому хлебцу.

Анжелика с Флоримоном на руках, за которой шли Розина, Лино и Флипо, забрела в монастырь случайно. Все пятеро беглецов, с ног до головы покрытые грязью, выглядели растерянными.

Вместе с другими неимущими их провели в зал и усадили на скамьи перед деревянными столами.

Потом появились служанки благотворительниц с огромными мисками похлебки.

От них исходил довольно аппетитный запах. Но, прежде чем утолить собственный голод, Анжелика попыталась напоить бульоном Флоримона.

Она осторожно поднесла плошку к губам ребенка.

И только тогда, в тусклом свете витражного окна молодая женщина рассмотрела сына. Его глаза были полузакрыты, носик заострился. Мальчик часто дышал, как будто бы его сердце, истерзанное страхом, никак не могло вернуться к нормальному ритму. Безучастный ко всему, малыш не обращал внимания на бульон, текущий

у него по губам. В какой-то момент теплая жидкость привела ребенка в чувство. Он икнул, сделал судорожный глоток, затем сам взял миску в руки и принялся с жадностью пить.

Анжелика смотрела на это крошечное несчастное личико в обрамлении темных спутанных волос.

«Итак, — сказала она сама себе, — вот в кого ты превратила сына Жоффрея де Пейрака, наследника графов Тулузских, дитя «Цветочных игр», родившегося для света и радости!»

Маркиза Ангелов пробуждалась от своего длительного оцепенения, с ужасом оглядываясь на разрушенную жизнь. Вдруг в ней поднялась волна необузданного гнева, гнева, направленного на себя саму и на весь окружающий мир. Казалось бы, после ужасной ночи молодая женщина должна была чувствовать себя подавленной и опустошенной, но, напротив, в ней пробудилась новая, небывалая сила.

«Никогда больше, — подумала Анжелика, — он не будет голодать... Никогда не будет мерзнуть... Никогда не испугается. Я клянусь».

Но разве за воротами аббатства их не подстерегали все те же голод, холод и страх?

«Надо что-то делать. Немедленно».

Анжелика посмотрела вокруг. Она была всего лишь одной из многочисленных несчастных матерей, одной из тех «бедняжек», которым никто ничего не должен и к которым так милосердно склонялись разодетые дамы, прежде чем вернуться к привычной болтовне в своих литературных салонах или к интригам королевского двора.

В шелковых накидках, наброшенных поверх роскошных причесок, дабы скрыть переливы жемчуга, в фартучках, приколотых к бархату и шелку платьев, они переходили от одной подопечной к другой. За ними шли служанки с корзинами в руках, из которых дамы

доставали пирожные, фрукты, порой пироги или половинку цыпленка — объедки с барского стола.

— О, дорогая, — воскликнула одна из женщин, — вы очень отважны, если в вашем деликатном положении с самого раннего утра уже занимаетесь благотворительностью. Господь вознаградит вас за это.

— Надеюсь, моя милая.

Смешок, последовавший за этой фразой, показался Анжелике знакомым. Она подняла глаза и узнала графиню де Суассон, которой рыжеволосая Бертиль подавала шелковую накидку цвета спелой сливы. Графиня завернулась в шелка, зябко передернув плечами.

— Господь был не очень справедлив, когда обязал женщин вынашивать целых девять месяцев у себя во чреве плод минутного наслаждения, — сказала мадам де Суассон настоятельнице монастыря, сопровождавшей ее к выходу.

— Что оставалось бы нам, монахиням, если бы все мгновения этого мира были заполнены лишь наслаждением? — с улыбкой ответила аббатиса.

Анжелика рывком поднялась и протянула сына Лино.

— Присмотри за Флоримоном, — сказала она мальчику.

Но малыш с жалобными криками продолжал цепляться за мать. Тогда она оставила ребенка у себя и наказала спутникам:

— Сидите здесь и не уходите.

Карета ожидала на улице Сен-Мартен. Как только графиня де Суассон собралась сесть в экипаж, к ней подошла бедно одетая женщина с ребенком на руках и сказала:

— Мадам, мой ребенок умирает от голода и от холода. Прикажите одному из ваших лакеев отвезти

туда, куда я укажу, полную тележку дров, горшок супа, хлеб, одеяла и одежду.

Благородная дама смерила нищенку изумленным взглядом.

— Что за неслыханная дерзость, милочка! Разве вы уже не получили сегодня утром миску похлебки?

— Одной миски похлебки недостаточно для того, чтобы выжить, мадам. То, что я прошу у вас, — такой пустяк при вашем богатстве. Тележка дров и еда — вот что вы мне будете присылать до тех пор, пока я не приведу в порядок свои дела.

— Невероятно! — воскликнула графиня. — Нет, ты слышишь, Бертиль? Эти попрошайки становятся наглее день ото дня! Подите прочь, нахалка! Не прикасайтесь ко мне вашими грязными руками, или я прикажу лакеям избить вас.

— Берегитесь, мадам, — очень тихо прошипела Анжелика, — берегитесь, как бы я не рассказала о ребенке Куасси-Ба!..

Графиня, которая уже подобрала юбки, чтобы сесть в карету, так и замерла с поднятой в воздух ногой.

Анжелика продолжила:

— Я знаю, что в предместье Сен-Дени есть один дом, и там воспитывается ребенок мавра...

— Говорите тише, — яростно прошептала мадам де Суассон. И отпихнула Анжелику подальше от кареты.

— Ну и что это за история? — сухо спросила графиня.

Чтобы скрыть растерянность, Олимпия развернула веер и начала им обмахиваться, хотя в этом не было никакой необходимости, поскольку дул пронзительный северный ветер.

Уставшая от тяжести, Анжелика переложила ребенка на другую руку.

— Я знаю о младенце, родившемся от мавра, которого воспитывают... — снова заговорила молодая

мать. — Он родился в Фонтенбло, и я точно знаю день, когда это произошло, еще я знаю, что за женщина помогала появиться ему на свет. Если кто-нибудь захочет, я могу назвать ее имя. Не правда ли, двор повеселится от души, когда узнает, что мадам де Суассон носит ребенка целых тринадцать месяцев?

— Ах ты, шлюха! — закричала красавица Олимпия, чей южный темперамент обычно давал о себе знать в самый неподходящий момент.

Она уставилась на Анжелику, пытаюсь узнать ее. Но Маркиза Ангелов опустила глаза, абсолютно уверенная, что в том печальном состоянии, в котором она находилась, никто не узнает в ней блистательную госпожу де Пейрак.

— Все, с меня хватит! — вновь гневно заговорила графиня де Суассон. (И поспешно двинулась к карете.) — Вы заслужили хорошую порку. Знайте, что я не люблю, когда надо мной насмеются.

— Король тоже не любит, когда над ним смеются, — прошептала Анжелика, ни на шаг не отставая от графини.

Знатная дама стала пунцовой и, откинувшись на бархатном сиденье кареты, принялась нервно расправлять складки своих юбок.

— Король!.. Король!.. Подумать только, нищая девка в лохмотьях рассуждает о короле! Это невыносимо! И что?.. Чего вы хотите?

— Я вам уже сказала, мадам. Не так уж много: тележку дров, теплую одежду для меня самой, моего малыша и двух маленьких мальчиков восьми и десяти лет, немного еды...

— О! Какое унижение вести подобный разговор! — просипела мадам де Суассон, разрывая зубами кружевной платок. — А этот болван, лейтенант полиции, радуется, что операция на ярмарке Сен-Жермен сбила спесь с бандитов... Чего вы ждете, олухи,

почему не закрываете дверцу? — прикрикнула графиня на своих лакеев.

Чтобы исполнить приказ хозяйки, один из лакеев оттолкнул Анжелику, но она снова подошла к двери.

— Я могу прийти в особняк, принадлежащий семье Суассон, на улицу Сент-Оноре?

— Приходите, — сухо ответила графиня. — Я распоряжусь.

Глава 12

Так уж случилось, что мэтр Буржю, владелец трактира на улице Валле-де-Мизер, как раз принялся за первую пинту вина, меланхолично вспоминая жизнерадостные песни, которые в этот ранний час распевала когда-то его жена, как вдруг во дворе «Храброго петуха» появилась престранная процессия.

Перед семьей оборванцев, состоявшей из двух молодых женщин и троих детей, вышагивал лакей в вишнево-красной ливрее, свидетельствовавшей о его принадлежности к знатному дому. Лакей тянул за собой тележку с дровами и одеждой.

Довершала картину маленькая обезьянка, восседавшая на тележке и строившая гримасы прохожим. Казалось, такая прогулка доставляет животному небывалое удовольствие. Один из мальчиков держал в руках виелу и весело дергал ее струны. Господин Буржю подскочил на месте, выругался, стукнул кулаком по столу и бросился на кухню, где и столкнулся с Анжеликой, передающей Флоримона в руки Барбы.

— Что? Что это такое? — пробормотал он, окончательно выйдя из себя. — Теперь ты мне скажешь, что этот ребенок тоже твой? Барба, а я ведь считал тебя разумной и порядочной девушкой!

— Мэтр Буржю, выслушайте меня...

— Я не желаю ничего слушать! Мой трактир будут принимать за ночлежку! Какой позор...

Мэтр Буржю швырнул на землю свой поварской колпак и выбежал вон, намереваясь позвать стражу.

— Пускай оба малыша пока побудут в тепле, — сказала Анжелика Барбе. — А я пойду растоплю камин в твоей комнате.

Ошеломленный и возмущенный лакей мадам де Суассон был вынужден тащить поленья по шаткой лестнице на восьмой этаж и укладывать их в маленькой комнате, где не было даже нормальной кровати с пологом.

— Передай госпоже графине, чтобы она отправляла мне все это каждый день, — напомнила Анжелика лакею, отсылая его.

— Послушай, красотка, если хочешь знать мое мнение... — начал лакей.

— Меня не интересует твое мнение, деревенщина, и я запрещаю тебе обращаться ко мне на «ты», — отрезала Анжелика тоном, который плохо сочетался с ее разорванным корсажем и коротко остриженными волосами.

Спускаясь по лестнице, лакей, как и мэтр Буржую, думал о том, что теперь он опозорен навеки.

Чуть позже Барба взобралась на чердак, неся на руках Флори-мона и Кантора. В комнате она обнаружила Лино и Флипо, которые изо всех сил раздували огонь в очаге. От сильного жара у всех в комнатке уже покраснелись щеки.

Барба сообщила, что хозяин все еще бушует и своим криком напугал Флоримона.

— Теперь здесь тепло, можешь оставить их нам, — сказала Анжелика, — а сама иди работай. Барба, ты не сердись, что я пришла к тебе вместе с моими малышами?

— Ах! Госпожа, это большая честь для меня.

— Этих несчастных детей тоже надо приютить, — продолжила Анжелика, указывая на Розину и обоих мальчишек. — Если бы ты только знала, откуда мы вырвались!

— Госпожа, моя бедная комната в вашем распоряжении.

Со двора донесся громогласный рык:

—Ба-а-а-рба!.. БАРБА!

Кричал мэтр Буржую. Безумные вопли оглашали всю округу. Мало того что дом захвачен нищими, так еще и служанка потеряла голову. Из-за ее разгильдяйства на вертеле сгорели шесть каплунов... А это еще что такое, почему сноп искр вырывается из каминной трубы?.. Ведь огонь в камине не разводили уже целых пять лет. Все сгорит! Полное разорение. О Господи! Ну почему хозяйка умерла?..

В котелке, присланном графиней де Суассон, нашелся густой суп с мясом и отличными овощами. Графиня прислала также два больших каравая и горшок молока.

Розина спустилась с ведром к колодцу, набрала воды и поставила ее греть на подставку для дров в камине. Анжелика вымыла обоих детей, одела их в новые рубашки и укутала теплыми одеялами. Никогда больше они не почувствуют голода, никогда не замерзнут!..

Кантор сосал куриную косточку, подобранную на кухне, и время от времени что-то лепетал, играя со своими крошечными ножками. Флоримон все еще не пришел в себя. Он то засыпал, то, вскрикивая, просыпался. Малыш все время дрожал, и Анжелика не знала, чем вызвана эта дрожь: лихорадкой или страхом. Но после купания ребенок обильно пропотел и заснул мирным сном.

Анжелика велела Лино и Флипо выйти и в свою очередь вымылась в лохани, которую обычно использовала для своего скромного туалета служанка.

— Какая ты красивая! — воскликнула Розина. — Я тебя не знаю, но наверняка ты одна из девушек Красавчика.

Анжелика энергично терла голову, про себя отметив, что очень легко мыть волосы, когда их у тебя

почти нет.

— Нет, я Маркиза Ангелов.

— Ого! Это ты! — изумилась потрясенная девушка.
— Я столько о тебе слышала. А правда, что Весельчака повесили?

— Я об этом ровно ничего не знаю, Розина. Посмотри, мы в очень маленькой, но очень приличной комнате. На стене висит распятие, а вот и кропильница со святой водой. Не стоит говорить здесь об этом.

Анжелика надела рубашку из грубой ткани, простую юбку и корсаж из синей саржи — все эти вещи также находились в привезенной тележке. Ее хрупкая фигурка утонула в этой бесформенной одежде простолюдинки; но одежда была чистой, и Маркиза Ангелов испытала настоящее облегчение, сбросив на пол свои противные лохмотья.

Потом достала маленькое зеркальце из сундучка, который вместе с Пикколо она забрала с улицы Вальд'Амур. Здесь хранились всевозможные милые безделушки, а ими Анжелика очень дорожила; нашелся и черепаховый гребень. Молодая женщина причесалась. Собственное лицо с короткими волосами показалось ей незнакомым.

— Это стражники в тюрьме так поработали над твоими волосами? — спросила Розина.

— Да... ну ничего! Отрастут. Ой! Розина, что это?

— Где?

— У меня в волосах. Взгляни.

Розина посмотрела.

— Это прядь седых волос, — сказала девушка.

— Седые волосы! — в ужасе повторила Анжелика. — Но это невозможно. Еще вчера их не было, я в этом уверена.

— Но это так. Быть может, они появились прошлой ночью?

— Да, прошлой ночью.

Ноги Анжелики задрожали, и она опустилась на кровать Барбы.

— Розина... Я что, стала старой?

Девушка встала на колени перед своей спасительницей и очень серьезно посмотрела на нее. Затем она ласково коснулась щеки Анжелики.

— Нисколечко. У тебя нет морщин и очень гладкая кожа. Анжелика с грехом пополам уложила волосы, пытаясь скрыть злополучную седую прядь. Затем она повязала голову черным сатиновым платком.

— Сколько тебе лет, Розина?

— Не знаю. Может быть, четырнадцать, может, и пятнадцать.

— Теперь я вспомнила. Я тебя видела на кладбище Невинных. Ты шествовала в процессии Великого Кесаря, и у тебя была полностью обнажена грудь. А ведь дело было зимой. Как ты не умерла от холода?

Розина подняла на Анжелику свои огромные темные глаза, и та прочитала в них немой укор.

— Ты сама только что сказала. Не стоит больше вспоминать об этом, — прошептала бедняжка.

Тут в дверь забарабанили Флипо и Лино. Они вошли в комнату, широко улыбаясь. Барба тайком дала мальчишкам сковороду, кусок свиного сала и кастрюльку с тестом. Они будут печь блины.

В тот вечер в Париже едва ли нашлось бы место, где было столь же весело, как в крошечной комнатке на улице Валле-де-Мизер. Анжелика подкидывала блины на сковородке, Лино играл на виеле Тибо-Музыканта. Наутро после разгрома банды Полька нашла инструмент на углу улицы, около фонарного столба, и отдала внуку старого музыканта. Никто не знал, что приключилось с дедушкой Лино во время побоища.

Немного погодя в комнату с подсвечником в руке поднялась Барба. По ее словам, в трактире не появилось ни одного клиента, и хозяин, ругающий всех

и вся на чем свет стоит, закрыл двери заведения. В довершение всех несчастий у него украли часы. Так что Барба освободилась раньше обычного. Когда она заканчивала свое повествование, ее взгляд упал на странный набор предметов, лежащих на деревянном сундуке, в котором хранились скромные пожитки служанки.

Там валялись две терки для табачных листьев, кошелек с несколькими экю, пуговицы, крючок, а в центре...

— Да ведь это часы мэтра Буржю! — воскликнула Барба.

— Флипо! — тут же вскинулась Анжелика.

Флипо скромно потупил глаза.

— Ну, так вышло. Когда я заглянул в кухню взять тесто для блинов...

Анжелика схватила мальчишку за ухо и для лучшего понимания слегка встряхнула его.

— Если ты снова возьмешься за старое, воровское отродье, я тебя выгоню и можешь возвращаться к Гнилому Жану!

Огорченный мальчишка улегся в углу и вскоре заснул. Лино последовал его примеру. Затем и Розина прилегла поперек тюфяка. Немного погодя все дети уже мирно посапывали.

Не спала лишь Анжелика, она опустилась на колени перед огнем, рядом с Барбой. В комнате было очень тихо, ведь окна выходили во двор, а не на улицу, которая в этот час начала заполняться любителями выпивки и азартных игр.

— Еще не поздно. Вот часы Большого Шатле пробили девять, — проговорила Барба.

Она удивилась, увидев, как Анжелика с растерянным выражением лица приподняла голову, а затем резко вскочила.

Несколько секунд молодая женщина смотрела на спящих Фло-римона и Кантора, а затем направилась к двери.

— До завтра, Барба, — прошептала Маркиза Ангелов.

— Куда направляется госпожа?

— Осталось еще одно незавершенное дело, — сказала Анжелика. — Потом все будет кончено. Можно будет начинать новую жизнь.

Всего несколько шагов отделяло улицу Валле-де-Мизер от Шат-ле. Заостренная крыша большой башни крепости была отлично видна из трактира «Храбрый петух».

Анжелика напрасно замедляла шаг. Очень скоро она оказалась перед главными воротами тюрьмы, фланкированными двумя башенками и увенчанными колокольней с часами.

Как и накануне, мерцающие факелы освещали стрельчатые своды ворот.

Анжелика направилась ко входу, затем отступила и начала кружить по соседним улицам, надеясь на внезапное чудо, которое уничтожит этот мрачный замок, чьи мощные стены уже много веков противостояли всепоглощающему времени. События прошедшего дня стерли из памяти обещание, данное ею накануне капитану стражи. И лишь слова, произнесенные Барбой, напомнили о нем. Наступил час исполнять клятву. Проулки, по которым бродила Анжелика, были наполнены отвратительными запахами. Ведь в этом районе города находилась улица торговцев рыбой, Пьер-а-Пуассон^[48], улица Бойни, улица Трипри^[49],

где торговали требухой и где разжиревшие крысы дрались за самые лакомые объедки.

— Надо идти, — подбодрила саму себя Анжелика, — я ничего не выиграю, слоняясь по улицам. В любом случае придется через это пройти.

Молодая женщина вернулась к тюрьме и вошла в караульное помещение.

— А! Вот и ты, — воскликнул капитан.

Гигант курил, закинув обе ноги на стол.

— Лично я не верил, что она вернется, — заявил один из стражников.

— А я был уверен, что она придет, — усмехнулся капитан. — Я не раз видел парней, которые не могли сдержать своего слова, но никогда не встречал шлюху, нарушившую обещание! Не так ли, моя милая?..

С ледяным презрением Анжелика посмотрела на покрасневшее лицо Людоеда. Капитан протянул руку и нежно ущипнул женщину чуть пониже спины.

— Сейчас тебя отведут к хирургу, он даст тебе воды для умывания и еще проверит, нет ли у тебя какой болезни. Если есть, то врач наложит мазь. Знаешь ли, я мужчина разборчивый. Давай, шевелись!

Какой-то солдат повел Анжелику к комнатке хирурга. Ученый медик в этот момент любезничал с одной из дам-надзирательниц тюрьмы.

Анжелика была вынуждена лечь на скамью и подвергнуться отвратительному осмотру.

— Скажешь капитану, что она чиста, как новенький су, и свежа, как роза, — выкрикнул хирург вслед удаляющемуся солдату. — Нечасто нам тут такие встречаются!

После чего надзирательница проводила Анжелику в комнату капитана, которую торжественно именовали «покоями».

Итак, Анжелика осталась совсем одна в большой комнате с решетчатыми окнами, напоминающими о

тюрьме, и массивными стенами, покрытыми выцветшими и потрепанными бергамскими гобеленами.

Канделябр со свечами, установленный на столе рядом с саблей и письменным прибором, едва-едва рассеивал мрак, притаившийся под сводчатым потолком. Все помещение пропахло старой кожей, табаком и вином. Анжелика осталась стоять около стола: охваченная тревогой, она не могла ни сесть, ни сдвинуться с места. Время шло, и молодая женщина начала замерзать в сырой и промозглой комнате.

Наконец она услышала, как к двери приближается капитан. Он вошел, продолжая браниться:

— Банда лентяев!.. Они никогда не могут выкрутиться сами. А если бы я был в отъезде!

Людоед, не глядя, швырнул на стол шпагу и пистолет, сел и, тяжело дыша, приказал Анжелике, вытянув ногу:

— Сними с меня сапоги!

Кровь прилила к лицу Анжелики.

— Я вам не служанка!

— Да ну! — буркнул капитан, упираясь руками в колени, чтобы получше разглядеть женщину.

Анжелика подумала, что сошла с ума, раз злит Людоеда сейчас, когда она полностью в его власти. И попыталась сгладить неловкость:

— Я бы охотно это сделала, но я совершенно не разбираюсь в военной амуниции. Ваши сапоги такие огромные, а мои руки такие маленькие! Только взгляните.

— Это правда, они такие маленькие, твои ручки, — согласился капитан. — У тебя ручки герцогини.

— Но я могу попробовать...

— Ладно, оставь, воробышек, — прогремел мужчина, отталкивая Анжелику.

Он ухватил свой сапог и принялся тянуть его вниз, неловко сгибаясь и морщась.

В этот момент в коридоре раздался шум шагов и чей-то голос позвал:

— Капитан! Капитан!

— Что еще?

— Только что принесли покойника, тело выловили у Малого моста.

— Отнесите в морг.

— Да, конечно... Но все дело в том, что беднягу пырнули ножом в живот. Вам надо бы пойти взглянуть.

Капитан разразился столь громогласными ругательствами, что могла рухнуть колокольня ближайшей церкви, и устремился из комнаты.

Анжелика осталась ждать, замерзая все сильнее и сильнее. Молодая женщина уже начала надеяться, что вся ночь пройдет именно таким образом или, чем черт не шутит, капитан вообще не вернется, получив шальную пулю. Но вскоре она вновь услышала раскаты его зычного голоса. Людоед вернулся в сопровождении солдата.

— Сними с меня сапоги, — приказал Людоед подчиненному. — Вот так, отлично. Теперь убирайся. А ты, девица, вместо того чтобы торчать там, как одинокая свеча, и клацать зубами, ложилась бы лучше в постель.

Анжелика развернулась и направилась к алькову. Остановившись около кровати, молодая женщина начала раздеваться. Под ложечкой у нее засосало. Она никак не могла решить: снимать ей рубашку или нет, но в конце концов она ее оставила. Анжелика забралась в постель и, невзирая на страх, снедающий ее душу, испытала чувство удивительного блаженства, когда скользнула под одеяло. Перины были такими мягкими. Понемногу молодая женщина начала согреваться. Натянув простыню до подбородка, она смотрела, как раздевается капитан.

Огромный, своими движениями он производил действие, похожее на ураган. Хрустел, пыхтел, постанывал, ворчал, а тень от его огромной фигуры заполняла добрую часть стены.

Людоед снял свой роскошный коричневый парик и заботливо водрузил его на специальную болванку.

Наконец, энергично потеряв макушку, здоровяк снял с себя последнюю одежду.

Без сапог и парика, нагой, как Геркулес Праксителя, даже в таком виде капитан стражи оставался весьма внушительным господином. Анжелика слышала, как он плещется в лохани. Когда Людоед вернулся, его бедра были целомудренно прикрыты полотенцем.

В этот момент вновь раздались удары в дверь.

— Капитан! Капитан!

Мужчина открыл.

— Капитан, вернулся патруль, они говорят, что на улице Мучеников ограбили дом и...

— Кровь Христова! — загремел капитан. — Когда до вас дойдет, что единственный мученик здесь — это я! Вы что, не соображаете — у меня в постели такая милая курочка, и она ждет меня уже больше трех часов! Вы считаете, у меня есть время на вашу дребедень?

Людоед захлопнул дверь, с грохотом задвинул засовы и так и остался стоять — огромный, голый и изрыгающий поток ругательств. Наконец он успокоился, повязал вокруг головы платок, кокетливо расправив его концы у себя на лбу.

Затем взял подсвечник и осторожно приблизился к алькову.

Съезжившись под простыней, натянутой до подбородка, Анжелика смотрела, как приближается этот красный гигант, чья голова с рожками платка отбрасывала на потолок причудливую гротескную тень.

Разомлевшей в теплой постели, измученной ожиданием, уже почти заснувшей Маркизе Ангелов это

явление показалось столь комическим, что она не смогла удержаться и прыснула со смеху.

Людоед остановился и удивленно посмотрел на свою даму. Его лицо расплылось в жизнерадостной улыбке.

— Хо-хо! Моя милочка подарила мне улыбку! Вот уж чего я никак не ожидал! От тебя только и ждешь, что ледяных взглядов, на них ты мастерица! Но я вижу, что ты понимаешь толк и в веселье. Ну что ж, отлично! Ты смеешься, моя красавица! Ты действительно смеешься! Ха-ха! Хо-хо-хо!

И капитан тоже принялся хохотать во все горло. Он был так забавен с этими рожками и подсвечником в руке, что Анжелика буквально задыхалась от смеха, уткнувшись в подушку. Наконец, с глазами, полными слез, ей удалось успокоиться. Анжелика ужасно злилась на саму себя, ведь она хотела вести себя достойно, оставаться безразличной и делать лишь то, что от нее потребуют. И вот она заливается, как уличная девка, которая желает угодить клиенту.

— Отлично, моя красавица, отлично, — повторял весьма довольный капитан. — Ну-ка, подвинься немного, чтобы освободить мне крошечное местечко рядом с тобой.

Это «крошечное местечко» едва не вызвало у Анжелики новой вспышки безудержного нервного смеха. Но в то же самое время она была в ужасе от одной только мысли о том, что ее ожидало. Молодая женщина отодвинулась на другой конец кровати и съежилась там, немая, парализованная, глядя, как капитан с решительностью бравого вояки занимает остальную постель.

Под его колоссальным весом матрас тотчас прогнулся. Капитан задул свечу и задернул шторы алькова. В этой влажной темноте запах вина, табака и сапог стал невыносимым. Мужчина часто дышал и

бормотал неясные ругательства. Наконец он пошарил рукой по матрасу, и его здоровенная лапа обрушилась на Анжелику. Она напряглась.

— Эй! Эй! — воскликнул Людоед. — Ты прямо как деревянная кукла. Сейчас не время так себя вести, моя сладенькая. Ну же, я не буду с тобой грубым. Я просто все тебе любезно растолкую, потому что ты — это ты. Стоило мне увидеть, как ты на меня смотришь, будто я не больше маленькой горошины, я сразу понял, что тебе не слишком нравится мысль разделить со мной постель. А вообще-то я красивый мужчина и обычно нравлюсь дамам. Но даже и не стоит пытаться понять, что там на уме у девиц... Я одно знаю точно — ты-то мне нравишься. Такая сладенькая! Совсем не похожа на других баб. Ты в десять раз краше. Я думаю о тебе со вчерашнего дня...

Его толстые пальцы страстно мяли и пощипывали тело Анжелики.

— Можно подумать, ты не привыкла к постельным утехам. Однако ты такая красивая, что у тебя наверняка было много мужиков! И наконец, только между нами, я собираюсь быть с тобой откровенным. В тот момент, когда я увидел в караулке тебя, такую важную и неприступную, я сказал себе: она вполне способна навести на меня порчу, с такими-то глазами, и, возможно, в постели с тобой я буду не на высоте. Такая история порой случается даже с самыми лучшими мужиками. И тогда я решил, чтобы не осрамиться и угодить тебе, выпить добрую кружку вина с корицей. Но, увы, несчастья одолели меня! Именно с этой секунды на мою многострадальную голову посыпались все эти происшествия с ворами и покойниками. Можно подумать, они все нарочно дали себя зарезать, лишь бы мне досадить. Целых три часа я бегал от канцелярии суда в морг, и все время это чертово вино с корицей горячило мне кровь. Так что теперь я уж окончательно

сгораю от страсти, и не скрываю этого от тебя. Но для нас обоих будет лучше, если ты проявишь хоть немного желания, не правда ли, душечка?

Эта речь неожиданно успокоила Анжелику. В отличие от многих других женщин, она всегда была восприимчива к доводам разума, даже когда дело касалось физиологии. И капитан, который отнюдь не был глупцом, сразу же это почувствовал. Трудно не приобрести опыт, если за твоей спиной не одна осада вражеского города и масса изнасилованных женщин и девиц из разных стран, всевозможных национальностей и возрастов!

В конечном итоге Людоед оказался вознагражден за свое терпение, обнаружив рядом с собой прекрасное гибкое тело, пускай молчаливое и не горящее желанием, но покорное. Постанывая от удовольствия, он овладел им.

Анжелика даже не успела испытать отвращения или выказать протест. Потрясенная жарким натиском капитана, напоминающим напор урагана, она почти сразу же вновь оказалась на свободе.

— Ну вот и все, — вздохнул капитан.

Ладонью своей могучей руки он перекатил молодую женщину на другой край кровати словно полено.

— Давай, поспи в свое удовольствие, моя славная девочка. На заре мы повторим наше маленькое развлечение и тогда будем квиты.

И через пару секунд капитан шумно захрапел.

Анжелика полагала, что долго не сможет уснуть, но «любовные подвиги», наложившиеся на усталость последних часов, а также мягкая и теплая постель способствовали тому, что она тотчас погрузилась в глубокий сон.

Немногим позже Анжелика проснулась в абсолютной темноте и довольно долго не могла понять,

где находится. Храп капитана стал чуть тише. Было так жарко, что Анжелика сняла рубашку, грубая ткань которой царапала ее нежную кожу.

Она больше не боялась, но в ней зарождалось странное беспокойство. Анжелика чувствовала себя не в своей тарелке, но не из-за массивной туши спящего рядом Людоеда. Это было что-то иное... необъяснимое, пугающее...

Женщина вновь попыталась уснуть, вертясь с боку на бок. Наконец она напрягла слух.

И тогда Маркиза Ангелов различила неясные и непонятные звуки, которые и пробудили ее ото сна. Они напоминали голоса, но голоса далекие — непрерывная, монотонная, жалобная мелодия. Она становилась то тише, то громче. И вдруг Анжелика поняла: это заключенные.

Через толщу массивных стен в комнату долетали приглушенные жалобы, отчаянные крики узников, несчастных, замерзающих, сражающихся с помощью башмаков с тюремными крысами, сопротивляющихся гнилой воде и самой смерти. Преступники поносили имя Господа, а невинные обращали к нему молитвы. Кто-то, изнуренный допросами и пытками, полузадушенный, истощенный голодом и холодом, мог только хрипеть. Вот откуда брались эти таинственные и зловещие звуки.

Анжелика задрожала. Крепость Шатле обрушилась на нее всей тяжестью прошедших веков и небывалых ужасов. Молодая женщина задавалась вопросом: вдохнет ли она когда-нибудь глоток свежего воздуха. Отпустит ли ее Людоед? Он спал. Он был таким сильным и могущественным. Он был хозяином этого ада.

Очень тихо Анжелика приблизилась к этой огромной туше, храпящей на своей половине кровати, и, удивляясь самой себе, прикоснулась к спящему

великану, находя некоторую привлекательность в его толстой коже.

Капитан пошевелился и, повернувшись, чуть не раздавил свою случайную подругу.

— Ха-ха! Моя маленькая курочка проснулась, — произнес он сонным голосом.

И Людоед тут же притянул Анжелику к себе с такой силой, что она утонула в его объятиях, почувствовав, как у него под кожей перекачиваются мощные мускулы.

Здоровяк громко зевнул. Затем он отдернул шторы и увидел за оконной решеткой бледный отблеск солнца.

— А ты ранняя пташка, моя красавица.

— Что это за звуки тут раздаются?

— Это заключенные. И стоит заметить, что они не развлекаются так, как мы.

— Они страдают...

— А их сажают в крепость не для того, чтобы веселиться. Тебе здорово повезло, знаешь ли, что удалось выйти отсюда. Поверь мне, уж лучше находиться в моей постели, чем по другую сторону стены, на соломе. Скажешь, я не прав?

Анжелика так серьезно кивнула головой, что привела капитана в восхищение.

Гигант взял со столика, стоящего около кровати, пинту красного вина и надолго приложился к сосуду. Кадык на его мощной шее поднимался и опускался в такт глоткам.

Потом он протянул кувшин Анжелике.

— Это тебе.

Молодая женщина согласилась, потому что понимала: в зловещих стенах Шатле только вино может спасти от отчаяния; и пусть этот напиток и чувственное удовольствие подарят ей состояние низменного блаженства, которое заставит ее забыться.

Людоед подбодрил Маркизу Ангелов:

— Пей, моя кошечка, пей, моя красавица. Это хорошее вино. И оно пойдет тебе на пользу.

Когда Анжелика наконец откинулась на подушки, ее голова кружилась; терпкая и крепкая жидкость затуманила ей мозг. Ее больше ничего не волновало, главное, что она осталась живой.

Мужчина тяжело повернулся к Маркизе Ангелов, но она уже не боялась его. Она даже начала испытывать некое удовольствие, когда капитан принялся ласкать ее тело широкой ладонью, не слишком нежно, но зато неистово и умело. Эти ласки, больше напоминавшие грубое растирание, чем легкое дуновение зефира, помогли Анжелике расслабиться. Людоед целовал ее по-крестьянски, долгими смачными поцелуями, которые удивляли и даже веселили Анжелику.

Затем он обхватил женщину сильными волосатыми руками и не спеша положил поперек кровати. Маркиза Ангелов поняла, что на этот раз бравый вояка решил в полной мере воспользоваться представившимися возможностями, и закрыла глаза.

В любом случае, Анжелика никогда не собиралась вспоминать о том, что должно было случиться.

Между тем все оказалось не так ужасно, как она это себе представляла. Людоед не был жестоким. Конечно, он вел себя как человек, не до конца осознающий всю свою силу и не понимающий, насколько он тяжел. Но, несмотря на это неудобство, а Анжелика ощущала себя наполовину раздавленной, женщина была вынуждена признать, что почти испытала некое подобие наслаждения, оставаясь «добычей» этого колосса, полного мощи и желаний. Когда все закончилось, собственное тело показалось ей легче перышка.

Капитан одевался, напевая военный марш.

— Клянусь своими потрохами, — повторял он, — ты доставила мне удовольствие! А я тебя вообще-то боялся!..

Вооружившись тазиком для бритья и бритвами, в комнату вошел хирург Шатле.

В то время как ее необъятный любовник на одну ночь позволил подчиненному завязать у себя под подбородком полотенце и намылить лицо, Анжелика закончила одеваться. Капитан продолжал бурно выражать свое удовольствие:

— Ты это сам сказал, цирюльник! Свежа, как роза!

Анжелика не знала, как ей распрощаться с навязанным кавалером. Вдруг он бросил на стол кошель.

— Возьми, это тебе.

— Вы мне уже заплатили.

— Бери, коли говорят, — взревел Людоед. — И убирайся отсюда.

Анжелика не заставила просить себя дважды. Но стоило ей оказаться на улице, покинуть стены Шатле, как женщина поняла, что у нее просто не осталось мужества и она не может сразу вернуться на улицу Валле-де-Мизер, расположенную так близко к ужасной тюрьме. Она спустилась к Сене. К лету на набережной Морфондю ^[50] лодочники устроили купальни для женщин. Парижане и парижанки проводили три самых жарких месяца, плескаясь в Сене. Купальни представляли собой небольшой участок реки вдоль берега, отгороженный от русла грубым полотном, натянутым между вбитыми в дно сваями. Женщины заходили в воду в рубашках и чепцах.

Жена лодочника, которой Анжелика хотела заплатить за купание, воскликнула:

— Ты совсем ума лишилась, если собираешься окунуться в такую рань. Знаешь ли, сейчас холодно.

— Это неважно.

Вода действительно оказалась холодной. У Анжелики зуб на зуб не попадал, но она почувствовала

себя много лучше. Так как она была единственной посетительницей купальни, она сняла рубашку и немного поплавала от столба к столбу. Обсохнув и одевшись, молодая женщина прошлась по берегу, наслаждаясь теплом осеннего солнца.

Продавщица фруктов, раскладывая товар на прилавке, протянула Анжелике корзиночку маленьких сморщенных коричневых и желтых яблок.

— Держи, красавица! Возьми яблочки. Все равно никто у меня их не купит. Но я тебя уверяю: эти маленькие зимние яблочки — самые лучшие! Возьми их и подкрепи силы. И корзину забирай.

Затем, глядя вслед удаляющейся Анжелике, торговка добавила с задумчивым видом:

— Ступай! Ты красива, как принцесса.

На углу набережной в полном одиночестве Анжелика мечтательно, с удовольствием отведала яблок.

Их аромат и спелая мякоть показались ей настоящим лакомством. Затем она побрела дальше, пока не оказалась около Нового моста, который в этот утренний час был еще совсем безлюдным.

Анжелика остановилась, с наслаждением вдыхая свежий воздух, но еще не избавившись окончательно от страха.

Ветер с Сены влажным поцелуем коснулся ее губ. Густые облака еще закрывали небосвод, но солнце уже пробивалось сквозь них, а на горизонте вдоль реки в нежных пастельных тонах вырисовывался очаровательный пейзаж окрестностей Парижа: леса и лужайки, мельницы, новенькие домики из белых камней.

Взгляд Анжелики вернулся к знакомым очертаниям Дворца правосудия, башни которого отбрасывали тени на Новый мост и будили у нее в душе воспоминания. Но эти воспоминания сами становились лишь

расплывчатыми тенями. Женщина чувствовала себя защищенной, ей было хорошо. Она подумала, что с этой корзиной в руках она выглядит не так подозрительно. Она возвращалась к жизни, возвращалась в мир живых.

Весельчак, знаменитый Сорвиголова с Нового моста... Он в самом деле исчез? Где он? Повешен? Утонул?

Анжелика пристально вглядывалась в медленные серо-голубые воды Сены. Она ничего не почувствовала. Она даже призналась себе, что испытывает глубокое облегчение от одной только мысли, что выскользнула из этих железных рук — они, конечно, защищали ее, но при этом тянули в мрачную бездну преступного мира.

Бывшая Маркиза Ангелов ощутила вкус вновь обретенной свободы.

«Все, хватит, — сказала она сама себе. — Больше никакой нищеты. Я не хочу больше совершать ужасные поступки, например убивать Великого Кесаря, и не хочу больше продавать свое тело, как, например, сегодня капитану стражи. Я хочу, чтобы мои сыновья никогда не мерзли, никогда не голодали...»

Новая сила показалась Анжелике неисчерпаемой. Шаг за шагом она снова поднимется вверх, чтобы дать имя своим сыновьям. Ее дети больше никогда не узнают ни голода, ни холода, ни страха...

Часть вторая
Трактир «Храбрый петух»

Глава 13

Когда Анжелика попыталась как можно незаметнее проскользнуть во двор трактира, на нее сразу же набросился вооруженный половником мэтр Буржю.

Она ждала чего-то подобного и потому быстро укрылась за небольшим колодцем. Противники начали кружить по площадке вокруг колодца.

— Вон отсюда, оборванка, потаскуха! — вопил хозяин. — Чем я так прогневал небеса, что мой дом захватили беглецы из Общественного госпиталя или из Бисетра^[51] или, может быть, откуда-нибудь похуже? Все отлично понимают, что означает твоя стрижка... Возвращайся в Шатле, откуда ты притащилась. Или я сам заставлю тебя туда вернуться... Не пойму, что помешало мне еще вчера кликнуть стражу... Я слишком добрый. Эх! Что бы сказала моя почтенная женушка, если бы увидела этот позор!

Анжелика, уворачиваясь от атак половника хозяина трактира, старалась его перекричать.

— И что бы сказала ваша ПОЧТЕННАЯ жена о муже, который ее позорит... который прикладывается к бутылке, едва забрезжит рассвет?

Владелец трактира застыл на месте, и Анжелика не преминула воспользоваться этим преимуществом.

— А что бы она сказала о своем трактире, где все заросло пылью, и о прилавке с цыплятами, которые лежат там уже шестой день и стали жесткими, как пергамент, а что бы она сказала о пустом погребе, о грязных столах и лавках?

— Черт возьми! — пробормотал мэтр Буржю.

— Что бы она сказала о муже, который постоянно богохульствует? Бедная госпожа Буржю, взирающая с небес на весь этот беспорядок! Могу вас заверить без

страха ошибиться: ваша покойная супруга в раю не знает, куда ей от стыда деваться перед ангелами и всеми святыми!

Выражение лица мэтра Буржую становилось все более и более растерянным. В конце концов он тяжело присел на край колодца.

— Увы! — застонал мужчина. — Ну почему она умерла? Она была такой умелой хозяйкой, всегда такой рассудительной и такой веселой. Я даже не знаю, что мне мешает обрести забвение на дне этого колодца!

— Зато я отвечу, что вам мешает: мысль о том, как она вас там, наверху, встретит, как скажет: «Ах! Вот и ты, мэтр Пьер».

— Прощу прощения, мэтр Жак.

— Хорошо: «Вот и ты, мэтр Жак! Не за что мне тебя похвалить. Я всегда говорила, что один ты с хозяйством не справишься. Хуже, чем малый ребенок!.. И теперь ты это доказал! Когда я вижу, во что ты превратил мое чудесное заведение, мое прекрасное заведение, при моей жизни сиявшее чистотой... Когда я вижу нашу великолепную вывеску, покрытую ржавчиной, вывеску, которая скрипит по ночам, раскачиваясь на ветру, и мешает спать соседям... А мои оловянные горшки, мои противни для пирогов, мои кастрюльки для варки рыбы все потускнели, потому что твой дурак племянник чистит их золой, а не мягким мелом, который я специально покупала в лавочке в квартале Тампль. А когда я вижу, как ты позволяешь обкрадывать себя всем этим мошенникам, торгующим птицей или винами, которые готовы всучить тебе петуха со срезанным гребнем вместо каплуна или бочку кислого виноградного сока вместо отменного вина, разве могу я наслаждаться небесами? А ведь я всегда была такой благочестивой и порядочной женщиной»...

Анжелика замолчала, чтобы отдышаться. Мэтр Буржую выглядел совершенно растерянным.

— Это правда, — бормотал он, — все правда... Именно так она бы и сказала. Она была такой... такой...

Его толстые щеки задрожали.

— Слезами горю не поможешь, — резко заявила Анжелика. — Если вы будете хныкать, все равно не избежите взбучки, которая ожидает вас после смерти. Вам следует взяться за работу, мэтр Буржю. Барба — хорошая девушка, но она от природы не слишком расторопна; ей нужно указывать, что и как она должна сделать. Ваш племянник кажется мне редкостным шалопаем. А клиенты не заходят в ваше заведение, потому что их встречают ворчанием сторожевого пса.

— Кто это тут ворчит? — спросил мэтр Буржю, вновь напуская на себя угрожающий вид.

— Вы.

— Я?

— Да. Даже ваша жена, которая была такой веселой, не смогла бы и трех минут вынести рядом с вашей скорбной физиономией, когда вы сидите перед кувшином с вином.

— А ты полагаешь, она смогла бы выдержать вид наглого вшивого существа, появившегося в нашем дворе?

— У меня нет вшей, — запротестовала Анжелика, выпрямляясь. — Моя одежда абсолютно чистая. Можете сами убедиться.

— Или ты полагаешь, что она была бы счастлива видеть, как ты тащишь к ней на кухню своих дерзких мальчишек, это воровское отродье? Я их поймал за тем, что они объедались свиным салом в моем погребе, и я уверен, что именно они украли мои часы.

— Вот они, ваши часы, — сказала Анжелика, пренебрежительно вытаскивая дорогую вещицу из своего кармана. — Я нашла их под лестницей. Я думаю, что вы их потеряли вчера вечером, когда шли укладываться спать, настолько вы были пьяны...

Через бортик колодца молодая женщина протянула часы хозяину и добавила:

— Можете убедиться, что я не воровка. А я бы могла оставить их себе.

— Смотри не урони их в колодец, — забеспокоился мэтр Буржую.

— Больше всего на свете я хочу отдать их вам, но я боюсь вашего половника.

Выругавшись, мэтр Буржую швырнул половник на каменную мостовую. Анжелика подошла к нему, сохраняя при этом весьма воинственный вид. Оказалось, что ночь, проведенная с капитаном стражи, не прошла даром: теперь Анжелика выучила несколько маленьких трюков, которые помогают очаровать ворчунов и противостоять грубиянам. В частности, она освоила азы бесцеремонного поведения, которое весьма могло пригодиться ей в жизни.

Анжелика не спешила отдавать часы владельцу.

— Отличные часы, — заметила она, с интересом разглядывая вещицу.

Лицо хозяина вновь просветлело.

— Правда? Я купил их у бродячего торговца, одного из тех горцев с Юры, что часто проводят зиму в Париже. Тюки с товаром у них большущие, а в карманах водятся настоящие сокровища... Хотя они не продают их кому попало, даже знатным господам. Они должны знать, с кем имеют дело.

— Они предпочитают вести дела с настоящими торговцами, а не с наивными дурачками... особенно когда речь идет о столь тонких механизмах, которые являются истинными произведениями искусства.

— Как ты это сказала: «Истинные произведения искусства», — повторил владелец «Храброго петуха», лоя серебряным корпусом часов робкий луч солнца, пробивающийся сквозь облака.

Потом мужчина вновь водрузил часы в кармашек, закрепив их с помощью многочисленных цепочек и петельных застёжек, и подозрительно взглянул на Анжелику.

— Я вот все время спрашиваю себя, как это часы могли выскользнуть из моего кармана, — сказал он. — А еще меня удивляет, когда это ты успела выучиться разговаривать, как дама из высшего общества, если только вчера вечером ты изъяснялась на воровском жаргоне, да так, что у нас у всех волосы дыбом на голове встали. Сдается мне, что ты пытаешься обвести меня вокруг пальца, как настоящая мошенница, каковой ты и являешься.

Анжелика осталась невозмутимой.

— Нелегко с вами беседовать, господин Жак, — произнесла она с упреком. — Вы слишком хорошо знаете женщин.

Торговец скрестил на круглом, как бочка, брюхе свои коротенькие ручки и вновь злобно надулся.

— Да, я вас хорошо знаю и не позволю себя провести!

Повисло тяжелое молчание, мужчина уставился на виновницу всяческих безобразий, которая стояла перед ним с опущенной головой.

— Ну и что? — спросил он безапелляционным тоном. Анжелика, ростом значительно выше мэтра Буржую, находила толстяка очень смешным: колпак, съехавший на одно ухо, сердитый взгляд. Но между тем она заговорила крайне смиренно:

— Я сделаю, что вы скажете, мэтр Буржую. Если вы меня прогоните вместе с моими двумя малышами, я уйду. Но я не знаю, куда идти, куда отвести детей, чтобы защитить их от холода и дождя. Вы полагаете, что и ваша жена прогнала бы нас? Я остановилась в комнате Барбы. Я вас не беспокою. У меня есть свои дрова и еда. Мальчишки и девушка, которые пришли со

мной, могли бы вам помогать, оказывать незначительные услуги: носить воду, мыть полы. Дети останутся наверху...

— И почему это они останутся наверху? — заорал хозяин трактира. — Голубятня — не то место, где должны находиться дети, их место на кухне, около очага, где они смогут греться и спокойно играть. Вот они, эти нищенки!.. Меньше мозгов, чем у животных! Сейчас же неси своих ребятишек на кухню, если не хочешь, чтобы я рассердился! И довольно об этом, пока ты не устроила мне пожар, там, на чердаке с деревянной крышей!..

Анжелика, словно легконогий эльф, взлетела на семь этажей, ведущих к мансарде Барбы. Дома в этом квартале были очень высокие и очень узкие. Их начали строить еще в Средние века, и теперь они беспорядочно сгрудились в недрах разраставшегося города. На каждом этаже располагались не более двух комнат, а чаще всего и вовсе одна, которая выходила на винтовую лестницу, устремляющуюся, как могло порой показаться, напрямиком к небу.

На лестничной площадке Анжелика заметила крадущуюся фигуру и догадалась, что это — Давид, племянник владельца «Храброго петуха». Подмастерье со злобой смотрел на нее, прижавшись к стене. Анжелика уже не помнила о желчных словах, которые бросила юноше в лицо, когда впервые пришла сюда, чтобы увидеться с Барбой.

Она улыбнулась поваренку, решив, что стоит подружиться со всеми обитателями этого дома, в котором хотела начать новую достойную жизнь.

— Добрый день, малыш.

— Малыш? — подскочив, пророкотал Давид. — Хочу тебе заметить, что при случае могу взять губами пирожок, лежащий у тебя на голове. Мне исполнилось шестнадцать лет в пору, когда собирали виноград.

— Ой! Прошу прощения, мессир! Вот недопустимая ошибка с моей стороны. Вы не будете так любезны, чтобы извинить меня?

Парень, который, по всей вероятности, не был приучен к столь игривым речам, неловко пожал плечами и пробормотал:

— Ну, может, и могу.

— Вы слишком добры. Я в смущении. И возможно, ваше прекрасное воспитание подскажет вам, что не стоит столь фамильярно тыкать благородной даме?

Казалось, несчастного ученика хозяина заведения подвергли пыткам. Огромные черные глаза украшали худое и бледное лицо простодушного юноши. Уверенность оставила его.

Анжелика уже начала подниматься по лестнице, как вдруг остановилась.

— С таким акцентом ты, должно быть, родился на юге Франции, но никак не на севере!

— Да... госпожа. Я из Тулузы.

— Тулуза! — воскликнула Анжелика. — О! Братишка из моего родного края!

Она бросилась парню на шею и расцеловала его.

— Тулуза! — еще раз воскликнула молодая женщина.

Растерявшийся подмастерье покраснел, как помидор. Анжелика продолжала весело щебетать с ним на провансальском языке, и волнение Давида удвоилось.

— Вы тоже оттуда?

— Почти.

Она была до смешного счастлива этой встрече. Какой контраст, какая насмешка судьбы! Быть одной из самых знатных дам Тулузы и броситься целовать поваренка, лишь потому, что у него оказался акцент с привкусом солнца, запахом чеснока и с ароматом цветов!

— Какой прекрасный город! — шептала Анжелика.
— Почему ты не остался в Тулузе?

Давид объяснил:

— Ну, прежде всего, потому что умер мой отец. Потом, потому что он всегда хотел, чтобы я отправился в Париж, где можно заниматься крупной торговлей, можно выучиться ремеслу продавца прохладительных напитков. Сам он был бакалейщиком. Я тоже хотел стать бакалейщиком и уже готовился сдать экзамен на звание мастера, сами понимаете: всякие там крупы, сахар, пряности... Но тут он умер. Тогда я отправился в Париж и приехал ровно в тот день, когда моя тетушка, госпожа Буржую, умерла от оспы. Мне никогда не везло. Я всегда оказываюсь не у дел.

Он остановился, исчерпав запас своего красноречия.

— Удача еще вернется, — пообещала юноше Анжелика, ступая на лестницу.

В мансарде она нашла Розину, наблюдавшую за шалостями Флоримона и Кантора. Барба суетилась где-то внизу. Мальчики пошли «прогуляться». На языке воровского братства это означало, что они отправились просить милостыню.

— Я не хочу, чтобы они побирались, — заявила Анжелика безапелляционным тоном.

— Ты не хочешь, чтобы они воровали, ты не хочешь, чтобы они просили милостыню. Тогда что ты хочешь, чтобы они делали?

— Я хочу, чтобы они работали.

— Но работать так ужасно! — запротестовала девушка.

— Нет, не ужасно. И вообще, давай пошевеливайся! Помоги мне отнести малышей в кухню. Там ты и за ними поведишь, да и Барбе поможешь.

Молодая мать была счастлива, что может оставить обоих сыновей в огромной комнате, наполненной

теплом и ароматами пищи. Огонь загорелся в очаге с новой силой.

«Пусть они больше никогда не узнают ни холода, ни голода! — как заклинание повторяла Анжелика. — Честное слово, для этого пока мне было трудно найти место лучше, чем трактир!»

В темно-сером платье из грубого холста, в жилетке из желтой саржи и в переднике из зеленой саржи Флоримон чувствовал себя несколько скованно. Его голову покрывала шапочка, также сшитая из зеленой саржи. Эти цвета делали его и без того худенькое личико совсем болезненным. Анжелика пощупала лоб ребенка, коснулась губами сгиба у маленькой ладошки, чтобы понять, нет ли у сына жара. Но Флоримон казался вполне бодрым, хотя немного капризным и раздраженным. Кантор с самого утра развлекался тем, что пытался освободиться от пеленок, в которые его довольно неумело завернула Розина. И вот теперь малыш стоял в корзине, куда его положили, голенький, как херувим, и явно намеревался вылезти из нее, чтобы поймать пламя в очаге.

— За этим младенцем очень плохо ухаживали, — озабоченно заметила Барба. — Ему пеленали ручки и ножки, как полагается? А то он никогда не будет держать спину прямо, и даже может вырасти горбатым.

— Для своих девяти месяцев Кантор выглядит очень крепким ребенком, — ответила Анжелика, восхищенно разглядывая пухленькие ягодички своего младшего отпрыска.

Но Барба не могла успокоиться. Свобода движений Кантора приводила ее в ужас.

— Как только у меня выдастся свободная минутка, я нарежу пеленки из полотна, чтобы заворачивать малыша. Но сегодня утром об этом не может быть и речи. Мэтр Буржую показался мне очень странным. Только представьте, госпожа, он приказал навоштить

столы, да еще и послал меня в квартал Тампль купить мягкий мел, чтобы чистить олово. Из-за всего этого я просто с ног сбилась...

— Попроси Розину тебе помочь.

Убедившись, что все идет как надо, а ее команда при деле, повеселевшая Анжелика направилась к Новому мосту.

Продавщица цветов ее не узнала. Анжелике пришлось напомнить цветочнице о том дне, когда она помогала ей составлять букеты, и о том, как торговка похвалила ее умение.

— Ха! И ты хочешь, чтобы я тебя признала? — воскликнула почтенная женщина. — В тот день у тебя были волосы и не было ботинок. Сегодня у тебя есть ботинки, но нет волос. Но надеюсь, твои пальцы по-прежнему ловкие?.. Тогда присаживайся. Работы хватает, ведь скоро праздник Всех Святых. Кладбища и церкви расцветут букетами, я уж не говорю о цветочном убранстве для надгробий.

Анжелика устроилась под большим красным зонтом и умело принялась за работу.

Она не поднимала глаз, стараясь не обращать внимания на маячивший на горизонте у водной глади силуэт старой Нельской башни и боясь узнать среди прохожих Нового моста одного из бандитов Весельчака. Но в тот день на Новом мосту царило спокойствие.

Не было слышно даже громогласных выкриков Большого Матье, так как в эту пору он перекочевал вместе со своей телегой-платформой и оркестром на ярмарку Сен-Жермен, хотя никто толком не знал, возродилась ли на ярмарке присущая ей радостная суета.

А Новый мост утратил свою значимость. Здесь стало меньше зевак, меньше бродячих актеров, меньше нищих. Впрочем, Анжелика только радовалась этому.

Торговки, ахая и охая, обсуждали побоище на ярмарке Сен-Жермен. Казалось, что до сих пор еще не подсчитаны все убитые в той кровавой потасовке. Но впервые за долгие годы полиция действительно взялась за дело. С того памятного вечера не проходило и дня, чтобы на улицах города не появилась процессия нищих, которую «охотники на бедняков» вели по направлению к Общественному госпиталю, или цепочка каторжников, отправляемых на галеры. Что касается казней, то каждый новый рассвет на Гревской площади встречали пара-тройка повешенных.

— Вот увидите, — уверяла дородная цветочница, которая, по всей вероятности, пользовалась особым почетом в цеху торговки цветами, — наш молодой король освободит нас от этих паразитов. Говорят, он собирается провести важные реформы. Скоро все нищие и бродяги без крыши над головой будут арестованы и отправлены в приют.

— Вот король, который всем по нраву! — воскликнула прелестная девушка с корзинкой гвоздик. — А как он красив! Я его видела однажды, когда он проезжал в роскошной карете. Я крикнула «Да здравствует король!» и бросила маленький букетик. К сожалению, он упал в водосточный желоб, но король заметил это и очень мило улыбнулся.

— Говорят, что он влюблен в одну из фрейлин королевы и что он сделал ее своей фавориткой. Наверное, он осыпал ее драгоценностями.

— Все это наветы подлого змея, Грязного Поэта, — заявила дородная цветочница. — Конечно, все знают, что мужчины великие распутники. Но на сей раз мне хочется верить, что Грязный Поэт наврал, ведь какой бы свиньей ни был мужчина, он не может поступать так со своей женой, когда она должна произвести на свет их первого ребенка. Потом — это уже другое дело. Плоть слаба.

— Крестная, я расскажу Грязному Поэту о том, что вы сказали о короле.

— Ты можешь сказать ему все, что пожелаешь, моя душечка. Он в тюрьме, и его скоро повесят.

— Я в это не верю. Он выпутается и на этот раз. И вообще, он нам пригодится, если мы собираемся отправить свои поздравления королеве.

— Мы не обязаны обращаться к этому рифмоплету, — ответила толстуха, которой явно не нравился Клод Ле Пти. — Найдется немало достойных поэтов, которые сочтут за честь написать для нас стихи; нужно лишь дождаться пушечного залпа...

— Двадцать пять залпов, и все будут знать, кто родился: мальчик или девочка. Двадцать четыре выстрела в честь принцессы и сто — в честь дофина.

И женщины стали судачить о нарядах, которые наденут цветочницы и продавщицы апельсинов Нового моста, когда вместе с торговками рыбой с Центрального рынка от имени всех торговок Парижа они отправятся с поздравлениями к молодой королеве, разрешившейся от бремени, и к Его Высочеству дофину.

— А меня беспокоит другое, — вступила в разговор покровительница Анжелики. — Куда пойдет наш цех, чтобы достойно отметить День святого Вальбона? В прошлом году владелец таверны «Добрые люди» обобрал нас, как последний разбойник в лесу. Я больше не желаю платить этому мошеннику ни единого су.

Анжелика, которая до сих пор, как и полагается примерной ученице, не раскрывая рта, лишь слушала разговоры цветочниц, приняла участие в обсуждении.

— Я знаю превосходный трактир на улице Валле-де-Мизер. Там и цены не слишком высокие, и всегда отменное свежее угощение.

И молодая женщина принялась торопливо перечислять деликатесы, которые подавали в отеле

Веселой Науки и к которым она сама некогда приложила руку:

— Что вы скажете о паштете из раков, об индейке, фаршированной фенхелем, о рагу из потрохов ягнят, не говоря уже о марципане с фисташками, маленьких слоеных пирожках и анисовых вафлях? А еще, милые дамы, вы сможете отведать в этом трактире кое-что, чего и Его Величество Людовик XIV никогда не видывал на своем столе: маленькие легкие и горячие бриоши^[52], внутри которых прячется охлажденное фуа-гра^[53]. Настоящее чудо!

— Хм-м! Девочка, от твоих рассказов у нас слюнки потекли, — дружно загомонили торговки, чьи глаза уже разгорелись в предвкушении всего этого чревоугодия.

— И где же все это можно найти?

— В трактире «Храбрый петух», он последний на улице Валле-де-Мизер, если идти по направлению к набережной Кожевников.

— Как-то мне не верится, что в этом трактире умеют хорошо готовить. Мой муж работает на Большой скотобойне и порой выбирается туда перекусить. Так вот, он говорит, что место это унылое и что там всегда пусто.

— Но вы не в курсе последних новостей, уважаемая госпожа. Мэтр Буржю, хозяин заведения, только что пригласил из Тулузы своего племянника — отличного повара, который знает толк в блюдах южной кухни. Не забывайте, что Тулуза — один из французских городов, где цветы всегда почитали, как королев. Святой Вальбон только порадуется, что его праздник отмечают на такой манер! В «Храбром петухе» есть еще маленькая обезьянка, которая забавно гримасничает. Есть и музыкант, играющий на виеле, он знает все песни Нового моста. В общем, все, что нужно для развлечения в приличном обществе.

— Девочка, сдается мне, что в искусстве расхваливать товар ты еще больше преуспела, чем в искусстве составлять букеты. Что ж, давай прямо сейчас и пойдем с тобой в этот трактир.

— Ой, нет! Сегодня не получится. Сегодня повар из Тулузы уехал в деревню, чтобы самому выбрать капусту для рагу с жареной ветчиной. Он держит рецепт этого блюда в тайне. Но завтра вечером мы будем ждать вас и еще двух дам из вашего цеха, чтобы обсудить меню, которое подойдет для праздника.

— А ты-то что делаешь в этом трактире?

— Я — родственница мэтра Буржю, — ответила Анжелика.

Но вспомнив, что, когда цветочница увидела ее в первый раз, вид у нее был, мягко говоря, плачевный, объяснила:

— Мой муж был подмастерьем, кондитером. Он даже не успел сдать экзамен на звание мастера, когда прошлой зимой скончался от чумы; он оставил меня в полной нищете, так как мы сильно задолжали аптекарю за лечение.

— Да уж, мы знаем, что такое долги аптекарю! — заохали добросердечные женщины, поднимая глаза к небу.

— Мэтр Буржю взял меня из жалости, и вот теперь я ему помогаю. Но посетителей не так много, и я стараюсь заработать еще немного на стороне.

— А как тебя звать, красавица?

— Анжелика.

Молодая женщина поднялась и сказала, что тотчас же отправится предупредить хозяина о предстоящем разговоре с цветочницами.

Спеша к улице Валле-де-Мизер, Анжелика сама удивлялась тем небылицам, что она наплела сегодня утром. Она даже и не пыталась понять, с чего бы это ей вдруг взбрело в голову подыскивать клиентов для

мэтра Буржую. Быть может, таким образом она хотела выразить признательность хозяину трактира, который все-таки не выставил ее вон? Или рассчитывала на вознаграждение? Анжелика не задавалась вопросами. Она просто плыла по течению, которое несло ее, заставляя совершать то один, то другой поступок. Инстинкт матери, защищающей своих малышей, направлял ее вперед.

От вранья к вранью, от идеи к идее, от одного отчаянного поступка к другому — в конце концов она спасется сама и спасет сыновей. Анжелика не сомневалась в этом!

поворота на набережную Кожевников она заметила башни Шатле; но события минувшей ночи показались Анжелике необыкновенно далекими. Она сделала машинальный жест, как будто бы выбросила что-то через плечо. Анжелика выбрасывала воспоминания, выбрасывала одно за другим.

Глава 14

На следующее утро Анжелика поднялась с первыми лучами солнца и разбудила Барбу.

— Давайте-ка, вставайте, друзья! Не забывайте, что сегодня к нам придут цветочницы договариваться насчет торжественного ужина цеха. Мы должны их так удивить, чтобы у них глаза на лоб вылезли.

По-видимому, служанка еще не осознала, какую роль взяла на себя Анжелика во всех этих приготовлениях к празднику цеха.

— Поспите еще немного, госпожа графиня, — проямлила она, зевая и потирая глаза, — должно быть, у себя дома вы не привыкли подниматься так рано.

— Ты ошибаешься, Барба. Я люблю рано вставать: это старая деревенская привычка. А из нашей семьи ты ведь никого и не знаешь, кроме моей сестры, но по ней трудно судить об остальных.

— В любом случае, прошлое — это прошлое, и если ты хочешь доставить мне удовольствие, то впредь оставь свои намеки.

Барба остолбенела. Шумно высморкавшись, она возразила:

— Я, намеки? Как можно, госпожа!

Анжелика осторожно разбудила Лино и Флипо, которые спали прямо на полу, завернувшись в одеяла.

Флипо тут же принялся спорить.

— Почему это мы всегда должны работать? — спросил он. — Почему этот лентяй Давид дрыхнет себе спокойненько и спускается в кухню только тогда, когда огонь уже разожжен, котелок с водой нагрет, пол подметен? Ты должна устроить ему хорошую взбучку, Маркиза!

— Слушайте внимательно, мальчики, я больше не Маркиза Ангелов, а вы не нищие. Пока что мы — челядь: слуги и работники. Но скоро мы станем почтенными горожанами.

— Вот так штука! — обомлел Флипо. — Не люблю я почтенных горожан. У почтенных горожан срезают кошель и срывают плащи. Не желаю я быть почтенным горожанином.

— И потом, как тебя называть, если ты больше не Маркиза Ангелов? — поинтересовался Лино.

— Говорите мне «госпожа» и обращайтесь на «вы».

— Только и всего! — усмехнулся Флипо.

Анжелика вlepила мальчишке оплеуху, чтобы он осознал, что начинается серьезная жизнь. Пока Флипо хныкал, женщина проверила, как одеты оба ее подопечных. На них была одежда для бедных, присланная графиней де Суассон. Вещи поношенные и уродливые, зато чистые и благопристойные. На ногах у каждого из мальчиков красовались огромные крепкие ботинки, подбитые гвоздями, которые выглядели так, как будто дети их одолжили, но эти ботинки спасали от зимнего холода.

— Флипо, ты пойдешь на рынок со мной и с Давидом. Лино, будешь делать все, что тебе скажет Барба. Натаскаешь воды, сходишь за дровами... Розина, иди на кухню приглядывать за малышами и следить за вертелами с птицей.

Совсем закрутивший Флипо вздохнул:

— Нет, в этих новых занятиях нет ничего хорошего. Если ты нищий или вор, то ведешь роскошную жизнь. В дни, когда у тебя много денег, ешь от пуза и пьешь, хоть залейся. Когда деньги заканчиваются, ну что же, чтобы не чувствовать голода, ложишься в уголок и спишь себе, сколько вздумается. А здесь одно и то же: то вкалывай, то ешь похлебку.

— Если хочешь вернуться к Великому Кесарю, то я тебя не задерживаю.

Оба мальчика громко запротестовали.

— Ой, нет! Да мы теперь все равно не можем вернуться. Нас сразу же прирежут. Чик!..

Анжелика вздохнула.

— Эх, мальчишки, вас манят приключения. Я вас отлично понимаю. Но еще я знаю, что приключения кончаются виселицей. Возможно, встав на эту новую дорогу, мы и не разбогатеет, зато сделаемся уважаемыми людьми. Ладно, шевелитесь!

И вот маленькое войско Анжелики шумно затопало по лестнице.

На одном из этажей молодая женщина остановилась и забарабанила кулачком в дверь комнаты молодого Шайю; не достучавшись, она вошла.

— Вставай, подмастерье!

Ошеломленный юноша натянул простыню до самого подбородка.

— Вы чего, вы чего? — бормотал он. — Послушайте, я вам не слуга и не подмастерье, я — племянник хозяина и вообще... Я — сын своего отца, господина Шайю из Тулузы.

— Очень любопытное замечание, — язвительно усмехнулась Анжелика. — Если ты немного подумаешь, то поймешь, что все мы чьи-то сыновья или дочери!

Она запнулась, внезапно осознав, что, в отличие от этого молодого человека из скромной семьи, сама осталась без прошлого и что у нее нет больше прав гордо носить имя своего отца или супруга. Но, пожав плечами, бодро взяла за руку паренька, лежавшего голым под простыней.

— Вставай, Давид Шайю! — весело повторила Анжелика. — Не забывай, что начиная с сегодняшнего дня ты — знаменитый повар, чью стряпню мечтает отведать весь Париж.

Юноша робко съежился под одеялом и не ответил. Анжелика увидела, что постепенно из пунцово-красного его лицо становится мертвенно-бледным от волнения.

— Что с тобой, Давид? Если ты болен, оставайся в постели. С покупками я могу управиться и без тебя.

— Нет, нет! — запротестовал обеспокоенный малый.
— Я хочу вас сопровождать. Только вы должны выйти, чтобы я мог встать и одеться.

Анжелика обреченно взглянула на Флипо, который вошел за ней в комнату. Мальчик подмигнул своей спасительнице, а затем ткнул пальцем на поваренка:

— Да он в вас втюрился!

Анжелика не сумела сдержать улыбку и вывела мальчугана из комнаты.

«Будет нелегко работать с этим теленком в смятенных чувствах, — подумала она. — Ну ничего, если он станет слишком назойливым, то снова получит по ушам. Похоже, он не так глуп, как кажется, по крайней мере в том, что касается кулинарных талантов. А только это и важно».

Растерянный и взволнованный мэтр Буржую, с ворчанием уступив напору Анжелики, согласился дать ей туго набитый кошель.

— Если вы боитесь, что я вас обворую, можете пойти на Центральный рынок вместе со мной, — сказала хозяйину харчевни его деятельная помощница, — но будет намного лучше, если вы займетесь приготовлением каплунов, индюшек, уток и жаркого. Поймите, что дамы, которые придут к нам, рассчитывают увидеть заведение, внушающее доверие. Пустые витрины или витрины, украшенные запыленной птицей, темный зал, пропахший табаком, атмосфера бедности и запустения — все это оттолкнет клиентов,

собирающихся как следует попраздновать. Ведь не напрасно же я пообещала им исключительное меню! А если они увидят, что здесь творится сейчас, они мне не поверят.

— И что ты собираешься покупать сегодня утром, ведь эти дамы еще не приняли решения?

— Я собираюсь купить декорации.

— Это... что?

— Все, что потребуется для того, чтобы ваш трактир обрел привлекательный вид: кроликов, рыбу, колбасу, свежие фрукты и отменные овощи.

— Но я не просто трактирщик! — жалобно завопил толстяк. — Я — РОТИСЬЕ!^[54] Ты хочешь, чтобы на меня набросились все цеха этих поваров-кулинаров-ложек-вилок и кондитеров?

— Что они вам смогут сделать?

— Женщины никогда ничего не понимают в серьезных делах, — простонал мэтр Буржю, простирая к потолку свои коротенькие ручки. — Присяжные из этих цехов возбудят против меня судебный процесс, привлекут к ответу. Короче, ты хочешь меня разорить!

— Вы и так уже разорились, — отрезала Анжелика. — Вы ничего не потеряете, если попытаетесь таким образом наладить свои дела. В общем, начинайте готовить птицу, а затем отправляйтесь в Гревскую гавань. Я слышала, как глашатай прокричал, будто туда привезли отличные бочки с вином из Бургундии и Шампани.

У Центрального парижского рынка была отменная репутация. Он отлично снабжался товарами, за исключением, как утверждали злые языки, «периода голода, войны, чумы и бунтов». Рынок славился изобилием и разнообразием продуктов. В этом районе, с его сильнейшими запахами, царили суматоха и расточительство: выбор товаров был настолько

богатым, что трудно было не потратить уйму денег. От лишних денег избавляли покупателей и ловкие воры.

Когда Анжелика пришла на площадь Пилори ^[55], служащие королевского казначейства только приступали к обходу прилавков для сбора подати, а палач уже закончил свой обход, получив с торговцев арендную плату за место, право на которую он имел в силу старинных привилегий.

Раннее утро — самое удобное время для вставших ни свет ни заря домашних хозяек. Покупателей было немного, и Анжелика придирчиво ощупала зайцев с коричневатой шкуркой, еще совсем теплых, привезенных на рассвете из кроличьих садков Вожирара, понюхала сыры и дыни, внимательно осмотрела отливающих серебром рыб. Рыбу, привезенную с нормандских берегов и пойманную всего пару дней тому назад, для лучшей сохранности держали на льду.

Она сделала покупки, не позволив обмануть себя голосистым торговкам, которые могли бы соперничать с шарлатанами Нового моста в умении всучить робким покупательницам залежалый товар или некачественные продукты.

Изучение этого нового для нее мира осложнялось тем, что Давид без перерыва повторял:

— Это слишком роскошно! А это чересчур дорого. Что скажет дядя?..

— Вот дурак! — в сердцах воскликнула Анжелика. — Как тебе не стыдно, ведь ты южанин, а мелочишься, словно скупец с ледяным нутром! И не смей мне больше говорить, что ты из Тулузы.

— Но ведь я действительно из Тулузы, — запротестовал поваренок, задетый за живое. — Моим отцом был господин Шайю. Вам это имя ничего не говорит?

— Нет. Что он делал, твой отец?

Высоченный Давид надулся, как обиженный ребенок, у которого отобрали конфетку.

— Но вы должны его знать, ну вспомните! Большая бакалейная лавка на площади Гаронны! Единственная лавка, которая торговала экзотическими приправами!

«В то время я никогда не ходила за покупками сама», — подумала Анжелика.

— Мой батюшка служил поваром на королевских судах, и из своих странствий он привез множество никому не известных диковин, — вновь вернулся к рассказу Давид. — Вы должны знать... Именно он хотел наладить производство шоколада в Тулузе.

Анжелика сделала над собой усилие, чтобы извлечь из глубин памяти случай, о котором ей напомнило слово «шоколад». Да, о шоколаде говорили в аристократических салонах. Бывшая мадам де Пейрак вспомнила, как возмущалась по этому поводу какая-то тулузская дама. Молодая женщина удивилась:

— Шоколад?.. Это же напиток индейцев!

Давид выглядел чрезвычайно расстроенным, ведь мнение Анжелики уже приобрело в его глазах небывалую значимость.

Он вплотную подошел к объекту своей страсти и, чтобы убедить Анжелику в разумности идей отца, доверил ей тайну, о которой не сообщал еще никому, даже дяде.

Давид рассказал, что его отец в юности много путешествовал и в самых разных странах пил шоколад, который делали из зерен, привезенных из Мексики. Он пил шоколад в Испании, в Италии, даже в Польше, и смог убедиться в достоинствах нового продукта, который обладал приятным вкусом и превосходными лечебными качествами.

Стоило молодому Давиду коснуться интересующей его темы, как речь его полилась потоком.

Взволнованный, мечтающий вызвать интерес дамы, покорившей его сердце, он принялся неестественно громко, срывающимся голосом излагать все, что знал по этому поводу.

— Вот невидаль! — сказала Анжелика, которая слушала весьма рассеянно. — Я никогда не пробовала этого напитка и не думаю, что стану пробовать. Говорят, что королева, чья родина — Испания, без ума от шоколада. Но весь двор удивляется ее странным пристрастиям и даже потешается над ними.

— А все потому, что придворные просто не привыкли к шоколаду, — логично заметил ученик повара. — Мой отец тоже так думал, когда получал от короля патент на производство нового продукта. Но, увы, он умер, а так как моя матушка скончалась еще раньше, теперь только я имею право воспользоваться королевским патентом. Но я даже не представляю, с какой стороны подступиться к этому делу. Поэтому я не рассказал о патенте моему дяде. Я боюсь, что он станет насмехаться надо мной и над моим отцом. Он и так повторяет по любому поводу, что мой отец был сумасшедшим.

— Это патентное письмо у тебя? — неожиданно заинтересовалась Анжелика, остановившись и поставив корзины на землю, чтобы пристально взглянуть на молодого дыхателя.

Юноша почувствовал, что слабеет под взглядом этих сияющих изумрудных глаз. Следует заметить, что когда Анжелика погружалась в более или менее важные размышления, ее глаза начинали светиться странным, почти волшебным светом, производившим на собеседника неизгладимое впечатление. Причем почти никто не мог объяснить причину этого загадочного свечения.

Бедняга Давид мгновенно пал жертвой прекрасных глаз. Он не мог им сопротивляться.

— Это письмо у тебя? — повторила Анжелика.

— Да, — выдохнул юноша.

— Каким числом оно датировано?

— 28 мая 1659 года, патент действителен двадцать девять лет ^[56].

— Итак, в течение двадцати девяти лет ты имеешь право производить и продавать этот экзотический продукт?

— Ну, в общем, да...

— Надо бы узнать, не вреден ли напиток, — задумчиво проговорила Анжелика, — и понравится ли он публике. Сам-то ты его пробовал?

— Да.

— И что ты думаешь о шоколаде?

— Ну, я, — промямлил Давид, — мне он кажется немного приторным. Но перец и пряности добавляют ему пикантности. Хотя вообще-то я предпочитаю стаканчик доброго вина, — игриво добавил юноша.

— Поберегись, вода! — раздался голос откуда-то сверху. Анжелика с Давидом еле-еле успели отскочить, чтобы не попасть под зловонный душ. Анжелика схватила поваренка за руку. Она почувствовала, как юноша дрожит.

— Я хотел вам сказать, — сбивчиво забормотал он, — я никогда еще не видел женщины, столь же прекрасной, как вы.

— Ну что ты, мой бедный мальчик, видел и не раз, — раздраженно сказала Анжелика. — Ты просто должен посмотреть вокруг себя, вместо того чтобы кусать ногти и дрожать, как пойманная муха. А если хочешь мне понравиться, расскажи-ка лучше еще о твоём шоколаде, вместо того чтобы расточать понапрасну комплименты.

Но увидев жалкое выражение лица Давида, Анжелика попыталась его ободрить. Она подумала, что

не стоит отталкивать мальчишку, ведь со своим королевским патентом Давид может быть ей полезен.

Она рассмеялась:

— Увы, дружок, мне уже не пятнадцать лет. Посмотри, я старая. У меня даже появились седые волосы.

И Анжелика извлекла из-под чепца прядь волос, которая так неожиданно побелела во время страшной ночи в предместье Сен-Дени.

— А где Флипо? — продолжила Анжелика, оглядываясь вокруг. — Неужели этот маленький негодник взялся за старое?

Она была несколько встревожена, опасаясь, что Флипо, попав в шумную толпу, вновь попытается опробовать на деле науку Хвастуна-Срежь-Кошель.

— Зря вы заботитесь об этом маленьком мошеннике, — заявил Давид, снедаемый жестокой ревностью. — Я только что видел, как он обменивается какими-то знаками с отвратительным нищим, покрытым гнойниками, оборванцем, который просит милостыню там, перед церковью. Потом мальчишка умчался... вместе с корзиной провизии. Мой дядя опять будет сердиться!

— Ты все видишь в черном цвете, мой бедный Давид.

— Да что ж делать, если мне сроду не везет!

— Давай-ка вернемся и отыщем этого плутишку.

Но тут они увидели, что мальчишка со всех ног сам бежит им навстречу. Анжелика была рада увидеть его лицо с умными, живыми глазами парижского воробья, с покрасневшим носом, с длинными жесткими волосами, прикрытыми большой мятой фетровой шляпой. Она уже привязалась к этому пареньку, как и к маленькому Лино, которого два раза спасала из лап Гнилого Жана.

— Что я тебе сейчас расскажу, Маркиза Ангелов! — задыхаясь, выкрикнул Флипо, от волнения позабывший

все наставления Анжелики. — Знаешь, кого избрали новым Великим Кесарем? Деревянного Зада, да, моя дорогая, нашего Деревянного Зада!

Он понизил голос и испуганно зашептал:

— А еще мне сказали: берегитесь, парни, вы прячетесь под юбками предательницы!

Анжелика почувствовала, как у нее стынет кровь в жилах.

— Думаешь, они знают, что это я убила Коротышку-Ролена?

— Об этом мне ничего не говорили. Может, и не знают... Там был Черный Хлеб, он рассказывал, как ты напустила стражников на цыган.

— А кто там еще был?

— Черный Хлеб, Легкая Нога, трое из нашей старой банды и еще двое из какой-то другой.

Анжелика и Флипо говорили на воровском жаргоне, чтобы Давид не мог их понять, но юноша без труда уловил в голосах новых друзей тревожные нотки. Он был одновременно и обеспокоен, и восхищен тем, что предмет его страсти удивительным образом связан с неуловимыми и вездесущими бандитами, которые играли отнюдь не последнюю роль в жизни Парижа.

Пока они возвращались в харчевню, Анжелика не произнесла ни слова, но, стоило ей переступить порог заведения, как она отбросила все тревоги и опасения.

«Девочка, — сказала она сама себе, — вполне вероятно, что однажды утром тебя найдут с перерезанным горлом или плавающей в водах Сены. Но этим ты рискуешь уже давно. То тебе угрожают вельможи, то нищие! Какая разница! Надо бороться, даже если сегодня последний день, когда ты видишь белый свет. С трудностями не справишься, если не приложишь всех сил и не отдашь частицу своей души... Не это ли говорил мне когда-то господин Молин?.. »

— ...Вперед, дети мои, — громко воскликнула Анжелика, — нужно, чтобы дамы из цеха цветочниц растаяли, как масло на солнце, едва переступив порог этого дома.

И когда в сумерках представительницы цеха спустились по трем ступеням, ведущим к двери «Храброго петуха», они действительно были очарованы. В харчевне царил бесподобный аромат вафель, но и весь зал был оформлен настолько необычно, что у почтенных женщин сразу же разыгрался аппетит.

Зал озаряло яркое золотое потрескивающее пламя. Усиленное светом свечей, оно бросало чудесные отблески на оловянную посуду, искусно расставленную на буфетах: тут были и горшочки, и кувшинчики, и кастрюли для рыбы, и формы для круглого пирога. Кроме того, Анжелика выпросила у мэтра Буржую кое-какие серебряные столовые приборы, которые скуповатый хозяин ревниво прятал в сундуках: два кувшина, графинчик для уксуса, две подставки для яиц и два красивых тазика для омовения рук. Сейчас эти тазики были щедро наполнены фруктами — виноградом и грушами, и установлены на столах вместе с великолепными графинами с красным и белым вином, которые мерцали в свете пламени рубиновыми и золотыми искрами. Именно эти детали произвели на торговков особенно сильное впечатление.

Торговки цветами не раз бывали в домах знатных дворян, куда они приносили свой товар для украшения пиршественных залов; и вот сейчас сервировка столов, расстановка столового серебра, расположение фруктов и вин напомнило им о приемах у знати, что втайне им польстило.

Но будучи умудренными в торговых делах, они не стали открыто проявлять свое удовлетворение и бросали критические взгляды в сторону зайцев и окороков, подвешенных к балкам, недоверчиво нюхали блюда с колбасами, холодным мясом, рыбой под соусом из зелени, уверенно ощупывали птичьи тушки. Наконец, старшина цеха, которую все звали матушкой Маржолен, обнаружила изъян в этой безупречной картине.

— Здесь недостает цветов, — заявила она. — Голова этого теленка смотрелась бы совершенно иначе с двумя гвоздиками в ноздрях и пионом между ушами.

— Любезная госпожа, мы просто не посмели соперничать с вами в той области, где вы по праву считаетесь истинными королевами. Все, что мы себе позволили, — это пару веточек петрушки, — галантно ответил мэтр Буржю.

Трех почтенных дам усадили к камину и принесли кувшин наилучшего вина из погреба.

Очаровательный Лино, усевшись на камни перед очагом, тихонько наигрывал на виеле, а Флоримон играл с Пикколо. В этой душевной атмосфере и было разработано отличное праздничное меню. Ко всеобщему удовольствию, торговки заключили договор с хозяином харчевни.

— Ну вот! — простонал ротисье после того, как, отвесив не один поклон, он проводил цветочниц до дверей. — И что мы будем делать со всеми этими «приманками», расставленными по столам? Ремесленники и рабочие, которые придут к нам перекусить в полдень, не станут есть все эти деликатесы и уж точно не станут за них платить. К чему все эти бесполезные траты?

— Вы меня удивляете, мэтр Буржю, — строго возразила Анжелика. — Мне казалось, что вы лучше разбираетесь в коммерции. Эти «бесполезные траты» позволили заполучить выгодный заказ, который

принесет вам в десять раз больше, чем вы потратили сегодня. К тому же, окунувшись в атмосферу праздника, цветочницы могут потратить еще уйму денег. Кроме того, они будут петь и танцевать, и случайные прохожие, заметив такое веселье в вашей харчевне, тоже захотят получить свою порцию радости и удовольствия.

И хотя мэтр Буржю не показывал вида, но на самом деле он разделял надежды Анжелики. Бурная деятельность, в которую погрузился ротисье во время подготовки пира в честь праздника святого Вальбона, заставила его позабыть о пристрастии к вину. Бегая туда-сюда на своих коротеньких ножках, хозяин харчевни вновь обрел былую ловкость умелого повара и рачительного хозяина. Когда он беседовал с торговцами, в его голосе опять зазвучали властные ноты, а посетителей мастер Буржю встретил со всей возможной угодливой приветливостью, как и подобает уважающему себя трактирщику. В конечном счете Анжелика даже смогла убедить ротисье, что достойный внешний вид является неотъемлемой составляющей успеха его предприятия, и хозяин дошел до того, что заказал полный комплект поварской одежды для своего племянника и... другой для Флипо.

Огромные колпаки, куртки, штаны, фартуки, а также скатерти и салфетки отправили прачкам, от которых они вернулись, сияя снежной белизной и хрустя крахмалом.

Утром великого дня к Анжелике подошел улыбающийся и потирающий руки мэтр Буржю.

— Милочка, — дружелюбно начал он, — ты и вправду сумела вернуть этому дому радость и оживление, которые царили здесь, когда еще была жива моя святая и драгоценная супруга. И это натолкнуло меня на одну мысль. Пойдем-ка со мной.

Заговорщически подмигнув, толстяк поманил Анжелику за собой. Молодая женщина поднялась по винтовой лестнице вслед за хозяином харчевни. На втором этаже они остановились. Войдя в супружескую спальню мэтра Буржю, Анжелика почувствовала страх: у нее зародилось подозрение, о котором она раньше и не подумала. А что, если ротисье, видя, сколь удачно Анжелика заменяет его покойную супругу на кухне, решил пойти дальше и предложить ей исполнить и более деликатные обязанности? Загадочная улыбка, с которой хозяин харчевни закрыл дверь, и тот таинственный вид, с которым он направился к гардеробной, никак не успокоили молодую женщину.

Охваченная паникой, Анжелика спрашивала себя, как ей справиться с этой безвыходной ситуацией.

Неужели ей придется отказаться от столь блистательных планов, покинуть уютный кров и уйти, прихватив двоих сыновей и всю свою маленькую несчастную компанию?

Уступить? Кровь прилила к щекам Анжелики, она с ужасом оглядела комнату мелкого торговца, большую кровать с пологом из зеленой саржи, два низких стула с высокими спинками, шкафчик из орехового дерева, на котором стоял таз для умывания и серебряный кувшин.

Над камином висели две картины, представляющие сцены Страстей Христовых, а на специальных подставках располагалось оружие — гордость любого ремесленника и добропорядочного горожанина: два маленьких ружья, один мушкет, аркебуза, пика, шпага с гардой и серебряный кинжал.

Хозяин «Храброго петуха», каким бы мягкотелым он ни казался в повседневной жизни, был сержантом в городской милиции, и ему это нравилось. В отличие от многих своих коллег, он с удовольствием отправлялся в Шатле, когда наступал его черед нести караул.

Сейчас же Анжелика слышала, как толстяк шумно сопит и что-то передвигает в небольшом соседнем чулане.

Вскоре он появился вновь, толкая перед собой огромный сундук из потемневшего дерева.

— Ну-ка, милочка, помоги мне.

Анжелика помогла вытащить сундук на середину комнаты. Мэтр Буржую вытер лоб.

— Вот, — гордо сказал он, — я тут подумал... Ведь ты сама мне говорила, что к нашему приему все должны быть нарядными, как швейцарские гвардейцы. Давид, оба поваренка, все они отлично экипированы. Я надену кюлоты^[57] из коричневого шелка. Только ты, моя бедная девочка, не делаешь нам чести, и это невзирая на твою хорошенькую мордашку. Вот я и подумал...

Он замялся и после секундного колебания открыл сундук. В нем, аккуратно свернутые и переложенные для аромата веточками лаванды, хранились юбки, корсажи, чепцы и шейные платки госпожи Буржую. Здесь нашлась и великолепная накидка с капюшоном из черного сукна, отделанная атласными лентами.

— Конечно, она была немного потолще тебя, — произнес ротисье срывающимся голосом. — Но при помощи булавок...

Он смахнул пальцем слезу и внезапно рявкнул:

— И нечего тут на меня смотреть! Выбирай.

Анжелика достала одежду покойной. Это были в основном скромные наряды из саржи или феррандина^[58], но изысканная бархатная отделка, подкладка ярких тонов, тонкое белье — все это свидетельствовало, что к концу своей жизни хозяйка «Храброго петуха» стала одной из самых зажиточных торговек квартала. Она даже приобрела небольшую муфту из красного бархата, расшитую золотым

цветочным узором, которую Анжелика примерила с нескрываемым удовольствием.

— Безрассудство! — снисходительно улыбнулся мэтр Буржю. — Она увидела ее в торговой галерее Дворца правосудия и прожужжала мне все уши. Я сказал ей: «Амандин, эта муфта, что ты с ней будешь делать? Она сшита для знатной дамы из квартала Маре, которая солнечным зимним днем ездит кокетничать в Тюильри или ко двору королевы». «Отлично, — ответила мне она, — значит, я буду ездить кокетничать в Тюильри или ко двору королевы». Это меня взбесило. Но я подарил ей эту муфту на день рождения. Как она радовалась! Кто бы мог сказать, что всего через несколько дней... она... умрет...

Анжелика еле-еле справилась с охватившим ее волнением.

— Я уверена, что ваша женушка с радостью взирает с небес на щедрость и доброту своего супруга. Я, конечно, не возьму эту муфту, она слишком красива для меня. Но я с удовольствием воспользуюсь вашим благородным предложением, мэтр Буржю. Сейчас я посмотрю, что мне подойдет. Пришлите, пожалуйста, ко мне Барбу, чтобы она помогла подогнать одежду.

Анжелика с радостью отметила, что первый шаг по направлению к цели, которую она себе поставила, уже сделан: она стоит перед зеркалом, а у ее ног горничная. Барба, набив полный рот булавок, испытывала сходные чувства, во всяком случае, она с видимым удовольствием без усталости повторяла обращение «госпожа».

«И кто скажет, что все мое богатство состоит из нескольких су, которые мне дали цветочницы с Нового моста, и той милостыни, что каждый день посылает графиня де Суассон!» — подумала Анжелика, забавляясь.

Она выбрала корсаж и юбку из зеленой саржи, отделанной черным атласом. Фартучек из черного атласа, расшитый золотыми цветочками, дополнял образ зажиточной лавочницы. пышная грудь госпожи Буржую была много больше маленькой крепкой и высокой груди Анжелики, так что в этом месте одежду не удалось подогнать по размеру. Но розовый шейный платок, затканый зеленым узором, позволил скрыть излишне свободный корсаж.

В небольшом мешочке Анжелика обнаружила незамысловатые драгоценности супруги ротисье: три золотых колечка, украшенных сердоликом и бирюзой, два крестика, сережки, но больше всего прелестных четок, целых восемь, некоторые из которых были сделаны из черного гагата, а остальные — из хрусталя.

Анжелика снова спустилась в зал. Волосы она спрятала под накрахмаленный чепец, в уши вдела серьги из агата и жемчуга, а на шею повязала черную бархатную ленточку с маленьким золотым крестиком.

Славный добрый ротисье не смог скрыть своей радости, увидев, как она грациозна.

— Святой Николай, ты напоминаешь мне дочку, которую мы так ждали, но которой у нас никогда не было! Иногда мы мечтали. Мы говорили: «Сейчас бы ей уже было пятнадцать, шестнадцать лет... Она бы сновала туда-сюда по нашему заведению, весело улыбаясь посетителям...»

— Вы так милы, мастер Жак, вы наговорили мне столько прекрасных комплиментов. Увы! Мне давно не пятнадцать, и не шестнадцать лет. Я мать семейства.

— Я не знаю, кто ты, — сказал мэтр Буржую, умиленно покачав головой. — Порой мне кажется, что ты ненастоящая. С тех пор как ты закружила в бешеном вихре мой дом, мне кажется, что все изменилось, даже время течет по-другому. Я не уверен, что ты не исчезнешь так же внезапно, как и пришла... И уж

совсем далеким кажется мне тот вечер, когда ты появилась из темноты с волосами, разметавшимися по плечам, и сказала: «Нет ли у вас служанки по имени Барба?» Тогда у меня в голове как колокол зазвонил... Видно, он предупреждал меня о той роли, которую ты сыграешь в нашей судьбе.

«Я очень на это надеюсь», — подумала Анжелика. Но вслух она ласково упрекнула хозяина:

— Да вы были просто пьяны, вот у вас в голове и звонили колокола.

Все расчувствовались, ощущая себя на пороге чего-то неизвестного, и Анжелика сочла, что это неподходящий момент для беседы с мэтром Буржую о денежном вознаграждении, которое она надеялась получить за свою собственную работу и за труд ее маленького воинства.

Когда люди начинают мечтать, не стоит слишком резко возвращать их к реальной жизни. Анжелика решила направить всю свою безудержную энергию на то, чтобы в ближайшие часы разыграть роль очаровательной дочери хозяина трактира.

Ужин, посвященный святому Вальбону, прошел с небывалым успехом, и сам святой мог пожалеть лишь об одном: что не может повторно воплотиться в брэнном теле, чтобы самому принять участие в веселье.

Стол украсили три корзины с цветами. Сияющие мэтр Буржую и Флипо обслуживали гостей и подавали блюда. Розина помогала Барбе на кухне. Анжелика переходила от одной цветочницы к другой, отвечала на сердечные приветствия, следила за кастрюлями и вертелами, и то похвалой, то упреками подбадривала Давида, представленного великим знатоком южной кухни. И в самом деле, Анжелика не ошиблась, назвав

юношу талантливым поваром. Он много знал, и только лень, а возможно, отсутствие подходящего случая помешали ему до этого дня проявить свои способности. Увлеченный задором Анжелики, воодушевленный ее похвалами, направляемый ею, юноша превзошел самого себя. И когда она вытащила красного от смущения повара в зал, гости устроили ему овацию. Дамы, разгоряченные добрым вином, сочли, что у Давида очень красивые глаза, они засыпали его вопросами, порой нескромными и игривыми, они обнимали, целовали и щекотали его...

А уж когда Лино взял в руки виелу, дамы не удержались и запели, размахивая стаканами. Потом они хохотали до слез, глядя на выступление Пикколо: обезьянка бесподобно передразнивала матушку Маржолен и ее товарок.

Между тем группа мушкетеров, прохаживавшихся по улице Валле-де-Мизер в поисках развлечений, услышав веселые женские голоса, ввалилась в зал «Храброго петуха», требуя «мяса и вина».

С этого момента празднество приняло столь бурный характер, что Вальбон мог бы и осерчать, если бы этот провансальский святой, добрый друг солнца и радости, не был по своей природе снисходителен к распутству, которое неизбежно порождает совместные пирушки цветочниц и галантных военных. Разве не говорят, что уныние — это грех? А если люди хотят повеселиться, причем повеселиться от души, то они найдут двадцать различных способов побороть уныние. И лучший из них — это собраться в уютном зале, напоенном ароматом цветов, вина и соусов, где так весело играет малыш-музыкант, заставляя вас скакать и петь, гримасничает обезьянка, а хорошенькие и благожелательно настроенные дамы позволяют себя обнимать, в то время

как их дородная наставница весьма благосклонно взирает на шалости молодежи и даже весело смеется.

Анжелика опомнилась, лишь когда колокола церкви Святой Оппортуны прозвонили к заутрене. Ее щеки покраснелись, веки налились свинцом, руки отнимались от тяжести блюд и кувшинов, а губы горели от дерзких поцелуев мушкетеров-усачей. Но молодая женщина мгновенно оживилась при виде золотых монет, которые сосредоточенно пересчитывал Буржо.

Она воскликнула:

— Не правда ли, мы славно потрудились, мэтр Жак?

— Конечно, моя девочка. Давненько в моем трактире не было таких праздников! А эти господа оказались достаточно щедрыми, хотя сначала их плюмажи и рапиры напугали меня.

— Как вы думаете, они приведут к нам своих друзей?

— Вполне возможно.

— Вот что я хочу предложить, — заявила Анжелика, — я буду помогать вам со всеми моими подопечными: Розиной, Лино, Флипо и, конечно, обезьянкой. А вы будете отдавать мне четверть вашей прибыли!

Ротисье нахмурился. Подобный способ ведения дел все еще казался хозяину трактира весьма рискованным. Он не был уверен в том, что в один прекрасный день у него не возникнут неприятности в гильдии или с купеческим старшиной Парижа. Но удачная пирушка и успех затуманили ему голову, и мэтр Буржо не смог противиться уговорам Анжелики.

— Мы подпишем контракт у нотариуса, — продолжила молодая женщина, — но будем держать его в тайне. Вам совершенно ни к чему, чтобы об этом судачили соседи. Скажете всем, что я ваша

родственница, которую вы приютили, и что теперь мы работаем всей семьей. Вот увидите, мэтр Жак, у меня предчувствие, что дела у нас пойдут просто отлично. Все жители квартала будут нахваливать вашу торговую смекалку, а многие станут вам завидовать. Матушка Маржолен уже говорила мне о торжественном ужине цеха торговки апельсинами с Нового моста, они отмечают свой праздник в день святого Фиакра^[59].

Поверьте, вы очень выиграете, если оставите нас в харчевне. Смотрите, на этот раз вы должны мне вот столько.

Она быстро отсчитала причитающуюся ей долю и умчалась прочь, оставив почтенного ротисье в некоторой растерянности, зато в полнейшей уверенности, что он уже стал процветающим торговцем.

Анжелика вышла во двор, чтобы вдохнуть свежего утреннего воздуха. Кулак с зажатыми в нем золотыми монетами молодая женщина прижала к груди. Это золото — ключ к свободе. Конечно, мэтр Буржую тоже не останется внакладе. Но при этом Анжелика подсчитала в уме, что если ее маленькое войско сможет питаться тем, что остается после праздничных пирушек, а этих пирушек, благодаря их совместным усилиям станет больше, то в конечном итоге у нее появится целое состояние. Тогда она сможет взяться за что-нибудь иное. Например, почему бы ей не воспользоваться патентом, который принадлежит Давиду Шайю и который дает право на изготовление этого экзотического напитка, шоколада? Конечно, бедный люд не сможет оценить столь диковинное лакомство, но светские щеголи и придворные жеманницы, жадные до всего нового и необычного, помогут сделать его модным.

Анжелика уже видела в своих мечтах кареты знатных дам и разодетых сеньоров останавливающимися на улице Валле-де-Мизер.

Она встряхнула головой, чтобы рассеять мечты. Не стоит загадывать чересчур далеко. Ее положение все еще столь ненадежно, столь шатко. Нужно копить, копить и копить, как поступают трудолюбивые муравьи. Богатство — вот ключ к свободе, к возможности не умереть, не увидеть, как умирают дети, а смотреть, как они улыбаются. «Если бы на имущество не был наложен арест, — подумала молодая женщина, — возможно, я бы могла спасти Жоффрея!» Она еще раз трянула головой. Она больше не должна думать об этом. Ведь каждый раз, когда Анжелика вспоминала о муже, ее кровь словно застывала, ей хотелось уснуть вечным сном — сном, уносящим на своих волнах, как тихое течение реки.

Она больше не будет об этом думать. У нее теперь одна цель: спасти Флоримона и Кантора. Она будет копить и копить!.. Свое золото она положит в деревянный сундучок — драгоценную реликвию, свидетельницу гнусных времен, куда она уже спрятала кинжал Родогона-Египтянина. Отныне рядом с бесполезным железным оружием будет лежать золото — оружие, дарующее власть.

Анжелика подняла глаза к сырому небу, где уже блекли отблески золотистого рассвета, уступая место тяжелому свинцово-серому дню.

На улицах слышались крики торговцев водкой. У входа во двор какой-то нищий затянул свою печальную песню. Присмотревшись повнимательней, Анжелика узнала Черного Хлеба. Да, это был Черный Хлеб, в своих лохмотьях, со своими ранами и вечными раковинами вечного нищего паломника.

В страхе Анжелика бросилась на кухню и, схватив краюху хлеба и миску бульона, отнесла их нищему. Из-

под седых кустистых бровей на молодую женщину
глянули жестокие и злые глаза.

Глава 15

Ноябрь 1661

Все последующие дни Анжелика металась между кастрюлями мэтра Буржю и цветами матушки Маржолен. Цветочница попросила ее помочь, потому что приближался час появления на свет королевского наследника и все почтенные торговки были по горло загружены работой.

Наконец, ноябрьским днем, когда цветочницы собрались на Новом мосту, зазвонили дворцовые куранты. Их перезвон подхватили часы Самаритянки, а вдалеке раздались выстрелы пушек Бастилии. Весь парижский люд замер в ожидании.

— Королева родила! Королева родила!

Затаив дыхание, толпа считала:

— 20, 21, 22...

С двадцать третьим залпом люди принялись хватать друг друга за руки. Некоторые утверждали, что слышат уже двадцать пятый выстрел, другие — что двадцать второй. Оптимисты опережали события, пессимисты отставали от них. Но звон не прекращался, ему вторили пушечные раскаты, они обрушивались на Париж подобно мощному ливню. Сомнений не оставалось: МАЛЬЧИК!

— Дофин! Дофин! Да здравствует дофин! Да здравствует королева! Да здравствует король!

Люди стали обниматься. Новый мост взорвался песнями. Толпа закружила в ритме бешеной фарандолы^[60]. Ставни лавок и мастерских захлопнулись. На площадях забили фонтаны вина, а на улицах королевские слуги установили огромные столы, которые ломились от пирогов и мармеладов.

Вечером на берегу Сены, прямо напротив Лувра, был устроен фейерверк, поразивший воображение парижан. В воздухе, прямо над водой, парил огромный корабль, окруженный морскими чудовищами, извергающими снопы искр; эти чудовища символизировали врагов Франции. Прекрасный всадник на вздыбленном боевом коне прыгнул прямо с крыши галереи Лувра и пронзил чудищ сияющим копьем. Монстры рассыпались мириадами разноцветных насекомых.

И наконец, среди взлетающих ракет на ночном небосклоне возшло ослепительное солнце, а сотни звезд сложились в имена «Людовик» и «Мария-Терезия».

Когда королева покинула Фонтенбло и вновь обосновалась в Лувре, но теперь уже с царственным младенцем, все гильдии и цеха города приготовились приветствовать дофина.

Матушка Маржолен, искренне привязавшаяся к Анжелике, сказала:

— Ты тоже пойдешь с нами. Это не совсем в наших правилах, но я скажу, что ты моя ученица и поможешь нести корзины с цветами. Ведь тебе, наверное, хочется увидеть прекрасный дворец Лувр, где живет король? Кажется, что залы там выше и больше, чем в церквях!

Анжелика не посмела отказаться. Добрая женщина удостоила ее великой чести. Кроме того, хотя бывшая мадам де Пейрак и боялась себе в этом признаться, она страстно желала вновь увидеть места, ставшие свидетелями стольких событий и несчастий, которые ей пришлось пережить. Возможно, она увидит взволнованную до слез Великую Мадемуазель, заносчивую графиню Суассон, остроумного Лозена, угрюмого Гиша, Варда?.. Кто из этих знатных дам и

вельмож сможет узнать среди простых торговок даму, которая совсем недавно, одетая в роскошное платье, с пылающим взглядом проходила коридорами Лувра, сопровождаемая бесстрастным мавром? Даму, которая в тревоге, сменившейся отчаянием, кидалась то к одному, то к другому, умоляя спасти своего заранее осужденного супруга?

Итак, в назначенный день Анжелика стояла во дворе королевского дворца, где перекликались звонкие голоса цветочниц и продавщиц апельсинов с Нового моста, а также торговок селедкой с Центрального рынка, и шуршали накрахмаленные нижние юбки. Товары спорили друг с другом красотой, но сильно отличались по запаху.

Совсем скоро корзины цветов, корзины фруктов и бочонки с сельдью выстроятся стройными рядами перед Его Высочеством дофином, который должен будет коснуться своей крохотной ручонкой и нежных роз, и ярких апельсинов, и серебристых рыбин.

Поднимаясь по лестнице, ведущей к королевским покоям, шумная и благоухающая компания дам столкнулась с папским посланником, который только что вручил новорожденному наследнику французского престола традиционные дары: приданое для младенца, которого папа таким образом «признавал старшим сыном Церкви».

Торговкам велели подождать в зале, расположенном перед апартаментами королевы. Здесь добрые женщины могли с восхищением рассматривать удивительные вещицы, извлеченные из трех сундуков, обитых красным бархатом и окованных серебром.

Потом их провели в королевские покои. Представительницы торговых цехов опустили на колени и произнесли заранее заготовленные приветственные речи. Стоя вместе со всеми на коленях на роскошном ярком ковре, Анжелика разглядела

сквозь полупрозрачный полог лежавшую на огромной парчовой кровати королеву, облаченную в роскошное одеяние. На лице испанки застыло то же отрешенное выражение, которое Анжелика видела в Сен-Жан-де-Люзе, когда невеста короля только покинула мрачные своды мадридских дворцов. Но французские модные платья и прически не так шли молодой женщине, как фантастические наряды инфанты с накладными локонами, струящимися вдоль юного лица, напоминающего лицо статуи. Именно такой предстала перед «королем-солнце» обещанная ему невеста.

Сейчас гордая мать, счастливая возлюбленная, успокоенная знаками внимания со стороны царственного супруга, королева Мария-Терезия соизволила улыбнуться своим колоритным разношерстным посетителям, сменившим у ее изголовья переполненного елейной слащавостью папского посланника.

Сознавая, что стоит на коленях в окружении скромных торговков у ног короля, Анжелика испытывала сильнейшее волнение; она словно ослепла и окаменела. Она видела только Людовика XIV.

Уже покинув королевские покои, из разговора с подругами она узнает, что в комнате присутствовали и королева-мать, и герцогиня Орлеанская, и мадемуазель де Монпансье, и герцог Энгиенский, сын принца Конде, и еще множество молодых людей и девиц из этих домов.

Но Анжелика не заметила никого, кроме короля, который улыбался, стоя на ступенях высокой постели королевы. Бывшая графиня де Пейрак похолодела от ужаса. Государь несколько не походил на того молодого человека, который принимал ее в Тюильри и которого ей так хотелось встряхнуть, ухватив за жабо. В тот день они стояли лицом к лицу и ожесточенно, на

равных боролись друг с другом, причем каждый был уверен, что заслуживает победы.

Какое безумие! Как же она сразу не поняла, что его ранимость, его добросердечность были иллюзией, что под внешней чувствительностью скрывался грозный и решительный монарх, который ни за что не потерпит даже малейшего посягательства на его власть! Все с самого начала было ясно: король должен был победить, а она, Анжелика, недооценив его силу, оказалась сломлена, как соломинка.

И вот теперь она шла за группой учениц через комнаты слуг к выходу из дворца. Представительницы гильдий остались, чтобы присутствовать на торжественном банкете, но ученицы не имели права участвовать в пиршестве.

Когда Анжелика пересекала зал, где невероятные фигурные торты и подносы с мясом ждали своего часа, перед тем как отправиться на праздничный стол, она услышала тихий продолжительный свист, за которым последовали два коротких. Анжелика узнала тайный сигнал банды Весельчака и решила, что это ей померещилось. Здесь, в Лувре?..

Но обернувшись, она увидела, что на плиточный пол от света, струящегося сквозь приоткрытую дверь, падает тень крошечной фигурки.

— Баркароль!

Анжелика бросилась к карлику в порыве искренней радости. Тот раздулся от гордости.

— Заходи, сестренка. Заходи, дорогая Маркиза. Пойдем, поболтаем немножко.

Она засмеялась.

— Ого! Баркароль, ты стал такой красавчик! И так учтив!

— Я — карлик самой королевы, — самодовольно заявил Бар-кароль.

Он провел гостью в небольшую гостиную, не упустив случая с гордостью продемонстрировать свой жюстокор, половина которого была сшита из оранжевого атласа, а половина — из желтого. Его широкий пояс украшали бубенчики. Карлик даже несколько раз кувыркнулся, чтобы Анжелика смогла оценить, как громко они звенят. С волосами, остриженными на затылке, в роскошных гофрированных брыжах, с тщательно выбритым лицом, Баркароль выглядел счастливым и бодрым. Анжелика сообщила своему другу, что находит его помолодевшим.

— И правда, я сам чувствую что-то в этом роде, — скромно признался карлик. — Житуха здесь что надо, особенно если учесть, что я в фаворе у местных господ. Я счастлив тем, что в мои годы сделал прекрасную карьеру.

— А сколько тебе лет, Баркароль?

—Тридцать пять. Это вершина зрелости, расцвет духовных и физических сил мужчины. Но пойдем со мной, сестренка. Хочу представить тебе одну благородную даму, к которой, не буду от тебя скрывать, я испытываю самые нежные чувства... а эта особа отвечает мне взаимностью.

Напустив на себя таинственный вид заправского сердцеда, карлик повел Анжелику через сумрачный лабиринт коридоров Лувра.

Наконец они пришли в темную комнату, и Анжелика увидела сидящую за столом женщину. Это была некрасивая брюнетка лет сорока, она что-то стряпала на маленькой позолоченной жаровне.

— Донья Терезита, позвольте представить вам донью Анхелику, одну из самых прекрасных дам Парижа, — торжественно провозгласил Баркароль.

Сидевшая женщина окинула Анжелику пронизательным взором темных глаз и что-то

произнесла по-испански. В этой фразе можно было различить слова «Маркиза Ангелов». Баркароль подмигнул Анжелике.

— Она спрашивает, уж не та ли это Маркиза Ангелов, о которой я ей все уши прожужжал. Видишь, сестренка, я не забываю своих друзей.

Они обошли стол, и Анжелика заметила, что крошечные ножки доньи Терезиты немногим длиннее края высокого табурета, на котором она восседала. То была карлица королевы.

Анжелика подхватила свою юбку и присела в неглубоком реверансе, выражая уважение к столь высокопоставленной особе.

Продолжая медленно перемешивать какую-то массу, карлица движением головы предложила молодой женщине сесть на соседний табурет. Баркароль запрыгнул на стол. Он раскалывал и грыз лесные орехи, рассказывая подруге истории на испанском языке.

В комнату вошла красивая белая борзая, обнюхала Анжелику и улеглась у ее ног. Анжелика всегда вызывала инстинктивное доверие у животных.

— Это Пистоль, борзая короля, — представил собаку Баркароль, — а вот левретки: Доринда и Миньон.

В этом темном закоулке дворца, куда два уродца приходили для отдыха от шутовской службы, чтобы скрыть от посторонних глаз свою любовь, было необыкновенно уютно и спокойно. Анжелика с любопытством вдыхала аромат, идущий от кастрюльки. Она никак не могла определить, чем пахнет: в приятном запахе чувствовался аромат корицы и стручкового перца. Она заинтересованно посмотрела на разложенные на столе лесные орехи, миндаль, связку красного перца, горшочек меда, половинку сахарной головы, чаши с зернами аниса и перца, коробочку с порошком корицы. И наконец, какие-то бобы, которые Анжелика никогда раньше не видела.

Поглощенная своим занятием, карлица, казалось, не обращала никакого внимания на гостью.

И все же непрерывная болтовня Баркароля вызвала улыбку на лице доньи Терезиты.

— Я сказал ей, — объяснил карлик Анжелике, — что ты нашла меня помолодевшим, а еще я сказал, что это благодаря тому счастью, что она мне подарила. Моя дорогая, если бы ты только знала, какую жизнь я здесь веду! Как сыр в масле катаюсь! По правде говоря, я становлюсь добропорядочным обывателем. Иногда меня это даже тревожит. Королева — очень хорошая женщина. Когда ей грустно, она зовет меня к себе, треплет по щеке и говорит: «Ах, мой бедный мальчик!» А я не привык к такому обращению. И у меня слезы наворачиваются на глаза, у меня, которого ты так хорошо знаешь, у самого Баркароля.

— А почему королева грустит?

— Да просто она начала сомневаться в верности своего мужа!

— Значит, то, что говорят, — правда? У короля есть фаворитка?

— Еще бы! Он ее прячет, свою Лавальер. Но в конце концов королева все поймет. Бедняжка! Она не слишком-то проницательна и плохо разбирается в жизни. Видишь ли, сестренка, при ближайшем рассмотрении жизнь вельмож не слишком отличается от жизни их бедных подданных. Они делают друг другу гадости, ссорятся из-за мелочей, совсем как девушки-простолюдинки и их дружки. Надо видеть королеву Франции, когда вечером она ждет своего супруга, который в это время развлекается в объятиях другой женщины. Если нам, французам, и есть чем гордиться, так это любвеобильностью нашего государя... Не так давно Его Величество оставался у своей любовницы с полудня до четырех часов утра. Шестнадцать часов! Ты можешь себе это представить? А королева ждала его,

сидя у камина вместе с мадам де Шеврёз. Когда король вернулся, то бросил ей раздраженным тоном: «Что вы здесь делаете?» — «Государь, я ожидаю вас», — ответила королева со слезами на глазах. «Вы ждете меня? В последнее время это случается слишком часто. Чем вы недовольны? Разве я не сплю каждую ночь в ваших покоях?» — «Да. В моих покоях, — тоскливо вздохнула королева, — но...» — «Я все понимаю... но что вы хотите, мадам? Даже короли не всегда вольны в своих желаниях. Так что отправляйтесь спать и забудьте ваши маленькие горести». Королева бросилась к его ногам и сказала: «Я буду любить вас всегда, как бы вы со мной ни поступали». При этих словах мадам де Шеврёз из скромности покинула комнату. А наш Высокородный Бабник улегся рядом со своей женушкой. Но, увы, чаяньям королевы не суждено было осуществиться, потому что Его Величество провел шестнадцать часов у мадемуазель де Лавальер. И спустя мгновение он уже громко храпел. А мы слушали, как тихонько плачет королева. Бедная королева Франции!

— Вы спите в апартаментах королевы? — с любопытством спросила Анжелика.

— Ну, собаки же там спят. А кто мы такие, как не забавные домашние зверушки? Мне, с моим острым мужским умом, скрытым в уродливом маленьком теле, нравится изучать душу знатных персон. Хочешь, я расскажу тебе еще одну историю?

— Баркароль, ты стал болтлив, как все придворные. Лучше скажи мне, что так тщательно размешивает в горшочке донья Терезита. Эта смесь так странно пахнет, я никак не могу понять, чем именно.

— Но ведь это шоколад для королевы!

Анжелика резко поднялась и заглянула в горшочек. Там она увидела темную густую массу, весьма неаппетитную на вид. При помощи Баркароля молодая

женщина завела разговор с карлицей, которая объяснила, что для приготовления этого творения требуется сто зерен какао, два кусочка перца чили или мексиканского перца, щепотка аниса, шесть александрийских роз, стручок кампеша^[61], два грана корицы, двенадцать миндалин, двенадцать лесных орехов и половина сахарной головы.

— Ах, как сложно, — разочарованно протянула Анжелика. — Но это хотя бы вкусно? Можно мне попробовать?

— Пробовать шоколад королевы! Нечестивица, нищенское отродье! Это святотатство! — закричал карлик с притворным возмущением.

И хотя карлица тоже посчитала просьбу гостыи весьма дерзкой, она соизволила протянуть Анжелике золотую ложечку с небольшим количеством темной массы.

Необычная жидкость несколько вязала рот и была приторно сладкой. Анжелика вежливо похвалила:

— Превосходно.

— Королева не может обходиться без шоколада, — пояснил Баркароль. — Она выпивает несколько чашек в день, но мы носим ей шоколад украдкой, так как король и весь двор насмеваются над ее привычкой. В Лувре лишь Мария-Терезия и Ее Величество королева-мать, она ведь тоже родом из Испании, пьют этот напиток.

— А где можно достать зерна какао?

— Их специально для королевы доставляют из Испании через испанского посла. Зерна надо обжарить, а потом измолоть и подсушить.

И карлик негромко добавил:

— Но лично я не могу взять в толк, к чему столько суеты из-за такой гадости!

Тут в комнату ворвалась какая-то девочка и, затараторив по-испански, потребовала шоколад для Ее

Величества. Анжелика узнала Филиппу. Поговаривали, что она была внебрачной дочерью короля Филиппа IV Испанского и что инфанта Мария-Терезия, обнаружив ее брошенной в коридоре Эскориала, сама воспитала малышку. Филиппа входила в испанскую свиту королевы, которая переправилась через реку Бидассоа, и теперь обреталась рядом с новой королевой Франции.

Анжелика встала и простилась с доньей Терезитой. Карлик проводил бывшую маркизу до двери, выходящей на набережную Сены.

— Ты так и не спросил у меня, как я теперь живу? — обратилась напоследок Анжелика к Баркарролю.

Вдруг ей показалось, что карлик превратился в тыкву, потому что теперь она видела только его огромную шляпу из оранжевого атласа. Баркарроль уткнулся в землю.

Анжелика присела на порог, чтобы оказаться на одной высоте с карликом и заглянуть ему в глаза.

— Ответь мне!

— Я знаю, что с тобой приключилось. Ты бросила Весельчака и строишь из себя честную горожанку.

— Можно подумать, что ты меня в чем-то обвиняешь! Ты что, не слышал о бойне на ярмарке Сен-Жермен? Весельчак исчез. А я сумела выбраться из Шатле. В Нельской башне засел Родогон.

— Ты больше не принадлежишь к воровской братии.

— Ты тоже.

— Ну нет! Я по-прежнему в воровском братстве. И всегда буду в нем. Это мое настоящее королевство, — сказал Баркарроль со странной торжественностью.

— Кто тебе рассказал обо мне?

— Деревянный Зад.

— Ты виделся с Деревянным Задом?

— Я отправился выразить ему свое почтение. Ведь теперь он наш Великий Кесарь. Я думаю, ты это знаешь?

— Конечно.

— Я пошел и выложил на стол кошель, набитый луидорами. Ху! Ху! Дорогая моя, ты бы только видела, я был самым главным богачом среди всех собравшихся.

Анжелика взяла Баркароля за руку; странная маленькая округлая ручка, пухленькая, как у ребенка.

— Баркароль, они собираются мне отомстить?

— Я думаю, что во всем Париже не сыскать женщины, чья прелестная головка так близка к тому, чтобы слететь с плеч.

Карлик состроил нарочито злобную гримасу. Но Анжелика поняла, что угроза не преувеличена. Она встряхнула головой.

— Тем хуже! Значит, я умру. Но я не могу вернуться назад. Так и скажи Деревянному Заду.

Карлик королевы окинул ее печальным взглядом.

— Ах! Как ужасно будет увидеть такую красавицу с перерезанным горлом!

И когда Анжелика уже собралась уходить, Баркароль схватил ее за край юбки.

— Между нами говоря, было бы лучше, если бы ты сама сказала все это Деревянному Заду.

Отныне все свое время Анжелика посвящала делам харчевни. Поток посетителей непрерывно увеличивался. Благодаря отменным отзывам цеха цветочниц заказы множились, как снежный ком. Теперь цеховые торжества проходили в «Храбром петухе» довольно часто. Мастера разных специальностей любили «промочить горло» и «набить живот» в доброй компании; и во славу своего святого покровителя они устраивали веселые пирушки под сводами приветливой харчевни, на балках которой, заново покрытых лаком, всегда красовались прекрасная дичь и сочные колбасы.

Даже старейшины «святейшего» цеха мясников, самого большого и самого старого из парижских цехов, решили устроить свое традиционное пиршество, посвященное святому Сильвестру^[62], именно в «Храбром петухе». Праздники непрерывно сменяли друг друга. После Рождества наступил Новый год, затем отмечали Богоявление, потом начался карнавал.

Итак, Анжелика посвятила себя насыщению требовательных желудков; порой ей казалось, что она оседлала норовистую кобылу, которая брыкается, но везет быстро и без устали.

Вслед за рабочими, ремесленниками и торговцами в «Храбрый петух» стали захаживать компании свободомыслящих философов, отличавшихся изысканными манерами и распутным поведением. Они утверждали, что у каждого человека есть право на наслаждение, презирали женщин и отрицали Бога. Женщинам, работавшим в харчевне, стоило немало труда ускользнуть от их похотливых рук. К тому же эти господа оказались крайне разборчивы в еде. И хотя Анжелику отталкивал их неприкрытый цинизм, она очень надеялась, что «философы» упрочат репутацию и заслуженную славу их заведения, что, в свою очередь, привлечет в харчевню клиентуру более высокого ранга.

Приходили к ним и актеры, которые, даже не освободившись от красных накладных носов, дружно восхищались выходками обезьянки Пикколо.

— Вот на кого нам следует равняться, — говорили они. — Да уж! Если бы этот зверек был человеком, каким бы комедиантом он стал!

Вспотевшая, с покрасневшимися от жара щеками, с жирными, испачканными пальцами, Анжелика выполняла свою работу, стараясь не думать ни о чем, кроме повседневных дел и забот. Задорно рассмеяться, поддержать легкую беседу, проворно

увернуться от слишком назойливой руки — все это она делала почти машинально. Она получала удовольствие, смешивая соусы, измельчая зелень, украшая блюда.

Она вспоминала, как маленькой девочкой охотно помогала на кухне в Монтелу. Но по-настоящему разбираться в кулинарном искусстве Анжелика научилась в Тулузе, под руководством Жоффрея де Пейрака — человека утонченного вкуса; недаром яства, которые подавали в отеле Веселой Науки, славились по всему королевству.

Воскрешая в памяти тот или иной рецепт или какой-нибудь непреложный закон кулинарного искусства, Анжелика порой испытывала одновременно радость и печаль.

Мэтр Буржю был рад наплыву новых посетителей, но в то же время его это удручало. Популярность, которой пользовался трактир, доставляла ротисье небывалые муки, но, будучи по натуре человеком бездеятельным и беспечным, он не пытался изменить ход событий. При этом следует сказать, что владелец «Храброго петуха» никоим образом не пренебрегал своими обязанностями. Он выбирал и жарил домашнюю птицу, мясо, дичь, а также разделявал уже готовые изделия, отбирая наилучшие куски. Он плохо разбирался в рыбе, ведь его заведение специализировалось на жареном мясе, и у мэтра Буржю даже не было прав на приготовление рыбных блюд, что оставалось прерогативой хозяев рыбных таверн и харчевен.

Но при содействии некоторых постоянных клиентов харчевни Анжелика получила в гильдии трактирщиков разрешение подавать рыбу по пятницам, а также право изготавливать и предлагать клиентам антреме^[63] и маленькие сладкие пирожные. В конечном счете молодая женщина «выжила» мэтра Буржю из его

собственной кухни и обустроила рабочее место толстяка прямо в зале, где его необыкновенная жизнерадостность радовала посетителей. Анжелика оставила в ведении ротисье вина, а также приготовление простых блюд для мелкого люда — рабочих и ремесленников. Но в основном трактир работал для обладателей кружевных манжет и шляп с плюмажем, которые за один вечер могли потратить больше, чем скромный ремесленник за месяц.

Анжелика придавала большое значение выбору овощей, выискивая в глубинах своей памяти все новые и новые рецепты изысканных блюд. Изумленные посетители высоко оценили ее овощной бульон, легкий, вкусный, душистый, утоляющий жажду в жару лучше, чем любые прохладительные напитки. Сама Анжелика называла это блюдо «бульоном для мальчишек».

Она также ежедневно выставляла на витрину «зеленый паштет а-ля Пуату». Эта кулинарная новинка была навеяна смутными воспоминаниями, ароматами былых времен. Лучше всех хозяек округа это блюдо готовила кормилица Анжелики. Она мелко рубила зеленую капусту, щавель, шпинат, салат-латук, зеленый лук, листовую свеклу, добавляла для загустения яйца, кусочки подкопченной ветчины и свежей свинины. Вся эта масса помещалась в форме на угли и долго томилась на слабом огне. Зимой паштет помогал согреться, а летом его подавали охлажденным, предварительно перемешав со свиным салом. В Пуату каждая хозяйка обладала собственным рецептом паштета, и не было такого дома, где бы вам не предложили его отведать. «Зеленый паштет» стал символом провинции. Утверждали, что это блюдо способствует укреплению здоровья.

Но когда наступила зима, тяжело заболел Флоримон.

Если чего-то Анжелика не могла вынести, так это кашля Фло-римона.

Каждый раз, когда она слышала этот кашель, ее охватывал безумный страх, ей казалось, что болезнь неизлечима. Ведь старший сын был таким слабеньким. Соседки, глядя на впалые щечки малыша, говорили: «У вас не получится его вытащить... Я так потеряла троих... А я пятерых... Бог дал, Бог взял». В сердцах этих простых женщин, вечных тружениц, царило глубокое смирение. Они искренне верили, что все испытания, выпавшие на их долю, как и страдания Спасителя на кресте, позволят им в будущем попасть на небеса. И вера помогала им выносить траур, потери, бедность. Так от века к веку возрождался выносливый народ, научившийся не сдаваться перед трудностями, радующийся самой малости. Очень быстро счастливый характер этих людей одерживал верх над любыми горестями, и они вновь хохотали во все горло.

У Флоримона текло из носу, в ушах был гной.

Двадцать раз на дню Анжелика, пользуясь моментами затишья, бегом взлетала через семь лестничных пролетов на чердак, где малыш, тельце которого сотрясала лихорадка, в одиночестве боролся со смертью. Каждый раз, приближаясь к убогой кровати, молодая мать дрожала от страха, и облегченно вздыхала, видя, что ее сын еще дышит. Она нежно гладила большой выпуклый лобик с выступившими капельками пота.

— Моя любовь! Мой ненаглядный! Лишь бы Бог не забрал моего бедного мальчика!.. Господи, мне больше ничего не надо в этой жизни. Я схожу в церковь, закажу мессу. Только оставь мне моего маленького мальчика...

На третий день болезни Флоримона мэтр Буржю раздраженно «приказал» Анжелике устроиться в большой комнате на втором этаже, в которой он больше не жил после смерти жены. Разве можно обеспечить

ребенку достойный уход на чердаке, который по размеру чуть больше гардероба и где ночью набиваются шесть человек, не считая обезьяны? Так живут цыганки, бессердечные нищенки!..

Флоримон выздоровел, но Анжелика так и осталась со своими детьми в большой удобной комнате на втором этаже, а чердак достался мальчишкам: Флипо и Лино. Розина продолжала делить комнату с Барбой.

— И еще я хотел бы, — объявил мэтр Буржую, красный от гнева, — чтобы ты прекратила меня позорить, когда на глазах у всех соседей к нам каждый день заявляется этот негодный лакей и сбрасывает ко мне на двор дрова. Если хочешь согреться, то тебе просто надо взять дрова из поленницы.

Тогда Анжелика передала через лакея графине де Суассон, что более не нуждается в ее дарах и благодарит за милосердную помощь. Затем она вручила щедрые чаевые явившемуся в последний раз слуге. Лакей, так и не оправившийся от потрясения, которое он испытал в первый день их знакомства, покачал головой.

— Много чем довелось мне в этой жизни заниматься, но никогда не приходилось иметь дело с женщиной вроде тебя!

— Бывает и хуже, — заверила его Анжелика, — ведь и мне пришлось на тебя любоваться!

В последнее время она раздавала еду и одежду, присланную госпожой де Суассон, попрошайкам и нищим, которых возле «Храброго петуха» день ото дня становилось все больше. Среди них часто попадались знакомые лица, угрюмые и угрожающие. Анжелика щедро подавала милостыню, как будто хотела умиловить враждебные силы.

Мысленно она молила этих несчастных отпустить ее на свободу. Но они с каждым днем становились все

назойливее. Вокруг дома не иссякал поток нищих в грязных лохмотьях и убогих на костылях. Даже посетители «Храброго петуха» стали протестовать против такого вторжения, утверждая, что у ворот харчевни нищих больше, чем на церковной паперти. А их зловонные раны погасят любой аппетит.

На этот раз мэтр Буржую разгневался не на шутку.

— Ты привлекаешь их сюда, как чеснок — змей и мокриц. Прекрати раздавать милостыню и избавь меня от этих паразитов, иначе я буду вынужден расстаться с тобой.

Анжелика возразила:

— Почему вы думаете, что наше заведение страдает от нищих больше, чем другие харчевни? Разве вы не слышали, что в королевстве голод? Ходят слухи, что скоро армии голодных крестьян хлынут в города, нищих станет еще больше... Во всем виновата зима, голод...

Но сама она была напугана не на шутку.

Ночью, в большой комнате, погруженной в тишину, которую нарушало лишь тихое дыхание детей, Анжелика вставала, подходила к окну и смотрела, как сверкают в лунном свете тяжелые воды Сены. Дом стоял у самой воды. Песчаный берег был завален мусором и отбросами из разных харчевен: перья, куриные лапы, потроха, объедки. Сюда, на свалку приходили за пропитанием собаки и нищие. Было видно, как они роются в отбросах. В этот поздний час в Париже раздавались крики и слышался посвист бандитов. Анжелика знала, что в нескольких шагах от харчевни, если свернуть налево, невдалеке от моста Менял, начинается набережная Жевр, под гулкими сводами которой скрывается самое большое разбойничье гнездо столицы. Она помнила просторное сырое логово, где лились потоки крови со скотобоен улицы Вьей-Латерн ^[64].

Конечно, теперь Анжелика не имела отношения к проклятому ночному народу. Отныне она принадлежала миру тех, кто, укрывшись в своих домах, запертых на все засовы, осеняет себя крестом, когда слышит жуткие предсмертные крики, раздающиеся на темных улицах.

И это уже было большим достижением. Но груз прошлого, не помешает ли он ей двигаться вперед по избранному пути?

Не так-то просто сказать себе: «Я свободна». Можно ли покинуть воровское братство?

Однажды, когда Анжелика отправилась за покупками, к ней подошел Красавчик. Его поведение говорило о том, что она сама оставалась для сутенера «запретным плодом», причем вряд ли молодой человек смог бы объяснить причину подобного отношения.

Красавчик спросил у Анжелики, что она думает о будущей судьбе Розины. Бывшая Маркиза Ангелов, которую застали врасплох, ответила, что Розина чувствует себя отлично там, где она сейчас находится, и не стоит беспокоиться о ее будущем.

— Но, — возразил Красавчик, — она была одной из жен Коро-тышки-Ролена. Значит, она принадлежит воровскому братству.

Внутренний голос шептал Анжелике быть настороже. Она судорожно подыскивала способ отворотить самого знаменитого сводника парижского дна от его корыстных планов на Розину.

Анжелика не солгала, заявив, что один из постоянных клиентов харчевни, художник из гильдии Святого Луки, который часто выставляет свои произведения на Новом мосту, испытывает к Розине нежные чувства. Он мечтает не только сделать девушку своей моделью, но и сочетаться с ней браком. По его словам, Розина напоминает ему мадонну.

Ответ Красавчика лишний раз доказал, сколь велика пропасть непонимания между ним и Маркизой Ангелов,

сколь разнятся их взгляды на жизнь.

Глаза сутенера вспыхнули от жадности.

— Отлично, у меня как раз есть клиенты, которые тоже любят такую красоту.

И лукаво подмигнул.

— Поклонники Сатаны!

В большой, хорошо протопленной комнате к Анжелике с новой силой вернулись все ее страхи.

Приходилось признать, что мэтр Буржую прав. Это она стала причиной нашествия нищих, которому подвергся «Храбрый петух».

Она все еще на крючке у воровского братства. Немногим удавалось с него соскользнуть. Анжелика с благодарностью вспоминала Магистра, который заставлял Маркизу Ангелов совершать прогулки по Парижу и рассказывал ей разные истории о поисках сокровищ, о преданных королях; именно его рассказы не дали ей сойти с ума.

Где-то Магистр теперь?

Анжелика подошла к постели, на которой спали Флоримон и Кантор.

Тень от длинных черных ресниц Флоримона падала на его бледные щеки. Волосы темным ореолом обрамляли лицо. У Кантора тоже была густая и непослушная шевелюра. Но его темно-русые кудри отливали золотом, в то время как волосы Флоримона были черными как вороново крыло.

Анжелика признавала, что Кантор пошел в «ее породу». Да, в нем чувствовалась благородная кровь предков, но предков, проживавших в сельской местности: простых и безыскусных Сансе из Монтелу. Искренность и непосредственность в ее семье ценились выше благоразумия и манер. Своим упрямым лбом

Кантор напоминал Жослена, своим спокойствием — Раймона, своей любовью к одиночеству — Гонтрана. Внешне он очень походил на хрупкую Мад-лон, но, в отличие от нее, был наделен отменным здоровьем.

Этот пухлый малыш с ясными и пронизательными глазами уже имел собственный внутренний мир с множеством унаследованных от предков достоинств и недостатков. Пока его не трогали, не покушались на его свободу и независимость, он не доставлял никаких хлопот. Но стоило Барбе крепко запеленать малыша, как полагается поступать с детьми его возраста, миролюбивый Кантор, после нескольких мгновений безмерного удивления, пришел в неопишемое бешенство.

И через два часа соседи, оглушенные его пронзительными воплями, прибежали вступиться за мальчика.

Барба утверждала, что Анжелика больше любит Флоримона и совсем не занимается младшим сыном. Анжелика же отвечала, что Кантор не нуждается в том, чтобы им занимались. Все его поведение свидетельствовало о том, что он прежде всего хочет, чтобы его оставили в покое, в то время как чувствительный Флоримон обожал внимание и любил, чтобы с ним разговаривали, отвечали на его вопросы. Флоримон нуждался в опеке и внимании.

Вместе с тем между Анжеликой и Кантором установилась особая связь, которая не требовала ни слов, ни жестов. Они принадлежали к одной породе. Молодая мать смотрела на сына, восхищалась его розовым и пухленьким телом, а также редкой способностью Кантора, которому еще не исполнилось и года, бороться за жизнь, упрямо противостоять смерти, которая часто угрожала его хрупкому существованию. Он научился этому прямо с рождения, а быть может, как порой думала Анжелика, еще до рождения.

Кантор был ее силой, а Флоримон — ее слабостью. И они представляли два полюса ее души.

Наступили три ужасных месяца.

Редкий год простой люд французского королевства не страдал от голода из-за засушливой зимы, плохого урожая или очередного мятежа в какой-нибудь из провинций. Огромная перенаселенная столица не была исключением. Тревожные разговоры о грядущем голоде, услышанные Анжеликой, оправдались. Январь еще не перевалил за середину, а голод уже стучался в ворота Парижа. Последний урожай выдался скудным. Множество военных подразделений, не распущенных по домам, невзирая на Пиренейский мирный договор, все еще были расквартированы по деревням. К тому же оказались развязаны руки у торгашей.

Защищенные своими цехами, которые за много веков научились противостоять неизбежным трудностям, кулины и трактирщики страдали меньше, чем представители других профессий.

Булочники, мясники, торговцы жареным мясом по-прежнему зарабатывали на хлеб, но продукты приходилось доставать с трудом, да и клиентов становилось все меньше.

Анжелика была крайне озабочена, что период праздников не принес той прибыли, на которую она рассчитывала. Но Господь милостив! «Храбрый петух» и его маленькое войско располагали всем необходимым. Она не раз поздравила себя с тем, что привела сыновей под гостеприимный кров харчевни. Иначе за эти тяжелые месяцы все бы они давно умерли голодной смертью.

Итак, парижане снова страдали от голода и его вечной спутницы — чумы. Опять на улицах появились

лекари в масках с огромными птичьими клювами, внутри которых размещались кусочки камфары и различные ароматические вещества, чьими испарениями и дышали медики, защищаясь от вредоносных миазмов. Опять можно было встретить монахов братства Святого Лазаря, которые брали на себя похороны усопших. Опять потянулись многочисленные религиозные процессии с золотыми раками, наполненными реликвиями святых заступников. И черный шелк знамен плыл по замерзшим улицам, на которых валялись тела погибших от болезни, холода и голода. Самая значительная процессия прошла вдоль городской стены. Она двигалась от одних ворот к другим, пока не достигла ворот Святой Женевьевы, считавшейся не только покровительницей Парижа, но и святой заступницей всех голодающих; ее праздник приходился на 3 января.

В Лувре король приказал раздать бедным зерно, привезенное из других стран. Его так и называли: «зерно короля».

Количество голодных, разоренных, больных, обреченных на смерть росло день ото дня.

Однако дела «Храброго петуха» шли не так уж плохо.

Вооружившись тугими кошельками, составляющими лишь малую толику их состояния, множество богатых клиентов стали искать убежища на улице Валле-де-Мизер. Они были готовы платить любую цену, чтобы обеспечить себя достойной трапезой.

Поразмыслив, Анжелика сказала себе, что обязана извлечь как можно больше пользы из нынешней ситуации. Даже этой суровой зимой трактир «Храбрый петух» может приносить доход. Цены, объявленные

Анжеликой этим блистательным господам, ужаснули мэтра Буржую, но разве можно было дешево продавать домашнюю птицу и жареное мясо, достававшиеся с таким трудом? Ведь должна же она окупить те опасности, которым подвергалась во время тайных «походов» по деревням в поисках баранов и цыплят на продажу, под охраной лишь верного Давида? Да, справедливость требовала, чтобы их старания были щедро вознаграждены.

Посетители харчевни с пониманием отнеслись к тому, что цены выросли. Они были богаты, но они не могли питаться золотом, зато ротисье, мясники и кондитеры давали важным господам возможность не отказываться от привычных жизненных удобств.

А вот нищие превратились в настоящую угрозу.

Анжелика собралась с мужеством и решила пойти на встречу с Деревянным Задом.

Именно это ей посоветовал Баркароль. Но женщине становилось дурно при одной только мысли, что ей опять придется оказаться перед домом Великого Кесаря. Бывшая Маркиза Ангелов мечтала забыть весь этот кошмар. Но ей пришлось вновь побороть свой страх, преодолеть очередную преграду, выиграть новое сражение. Холодной темной ночью она отправилась в предместье Сен-Дени.

Анжелику отвели к Деревянному Заду, вглубь отвратительного грязного дома.

Новый Великий Кесарь восседал на каком-то подобии трона среди табачного дыма и копоти масляных светильников.

Прямо перед ним, на полу, был установлен медный тазик для сбора денег. Анжелика бросила туда увесистый кошель и передала еще одно подношение: огромную сочную баранью лопатку и большой каравай — редкое яство для того сурового времени.

— Что-то ты не слишком торопилась! — проворчал Деревянный Зад. — Давненько я тебя жду, Маркиза. Знаешь ли ты, что играла в опасную игру?

— Я знаю, что если еще жива, то этим я обязана именно тебе.

Анжелика приблизилась к повелителю воров. По обеим сторонам трона безногого калеки расположились два страшных существа, символизировавших его монаршую власть, — Большой и Малый Евнухи, державшие в руках шутовские регалии: метлу и вилы с насаженными на них кусками разорванной собаки. Рядом сидел Паленый Старикан со струящейся седой бородой, державший розги бывшего преподавателя-эзекутора из Наваррского коллежа Парижского университета.

Деревянный Зад, как обычно, носил безукоризненный шейный платок, а его голову украшала великолепная шляпа с двумя высокими красными плюмажами.

Анжелика обязалась ежемесячно приносить лично или посылать через своих посыльных Великому Кесарю такую же сумму и пообещала, что «стол» короля нищих никогда не будет испытывать недостатка в разнообразных яствах. Но взамен она потребовала свободу и возможность вести новую жизнь для себя, своих детей, Флипо, Лино и Розины. Она также попросила, чтобы нищие оставили в покое «ее» харчевню.

По лицу Деревянного Зада Анжелика поняла, что она наконец-то поступила правильно и что бандит доволен ею. Бывшая Маркиза Ангелов расплатилась с воровским братством и получила его защиту.

Покидая комнату, Анжелика присела в глубоком реверансе.

Глава 16

— Эй, девушка, разрази меня гром, если когда-нибудь моя нога еще раз переступит порог этой харчевни, где позволяют себе столь подлым образом обманывать самого искушенного парижского гурмана!

Услышав эту торжественную клятву, Барба бросилась на кухню. Посетитель недоволен! Не в первый раз этот молчаливый господин в атласе и бантах приходил в «Храбрый петух» и садился за стол в полном одиночестве.

Нарядный, как свадебный торт, мужчина поглощал пищу с таким выражением, будто совершал какой-то важный религиозный обряд, и платил вдвое больше запрошенной цены. Поэтому его заявлением, прозвучавшим как гром среди ясного неба, ни в коем случае нельзя было пренебречь. Анжелика незамедлительно предстала перед посетителем. Тот осмотрел женщину с ног до головы. Казалось, он был в очень дурном расположении духа. Но красота и, наверное, необычный вид молодой хозяйки удивили его.

Посетитель замер в нерешительности, словно подыскивая слова, но вскоре вновь заговорил:

— Милочка, хочу вас предупредить, что я больше не переступлю порога вашего заведения, если меня еще хоть раз обманут столь же бессовестным образом.

Анжелика самым почтительным тоном, на который только была способна, осведомилась о причине недовольства.

Услышав вопрос, скандалист подскочил на месте. Лицо клиента налилось кровью, словно в горле застряла куриная косточка, и у Анжелики мелькнула мысль: а не похлопать ли его по спине?

Наконец к расфранченному господину вернулся дар речи.

— Красавица, я полагаю, что по моему виду вы уже должны были догадаться, что в моем доме полно слуг и я не нуждаюсь в том, чтобы ужинать в трактирах. Впервые я попал сюда совершенно случайно, привлеченный БОЖЕСТВЕННЫМ ароматом, который доносился из двери вашего заведения. И каково же было мое изумление, когда я отведал у вас один из тех омлетов, который я, вы слышите, я, советник парламента Франции^[65], не умею готовить!

Анжелика, окинув быстрым взглядом стол, убедилась, что бутыль бургундского едва почата, а значит, незнакомец, произносящий такие странные речи, вовсе не пьян. Подавив желание рассмеяться, она произнесла самым невинным тоном:

— Мэтр, мы всего лишь скромные трактирщики, и нам еще предстоит многому научиться. Признаюсь, я понятия не имела, что и у советников парламента бывают подобного рода затруднения...

Полностью поглощенный своим горем, важный господин продолжал возмущаться. Омлет, который ему подали сегодня, никоим образом не напоминал тот шедевр, о котором он сохранил БОЖЕСТВЕННОЕ воспоминание.

— Но, во всяком случае, яйца были свежими, — рискнула вставить Анжелика.

Советник прервал ее театральным жестом:

— Только еще не хватало, чтобы они были протухшими! Об этом речи нет. Я желаю знать, КТО готовил омлет в прошлый раз. И не воображайте, что сможете заставить меня съесть эту бурду, уверяя, будто готовил один и тот же человек.

Хорошенько поразмыслив, Анжелика припомнила, что накануне она сама готовила омлет.

— Я очень рада, что вам понравилось мое блюдо, — сказала она, — но, признаться, вам подали тот омлет совершенно случайно. Такое блюдо нужно заказывать заранее, чтобы я смогла собрать все ингредиенты, необходимые для его приготовления.

В глазах магистрата загорелся алчный огонек. Умоляющим голосом он принялся выпрашивать необыкновенный рецепт, а Анжелика стала защищать свою тайну с таким кокетливым жаром, будто отстаивала свою девичью честь.

Будучи практичной, она быстро раскусила чудака и решила, что он из числа тех, к кому нужно подобрать особый подход, чтобы превратить в неисчерпаемый источник доходов для «Храброго петуха».

Уперев руки в бока, чтобы более убедительно изобразить приветливую, но хитроватую хозяйку таверны, молодая женщина заявила, что господин советник выглядит человеком знающим и должен понимать: согласно вековой традиции, повара могут разглашать свои самые лучшие рецепты лишь в обмен на полновесную звонкую монету.

Полный господин отпустил пару ругательств, не слишком приличествовавших занимаемому им высокому положению, но со вздохом признал ее правоту. Договорились! Он хорошо заплатит, но при условии, что новый шедевр будет соответствовать тому, что он отведал в первый раз. И еще одно условие: в качестве независимых судей он приведет с собой в таверну компанию самых изысканных гурманов из Дворца правосудия и парламента.

Анжелика выиграла пари и получила горячие поздравления от присутствующих. Тяжелый кошель был торжественно передан в обмен на листок с рецептом, который советник Бернаи тут же зачитал столь взволнованным голосом, как будто речь шла о любовном послании.

— Взбить дюжину яиц, добавить щепотку нарезанного зеленого лука-резанца, один или два обжаренных петушиных гребня, шесть маленьких листиков шалфея, три или четыре веточки кровохлебки, два или три листика огуречника, столько же листочков анхузы^[66], пять или шесть круглых листьев щавеля, одну или две веточки чабреца, два-три листа нежного салата-латука, немного майорана, иссопа и кресс-салата. Обжарить в глубокой сковороде, куда предварительно поместить в равных пропорциях растительное масло и сливочное масло из Ванва^[67]. Сверху полить сметаной.

Прочитав сей пассаж, советник благоговейно замолк и, лишь выдержав театральную паузу, самым торжественным тоном обратился к Анжелике:

— Мадемуазель, признаюсь, что лично я никогда, даже за сумму, во много раз превышающую ту, что вам только что вручили, никому бы не открыл подобной тайны, достойной лишь богов. В вашем поступке я вижу прежде всего желание доставить нам удовольствие. Я и мои друзья высоко ценим вашу доброту и потому будем часто посещать ваше великолепное заведение.

Вот так Анжелика сумела заполучить самых изысканных клиентов, которых она называла «гурманами». Для этих господ наслаждение от еды было превыше всех иных земных удовольствий, включая любовные утехи. Отныне их кареты и портшезы частенько останавливались перед воротами «Храброго петуха», как когда-то мечтала Анжелика.

У господ гурманов существовала привычка до хрипоты рассуждать о лечебных свойствах вкушаемых ими блюд.

— Рагу из поясничной части козленка — это что-то незабываемое, господа, — вещал в кругу своих друзей доктор Ламбер-Мартен. — Мы, врачи, утверждаем, что

подвижность, жизнерадостность и беспечность этого животного очищают его мясо от всяческих излишеств. А что вы нам предложите после рагу, моя красавица?

— Жареные рога оленя^[68], — отвечала Анжелика. — Говорят, они чрезвычайно полезны для крепости рогов некоторых мужей.

Гости оценили удачную шутку хозяйки, привнесшую веселость в их ученую беседу.

Вслед за гурманами «Храброго петуха» открыли для себя «обжоры».

Однажды благородные господа, сидевшие за столом харчевни, дружными овациями встретили мужчину, появившегося на пороге заведения. Необъятное брюхо колыхалось при каждом шаге жизнерадостного краснолицего толстяка. Вошедшего звали господин Монмор^[69]. Одет он был весьма непритязательно.

Ответив на приветствие гурманов сдержанной улыбкой, новый гость уселся за отдаленный стол и зычным голосом приказал подать себе каплуна на вертеле, жареного поросенка, карпа в петрушке и шесть голубей.

Среди эпикурейцев раздался смех. Один из них, граф де Рош-мон, встал и подошел к столу одинокого посетителя.

— Ах, старина Монмор, — начал он, — вы, как всегда, неисправимы. Вам следовало бы родиться гусем, тогда бы вы наслаждались тем, что вас откармливают на убой. Ну-ка, откройте рот! Я бы очень хотел знать, не забыла ли матушка-природа одарить вас нёбом, которое помогает нам различать тонкий вкус блюд.

Толстяк медленно проглотил кусок хлеба, щедро намазанный маслом, с лежавшим поверх него толстым ломтиком сыра, который он уплетал вместо закуски, и проворчал:

— Подумаешь! У каждого свой вкус!

— Какое тонкое замечание, дружище! Но как можете говорить о вкусе вы, заслуженный профессор Коллеж де Франс^[70], после того как уже совершили три чудовищные ошибки, свидетельствующие о полном отсутствии знаний в области кулинарного искусства?

— А вам бы все придирааться! — пробормотал добряк профессор. — Вкус того, что я ем, меня вполне удовлетворяет, и я не понимаю, какого черта вы обвиняете меня в каких-то так называемых ошибках.

— Хорошо. Так знайте: трапезу никогда не начинают с сыра. Это — первая ошибка. Затем, непозволительно к карпу заказать петрушку. И наконец, есть рыбу после мяса и дичи вообще немыслимо. Вот вам и три ошибки. Но думаю, что это не все ошибки, которые вы совершили. Есть еще одна. Кто ее заметил?

Все благородное собрание погрузилось в глубокие размышления. Рошмон вздохнул:

— Господа, господа, сегодня ваш разум помутился! Хотя, откровенно говоря, могу вас понять. Стоит лишь выслушать меню господина профессора, как в голове образуется полная пустота. Сожалею, что с нами нет нашей дорогой и достойной подруги, маркизы де Сабле^[71], которая отлично разбирается во всех тонкостях гастрономического этикета. Она бы дала мне правильный ответ. Ну, мессире, как вы можете себе позволить потерять лицо в присутствии этого варвара, который является ярким представителем клана «обжор»? Кто найдет ошибку?

— А скромная хозяйка имеет право вставить словечко? — спросила Анжелика.

Граф улыбнулся и обнял ее за талию.

— Наше собрание эпикурейцев никогда бы не прислушалось к мнению обычной хозяйки харчевни, но такая фея, как вы, имеет право на все.

— Мессеры, четвертая ошибка, совершенная господином де Монмором, заключается в том, что он заказал голубей после пасхальных праздников.

— Клянусь, вы совершенно правы! — воскликнул советник Бернаи. — В это время года голуби либо уже слишком стары, либо еще слишком молоды.

Все бурно зааплодировали Анжелике, а граф де Рошмон крепко обнял ее.

Маленькие происшествия подобного рода лишь укрепляли и без того отменную репутацию «Храброго петуха». Редко встретишь хозяйку трактира, которая бы одновременно и прекрасно готовила, и легко поддерживала беседу с искушенными придворными и завсегдатаями модных салонов и гостиных. Многие мужчины на личном опыте убедились, что Анжелика на редкость добродетельна и не позволяет себе никаких интрижек, но ее любезность и приветливый характер быстро врачевали раны отвергнутых влюбленных. Уверенность и опыт, приобретенные молодой женщиной, позволяли ей тонко чувствовать меру остроумным фривольным шуткам, а порой с ее уст слетали слова, достойные мудрости античной богини.

— Честно говоря, господа, — как-то раз заявила она, — Великий пост пойдет вам на пользу.

— Не говорите об этом наказании! — вздохнули «гурманы» и «обжоры».

После Реформации церковь ужесточила правила Великого поста, чтобы заставить повиноваться народ, который скорее был готов умереть, чем отказаться от мяса. Верующие должны были под угрозой самых страшных наказаний воздерживаться от любых мясных блюд в течение сорока дней, которые предшествовали воскресению Христа. Они также должны были питаться всего два раза в день. Исключения из этих правил допускались лишь для больных и стариков, перешагнувших шестидесятилетний возраст. Но

торговцы жареным мясом и домашней птицей, невзирая на риск, нарушали запреты.

Вспоминали о том, как некий господин Гарди, мясник с улицы Вьей-Латерн, в наказание был выставлен к позорному столбу с телячьей вырезкой, намотанной вокруг шеи. Прохожие смотрели на него во все глаза, причем главным образом из-за телятины, от одного вида которой у них текли слюнки.

Анжелика вернула «Храброму петуху» и прежних клиентов — рабочих и ремесленников квартала, которых в свое время отпугнули дурное настроение хозяина харчевни и лень Давида.

Она заманила их тем, что однажды утром, еще засветло, приготовила горячую кашу с пряностями, а к ней бесплатно подала шкалик водки, который должен был вдохновить их на тяжелый труд.

— Непозволительное расточительство! — протестовал мэтр Буржю. — Целая бутылка водки не принесла мне ни единого су.

— Я наливала из той оплетенной бутылки, в которой налита водка из репы. Я видела, что вы используете ее лишь для соусов и приправ. И вы правы, господин. Она только на это и годится. Ее нельзя предлагать преданным клиентам без риска выставить себя скупердям и тем самым разочаровать их. Наши утренние посетители были так рады этому маленькому подарочку, что уже рассказывают о нашем заведении на каждом перекрестке.

Мэтр Буржю только вздохнул, но прекратил упреки. Он раз и навсегда понял: с Анжеликой бессмысленно спорить. А уж когда молодая женщина именовала его «господином» вместо обращения «мэтр Жак», он и вовсе таял.

Сама Анжелика иной раз удивлялась разнообразию своей обширной клиентуры. Помимо небогатых горожан, в харчевню захаживали прибывшие в Париж путешественники, чтобы подкрепиться и пополнить силы перед дальней дорогой.

Поражало ее и разнообразие людских вкусов: казалось, каждый мечтает найти в трактире особенное блюдо, приготовленное специально для него, а не просто поесть. Недаром о парижанах говорили, что у них капризный вкус. Даже путешественники — в основном бродячие торговцы или мелкие купцы из провинций — придирчиво изучали предлагаемые им блюда. Конечно, они не впадали в крайности, как «гурманы» и «обжоры», но все же достаточно часто просили раскрыть секрет приготовления того или иного блюда, чтобы как-нибудь при случае побаловать себя вкусным ужином.

В конечном итоге долгий период праздников, за которыми последовали голод и чума, а затем Великий пост с его запретом на мясо и домашнюю птицу с румяной корочкой, не нанесли существенного ущерба «Храброму петуху».

Пересчитывая заработанные эю, Анжелика подумала, что это печальное время оказалось много прибыльнее, чем она могла предвидеть.

И тогда молодая женщина решила воспользоваться неожиданными плодами изнурительного труда и находчивости ее маленькой команды, чтобы осуществить план, который лелеяла уже давно.

Она переехала.

Анжелика по многим причинам не любила тесный и шумный квартал, раскинувшийся вблизи Большого Шатле. Ей удалось подыскать в красивейшем квартале Марэ двухэтажный домик с тремя комнатами, показавшийся молодой матери настоящим дворцом.

Здание находилось на улице Фран-Буржуа^[72], недалеко от ее пересечения с улицей Вьей-дю-Тампль^[73]. Еще при Генрихе IV какой-то банкир начал здесь строительство величественного особняка из кирпича и камня. Но, разорившись из-за войны или же какого-то мошенничества, он был вынужден оставить постройку незавершенной. Достроены были только большие въездные ворота, с обеих сторон от которых размещались флигели, разделенные большим внутренним двором. Маленькая старушка, считавшаяся, никто толком не знал, на каком основании, владелицей этого здания, проживала в одном из флигелей, а другой она за весьма умеренную цену сдала Анжелике.

На первом этаже два окна, защищенные массивной решеткой, освещали коридор, ведущий в маленькую кухню и в довольно просторную комнату, в которую въехала сама Анжелика. Прекрасная комната на втором этаже была отведена детям: они обустроились там вместе со своей воспитательницей, Барбой, оставившей службу у мэтра Буржую ради службы у «мадам Моренс». Именно так решила именоваться Анжелика. Возможно, однажды она сможет добавить к этому имени частицу «де», и тогда дети будут носить родовое имя своего отца — де Моренс. А уж потом она попытается восстановить их права, если не на состояние графа, то хотя бы на его титулы.

Анжелика безумно надеялась на это. Деньги могут все. Разве она не обрела уже «свой дом»?

Пока это только жилище привратника, но массивные въездные ворота создавали иллюзию богатства. Конечно, здесь так и не установили дверей из роскошного дуба, которые были предназначены для ворот, но имелись законченные скульптуры: две головы баранов среди гирлянд цветов и фруктов. Дверь

маленького флигеля выходила как раз под тяжелый свод ворот.

Барба без сожалений оставила работу в харчевне. Она не любила жарить мясо. Единственное, что ей нравилось, — это возиться «со своими малышами», а теперь она только ими и занималась. Чтобы заменить Барбу в трактире, Анжелика наняла на кухню двух девушек и одного поваренка. Вместе с Розиной, которая превратилась в расторопную и приветливую служанку, с Флипо, работавшим поваренком, и Лино, который был уполномочен развлекать клиентов и продавать им вафли, слоеные пирожки и вафельные трубочки, персонал «Храброго петуха» стал весьма внушительным.

Барба с детьми оставалась в тиши улицы Фран-Буржуа.

Анжелика была счастлива, что наконец-то сумела избавить Флоримона от шумной атмосферы трактира. Мальчик не любил гама и суеты, что приносили с собой так называемые благородные господа.

Дворяне приходили в трактир, чтобы избавиться от сковывавшего их этикета, и порой вели себя до крайности развязно. Они могли запустить кувшином в голову соседа, то и дело хватались за шпаги. Анжелика, не раздумывая, бросалась в гущу схватки. В такие минуты она чувствовала, как в ней просыпается душа Польки, и смело использовала наиболее грубые выражения из словаря бывшей подруги, что остужало даже самые горячие головы. Это не составляло для нее труда, а просто стало частью ее ежедневного сражения. Мысль, что Флоримон просыпается, плача и дрожа от страха из-за этих криков, удесяттеряла ее гнев.

На новом месте он был в тишине и покое. Вместо кухонных запахов малыш вдыхал свежий воздух садов и парков, составлявших гордость квартала, где еще в начале века начало строить свои особняки дворянство.

Дети ходили гулять в сад Тампля и пили там козье молоко, отдыхали в парке особняка Гизов или же резвились за оградой монастыря целестинцев, который славился беседками, обвитыми зеленью, прекрасными плодами и непревзойденными виноградниками.

Вечером после переезда Анжелика беспрестанно бегала с одного этажа на другой, не в силах сдержать возбуждение. В доме было совсем немного мебели: по большой кровати в каждой спальне, маленькие кроватки для обоих детей, два стола, три стула с подушками из плюша. Но в очаге танцевал огонь, и большая комната наполнилась ароматом блинов. Именно блинами они отметили новоселье.

Собака Пату виляла хвостом, маленькая служанка Жавотта улыбалась Флоримону, который улыбался ей в ответ.

А все потому, что Анжелика отправилась в Нёйи за бывшими товарищами по несчастью Флоримона и Кантора. Обустроивая жилье на улице Фран-Буржуа, молодая женщина подумала, что ей необходимо завести сторожевую собаку. Тихий квартал Маре с его огромными садами и одиноко стоящими домами был небезопасен по ночам. Конечно, Анжелика заручилась покровительством Деревянного Зада, но в темноте грабители могли ошибиться адресом. И тогда она вспомнила о маленькой девочке, которой оба ее сына, вне всякого сомнения, были обязаны жизнью, и о собаке, спасавшей Флоримона от беды.

Кормилица не узнала ее, так как Анжелика надела маску и прибыла в наемном экипаже. За ту сумму, которую ей предложили, деревенская женщина готова была улыбаться без устали и без всякого сожаления позволила уехать девочке, оказавшейся ее племянницей.

Заслышав про собаку, кормилица заголосила: псина уже старая и от нее нет никакого проку. Она уже ни на

что не способна, — госпожа сама видела, — она даже не залаяла, когда во двор вошел посторонний человек. Они и так собирались ее прибить — «...предварительно уморив голодом», — подумала Анжелика. Так что бедная огромная сторожевая собака тоже была обязана своей жизнью сердобольной Жавотте. Анжелика доверяла собаке и надеялась, что она, по крайней мере, залает и привлечет внимание соседей, если к ним в дом попытаются проникнуть злоумышленники, а также напугает самих воров.

Анжелика с беспокойством спрашивала себя, как встретит Флоримон новых обитателей дома, но оказалось, что общение с ними оставило в душе малыша лишь добрые воспоминания. А в итоге как раз Анжелика, глядя на Жавотту и Пату, чувствовала, что ее сердце разрывается: молодая мать вспоминала Флоримона в собачьей конуре. И она вновь и вновь клялась, что ее дети больше никогда не узнают ни голода, ни холода. В маленьком доме на улице Фран-Буржуа они наконец обрели счастье.

В тот вечер Анжелика сорила деньгами. Она накупила игрушек. Нет, она покупала не мельницы и головы лошадок, насаженные на палки, которые можно приобрести всего за несколько су на Новом мосту. Она отправилась в крытую галерею Дворца правосудия и купила игрушки, которые, по словам торговцев, изготовили в Нюрнберге: маленькую карету из позолоченного дерева с четырьмя куклами, трех крошечных стеклянных собачек, свисток из слоновой кости, и для Кантора — деревянное расписное яйцо, внутри которого находилось еще несколько яиц.

Любуясь своим маленьким семейством, Анжелика говорила Барбе:

— Барба, наступит день, когда эти два молодых человека поступят в академию у Горы Парнас^[74] и мы

представим их ко двору.

И Барба отвечала, молитвенно складывая руки:

— Я в это верю, госпожа.

В эту минуту по улице прошел кладбищенский сторож.

*Вечный покой даруй им, Господи,
И вечный свет пусть светит им...*

В раздражении Анжелика побежала к окну и выплеснула на голову сторожа горшок воды.

Другая мечта Анжелики заключалась в том, чтобы организовать в Париже продажу экзотического напитка, который называли шоколадом. Эта мысль не выходила у нее из головы, несмотря на собственное разочарование, которое она испытала, впервые попробовав странное варево.

Давид продемонстрировал предмету своей страсти пресловутое патентное письмо его отца.

Бумага выглядела подлинной. На патенте, выданном господину Шайю и подтверждавшем его исключительное право изготовлять и продавать шоколад во Франции, стояла подпись короля Людовика XIV. Вышеупомянутый документ был действителен в течение двадцати девяти лет.

«Этот теленок не осознает всей ценности унаследованного сокровища, — подумала Анжелика. — Нужно что-то срочно делать с этой бумагой».

Она спросила у Давида, готовил ли он когда-нибудь шоколад вместе с отцом и какой утварью тот пользовался.

Ученик повара, который был безумно рад привлечь внимание своей Дульсинеи, с важным видом объяснил,

что шоколад попал в Европу из Мексики, что его в 1500 году доставил к испанскому двору знаменитый мореплаватель Фернандо Кортес. Из Испании шоколад попал во Фландрию. В начале века новый напиток отведала Флоренция и Италия, затем настал черед немецкой знати, а теперь его пьют даже в Польше.

— Эти истории мой отец твердил мне с самого детства, — объяснил Давид, несколько смущенный проявлением подобной эрудиции.

Внимательный взгляд Анжелики заставлял юношу то бледнеть, то краснеть. Молодая женщина несколько резче, чем следовало, попросила Давида продолжить объяснения.

Он рассказал, что вся утварь, необходимая для шоколадного производства, изготовлена его покойным родителем и по сей день хранится в его отчем доме в Тулузе под надзором дальних родственников. Изготовление шоколада было одновременно и простым, и хлопотным.

В первое время отец Давида привозил бобы какао из Испании, а затем прямо с Мартиники, через некоего торговца по имени Коста.

Сначала бобы какао подвергались ферментации. Эту операцию следовало проводить весной, пока еще не слишком жарко.

После ферментации бобы надо высушить, но не пересушить, следить, чтобы они не потрескались при отделении скорлупы. Затем их сушили еще раз, чтобы сделать хрупкими для помола, и на этот раз семена тоже нельзя было пересушивать, иначе они могли потерять весь свой аромат.

И наконец, бобы измельчались. В этой операции состоит главный секрет успеха приготовления шоколада. Нужно, стоя на коленях, измельчать бобы в специальной деревянной ступке, окованной железом. Ступка должна быть немного нагрета. Такая утварь

называлась «метатль», это название ей дали ацтеки — краснокожие жители Америки.

— Однажды на Новом мосту я видела такого краснокожего человека, — пошутила Анжелика. — Наверное, его можно разыскать. Без сомнения, шоколад будет еще лучше, если его станет измельчать именно краснокожий.

— Мой отец не был краснокожим, а у его шоколада была отменная репутация, — заявил не уловивший иронии Шайю. — Можно обойтись и без индейцев. Для варки напитка требуются большие чугунные котелки. Но перед этим перемолотые зерна надо просеять, чтобы получился очень тонкий порошок, без кусочков кожуры. Потом в массу добавляют необходимое количество сахара и разные пряности.

— Предположим, — подвела итог разговору Анжелика, — мы сумеем привезти всю утварь для изготовления шоколада из дома твоего отца и раздобудем какао-бобы. У тебя получится приготовить напиток?

Давид, казалось, сомневался. Но, глядя на Анжелику, вымолвил «да» и был вознагражден лучезарной улыбкой и дружеским похлопыванием по щеке.

С тех пор Анжелика искала любую возможность разузнать все, что было известно во Франции об этом безалкогольном напитке.

Она вновь встретилась с карлицей королевы, и на сей раз смогла попробовать массу до того, как в нее добавили специи и большое количество сахара. И Анжелика сочла напиток достаточно вкусным. Донья Терезита, гордая своим тайным искусством, заверила гостью, что мало кто из поваров, даже прибывших из-за

границы, способен приготовить шоколад. Но проныра Баркароль тут же сообщил, что он слышал о молодом мещанине, который ездил в Италию для изучения искусства кулинарии и научился там совершенно бесподобно готовить экзотический напиток.

Молодого человека звали Одиже. По слухам, он был дворецким у графа де Суассона и собирался получить право на изготовление шоколада во Франции.

«Ой! Только не это! — подумала Анжелика. — Ведь это я владею исключительным патентом на изготовление какао».

И предприимчивая женщина решила разузнать побольше о пресловутом Одиже. Как бы то ни было, становилось очевидным, что идея производства шоколада уже витала в воздухе и следовало поторопиться, чтобы не позволить обойти себя более ловким конкурентам или тем из них, кто пользовался покровительством сильных мира сего.

Прошло не так много дней, и однажды после полудня, когда Анжелика с помощью Лино расставляла по столам оловянные горшки с цветами для украшения зала, по ступеням харчевни спустился привлекательный, богато одетый молодой человек и направился к ней.

— Меня зовут Одиже, я — дворецкий графа де Суассона, — представился посетитель. — Мне сказали, что вы намереваетесь изготавливать шоколад, но что у вас нет патента. В то время как у меня такой патент есть. Вот почему я пришел к вам. Я хочу вас по-дружески предупредить, чтобы вы отказались от этой бесполезной затеи. В противном случае вы проиграете.

— Я чрезвычайно тронута вашим вниманием, месье, — ответила Анжелика. — Но если вы так уверены в своей победе, то не понимаю, зачем вы вообще сюда пришли, ведь тем самым вы рискуете выдать мне свои

планы, продемонстрировав силу своего оружия, а возможно, и его слабость.

Обескураженный молодой человек вздрогнул. Он внимательнее взглянул на свою собеседницу, и улыбка озарила его лицо, подчеркнув темные тоненькие усики.

— Бог мой, как вы красивы, душенька!

— Если вы начинаете атаку именно таким образом, то мне следует задаться вопросом: для каких сражений вы явились сюда? — сказала Анжелика и не смогла сдержать ответную улыбку.

Одиже бросил свой плащ и шляпу на стол и уселся напротив Анжелики. Пару минут спустя они стали почти друзьями.

Ему было около тридцати лет. Легкая полнота не вредила его красивой фигуре. Как и любой служащий в чине офицера, отвечающий за стол знатного вельможи, он носил шпагу и был одет, как подобало дворянам. Молодой человек рассказал, что его родители, мелкие провинциальные мещане, всегда жили в Нижней Нормандии, в Перше^[75], а в тех богатых краях множество отличных продуктов, прививающих вкус к хорошей еде. Именно родители настояли на том, чтобы Одиже начал учиться поварскому делу. Сначала он купил чин^[76] офицера, отвечающего за приготовление пищи в армии. Господин граф де Суассон, руководивший кампаниями, в которых участвовал молодой человек, несмотря на то что он принадлежал к весьма знатному роду, ради развлечения передавал свои кулинарные умения Одиже. Чтобы достичь вершин в искусстве приготовления пищи, юноша на два года отправился в Италию, где изучил специальности изготовителя прохладительных напитков и кондитера. Он готовил мороженое и шербеты, драже и пастилки, а также шоколад.

— По возвращении из Италии, в прошлом году, мне посчастливилось понравиться Его Величеству, и благодаря этому отныне мое будущее обеспечено. Вот как это произошло. Однажды я проезжал одну деревеньку близ Генуи и заметил на поле бесподобный зеленый горошек в стручках. Стоял январь. Мне пришла в голову мысль собрать горох и поместить его на хранение в лари. Две недели спустя, уже в Париже, я через посредничество господина Бонтана, первого камердинера Его Величества, подал горох королю. Да, моя дорогая, и не нужно смотреть на меня такими удивленными глазами. Я видел короля совсем рядом, и он говорил со мной весьма благосклонно. Его Величество сопровождали Месье, мессир граф де Суассон, который раньше знал меня, мессир маршал де Грамон, маркиз де Вард, граф де Ноай и мессир герцог де Креки. Взглянув на мой зеленый горошек, все эти знатные особы в один голос воскликнули, что никогда не видели прекраснее. Мессир граф де Суассон даже полушил несколько стручков прямо перед королем. Тогда Его Величество, выразив свое удовлетворение, повелел мне отнести горох господину Бодуану, распорядителю дворцовой кухни, чтобы тот приказал приготовить из него разнообразные блюда, одно из которых предназначалось для королевы-матери, другое — для королевы, третье — для монсеньора кардинала, который тоже находился в Лувре. А также король повелел, чтобы часть гороха сохранили для него самого, он намеревался откусать его вечером вместе с Месье. В то же самое время он приказал господину Бонтану выдать мне денежное вознаграждение, но я поблагодарил и отказался. Тогда Его Величество настояли и сказали, что Они исполнят любую мою просьбу. Как следует подумав, я решил попросить у Его Величества разрешение открыть заведение по производству прохладительных напитков, которое

помимо других продуктов предлагало бы клиентам и шоколад. Совсем недавно я получил бумагу, подтверждающую мои права.

— Так почему вы до сих пор не открыли заведение?

— Все мое время, моя красавица. Подобные вещи требуют выдержки. Но совсем недавно канцлер Сегье, изучив мою патентную грамоту, обещал зарегистрировать ее, приложив королевскую печать и свою подпись, чтобы я мог приступить к делу незамедлительно. Как видите, моя прекрасная подруга, с моим исключительным правом на торговлю вам будет нелегко утереть мне нос, даже если предположить, что вы получите патент, подобный моему.

Сначала Анжелика занервничала, услышав, как ее гость ссылается на графа де Суассона, очень важную персону, близкую к принцам крови, но затем она поняла, что это было лишь совпадением и не имело никакого отношения к ее отношениям с графиней де Суассон. Одиже отлично вписывался в окружение этого знатного дворянина, который мог позволить себе держать несколько сотен слуг. Но тем обстоятельством, что Одиже благоволил сам король, не следовало пренебрегать.

Несмотря на симпатию, которую ей внушили жизнерадостность и искренность посетителя, Анжелика испытывала сильное разочарование и готова была дать отпор собеседнику, сбить с него спесь, сообщив, что она, или скорее молодой Шайю, уже располагает подобным исключительным правом на производство шоколада. Причем его патент был зарегистрирован раньше.

Но Анжелика вовремя сдержалась и решила не раскрывать все свои карты. Один из документов мог оказаться недействительным; ей еще надо было получить разъяснения в гильдии торговцев и у купеческого старшины Парижа.

Она не слишком хорошо разбиралась в подобных вещах и предпочитала не злить своего конкурента, у которого имелись серьезные преимущества: состояние, связи в высших кругах общества и несомненное умение вести дела.

Тогда она решила действовать хитростью:

— Если вам удастся наладить производство своего шоколада, в какой цех вы намереваетесь вступить?

— Ни в какой, потому что я обладаю специальным королевским патентом, который позволяет мне работать вне цеховых ограничений.

«Это полезные сведения», — подумала Анжелика, а вслух произнесла:

— Наш хозяин, мэтр Буржю, который является моим родственником и которого я вам представляю, как только он вернется, купил патент, позволяющий нам, как и содержателям трактиров, подавать клиентам рыбу по постным дням. Мы полагали поступить так же и при получении патента на производство шоколада.

Одиже всплеснул руками и поднял глаза к небу.

— Но, бедное дитя, вы не знаете, во что ввязываетесь! Даже если бы вы располагали необходимой суммой, чтобы покрыть все расходы на производство, вам пришлось бы платить астрономические суммы всевозможным мастерам цехов, и прежде всего — королевскому инспектору. Вы бы разорились и зря потратили время.

— Но что же делать?

— Ничего, потому что только я имею право продавать шоколад.

— Ну, это уж слишком! — воскликнула Анжелика, топая ногой. — Вы не отличаетесь галантностью, месье, если столь жестоко перечите женщине. А если я горю желанием продавать шоколад, если я мечтаю порхать среди молодых дам, любящих полакомиться чашечкой душистого напитка?..

— Хорошо, это очень просто.

— Как же так? Вы только что сказали, что все очень сложно, вернее, просто невозможно!

— Чума на головы всем женщинам-болтушкам! Можно подумать, что вы — завсегдадатай салона мадемуазель де Скюдери. Признаюсь, что время от времени охотно захоживаю туда, но я не знаю ничего более удручающего, чем эти женщины, претендующие на собственное мнение, хотя еще со времен сотворения мира всем известно, что у них его нет и не бывало. Но давайте возвратимся к нашему делу. Если вы так хотите продавать шоколад, существует очень простой способ осуществить эту мечту: выходите за меня замуж!

И хотя молодой человек произнес последнюю фразу шутливым тоном, было видно, как сильно очаровала его Анжелика.

Одиже уже лишился своей привычной самоуверенности, и его стоило лишь подтолкнуть, чтобы он рухнул к ее ногам.

Из кухни раздался приглушенный крик, а затем послышался шум разбивающейся посуды. Дверь с силой распахнулась, и на пороге появился Давид. Рукава его куртки были закатаны и являли миру худосочные бицепсы.

Казалось, Одиже не понимает, чего хочет этот поваренок.

— Это ваш младший брат?

— Нет, это племянник мэтра Буржую, и уже замечательный повар.

— Для повара он не слишком плотен... впрочем, он и не очень приветлив. Почему он показывает мне кулаки?

Одиже небрежно положил руку на гарду своей шпаги.

— Вы не умеете драться голыми руками? — завопил Давид фальцетом, что вызвало лишь холодную улыбку на лице дворецкого.

— Оставь свои глупости, Давид! — строго приказала Анжелика.

Бедный юноша уронил руки и стал похож на нашкодившего ребенка. Но он не желал уступать полем боя и все-таки пробормотал:

— Мой дядя не любит клиентов, которые ничего не заказывают и лишь отнимают наше время.

— Ты прав, мальчик, — весело одобрил его Одиже.
— Принеси-ка нам скорее кувшинчик хорошего вина за мой счет.

— У нас не таверна. Сюда приходят, чтобы поесть.

— И во сколько приходят?

— Весной — не раньше восьми часов.

— Короче, ты выставляешь меня вон. Хорошо, мы не будем ссориться. Я вернусь в другой раз.

Одиже встал и изящным жестом набросил плащ на плечи. Он улыбнулся Анжелике, и она нашла, что у него красивый рот, полный и отлично очерченный.

— Но я вернусь, прекрасная хозяйка таверны... Я приду за ответом. Не сомневайтесь, я говорил совершенно серьезно. Подумайте как следует!

Анжелика заставила себя рассмеяться.

— Как вы можете быть столь беспечным? Выйти за вас замуж? Но ведь вы ничего не знаете о моих талантах хозяйки!

— О, я знаю о вас многое. Я знаю, что в области кулинарного искусства вы — волшебница, впрочем, это не столь важно, потому что я и сам повар. В остальном я готов принять вас такой, какая вы есть, — жизнерадостно сообщил молодой мужчина.

И, отвесив глубокий придворный поклон, он удалился.

Вечером, дождавшись ухода последнего клиента, Анжелика сообщила мэтру Буржую о визите Одиже.

— Он уверял меня, что получит свой патент в самое ближайшее время. Я долго размышляла над этим и

полагаю, что мы не должны больше терять ни секунды. Вы тоже думаете, что...

— Естественно, думаю, — воскликнул ротисье, отчаянно жестикулируя. — Но даже если бы я и не думал, то это ничего бы не изменило.

— Вы позволяете мне действовать по своему усмотрению?

— А ты когда-нибудь действуешь по-другому? Действуй, девочка моя, действуй! Ты отлично знаешь, что все эти грандиозные планы меня беспокоят. Я чувствую, это плохо закончится.

— Конечно, все мои планы могут провалиться, но мы ничем не рискуем, если только попробуем.

— Попробуй, девочка моя, попробуй.

В тот день был черед мэтра Буржую заступать в караул на дежурство, поэтому хозяин «Храброго петуха» отправился за своей алебардой.

Анжелика спросила разрешения переночевать в комнате, которую занимала до переезда на улицу Фран-Буржуа. Время было поздним, и молодая женщина чувствовала, что ее силы на исходе. Ей уже случалось и после переезда оставаться на ночь в доме Буржую. Анжелика не волновалась за детей, ведь они находились в спокойном квартале, в окружении добропорядочных соседей. И собака Пату тоже была там.

— Ну конечно, оставайся. Этот дом принадлежит тебе... тебе все принадлежит...

— Мэтр Буржую, — огорчилась Анжелика, — вы так говорите, будто мое присутствие вам в тягость.

Ротисье рассмеялся и потрепал ее по щеке.

— Ты — солнце моего дома, а я — старый дедушка-брюзга... Бог мой! Ты должна бы уже это знать!

С улыбкой умиления Анжелика смотрела, как толстяк удаляется, семеня ножками. В одной руке алебарда, в другой — фонарь.

Затем она закрыла окна, накинула засов на дверь, поднялась в комнату и со вздохом облегчения растянулась на постели. Она еще не совсем погрузилась в сон, когда услышала, как скрипят ступени лестницы. Дверь приоткрылась, и бледный отблеск свечи позволил угадать силуэт Давида.

— Госпожа Анжелика?

Она приподнялась.

— В чем дело? Чего ты хочешь?

Свет свечи отбрасывал причудливые тени. Давид дрожал с головы до ног.

— Это ведь неправда? Вы ведь не собираетесь... не собираетесь выходить за него замуж?

Анжелика зевнула.

— Так вот что тебя мучает, мой бедный Давид! Ты так ничего и не понял, дурачок? Этот господин красив, богат, он считает себя неотразимым и думает за мной приударить, чтобы заморочить мне голову и сколотить себе кругленькое состояние, единолично торгуя шоколадом. Но он может ждать еще долго. Завтра мы оба отправимся к купеческому старшине, чтобы подтвердить законность твоего патента, и таким образом докажем, что преимущественное право на производство этого напитка принадлежит именно нам.

— Тогда... Тогда это все неправда? Все это было не по-настоящему? Молодой господин вам не нравится? Но вы смотрели на него с такой странной улыбкой!

— Мне было необходимо усыпить его подозрения. И вообще, какое ты имеешь право меня судить? Разве с тех пор, как я здесь, ты замечал, чтобы я заводила с кем-нибудь шашни? Ты думаешь, что при моей работе в харчевне да еще и с моими материнскими обязанностями у меня остается время на подобные глупости?

Юноша медленно подошел к кровати и поставил подсвечник на ночной столик. Он глубоко вздохнул.

— Как я счастлив! — восторженно воскликнул Давид. — От одной только мысли, что этот мужчина прикасается к вам, я с ума схожу.

Он закрыл глаза, задумался и произнес:

*Пять прелестей одной красоты
Притягивают взгляд мой робкий.
Две ручки аппетитные весьма
И пара глаз свели меня с ума.
А коль галантным выглядеть хочу,
О пятой, самой главной, промолчу...*

— Ох, Давид! — рассмеялась Анжелика. — Где ты раздобыл эти вирши?

— Грязный Поэт, он написал для меня стихотворение. Я... я спросил у него, как мне дать вам понять, что я вас люблю. Но вы смеетесь! — вскричал бедный мальчик. — Вы всегда насмехаетесь надо мной!

— Тише! Ты перебудишь всех соседей! Я смеюсь, потому что ты хоть и высокий, а все равно — дурачок. Ты прекрасно знаешь, как и все вокруг, что этот ужасный Грязный Поэт — плут и бесстыдник. Ну ладно, теперь иди и ложись спать.

Но Давид сделал еще шаг вперед и склонился к лежащей женщине. Его лицо с резкими тенями, освещенное неверным отблеском свечи, потеряло свое детское выражение. Анжелика невольно поправила лямку рубашки, которая соскользнула с плеча.

— Я вас люблю, — сказал юноша твердым и глубоким голосом. — На свете нет женщины прекраснее, чем вы. Ночью я грежу о том, как положу руку вам на грудь, как накрою ваши губы моими. Я мечтаю лечь рядом с вами в эту постель, прижать ваше тело к моему, сжимать его, пока вы не застонете от боли. А затем может произойти необыкновенная вещь, от которой я умру...

«Неплохо, — отметила про себя Анжелика. — У этих южан красноречие в крови, мало кто может с ними соперничать. Но неужели мне действительно придется отбиваться от этого шестнадцатилетнего мальчишки?»

Между тем черты лица Давида исказились, будто от судороги. И он, рыдая, рухнул на пол у края кровати.

— Ох, не сердитесь на меня, прошу вас! Не знаю, что на меня нашло... Я просто сошел с ума! Наверное, я заболел, да?

Анжелика улыбнулась и ласково, по-матерински, провела по густым волосам юноши.

— Нет, ты не болен. Это вполне естественно. Ты стал мужчиной. Почти. Ты уже был с женщиной, Давид?

Юноша опустил голову, чтобы скрыть заливший лицо румянец, который Анжелика в полутемной комнате, по правде говоря, и не заметила.

— Нет, — робко вымолвил он. — Я не люблю женщин. Они меня пугают.

— А я? Женщина, которая целый день так строга с тобой, которая может отвесить тебе оплеуху, отчитать тебя? Меня ты не боишься?

— Разве только чуть-чуть. Особенно когда смотрите на меня вот так, как сейчас. Но я полагаю, что вы не насмешница и вы не злая. С тех пор как вы меня поцеловали...

— Я тебя поцеловала?

— Да, когда вы узнали, что я родом из Тулузы. Я тогда решил, что на самом деле вы добрая. И я подумал, что вы смогли бы меня научить...

— Чему я могу научить тебя, Давид?

Опустив глаза, он прошептал:

— Ну... этой чудесной вещи...

— Любви? Я должна научить тебя любви, как учу кулинарии? Нет, малыш. Видишь ли, мужчина изучает такие вещи с девушкой своего возраста или... Я уже не так молода, но и не так стара. Я не подхожу для этой

роли. Кроме того, полагаю, ты заблуждаешься насчет тех чувств, которые я тебе якобы внушаю. На самом деле ты скоро поймешь, что ночью, в постели, когда погашена свеча, все женщины похожи друг на друга. Чего тебе недостает, так это знаний, в чем именно они похожи. Ну-ка, подай мне шаль, она лежит вон там, на стуле, и позволь мне встать.

Анжелика подошла к столу и нацарапала несколько слов на листке бумаги, присовокупила к листу несколько монет и отдала Давиду.

— Так, с этим всем ты выходишь на улицу, пересекаешь мост Менял и оказываешься на улице Глатини. Ты стучишься в дверь третьего дома слева, над входом увидишь красный фонарь. Женщине, которая тебе откроет, объяснишь, что пришел от Анжелики. Она не умеет читать, но Красавчик скажет ей все, что нужно, а увидев деньги, она и сама поймет, о чем речь. Она должна ублажить тебя, как настоящего дворянина. Ну иди, мой мальчик, и не бойся. Да поспеши, у меня уже ноги замерзли, пока я стою на голом полу!

И юноша, повесив голову, удалился. Но так как у него выработалась привычка подчиняться Анжелике, молодая женщина вскоре услышала, что он вышел из дома, а затем увидела через окно, как он идет по направлению к мосту Менял, залитому лунным светом.

«Конечно, то, что я сделала, трудно назвать благодетельным поступком, — подумала Анжелика, вновь укладываясь в постель, — но сейчас это было необходимо».

Она свернулась клубочком под одеялом и уснула, думая о святой Марии Магдалине, которая считалась покровительницей шлюх, о евангельской проститутке, которая плакала у ног распятого Христа. Эту святую сентиментальные обыватели называли «возлюбленной Иисуса».

На следующее утро вместе с Давидом Анжелика отправилась в резиденцию купеческого старшины Парижа. Их принял толстый потный мужчина в грязном жабо, который подтвердил, что королевская патентная грамота, пожалованная молодому Шайю, действительна, но при условии, что он заплатит все полагающиеся пошлины.

Анжелика возразила:

— Однако мы уже выплатили пошлину за харчевню, внесли необходимый взнос в цех ротисье, а также в цех поваров и, наконец, в цех трактирщиков! Почему же мы должны платить еще, если мы хотим подавать нашим посетителям этот напиток?

— Вы правы, дочь моя, так как навели меня на мысль, что помимо цеха бакалейщиков, которых этот вопрос касается в первую очередь, вы должны уладить дела с цехом торговцев прохладительными напитками. Если вам все удастся устроить, то останется заплатить два дополнительных патентных сбора: один — в цех бакалейщиков, другой — торговцам прохладительных напитков.

Анжелика с трудом подавила душившую ее ярость.

— И это все?

— Ах нет! — сокрушенно возразил служащий. — Я не упомянул еще ни о соответствующих королевских пошлинах, ни о выплатах членам контрольных комиссий и тем, кто будет измерять вес и контролировать качество продукции...

— Но как вы намереваетесь контролировать качество продукта, если вы о нем ничего не знаете?

— Ну, это пустяки. Данный продукт, будучи товаром, зависящим от нескольких цехов, должен этими цехами контролироваться... и приносить упомянутым цехам

прибыль. Так как ваш шоколад, как вы говорите, напиток, приправленный пряностями, вы должны пригласить к себе мастера бакалейщика, а также мастера, производящего прохладительные напитки, разместить их у себя, оплатить их услуги, договориться, какова будет плата за звание мастера в этой новой отрасли торговли и какова будет доля от прибыли каждого цеха. А так как вы не кажетесь дамой, согласной «делиться», сразу же предупреждаю: мы будем постоянно следить, чтобы вы не нарушали правила.

— Что вы этим хотите сказать? — храбро спросила Анжелика, уперев руки в боки.

Но ее смелость лишь развеселила степенных торговцев, и один из них, самый молодой, решил дать объяснение:

— Дело в том, что, вступая в цех, вы тем самым обязуетесь согласиться ТАКЖЕ и с тем, что ваш новый продукт могут выставить на продажу ВСЕ ваши собраты бакалейщики и продавцы прохладительных напитков. Ну, конечно, при условии, что этот странный продукт понравится покупателям.

— Трудно сказать, что вы меня обнадежили, господа. Если я вас верно поняла, то мы должны взять на себя все расходы, пригласить новых мастеров вместе с их многочисленными помощниками, привлечь покупателей, как говорится, испробовать все на собственной шкуре, а потом мы либо разоряемся, либо открываем все наши секреты и делим нашу честно заработанную прибыль с теми, кто палац о палец не ударил, чтобы нам помочь?

— Напротив, красавица моя, с теми, кто сделал очень многое и, прежде всего, принял вас в цех и не стал препятствовать вашей торговле.

— В общем, вы требуете что-то вроде пошлины за проезд?

Молодой мастер, цеховой присяжный, попытался доходчиво все объяснить.

— Не забывайте, что цеха постоянно нуждаются в деньгах. Вы должны это знать, вы сами занимаетесь торговлей. Каждая новая война, новая победа или рождение королевского отпрыска, и даже рождение ребенка в семье принцев крови, — все это вынуждает нас снова и снова платить за привилегии, полученные с таким трудом. Плюс ко всему король разоряет нас, вводя новые налоги, даруя право осваивать новые продукты и раздавая направо и налево всякие новые патенты, вроде того, что вы нам представили от имени пресловутого господина Шайю...

— Господин Шайю — это я, — заметил юный подмастерье. — Или вернее, это мой покойный отец. И я вас уверяю, что он очень дорого заплатил за свой патент!

— Точно, молодой человек, а вот вы не имеете к нам никакого отношения. Прежде всего, потому что вы не мастер-бакалейщик и не собираетесь им становиться, значит, наш цех никогда не получит от вас никакой прибыли.

— Но, так как его отец благодаря своему открытию принес доход цеху... — начала Анжелика.

— Сначала докажите нам, что он приносил этот доход. Затем так же, как и он, подпишите обязательство, согласно которому мы сможем извлекать выгоду из вышеупомянутого открытия.

Анжелика решила, что сейчас ее голова взорвется, и сделала глубокий выдох. Ей следовало передохнуть, чтобы осмыслить все тайны управления торговыми цехами, но она не сомневалась, что и в следующий раз эти господа найдут массу превосходных предложений, лишь бы помешать ей открыть новое дело.

На обратном пути молодая женщина упрекала себя за нехватку терпения, за то, что она не сумела скрыть

свое раздражение. Но она уже поняла, что никакие улыбки не помогли бы ей договориться с этими людьми.

Одиже был прав, утверждая, что, получив разрешение на производство лично от короля, он прекрасно обойдется без цехового покровительства.

Но Одиже был богат и имел солидную поддержку, в то время как Анжелика и бедный Давид оказались совершенно безоружными перед враждебностью цехов.

Просить защиты у короля, для того чтобы отстоять патент, предоставленный несколько лет назад, казалось ей делом столь же трудным, сколь и щекотливым.

Анжелика решила для начала изыскать средство, чтобы договориться с Одиже. В конце концов, вместо того чтобы сражаться друг с другом, разве они оба не заинтересованы в том, чтобы объединить свои усилия и поделить обязанности? Так, Анжелика, имея на руках действующий патент и располагая необходимым оборудованием для производства шоколада, могла бы взять на себя доставку какао-бобов, а также их подготовку к употреблению, то есть организовать весь процесс по изготовлению сладкого порошка, ароматизированного корицей или ванилью. Дворецкий, в свою очередь, превращал бы порошок в напиток и использовал его для других кондитерских нужд.

Во время их первого разговора Анжелика поняла, что молодой человек всерьез не задумывался о поставках сырья. На расспросы он отвечал довольно небрежно, что «это не составит никакого труда», «всегда успеется» и что его «поддержат друзья».

Но благодаря карлице королевы Анжелика знала, что во Францию не так-то легко доставить даже несколько мешков какао, необходимых для услады Ее Величества. Это была настоящая дипломатическая миссия, требующая многочисленных посредников и связей при дворах Испании или Флоренции.

Этих поставок явно недостаточно для налаживания массового производства напитка. Казалось, только отец Давида досконально продумал систему снабжения какао-бобами.

Лето 1662

Одиже часто заходил в трактир «Храбрый петух». Как и «обжора» Монмор, он устраивался за отдельным столиком и демонстративно избегал других клиентов. После первого визита, во время которого молодой человек выказал себя весьма настойчивым и жизнерадостным, Одиже внезапно стал молчалив, и Анжелику немного задевало то, что титулованный собрат по поварскому цеху ни разу не похвалил ее кулинарные способности. Впрочем, ел он не спеша и не сводил глаз с молодой женщины, когда она сновала по залу. Пристальный взгляд красивого кавалера, роскошно одетого и уверенного в себе, в конце концов стал смущать Анжелику. Она уже сожалела о том игривом тоне, в котором разговаривала с ним в день знакомства, и не знала, как обсудить с дворецким проблему, волновавшую ее больше всего: производство шоколада. Одиже, без сомнения, понял, что хозяйка харчевни не так доступна, как ему показалось вначале. В любом случае, он внимательно наблюдал за ней.

В своем молчаливом наблюдении он зашел настолько далеко, что во время загородных прогулок, на которые по воскресеньям выбиралось все «семейство» Буржю, его не раз замечали поблизости верхом на лошади. И когда наездника радушно приглашали принять участие в пикнике на траве, у него, словно бы случайно, обнаруживались в седельной сумке паштет из зайчатины и бутылка шампанского.

Или же с ним сталкивались на галиоте^[77], плывущем по реке к Шайо, где все его ленты, перья и наряды тонкого сукна казались весьма неуместными.

Один праздничный день сменялся другим, и таких дней было много. «Чересчур много!» — жаловался простой люд, который должен был ежедневно трудиться, чтобы заработать на хлеб. Помимо воскресений, канунов религиозных праздников, самих религиозных праздников, в стране чествовали всевозможных святых покровителей, покровителей цехов, покровителей нации и покровителей всего на свете. Но раз солнце сверкало, а погода радовала приятным теплом, с самого рассвета все крупные дороги вокруг Парижа на много лье заполнялись непрерывным потоком: кареты, верховые и пешие, — все горожане спешили на свежий воздух насладиться синевой небес. Одни ехали в загородные резиденции, другие — в окрестные деревеньки.

Прослушав мессу в маленькой церкви, народ отправлялся потанцевать с крестьянами под вязаы, а также отведать белые вина из Со или легкие сухие вина из Ванва, Исси и Сюрена.

Даже Грязный Поэт написал стихотворение, прославляющее эту вечную потребность парижан сбежать из города, и в этом его произведении не было обычной злой иронии:

*Какое чудо! День отличный,
Париж покинул люд столичный.
Сияет солнцем все вокруг,
Людьми покрыт зеленый луг.*

Папаша Буржю и его домочадцы не отставали от моды.

«В Шайо! В Шайо! Отправляемся, с каждого — один су!» — призывно кричали лодочники. Кораблики проплывали мимо Аллеи королевы^[78] и мимо монастыря ордена Визитации в Шайо^[79]. Затем публика сходила на берег, чтобы отправиться перекусить в Булонский лес.

Иногда суда шли до самого Сен-Клу, и парижане рассеивались по окрестным деревням. Давид и кавалер Розины, ученик кондитера, с которым она собиралась сочетаться браком этой осенью, брали на руки детей, чтобы освободить женщин.

Очень часто они направлялись в Версаль, чтобы увидеть трапезу короля. Но Анжелика всякий раз наотрез отказывалась от подобной прогулки. Она пообещала самой себе, что войдет в Версаль, лишь когда ее примет двор, примет король. Она дала себе клятву. Иными словами, молодая женщина никогда не приближалась к Версалю... Она оставалась на берегу Сены вместе со своими мальчиками, опьяненными свежим воздухом.

Наступал вечер.

— В Париж! В Париж! Отправляемся, с каждого — один су! — кричали лодочники.

И к воротам города толпами устремлялись пьяные компании.

Именно во время такой загородной поездки слово «Версаль» неожиданно засело в голове у Анжелики. Не как недостижимая цель, а как яркое солнце, которое вставало лишь для нее.

Она сама не знала почему, но это видение заставило молодую женщину отказаться от заманчивого приглашения Одиже, предложившего пойти «взглянуть на трапезу короля в Версале».

Маленькая семья только-только высадилась на берегу в окрестностях Сен-Клу, как вновь появился необыкновенно элегантный Одиже, разодетый в перья и

кружева. Он был очень доволен собой и своей затеей. Молодой человек уже нанял карету до Версальского парка, который с каждым днем становился все краше и краше и где в тот день король устраивал праздник в честь королевы Анны Австрийской и Марии-Терезии и своей фаворитки мадемуазель де Лавальер.

Одиже пообещал взять напрокат шпаги для мужчин, мэтра Буржю и подмастерья кондитера, а для дам — Анжелики, Барбы и Розины — вышитые шали. Дети, еще не достигшие того возраста, когда можно носить шпагу, могли бы просто, открыв рот, восхищенно полюбоваться на великолепие двора и величие своего монарха.

Сердце Анжелики стукнуло всего один раз, и, удивляясь собственному раздражению, она резко заявила, что этот план ее совершенно не привлекает.

— Но, — возразил Одиже, — разве вам не интересно взглянуть, как офицеры, ведающие трапезой короля, торжественно подносят всевозможные блюда? Разве вы не хотите увидеть, что подают при дворе... что Его Величество ест с наибольшим удовольствием...

— Да он все ест с удовольствием! — отрезала Анжелика. — Это всем известно! И я не вижу никакого смысла трястись несколько лье, чтобы убедиться в этом.

«Пускай себе едут без меня!»

Она же отправится в Версаль только в том случае, если ее пригласит сам король, и наряженная со всей необходимой пышностью. И Его Величество сам покажет ей Версальский парк.

Привычные к внезапным переменам настроения Анжелики и к ее неожиданным, а порой и весьма странным заявлениям, но все же пораженные ее резким отказом, домочадцы вместе с несколькими друзьями уселись в наемный экипаж.

Одиже был безмерно разочарован. Он очень рассчитывал на эту прогулку в Версаль, надеялся, что

знакомство Анжелики с блистательным миром двора немного собьет с нее спесь и самоуверенность, которую молодой дворецкий почитал чрезмерной. Он бы мог представить ей своих высокопоставленных знакомых среди управляющих трапезой самого короля. И, быть может, среди этой толпы бездельников, которая осаждала гостей Версаля, он улучил бы возможность отвести Анжелику в сторону.

Они долго и громко спорили на берегу Сены, окруженные невообразимым шумом, царящим в этом месте, где проходила главная дорога на Версаль. Мимо них постоянно проезжали кареты, экипажи и даже повозки и телеги, груженные камнями или материалами, предназначенными для строительства дворца и для увеличения окружающего его парка.

Анжелика настаивала на том, чтобы они не отказывались от своих планов и ехали без нее. Ведь не каждый день выпадает возможность приблизиться к королю во всем его величии.

А она вместе с детьми подождет их в трактире, расположенном несколько выше дороги, где они уже не раз останавливались, чтобы передохнуть. Трактир назывался «Почтовая станция Четырех королей».

И вот наконец они уехали в Версаль, где в душный летний день было не протолкнуться.

Несмотря на вывеску, «Почтовая станция Четырех королей» уже давно перестала быть местом, где меняют лошадей, и превратилась в большой трактир, где в теплую погоду без усталости веселились все, кто приехал прогуляться по округе. Заходили сюда и те, кто обслуживал кареты и экипажи: кучера, подённые рабочие, ломовые извозчики — в общем, все путешественники, желающие набраться храбрости, чтобы штурмовать последний отрезок дороги к Версалю.

Поговаривали, что этим заведением вот уже не один век владеет одна и та же семья, которой довелось принимать у себя даже особ королевской крови. Отсюда и появилось название станции.

Всех посетителей ждал здесь радушный и теплый прием. Хмурым днем сюда можно было просто зайти со своей провизией, воспользоваться столом и крышей над головой, и при этом заказать лишь кувшинчик вина местного виноградника, расположенного рядом с домом. Это же вино, причем за весьма умеренную цену, подавали и в двух или трех беседках, расположенных неподалеку, а также в соседних кабачках.

Анжелика подружилась с дочерью хозяина, Маргаритой дю Вааст, крепкой, красивой девушкой, которая после смерти матери, случившейся в прошлом году, взяла на себя заботу о заведении. Ведь посетители толпились тут весь день напролет, а иногда даже ночью.

Маргарита обожала маленьких Флоримона и Кантора. Она уверяла, что эти ангелочки помогают ей отвлечься от пьяных рож, на которые ей приходится любоваться целыми днями.

Она мечтала, что однажды тоже станет матерью таких малышей, но прежде ей нужно было найти достойного мужа, отличающегося веселым нравом и который бы помогал ей управляться с хозяйством. Смерть матери оказалась ударом для семейного дела, потому что, как говорила, вздыхая, Маргарита, на отца нельзя положиться. Девушка мечтала подыскать новую супругу и батюшке, но это было дело не из легких.

В тот день Анжелика спросила у Маргариты, не могла бы она немного присмотреть за малышами, которые восседали с пирожными в руках в углу зала, надежно огороженные скамейками. Сама же молодая женщина хотела, поднявшись по холму, дойти до виноградника, чтобы поговорить о делах с мэтром

Ансельмом, владельцем трактира, отцом Маргариты, хозяином окрестных угодий, который не скрывал, что предпочитает работать на винограднике, чем встречаться лицом к лицу с шумными посетителями.

Анжелика, и сама стремившаяся сбежать от шума и гама дороги, стала подниматься все выше и выше на холм.

С вершины холма можно было увидеть коричневые черепичные крыши и немногочисленные колокольни небольшого городка Сен-Клу.

Анжелика шла, думая о странном открытии, которое только что сделала: она вновь обретет себя лишь в том случае, если однажды по личному приглашению короля предстанет во всем своем блеске именно здесь, в Версале.

— Никогда! — повторяла она. — Никогда я не появлюсь в Версале, среди придворных, униженной, преданной, всеми забытой нищенкой.

Она вновь обретет свои права и получит приглашение от короля. Это будет первый знак возрождения: оказаться среди равных перед Его Величеством. Это и будет доказательством, что она поднялась из пропасти, взяла реванш за несправедливые преследования, вернула сыновьям их положение в обществе.

Этот внезапный мятеж заставлял биться ее сердце сильнее и сильнее, и на полпути к вершине Анжелика присела на одну из каменных ступеней.

С того места, где она оказалась, окруженная раскинувшимся на склоне холма виноградником, еще можно было различить крышу таверны. Но шум дороги превратился в далекий гул. Здесь царила тишина, принесенная легким ветерком.

Понемногу Анжелика успокоилась, и даже само название «Версаль» испарилось, стерлось из ее памяти.

Удивительный пейзаж, представший перед ее взором, породил в душе покой и глубокое умиротворение.

Вдалеке, как огромный цветок, из солнечного тумана поднимался Париж, переливаясь всеми оттенками голубого и сиреневого цветов. Когда глаза привыкли смотреть вдаль, Анжелика увидела прихотливый рисунок жилых кварталов, стен, испещренных зубцами и выступами, взмывающих в небо стрел заостренных башен и колоколен соборов. Кое-где, как пузыри на кипящем вареве, то тут, то там надувались и дрожали, будто собирались улететь, полушария куполов.

Анжелика увлеченно принялась пересчитывать соборы, которые впервые увидела издалека.

Кто-то подошел и сел рядом с молодой женщиной на каменную ступень.

— Вы смотрите на купола! — раздался мужской голос. — Купола Парижа...

Это был мэтр Ансельм, виноградарь.

Они вместе любовались далеким пейзажем, читая его таинственные знаки.

— Я был еще совсем молодым, — наконец заговорил мужчина, — когда они только начали появляться. Мой отец говорил: «Для чего они возводят эти купола? Хотят, чтобы Париж стал похожим на Рим?..» Он бывал в Италии. Самый старый купол венчает резиденцию иезуитов в предместье Сент-Антуан, он повторяет купол церкви этого ордена в Риме... Кроме того, в предместье Сент-Антуан довольно приметен купол капеллы женского ордена Визитации. Перед ним, посмотрите, купол монастыря бенедиктинок Валь-де-Грас в предместье Сен-Жак. Это аббатство было основано нашей королевой-матерью. Затем идет церковь Сорбонны в Латинском квартале. Этот купол всегда легко отличить. Он кажется таким надменным. Вне

всякого сомнения, потому что именно он укрывает гробницу кардинала Ришельё. Кардинал приказал построить ее еще при жизни. Труднее всего увидеть самый маленький и самый старый купол Парижа, венчающий часовню в садах королевы Маргариты Французской. Он находится там же, на левом берегу, в окрестностях Пре-о-Клер, недалеко от Лувра.

— О какой Маргарите Французской вы говорите? — спросила Анжелика. — Их было довольно много, не считая вашу дочь.

Виноградарь одобрил шутку Анжелики легким смешком, а затем уточнил:

— О той, кого называли королевой Марго. Его легче отличить в дождь, благодаря возвышающемуся фонарю ^[80].

Когда мэтр Ансельм наклонился, чтобы указать на купол, о котором говорил, Анжелика увидела совсем рядом с собой мускулистую руку, позолоченную солнцем; рукава рубахи были закатаны, и эта рука казалась совсем гладкой, молодой.

Женщина исподтишка разглядывала собеседника. Его поседевшие усы не были знаменитыми «галльскими усами» ^[81]. Ровно подстриженные, они позволяли видеть губы мужчины. Это были усы «дегустатора вин».

Анжелика уже видела мэтра Ансельма в зале таверны, где он довольно неплохо справлялся с ролью гостеприимного хозяина, разносящего тяжелые оловянные кувшины, и где его всегда окружали многочисленные любопытные посетители, а он охотно рассказывал им о месте, которому близость Версаля и проводящиеся там строительные работы придали особую привлекательность. Однако Анжелика догадалась, что мэтр от природы не болтлив. Сейчас она размышляла, как бы добиться его расположения.

— Мэтр Ансельм, — попросила она, — не могли бы вы рассказать мне о королях, что удостаивали визитом ваше заведение? Говорят, в трактире, которым владели еще ваши предки, все они останавливались передохнуть и выпить вина.

На эту тему мэтр Ансельм всегда говорил с удовольствием.

Чаще других заведение его предков посещали Их Величества Генрих IV и Людовик XIII. Отец и его юный сын приезжали поохотиться в болотистых лесах Версаля.

Позднее, очарованный детскими воспоминаниями, король Людовик XIII приказал построить в Версале замок, где он неоднократно уединялся, обретая покой, необходимый для преодоления серьезных душевных проблем и решения государственных вопросов. Говорили, что новый повелитель Франции начал возводить вокруг замка Людовика XIII грандиозный дворец, где он мог бы давать восхитительные праздники. Этот дворец должен затмить все королевские резиденции Иль-де-Франса: Сен-Жермен, Фонтенбло...

— Это ошибка, — не сдержался мэтр Ансельм. — Здесь на каждом шагу строителей поджидают трудности — ведь перед нами край холмов. Но что поделать! Тут вопрос увлечения, страсти. Наши места околдовали Его Величество, как некогда они околдовали его отца.

Вот почему виноградарь испытывал больше симпатии к Генриху III. Этот король предпочитал выпить вина не на станции, которая уже в те времена напоминала трактир, а в замке Сен-Клу, построенном в предыдущем веке. Там его и убили 1 августа 1589 года.

Вечером, в день кровавой драмы, в трактир зашли три или четыре стражника. Они хотели пропустить по рюмочке, чтобы забыть о пережитом ужасе. На

наконечниках их копий все еще алела кровь «злого монаха». Так назвал убийцу сам король, когда почувствовал, как лезвие кинжала Жака Клемана ^[82] вонзается ему в плоть.

«Ах! Злой монах! Ты убил меня!..»

Но, сетовали стражники, государь сам настоял, чтобы к нему привели этого святошу, доминиканца в белой рясе, у которого якобы имелось послание небес. Он будто бы намеревался вручить это послание от имени одного из своих друзей, схваченных Лигой ^[83]. А несчастный король был столь набожен, столь почтителен к представителям Церкви, что пользовался любой возможностью встретиться с монахами, побеседовать с ними, попросить молиться за то, чтобы он мог справедливо выполнять свои обязанности, заботиться о подданных.

«Бородачи» набросились на убийцу, но было уже поздно.

Генрих III был смертельно ранен.

В таверне видели, как к замку промчался галопом срочно вызванный Генрих Наваррский, который тогда еще не переменял веры и не получил короны. Он встал на колени у одра умирающего. И тот сказал ему: «Брат мой, я вручаю вам французское королевство».

В тот день, окутанный туманной пеленой, вдали переживал агонию лигистский Париж, взятый в тиски беспощадной осады. Говорили, что в городе ели кошек и собак, ослов, лошадей и даже человеческое мясо ^[84].

— А четвертый король? — поинтересовалась Анжелика, которой не очень хотелось слушать о трагедиях былых времен.

— То был первый король. Именно он дал свое имя небольшому местечку на берегу Сены.

Хлодомир ^[85], превратившийся в Клу, позже причисленный к лику блаженных и ставший Святым

Клодом. Он был сыном одного из древних королей, а мать — или бабушка? — спасла его от убийц, воспитывая и скрывая среди монахов. В конечном итоге одеяние монаха и тонзура навсегда отвратили его от трона.

Анжелика решила, что наконец настал подходящий момент, чтобы обсудить дело, ради которого она сюда пришла. После беседы, в которой проявились пристрастия мэтра Ансельма, молодая женщина могла предположить, какие возражения ей выскажет виноградарь.

— Месье, я много раз пила у вас превосходное вино, которое не заслуживает того, чтобы его называли генгетом^[86] — «кабацким вином». Мне бы хотелось угощать им посетителей моего кабаре^[87], где мы с дядей работаем трактирщиками. Любителей хороших вин много. Мы держим заведение на улице Валле-де-Мизер.

— В самом сердце Парижа! И на правом берегу. Я никогда не смогу получить лицензию, позволяющую ввозить мой товар столь далеко!

Прежде всего, центр Парижа окружен извилистой Сеной, которая оплела город, как будто стремясь задушить его. Потом идут многочисленные предместья, деревни, и все это мешает честным людям из удаленных областей зарабатывать себе на жизнь, ведь они должны оплачивать услуги перевозчиков или же платить пошлину за пересечение мостов, которые всегда так удалены друг от друга, а когда преодолеешь все эти мосты, то, чтобы войти в город, приходится тащиться к самым дальним воротам. И это уже не говоря о таможенных пошлинах, которые взимают с любого товара. Строительство Версаля, расположенного всего в двух лье от таверны, казалось,

принесло мэтру Ансельму больше беспокойства, чем прибыли.

Почтенный владелец заведения отнюдь не радовался близости королевского двора, в течение многих веков приносившего «Почтовой станции Четырех королей» стабильную прибыль. Он не стал скрывать, что опасается наплыва толп суетливых людей. Возницы со своими перегруженными телегами, крикливые вельможи и их кучера... Мэтра Ансельма раздражает весь этот шум, он недоволен ржанием лошадей, которых гонят мимо трактира к заветному замку.

«В Версаль! В Версаль!» — только и слышно со всех сторон.

Что же касается генгета, который его собеседница назвала «превосходным», то он не знает, как поступить, потому что вокруг его виноградников царит одно лишь мошенничество. Представители королевского или всевозможных дворянских домов только и мечтают, как бы поживиться за чужой счет, нисколько не заботясь о законности своих действий или о местных жителях. Разве Анжелика не видела, как неизвестно откуда взявшиеся стражники собирают десятину прямо в дверях его заведения, уверяя, что это королевский налог?

Он уже пообещал продать вино одному иностранному другу, послу Дании, который, каждый раз отправляясь в Версаль, останавливается перекусить в трактире. Этот иностранец мечтает заполучить продукцию мэтра Ансельма на свой стол и отправить несколько ящиков вина к себе на родину, потому что ничто так хорошо не рассеивает мрак северных зим.

— И кому мне жаловаться? Его Величеству собственной персоной?!

— А почему бы и нет? — возразила Анжелика. — Вы могли бы обратиться и к королю. Но полагаю, вы

преувеличиваете препятствия, ограничивающие вашу свободу действий. Почему вас волнуют запреты на поставку вина в Париж? Они не столь серьезны, как кажется.

— Но законы о пошлинах...

— Пугало! И в чьих руках? Каких-то чиновников, которых вы даже не знаете. Вы же сами догадываетесь, что это мошенники, плуты из знатных домов, которые взимают налог с любого наивного простака, направляющегося в Версаль и запасавшегося хорошими винами. Все считают, что должны заплатить королевские налоги... Ваши земли подлежат юрисдикции Парижа, берега Сены, который относится к кафедральной церкви. Я навела справки...

Краем глаза Анжелика заметила, как собеседник бросил на нее быстрый взгляд, а затем вновь стал смотреть на горизонт. Ей подумалось, что такие же речи по поводу торговли вином когда-то произносила покойная жена мэтра Ансельма.

И молодая женщина продолжила более легкомысленным тоном, глядя, как и спутник, куда-то вдаль:

— Есть множество способов попасть в Париж, и вы это знаете не хуже меня. Ну, например... Песчаные карьеры Отёя, или галиот, возвращающийся в Париж, — на нем может разместиться немало бочек. Я займусь доставкой вина в свой трактир, а если вы мне назовете нужные имена, то доставлю вино и вашему другу, послу Дании.

Так они перебрасывались коротенькими фразами, разрабатывая условия деликатной сделки, которая помогла бы удовлетворить желания обоих и при этом противостоять прожорливости налоговой системы. Они хотели не так уж и много: Анжелика — приобретать хорошее вино для «Храброго петуха», а мэтр Ансельм — получать справедливую цену за свой товар и

порадовать иностранных друзей, которые мечтали и за пределами королевства наслаждаться винами с холмов Сен-Клу.

Вечер удлинял тени, но по-прежнему было достаточно светло, и день казался бесконечным. Однако путь до Сен-Жана был не близок.

Вставая, Анжелика споткнулась, но мэтр Ансельм уверенной рукой поддержал ее.

И Анжелика, внезапно почувствовав необыкновенную легкость, спокойно спустилась вниз.

«До чего же сильны мужские руки!» — подумала она.

День закончился в приятной компании за стаканчиком молодого вина.

Из Версаля потянулись толпы довольных нагулявшихся горожан.

Увидев сидящего рядом с Анжеликой мэтра Ансельма, который, как казалось, опекал молодую женщину, Одиже нахмурил брови.

«В Париж! В Париж! Отправляемся, с одного человека — один су!» — кричали лодочники. Одиже попытался уловить смысл фраз, которыми обменивались хозяин таверны и Анжелика во время посадки на судно, но это были лишь замечания, где и как выгрузить бочонки с вином.

Глава 17

Еще один или два раза, по случаю очередного праздничного дня, Анжелика позволила себе удовольствие посидеть на каменных ступенях на склоне холма в обществе мэтра Ансельма, слушая вполуха его рассуждения о том, что строительство замков по всей стране — это безумие и оно не доведет до добра.

Ансельм был одним из тех упрямых людей, что жили в провинции Иль-де-Франс к западу от столицы, на границе с Нормандией, и о которых говорили, что по причине постоянных войн с северными соседями они довольно своенравны.

К тому же он унаследовал и знаменитое упрямство паризиев — кельтского племени, обитавшего на острове посреди Сены, ставшего их домом. Они постоянно сражались, отстаивая права на свои владения. Виноградарь не раз вспоминал о том, что именно рядом с Альтогинумом паризии сразились с Лабиеном, легатом Цезаря, несшим римскую цивилизацию в «Косматую Галлию»^[88] Они потерпели поражение, и остров посреди Сены превратился в Лютецию. Анжелика припомнила, что Альтогинум стал Отёем и его имя вошло в современную историю Франции, но... об этом молчок! Канал доставки через песчаные карьеры Отёя работал превосходно.

Вино из Сен-Клу не только продавалось по достойной цене в центре Парижа в «Храбром петухе», но при посредничестве прислуги его удавалось поставлять и посланнику короля Дании. Это, в свою очередь, привело в трактир «Храбрый петух» нескольких чужеземных сеньоров, изъяснявшихся на французском с акцентом, но вполне проникшихся духом

Парижа благодаря рьяному участию в развлечениях столицы, волей случая предоставившей им гостеприимство.

Одиже не мог не замечать их присутствия, равно как не мог и протестовать против бурного потока галантных комплиментов «самой прекрасной француженке» на свете.

Атмосфера «Храброго петуха» менялась, и Анжелика чувствовала это. Начавшийся сезон обещал множество перемен. При этом она втайне лелеяла заветную мечту: когда-нибудь она поедет в Версаль по приглашению самого короля.

Она не придавала значения сомнениям и недовольству, которые выказывал мэтр Ансельм, оторванный от своих хлопот виноградаря постоянными визитами представителей королевской семьи, приезжавших на свои родовые земли в связи с честолюбивыми проектами молодого государя по строительству Версаля.

Если Людовик XIV захотел, чтобы был Версаль, то Версаль будет.

К большому сожалению Анжелики, ей пришлось прекратить прогулки и беседы с мэтром Ансельмом дю Ваастом.

Этот отлично сложенный торговец, более статный, чем многие знатные господа, удивлял тонкостью суждений и мудростью мыслей. Однажды он сказал своей дочери: «Ты ошибаешься, Маргарита. Эта женщина умеет вести дела, но она не для меня».

Анжелика испугалась, что умный мужчина, который вопреки собственному желанию все же поддался ее чарам, попытается проникнуть в тайну ее прошлого.

С тех пор хозяйка «Храброго петуха» на все встречи, связанные с секретными поставками, посылала Флипо, с ним же она передавала приветы от домочадцев. Но

Анжелика искренне сожалела о том, что больше не может видаться с мэтром Ансельмом. Ведь он был из «славных малых», как они сами себя называли. Добропорядочные и талантливые, трудолюбивые и отважные, эти люди легко справлялись с нескончаемым потоком посетителей, и высокородных, и низкородных, многие из которых были помешаны на собственном тщеславии и гордыне. Весь этот пестрый люд сходился у порога мэтра Ансельма, где толпились всевозможные экипажи, повозки, кареты, запряженные и оседланные лошади и где раздавалось громкое ржание коней, хлопки кнута и громкая ругань...

Почтовая станция «Четыре короля» на пути в Версаль.

Как-то раз Одиже ни с того ни с сего отбросил свою обычную сдержанность и обратился к Анжелике:

— Чем больше я за вами наблюдаю, тем больше вы меня озадачиваете, красавица. Есть в вас что-то, что меня смущает...

— По поводу вашего шоколада?

— Нет... или, вернее, да... не совсем... Сначала я вообразил, что вы легко поддаетесь сердечным порывам... или порывам душевным. Потом заметил, что вы очень практичны, иной раз даже на удивление, и что вы никогда не теряете головы.

«Очень на это надеюсь», — подумала Анжелика. Но вслух этого не произнесла и ограничилась самой очаровательной из своих улыбок.

— Видите ли, — ответила она, — в жизни бывают времена, когда нужно целиком посвятить себя поставленной задаче. Порой тобой управляет любовь, но обычно это случается, когда жизнь легка. А бывает, что на первое место выходит тяжелый труд, цель,

которую необходимо достичь. Так, например, я не скрою от вас, что в настоящее время для меня самая важная вещь на свете — заработать деньги для детей... ведь их отец умер.

— Я не хотел быть бестактным, но поскольку вы сами заговорили о детях, то неужели вы полагаете, что изнурительная работа, результат которой весьма призрачен и сомнителен и которая плохо сочетается с выполнением материнских обязанностей, поможет вам воспитать сыновей и сделает их счастливыми?

— У меня нет выбора, — резко ответила Анжелика. — Впрочем, не могу пожаловаться на мэтра Буржую, именно у него я обрела неожиданную поддержку в тяжелое время.

Одиже откашлялся, несколько секунд поиграл кистями своего воротника, а затем, запинаясь, произнес:

— А... если я предложу вам выбор?

— Что вы хотите этим сказать?

Анжелика взглянула на молодого человека и увидела в его карих глазах немое обожание. Молодой женщине показалось, что момент достаточно удачен, чтобы продолжить деловой разговор.

— Кстати, вы наконец получили свой патент?

Одиже вздохнул.

— Вот видите, что вас интересует, и вы даже не скрываете этого от меня. Ну что ж, чтобы вы все знали, я скажу, что у меня еще нет печати Государственной канцелярии, и не думаю, что получу ее до начала октября, так как в жару канцлер Сегье отправляется в свой загородный дом. Но с октября все пойдет очень быстро. На самом деле я даже заручился поддержкой графа де Гиша, зятя канцлера Сегье. Теперь вы понимаете, что вскоре у вас не останется никакой надежды стать прекрасной шоколадницей... если только...

— Да... если только... — протянула Анжелика. — Итак, слушайте.

И, больше не раздумывая, она изложила свои планы. Сообщила, что у нее уже есть патент, причем полученный довольно давно, и что с ним она может доставить конкуренту массу неприятностей. Но не лучше ли договориться? Она бы взяла на себя изготовление порошка из бобов какао, а он бы готовил напиток. А для того чтобы получать свою долю от продаж, она бы могла работать в кондитерской, торгующей шоколадом, и вложить в нее свои средства.

— Где вы намереваетесь открыть вашу кондитерскую? — спросила Анжелика.

— В квартале Сент-Оноре, рядом с Трагуарским крестом^[89]. Но все ваши идеи нелепы!

— Они вполне разумны, и вы это отлично знаете. Квартал Сент-Оноре — превосходный квартал. И Лувр близко, и Пале-Рояль. Но нам не нужен магазинчик, напоминающий таверну или трактир. Я уже вижу красивые плитки, сочетание черного и белого, зеркала и позолоченную деревянную резьбу, а за домом — сад с беседками, увитыми виноградными лозами, как у целестинцев... беседки для влюбленных.

Лицо дворецкого, удрученного неожиданными новостями, несколько просветлело после того, как он услышал фантазии Анжелики.

— Вы в самом деле очаровательны, моя милая, особенно когда позволяете своему импульсивному темпераменту вырываться на волю. Я люблю вашу жизнерадостность и тот внутренний огонь, который вы столь умело смиряете подобающей вам скромностью. Я внимательно наблюдал за вами. Порой ваши слова кажутся легкомысленными, но вы порядочны и честны. И мне это нравится. Но не скрою, что меня в вас шокирует излишняя практичность ума и ваши манеры, а

именно желание держаться на равных с умудренными опытом мужчинами. Ведь женская хрупкость плохо сочетается с запелляционным тоном, резкостью. Женщины должны предоставить мужчинам право обсуждать деловые вопросы, в которых путаются и теряются их маленькие хорошенькие головки.

Анжелика фыркнула.

— Представляю себе, как мэтр Буржо и Давид обсуждают эти вопросы.

— Речь идет не о них.

— А в таком случае, о ком? Разве вы не поняли, что я совершенно одна и меня больше некому защитить?

— Это верно, вам недостает защитника!

Анжелика притворилась, что не расслышала его последних слов.

— Потихе, господин Одиже. В действительности вы — гадкий завистник, который хочет в одиночестве выпить весь шоколад. Поскольку то, что я вам только что рассказала, вас сильно потрясло, вы сейчас пытаетесь выбраться из затруднительного положения, произнося речи о женской хрупкости. А на самом деле в той маленькой войне, которую мы с вами ведем, предложенный мной выход — превосходен.

— Я знаю выход в сто раз лучше.

Под пристальным взглядом молодого человека Анжелика не стала настаивать. Она забрала его тарелку, протерла стол и осведомилась о том, что желает гость в качестве антреме. Но до того, как она скрылась на кухне, Одиже вскочил и в два шага догнал ее.

— Анжелика, милая, не будьте жестоки, — взмолился дворецкий. — Прошу вас, примите приглашение на воскресную прогулку со мной. Я хотел бы поговорить с вами серьезно. Мы могли бы отправиться на мельницу Жавель. Мы бы съели по

матлоту^[90], а потом прогулялись бы по полям. Вы согласны?

Одиже обнял Анжелику за талию. Она подняла глаза, залюбовавшись этим свежим лицом, и особенно — ртом, хорошо очерченными губами, подчеркнутыми темными запятыми усов. Эти губы сначала должны мягко воспротивиться поцелую, прежде чем приоткрыться, стать требовательными, настойчивыми, нежными и чувственными.

По телу Анжелики пробежала дрожь желания, которую она не смогла скрыть, и срывающимся голосом она согласилась отправиться на мельницу Жавель в следующее воскресенье.

Перспектива грядущей прогулки взволновала Анжелику больше, чем она бы того хотела. Напрасно она пыталась успокоиться. Каждый раз при воспоминании о губах Одиже, о его руке на талии она вздрагивала от сладкой истомы. Уже очень давно Анжелика не испытывала подобных ощущений. Поразмыслив, она сказала себе: просто после приключения с капитаном стражи к ней не прикасался ни один мужчина. И она даже не могла представить что-либо подобное, ведь вся ее жизнь протекала в атмосфере, которую трудно было назвать чувственной. Анжелика давно потеряла счет тем поцелуям и вольным жестам, от которых была вынуждена отбиваться, раздавая пощечины. Много раз напившиеся грубияны приставали к ней во дворе, и приходилось защищаться, нанося удары сабо и призывая кого-нибудь на помощь. Вульгарность посетителей трактира, похоть капитана стражи и дикая страсть Весельчака оставили в душе

Анжелики горькие воспоминания о мужской грубости, охладившие ее природную чувственность.

И теперь Анжелика с удивлением прислушивалась к внезапно пробудившемуся нежному томлению, о котором и помыслить не могла двумя или тремя днями ранее. Неужели Одиже воспользуется ее смятением, чтобы вытянуть из нее обещание не вмешиваться в его дела?

«Нет, — говорила себе Анжелика. — Удовольствие и дела — вещи несовместимые. Ради одного приятного денька я не откажусь от планов на будущее». Чтобы заглушить угрызения совести, которые она заранее испытывала, предвидя неизбежное поражение, Анжелика убедила себя, что это поражение просто необходимо в интересах дела. Впрочем, возможно, ничего и не случится. Разве Одиже не вел себя всегда безупречно?

Стоя перед зеркалом, Анжелика разглаживала пальцем тонкие длинные брови. Красива ли она, как прежде? Ей это постоянно твердили. Но не потемнела ли от жара очага ее нежная матовая кожа?

«Я снова поправилась. И нельзя сказать, что это меня портит. Впрочем, мужчины подобного рода должны любить пухленьких женщин».

И все же Анжелика стыдилась своих рук, ставших жесткими и потемневшими от работы на кухне, и отправилась на Новый мост купить у Большого Матье баночку с отбеливающим кремом.

Она купила еще воротник из нормандского узелкового кружева и накинула его поверх скромного платья из сине-зеленого сукна. Теперь Анжелика стала похожа на небогатую горожанку, но не на служанку или торговку. Свой туалет она дополнила парой новых перчаток и веером. Безумие!

Много хлопот ей доставили волосы. Отрастая, они начали виться и посветлели, но локоны все еще

оставались довольно короткими. Со вздохом сожаления молодая женщина вспомнила тяжелую шелковую волну волос, которая некогда рассыпалась по ее плечам.

Утром назначенного дня Анжелика укрыла волосы прелестной косынкой из темно-синего атласа, когда-то принадлежавшей госпоже Буржю. Вырез корсажа украшала камешка из сердолика, а пояс — маленькая сумочка, расшитая жемчугом. Все это тоже досталось ей в наследство от усопшей.

Анжелика ждала кавалера под сводами ворот. День обещал быть прекрасным. Меж крыш виднелось чистое небо.

Когда появилась карета Одиже, Анжелика подошла к ней с нетерпением юной воспитанницы монастыря, получившей разрешение покинуть его стены.

Дворецкий был ослепителен. Его наряд состоял из широких желтых рингравов^[91], перехваченных у колен пламенеющими бантами, пурпуэна^[92] светло-желтого бархата, отделанного маленькими оранжевыми галунами, и выглядывавшей из-под него рубашки тончайшего плиссированного линона^[93]. Кружева на рюшах штанин, на манжетах и галстукке поражали искусным плетением.

Анжелика восхищенно коснулась кружева.

— Они доставлены прямиком из Ирландии, — сообщил молодой человек, — это кружево обошлось мне в целое состояние.

Несколько пренебрежительно он дотронулся до скромного воротника своей подруги.

— Позже и у вас будет столь же великолепный воротничок, моя милая. Мне кажется, что вы способны с небывалой грацией носить любой туалет. Я просто вижу вас в платье из шелка и даже из атласа.

«А может, из золотой парчи», — подумала Анжелика, сжимая зубы.

Но стоило только карете тронуться вдоль берега Сены, как к ней вернулось отличное настроение.

Мельница Жавель возвышалась над стадами пасущихся на равнине Гренель баранов, и ее огромные крылья, напомиравшие крылья летучей мыши, издавали приятное стрекотание, сопровождавшее поцелуи и клятвы гулявших в окрестностях влюбленных пар. Сюда приезжали украдкой. В центральном помещении мельницы находился трактир, гостеприимно встречавший любую компанию, а его хозяин не отличался болтливостью.

«Если не держать язык за зубами в доме вроде нашего, — говаривал он, — то дело плохо! Шуму было бы на весь город».

Рядом с мельницей можно было увидеть маленьких осликов, навьюченных пузатыми мешками. Кругом витал аромат муки и теплого зерна, ракового супа и ухи.

Анжелика с наслаждением вдыхала свежий воздух. По лазурной глади неба плыли белые облачка. Она улыбалась и сравнивала их со взбитыми яичными белками. Время от времени Анжелика смотрела на губы Одиже и наслаждалась легкой восхитительной дрожью, пробегавшей по ее телу.

Попытается ли молодой человек поцеловать ее? В этих роскошных одеждах он выглядел несколько скованным и, казалось, был полностью поглощен обсуждением меню с хозяином трактира, чрезвычайно польщенным этим визитом.

В зале царил приятный полумрак, за столами сидели и другие пары. По мере того как опустошались кувшинчики белого вина, поведение влюбленных становилось более свободным. Порой мужчины позволяли себе весьма вольные выходки, о чем свидетельствовал томный смех дам. Чтобы успокоиться, Анжелика потягивала вино, и ее щеки разругмянились.

Одиже начал рассказывать о своих путешествиях и о своей профессии. Он педантично описывал события, не забывая упомянуть точную дату, припоминая любую мелочь, вроде сломанной оси.

— Итак, как вы могли убедиться, дорогая, мое положение весьма солидно и прочно и в моей жизни нет места неожиданностям. Мои родители...

— О! Давайте уйдем отсюда, — взмолилась Анжелика, отложив в сторону ложку.

— Но снаружи удушающая жара!

— Снаружи, по крайней мере, есть ветерок... и там не увидишь всех этих обнимающихся влюбленных, — вполголоса добавила она.

Оказавшись под палящим солнцем, Одиже разволновался. Его спутнице станет плохо, она испортит себе цвет лица. И мужчина водрузил на голову Анжелики свою шляпу с широкими полями, украшенную белыми и желтыми перьями. После чего он воскликнул, как в день их знакомства:

— Бог мой, как вы красивы, душенька!

Но уже через несколько шагов, когда они пошли по узенькой тропинке вдоль Сены, дворецкий возобновил разговор о своей карьере. Он сообщил, что когда производство шоколада будет запущено, он начнет писать очень важный труд об обязанностях дворецкого при приеме гостей, где изложит все сведения, необходимые для слуг и поваров, желающих совершенствоваться в этой области^[94].

— Читая эту книгу, дворецкий узнает, как правильно сервировать стол и как подавать блюда. А сомелье^[95], разглядывая рисунки, поймет, как можно разными способами складывать салфетки, а еще — как варить всевозможные виды варенья, как густые, так и жидкие, и как готовить драже и вообще все, что нужно для дома. Дворецкий узнает, что в час приема пищи он

обязательно должен взять белую салфетку, сложить ее в длину и положить себе на плечо. Я напому ему, что салфетка — это особый символ и наглядный знак его положения. Я всегда так поступаю. Я могу распорядиться трапезой со шпагой на боку, в плаще на плечах, в шляпе, но салфетка всегда должна находиться в том положении, о котором я упоминал.

Анжелика усмехнулась и спросила с иронией:

— А когда вы занимаетесь любовью, в каком положении находится ваша салфетка?

Но тотчас извинилась, увидев возмущенную и изумленную мину молодого человека.

— Простите. Белое вино всегда навевает мне такие нелепые мысли. Но все же я не понимаю, зачем вы на коленях умоляли меня отправиться с вами на мельницу Жавель — чтобы разъяснить, как правильно складывать салфетку?..

— Не смейтесь надо мной, Анжелика. Я рассказываю вам о своих планах, о своем будущем. И это согласуется с моими намерениями, с тем, почему я попросил вас о встрече наедине. Вы помните ту фразу, что я произнес в день, когда мы впервые увидели друг друга? Тогда она показалась шуткой: «Выходите за меня замуж!» Я потом много думал и понял, что вы действительно та женщина, которая...

— Ой! — воскликнула Анжелика. — Взгляните, там стога. Пойдемте быстрее. Там нам будет много уютнее, чем на солнцепеке.

И она пустилась бежать, придерживая большую шляпу. Затем, тяжело дыша, упала на теплое сено. Сделав хорошую мину при плохой игре, молодой человек, смеясь, присоединился к своей подруге и сел рядом.

— Сумасшедшая! Честное слово, вы всегда сбиваете меня с толку. Я думал, что говорю с рассудительной

деловой женщиной, а вы — как бабочка, порхающая с цветка на цветок.

— Один раз не считается. Одиже, будьте так любезны, снимите ваш парик. Когда я смотрю на эти меха на голове, мне самой становится жарко, и еще я бы хотела дотронуться до ваших настоящих волос.

Одиже немного отодвинулся. Но в конце концов он снял парик и с облегчением провел ладонью по темным коротким волосам.

— А теперь моя очередь, — сказала Анжелика, поднимая руку. Но смущенный молодой человек удержал ее.

— Анжелика!.. Что на вас нашло? Положительно, вы ведете себя чертовски странно!.. Я хотел побеседовать с вами о серьезных вещах!

Его ладонь лежала на запястье молодой женщины, и ей казалось, что рука в этом месте пылает. Теперь, когда взволнованный кавалер склонился над нею, Анжелика вновь ощутила смятение чувств. Губы Одиже действительно были красивы, его кожа казалась такой гладкой и свежей, руки такими белыми. Просто восхитительно, если он станет ее любовником. В его крепких объятиях, безопасных, почти супружеских, молодая женщина наконец смогла бы отдохнуть от постоянной борьбы за существование, от тяжелого труда. А потом, мирно лежа рядом друг с другом, они обсудят вопросы, касающиеся будущего шоколада.

— Послушайте, — прошептала Анжелика, — послушайте мельницу Жавель. Она против. В ее тени не говорят о серьезных вещах. Это запрещено... Слушайте, слушайте, и смотрите, какое голубое небо. А вы... вы красивы. А я, я...

Она не осмелилась закончить, но дерзко взглянула на мужчину зелеными сверкающими глазами. Ее приоткрытые, немного влажные губы, румянец на щеках, участившееся сердцебиение, вздымающаяся

грудь, которую Одиже мог видеть в прорези кружевного воротника, все это яснее, чем любые слова, говорило: «Я хочу вас».

Дворецкий потянулся было к Анжелике, но затем одернул себя и встал, повернувшись спиной к своей спутнице.

— Нет, — твердо произнес молодой человек, — только не вы! Конечно, мне уже доводилось овладевать женщиной в стогу сена, но это были солдатские девки или служанки. Но с вами — никогда! Вы — женщина, которую я выбрал. Вы станете моею в ночь нашего венчания, после того как нас благословит святой отец. Я дал себе слово и не изменю ему даже в сильнейшем смятении духа. Я уважаю ту, кого выбрал в супруги и в матери моих детей. А я выбрал вас, Анжелика, выбрал почти в ту же минуту, когда впервые увидел. И сегодня я намеревался просить вашей руки. Но вы потрясли меня вашими странными выходками. Я очень хочу верить, что это не истинная ваша сущность. Ваша безупречная репутация порядочной вдовы не преувеличена?

Анжелика беззаботно покачала головой. Она покусывала стебель цветка, глядя сквозь ресницы на молодого человека. Она пыталась представить себя законной супругой дворецкого Одиже. Хорошая мещанка, которой снисходительно кивают знатные дамы, прогуливаясь по бульвару Аллея королевы, где она появляется в скромной карете, отделанной оливковым сукном, с вензелем, окруженным витым шнуром, с кучером, наряженным в коричневые цвета, и маленьким лакеем.

К старости Одиже обзаведется внушительным животом, у него будет красный цвет лица. И, когда он в сотый раз начнет рассказывать своим детям или друзьям истории о зеленом горошке для Его Величества, ей захочется его убить...

— Я говорил о вас с мэтром Буржую, — продолжал Одиже. — Тот не стал скрывать от меня, что вы ведете образцовую жизнь и проворны в работе, но недостаточно набожны. Вы с трудом выстаиваете воскресную мессу и никогда не ходите в церковь к вечерней службе. А ведь обычно женщины богобоязненны. Именно это качество укрепляет их слабую душу и является залогом добродетельного поведения.

— Что вы хотите? Невозможно быть одновременно набожной и проницательной, святошей и деловой женщиной.

— О чем вы говорите, бедное дитя? Неужели вы заражены ересью? Католическая религия...

— Ах! Оставьте, прошу вас! — воскликнула Анжелика, внезапно распалаясь. — Не говорите мне о религии. Мужчины портят все, до чего дотрагиваются. Самое святое, что дал нам Бог, — религию, они превратили в мешанину из войн, лицемерия и крови, от которой меня тошнит. По крайней мере, в молодой женщине, которая всего лишь хочет, чтобы ее поцеловали в прекрасный летний день, Бог признает свое творение, потому что именно такой Он ее сотворил.

— Анжелика, вы потеряли голову! Пришло время вырвать вас из общества этих распутников, чьих вольнодумных речей вы наслушались. На самом деле, полагаю, вам нужен не только защитник, но и мужчина, который вас несколько укротит, который вернет вас на место, подобающее женщине. В обществе вашего дяди и его дурака племянника, которые вас обожают, вы решили, что вам все дозволено. Вы слишком избалованы и нуждаетесь в том, чтобы вас приструнили, занялись вашим воспитанием...

— Да что вы говорите? — надменно ответила Анжелика.

Она потянулась и зевнула.

Эта отповедь притушила ее желание. Она удобно вытянулась на сене, все же исподтишка приподняв длинную юбку и обнажив тонкие лодыжки, обтянутые шелком.

— Тем хуже для вас, — заявила она.

Пять минут спустя она уже спала. Одиже с бьющимся сердцем созерцал раскинувшееся гибкое тело. Он вновь и вновь окидывал взглядом те прелести, что выучил наизусть, как литанию: лоб ангела, мятежный рот, прекрасная грудь. Анжелика была среднего роста, но столь хорошо сложена, что казалась высокой. Одиже в первый раз видел ее лодыжки; они позволяли домыслить, как красивы стройные ноги.

Одиже вытер пот со лба и решил удалиться, бежать прочь от мучительного желания.

Анжелике снилось, что она плывет по морю на кораблике с сеном. Ее ласкала нежная рука, как бы успокаивая: «Не плачь».

Пробудившись, она увидела, что рядом никого нет. Только солнце, клонившееся к горизонту, по-прежнему окутывало нежным теплом.

«Из-за этого глупца Одиже только и остается, что нежиться на солнышке», — со вздохом подумала Анжелика.

Погрузившись в истому, она гладила свои руки, покрытые легким пушком.

«Твои плечи — два шара слоновой кости, твои груди точно сделаны для того, чтобы помещаться в мужской ладони...».

Где сейчас эта странная черная птица с кораблика с сеном? Он говорил волшебные слова, а потом вдруг начинал насмешничать. Он подарил ей очень долгий поцелуй. Может быть, его никогда не существовало?

Анжелика встала, отряхнула соломинки, приставшие к платью, и пошла в трактир на мельнице,

где ее ждал Одиже. Молодая женщина хмуро
попросила отвезти ее в Париж.

Часть третья
Вывеска «Красная маска»

Глава 18

Одиже разозлил, а если говорить откровенно, даже обидел молодую женщину. Анжелика с горячностью упрекала себя в том, что поддалась увлечению и захотела развлечься, вернуть вкус к жизни, и в итоге оказалась в жалкой, двусмысленной ситуации. Почему этот самодовольный Одиже не понимает, что все меняется, ничто не может застыть в неподвижности, и уже прошло то время, когда хватало одной лишь новинки — шоколада. Эта затея уже перестала быть интересной. Но изменения, за которыми следил весь Париж, просто обязывали сменить название!

Проходили дни, недели, и мало-помалу в «Храбрый петух» стали приходить только для того, чтобы взглянуть на хозяйку. Однажды Анжелика с испугом заметила маркиза де Лозена и нескольких молодых придворных. Чтобы не быть узнанной, она надела красную маску, которую нашла когда-то ночью на берегу Сены возле мертвого итальянца.

Этот каприз был встречен аплодисментами, а один из придворных воспел в стихах блеск изумрудных глаз в пурпурном обрамлении. И теперь, когда Анжелика из боязни быть узнанной стала скрывать лицо, все заговорили о красной маске.

Злая на Одиже и на саму себя, Анжелика решила, что настал момент больших перемен, о которых раньше она только мечтала.

Но для начала следовало заменить вывеску «Храбрый петух», которая обветшала, покрылась ржавчиной и больше не отражала отваги, традиционно приписываемой этой птице.

Вывеска отслужила свое, и мэтр Буржую не стал даже из сентиментальности протестовать, когда

Анжелика сообщила ему о своих намерениях. У ротисье хватило рассудительности и хорошего вкуса, чтобы понять, что старый, кособокий, скрипящий петух из кованого железа, которого напрасно пытались выпрямить после очередной ночной бури, совсем не соответствовал нынешней славе трактира. Понимал хозяин и то, что эта смелая затея отражала новый статус их заведения. Впрочем, как и все остальные изменения, к которым привела деятельность Анжелики — появление более изысканной клиентуры, привлеченной присутствием хорошенькой хозяйки, или новые блюда и новые вина. Теперь в Париже говорили: «Давайте пойдем в трактир к Красной маске».

По поводу новой вывески у Анжелики созрела необычная идея. Никаких скульптур из кованого железа, которые со скрипом раскачиваются на выступающем штыре и быстро приходят в негодность под действием ветра и дождя. Нет, она хочет заказать картину, настоящую картину, написанную живописцем. Эта вывеска будет скромно укрыта под навесом, прямо над дверью, но она будет привлекать своими яркими красками и интересным изображением. На ней будет нарисована красная маска, парящая над парижской улицей, усеянной светящимися фонарями трактиров в синеве наступающих сумерек. На картине легко будет узнать улицу Валле-де-Мизер.

Чтобы подыскать живописца, который смог бы написать такое произведение, Анжелика отправилась на Новый мост.

Она прекрасно понимала, что ей не по карману оплатить заказ у какого-нибудь знаменитого талантливого художника, к которому обращаются богачи, мечтающие развесить свои портреты по стенам особняков и недавно возведенных замков. Большая часть таких живописцев снимала мастерские в низких галереях, окружающих Лувр, и им оказывали

покровительство меценаты, даже сам король и члены королевской семьи. Именно этим заказчикам художники посвящали свое время и свое искусство, лишь изредка снисходя до других почитателей их таланта, если те могли оплатить заказ.

Когорта гениальных мастеров, собранная знаменитым Никола Фуке, бывшим главным прокурором парижского парламента и суперинтендантом финансов, ныне находившимся в заключении, перешла на службу к королю. Теперь эти мастера занимались королевскими дворцами, парками, крепостями и даже королевской кухней. Их услугами пользовался и член Высшего совета господин Кольбер, истинный победитель Никола Фуке.

Обо всем этом несколько рассеянно размышляла Анжелика, прохаживаясь в радостной суতোлке Нового моста, к которому вернулись былой блеск и живописность.

Фуке! Это имя, некогда вонзавшееся в ее сердце, как копьё, словно символ смерти, сегодня не вызывало у нее никаких эмоций. По слухам, он находился в тюрьме, но события, связанные с арестом Фуке, совпали с резней на ярмарке Сен-Жермен, приведшей к уничтожению опасной банды, к которой принадлежала тогда и сама Анжелика. Она встряхнула головой. Нынешний красочный спектакль на Новом мосту лишний раз доказывал, что прошлое осталось позади.

Хозяйка трактира отлично знала, что искать в этом хаосе. Ей была нужна витрина художников Академии святого Луки, которая пользовалась особой популярностью на Новом мосту. Именно мастера этой гильдии нарисовали большую часть пестрых плакатов здешних шарлатанов, желавших завлечь публику на необыкновенные представления, и мелких торговцев, стремящихся привлечь покупателей разнообразием товаров.

На переносных лотках и даже на тротуарах продавалось множество плохих картин. Именно поэтому члены Королевской академии с презрением относились к своим собратьям из этой скромной гильдии, среди которых, однако, было немало талантливых художников. При этом гильдия умудрялась находить деньги для того, чтобы помогать сиротам из семей живописцев, художников и ремесленников, посвятивших себя профессии, приносившей так мало доходов, но столь востребованной у толп покупателей и зевак, заполнявших парижские улицы. Лишенные возможности выставлять свои полотна в модных светских салонах и обрести известность, члены Академии святого Луки получили право раз в год, на праздник Тела Господня, показывать свои произведения на площади Дофина, где в тот день дома украшали гобеленами, а в центре площади устанавливали переносной алтарь.

В то утро Анжелика бродила по запруженному Новому мосту и искала. Она была уверена, что обязательно найдет то, что ей нужно.

Вдруг ее глаза расширились от изумления и восхищения.

Она заметила картину с изображением седобородого воина, который собирается выпить вина из своей каски, поставив рядом пику со сверкающим наконечником.

— Да ведь это... старый Гийом! — воскликнула Анжелика.

Она кинулась в лавку, хозяин которой сообщил, что эта вывеска предназначена-де для торговца оружием, который должен вот-вот подойти. И назвал Анжелике имя художника, выполнившего заказ.

Это некий Гонтран Сансе, проживающий в предместье Сен-Марсель.

С бьющимся сердцем Анжелика отправилась по этому адресу. На четвертом этаже весьма неказистого дома ей открыла дверь розовощекая улыбающаяся молодая женщина невысокого роста.

Гонтран стоял в мастерской перед мольбертом среди холстов и красок: лазурь, охра, голубец, малахитовая зелень... Он курил трубку и писал голого ангелочка, моделью для которого служила прелестная девочка нескольких месяцев от роду, лежавшая на голубом бархатном ковре.

Для начала посетительница в маске завела разговор о вывеске для торговца оружием, а потом сняла маску и рассмеялась, давая брату возможность узнать себя. Анжелике показалось, что Гонтран искренне рад увидеть ее вновь. Он все больше походил на их отца, даже манерой держаться. Например, слушая собеседника, брат складывал руки на коленях, как это было свойственно перекупщикам. Гонтран рассказал Анжелике, что он добился звания мастера и женился на дочери своего бывшего наставника Ван Оссея, выходца из провинции Голландия.

— Господи, да это же мезальянс! — в ужасе воскликнула Анжелика, воспользовавшись тем, что маленькая голландка находилась на кухне.

Истинный Сансе де Монтелу, Гонтран отреагировал незамедлительно и неистово.

— А ты? Я так понял, ты арендуешь таверну и наливаешь вино в бокалы людей, многие из которых стоят много ниже меня на социальной лестнице...

В комнате воцарилось молчание.

— Ты рассуждаешь о нашей фамилии, о древности нашего дворянского рода. Что проку от этого дворянства?

Разумеется, признал Гонтран, благодаря происхождению он получил бесплатное образование у иезуитов. Между тем Анжелика вспомнила, что способ

извлечь пользу из дворянства сыновей подсказал их отцу управляющий, гугенот Молин. Иезуиты покрывали свои расходы за счет учеников из семей, не принадлежавших к дворянскому сословию. Так, они принимали денежные пожертвования от богатых торговцев или судейских, продукты от земледельцев и фермеров из окрестностей того города, где располагалось их учебное заведение, привлекая состоятельных учеников возможностью получить образование вместе с детьми знати.

— Но религия — не мое призвание, — заявил Гонтран. — Другое дело Раймон, можно сказать, он был рожден, чтобы стать монахом.

Этот живой обмен мнениями и воспоминаниями вновь сблизил их.

Брат с сестрой понимали друг друга и прощали колкие высказывания. Гонтран продолжил с известной долей лукавства:

— Вот ты, ты ведь тут же примчалась, чтобы увидеться со мной! Без колебаний, без ложного стыда... А скажи, ты поспешила бы рассказать о своем нынешнем положении Раймону, который только что назначен духовником королевы-матери? Или нашей сестре Мари-Аньес, фрейлине королевы, которая ведет разгульный образ жизни в Лувре, как это принято у тамошних красоток? Или малышу Альберу, ставшему пажом у маркиза де Рошана? Вот увидишь: в конце концов кто-то из нашей семьи станет епископом.

Анжелика призналась, что она никогда не пыталась встретиться с этими представителями семьи Сансе. Она спросила, что стало с Дени.

— Он в армии. Отец на седьмом небе от счастья. Наконец-то представитель семейства Сансе на королевской службе! Жан-Мари, самый младший, учится в коллеже иезуитов в Пуатье. Не исключено, что Раймон добьется для него хорошей церковной

должности, так как у него превосходные отношения с духовником короля, который составляет список назначений. Так у нас в семье когда-нибудь появится епископ.

— Ты не находишь, что мы очень странная семья? — спросила Анжелика, качая головой. — Сансе есть и наверху, и внизу. Только Ортанс со своим мужем-прокурором оказалась где-то посередине.

— У них есть связи, но живут они небогато. После того как ее муж продал свою должность прокурора, вот уже больше года государство не выплачивает им ни единого су. И к тому же их ограбили, прямо накануне отъезда из квартала Сен-Ландри.

Анжелика вспомнила, что человек, которого она расспрашивала, сообщил ей об ограблении семейства Фалло, но тогда, волнуясь только о судьбе своих детей, она даже не обратила внимания на его рассказ. Бедняжка Ортанс! Она, наверное, до сих пор стонет и клянет во всех своих бедах процесс над графом де Пейраком.

— Ты видишься с ней?

— Да. Так же как и с Раймоном, и с остальными. Никто из них не гордится встречами со мной, но зато каждый хочет получить портрет.

Анжелика спросила с некоторым сомнением:

— А... когда вы встречаетесь... вы говорите обо мне?

— Никогда! — резко ответил художник. — Ты стала для нас слишком тяжелым воспоминанием, символом катастрофы, крушения. Ты разбила наши сердца, какими бы крошечными они ни были. К счастью, мало кто знал, что ты была нашей сестрой... Ты — жена колдуна, которого сожгли на Гревской площади!

Продолжая говорить, Гонтран взял ее руки в свои, испачканные красками и изъеденные кислотами. Он раскрыл ее маленькую ладонь, на которой остались

следы ожогов от горячей печи, и прижался к ней щекой. Он и в детстве бывал нежным...

К горлу Анжелики подступили слезы. Как же давно она не плакала! Свои последние слезы молодая женщина пролила перед смертью Жоффрея. Затем она разучилась плакать.

Анжелика вырвала руку и, разглядывая полотна, развешенные по стенам, сказала почти сухо:

— Ты создаешь прекрасные картины, Гонтран.

— Да. Но вельможи с притворным радушием обращаются ко мне на «ты», и мещане смотрят на меня свысока, потому что всю эту красоту я создаю своими собственными руками. Интересно, они предпочли бы, чтобы я работал ногами? И почему считается, что держать в руках шпагу — занятие благородное и не связанное с ручным трудом, а держать кисть — нет?

Молодой человек с горечью перечислял те глупые, на его взгляд, препятствия, которые стояли перед ним на пути к мечте стать художником. И это не считая постоянного безденежья.

Но вот Гонтран встряхнул головой, и улыбка осветила его лицо. После женитьбы он стал веселее и разговорчивее.

— Сестренка, я верю: однажды мы оба окажемся при дворе, в Версале. Королю нужны живописцы, причем много живописцев. Я буду расписывать потолки дворцов, писать портреты принцев и принцесс, и король скажет мне: «Вы создаете прекрасные картины, месье». А тебе он скажет: «Мадам, вы — самая прекрасная женщина Версаля».

И брат с сестрой расхохотались.

Анжелика оставила Гонтрану задаток и дала точные указания по созданию ее вывески.

Домой она вернулась в отличном расположении духа. Из-за слов брата о Версале, из-за его предсказания, которое касалось их обоих и которое так напоминало его детские фантазии, Анжелика простила Гонтрану жесткую фразу о Жоффрее, ее муже, сожженном на Гревской площади.

Все домашние пеняли ей, что она разбила им жизнь.

Она никогда не сможет объяснить им... Они никогда не простят ей процесса, покрывшего позором всю семью Сансе. Ту семью, которую она спасла от нищеты, став женой графа де Пейрака. Они продолжали видеть в ней лишь женщину, которая была связана с проклятым колдуном.

«Зато я познала любовь!» — внезапно подумала Анжелика, и приступ счастья наполнил ее бодрящей легкостью. Никто не сможет у нее этого отнять! Раньше Анжелика запрещала себе думать о своей любви, чтобы избежать невыносимой душевной боли. Но сейчас, когда она была одинока, отрезана от близких пропастью непонимания, которую ничто не смогло заполнить, неожиданные воспоминания о чудесной жизни с мужем придали ей новых сил. Она познала любовь! Его любовь!.. Теперь она по-новому воспринимала несчастья, происшедшие с нею.

Вывеска трактира «Красная маска» стала маяком для заблудившихся в парижской ночи. Она манила, как живописная гавань удовольствий и праздника.

Теперь Анжелика решила, что ей нужны изящные туфельки. Пара туфелек, которые привлекут взгляды к ее изящным лодыжкам, выглядывающим из-под края платья, когда хозяйка хлопочет на своем возвышении.

Для этого молодая женщина обратилась в общину братьев-сапожников святого Криспиана^[96], о милосердии и трудолюбии которых она узнала еще в Нельской башне.

Эти глубоко верующие люди не приносили обетов Богу, не становились монахами, но жили вместе, молились, работали, а плоды своего труда раздавали нуждающимся. Для несчастных нищих, которые не могли найти себе места даже во Дворе чудес, для стариков и брошенных, озябших больных они стали настоящим Провидением Господним. С почтением относились к ним семьи бедняков и даже небогатых мещан, ведь эти мастера продлевали жизнь их башмакам.

По примеру тех, о ком они заботились, братья часто переезжали, подыскивали себе какое-нибудь жилище, сарай или заброшенную конюшню. Там же они устанавливали рабочие столы, раскладывали инструменты и материалы: кожу и дерево, скобы и гвозди. Они просили милостыню и подбирали остатки зерна.

Анжелика нашла сапожников святого Криспиана недалеко от своего дома, на улице Гиллемитов ^[97].

Она принесла с собой рисунок, на котором сделала набросок для мастера. Ей хотелось изысканные туфельки удлиненной формы, на небольшом, но изящном каблучке. Она взяла с собой отрез красного атласа с муаровым узором, на который ей пришлось немало потратить, и эффектные блестящие бусины. За бусинами Анжелика послала Жавотту на торговую площадь Тампль, ведь только там можно было разыскать безделушки на любой вкус. Добротную кожу для подошвы хозяйка трактира надеялась купить у самих сапожников. Глава цеха братьев-сапожников схватился за голову. Это же надо такое придумать! У них будут неприятности! Они и так с трудом получили разрешение работать независимо от гильдии мастеров-сапожников, ведь только у ее членов есть право

производить и продавать обувь. А они, бедные братья святого Криспиана, могут только чинить башмаки.

Анжелика принялась упрашивать. Она не настолько богата, чтобы позволить себе пару новой обуви, причем обуви, выполненной на заказ по ее вкусу. Брат-сапожник знает, что для этого ей пришлось бы обращаться к кому-нибудь из признанных мастеров или к богатому торговцу, которые обслуживают королевский двор. А об этом не может идти и речи. Она всего лишь бедная и трудолюбивая хозяйка.

В конце концов брат-сапожник уступил перед доводами и красотой молодой женщины. К тому же он и сам мечтал хоть раз в жизни смастерить красивые туфельки.

К этому времени Розина вышла замуж.

И покинула Париж рука об руку с мужем. Впрочем, это было скорее красивой фразой, потому как на самом деле у них не было времени брать друг друга за руки.

Именно отъезд ускорил ее венчание с отличным парнем — подмастерьем кондитера, который уже много недель все свободное время посвящал ухаживаниям за Розиной, как того требовали обычаи и мораль.

В этом внезапном отъезде не было ничего драматического. Напротив, он должен был принести пользу молодоженам, Блезу и Розине. У жениха был заботливый дядя, занимавший важный пост мастера-кондитера в доме герцога Бельгардера. Дядя неожиданно пригласил Блеза помогать ему в ответственном и тяжелом труде. Герцогу Бельгардеру, увлеченному грандиозной идеей пригласить к себе самого короля, не хватало слуг. Те, что работали на него, и без того были загружены до предела. Когда в погожие дни ритм жизни его загородной усадьбы

ускорялся, кондитеры падали от усталости, стряпая всевозможные виды пирожных и маленьких печений, которые подавали к столу с шербетами и прохладительными напитками.

Дядя обещал заплатить парижскому мастеру, у которого целый год учился Блез, и одобрил его женитьбу. Ему очень понравилось, что у невесты Блеза отличный опыт работы на кухне. Он внес необходимую сумму, а потом стало известно, что герцог Бельгардер назначен наместником в далекую провинцию и вместе со своим домом переезжает к границе королевства.

Но даже отъезд в провинцию был для молодой четы редким везением.

В век бесконечных социальных потрясений, когда войны чередовались с голодом, трудно было найти лучшее место службы, чем дом богатого вельможи. Для некоторых слуг такой дом порой заменял и отца, и мать, которых многие простые люди не видели уже давно, а то и вовсе никогда.

В хозяйском доме челядинцы, верой и правдой служившие семье, получали надежную защиту и не знали забот о хлебе насущном. При желании слуга обретал кров и стол, о нем заботились во время болезни. Даже в старости он продолжал жить в доме хозяина. Все время службы гарантией свободы было достойное жалованье.

К счастью, в ожидании венчания близкие Розины получили возможность заняться крайне важным делом: узнать о происхождении юной невесты. Где она родилась, как звали ее отца и мать; в общем, получить любые сведения, которые требуются для удостоверения личности человека.

Анжелика обнаружила, что чем более неприметной, неясной, темной была судьба создания, явившегося в этот бранный мир скорее всего по недосмотру, тем сложнее доказать реальность его существования.

Однако это нужно было сделать. Потому что Розина — человек. У каждого человека должны быть документы, его появление на свет обязательно было где-то учтено. Откуда же взялась бывшая жена Великого Кесаря?

Кто дал ей жизнь — неизвестная нищенка или дворянка? Кто дал ей имя? Родители? Где люди, которые удочерили или продали ее? С какого момента в ее памяти появляется путеводная нить, которая поможет все это установить?

Судя по всему, Розина была дитя Парижа. Но где свидетельство, позволяющее доказать это?

Пока все горячо обсуждали ее происхождение, Розина продолжала ошипывать птицу для жарки и мыть посуду. У нее не было ни малейшего желания рыться в собственных воспоминаниях, и Анжелика понимала ее.

Брошенный ребенок — это только слова.

Но если бросили в Париже, то на какой мостовой? На паперти какой церкви?

Как только был задан этот вопрос, дело сдвинулось с мертвой точки.

Такого рода сведения можно обнаружить в записях приходских книг церкви, где свершилось таинство крещения. Конечно! Как глупо было не подумать об этом раньше! Крещение!

Единственный след, который позволяет любому человеку получить свидетельство о месте его рождения или том месте, где его нашли, о его вероисповедании, о его имени и фамилии, которые придумывали детям крестные отец и мать. В приходской книге указывался пол ребенка и его вероисповедание. Крестными родителями брошенных детей обычно становились нищие с паперти той же церкви. Зато в документе указывалась точная дата: день, месяц, год.

Но, как известно, в 1522 году Париж получил статус архиепископства и стал столицей, матерью остальных

городов Франции. После Тридентского собора^[98], решения которого привели к обновлению католической церкви и способствовали укреплению веры, число парижских приходов удвоилось. Поэтому, чтобы разыскать свидетельство о крещении и получить его копию, следовало обойти все церкви, часовни, частные и общественные молельни, все аббатства и монастыри — по крайней мере, тысячу святых мест.

И все-таки свидетельство они получили.

Не обременяя своим делом кюре уважаемого прихода, они обратились к одному из многочисленных в Париже обладателей тонзуры, и тот в обмен на гарантии защиты его церкви и церковного имущества от святотатцев-воров и на покупку индульгенций^[99], обещающих вечное спасение, выдал необходимую бумагу.

Самую низкую цену за свидетельство запросили в базилике с очень необычным названием: церковь Святого Марина, отшельника, жившего в IV в.^[100] В этом приходе обычно вступали в брак бывшие проститутки.

Об этом не может быть и речи, ведь дело касается судьбы Розины! Завсегдатаи «Красной маски» возмутились. Благонравная, скромная Розина, всегда занятая работой, нисколько не похожа на проститутку. А ее жених, подмастерье кондитера, он ведь очень набожен. Набожность еще ничего не доказывает, философски замечал развратник Монмор, у которого никогда не было иллюзий по поводу лицемерия святош.

Но, хотя лицемерие и было распространенным недостатком мещан, набожность Блеза была вполне искренней. Все радовались за него, ведь согласно закону супруг, взявший в жены подкидыша — как тогда говорили, «дитя милостыни», — мог не проходить обязательного экзамена на звание мастера.

Монмор был типичным «циником», если не «скептиком», что намного серьезнее, так как ставило под сомнение искренность его веры. Скептикам угрожала опасность пасть легкой жертвой обвинений в атеизме, а это уже вело на эшафот или даже, несмотря на дворянство, на костер.

Гость «Красной маски» относился к тем посетителям, чье ежедневное присутствие превратило их в близких людей, почти в членов семьи. Это оправдывало интерес, который мужчина проявлял ко всему, что окружало прелестную хозяйку и радушного мэтра Буржую.

Судьба Розины была общей заботой. Нельзя отпустить девушку в далекие края, не убедившись, что она будет счастлива на новом месте. Анжелику немало удивила разумность советов, которые давали служанке даже гуляки.

Один из них сообщил массу сведений о доме герцога Бельгар-дера. Конечно, последний не мог сравниться с самыми знатными вельможами королевства — так, на Ришельё постоянно работало более 150 человек, и это не считая шпионов. В доме герцога Бельгардера идеальный порядок обеспечивали три персоны: управляющий, духовник и секретарь. Именно они следили за работой многочисленной челяди, то есть руководили целой армией людей, построенной по принципам жесткой иерархии. Слуги и горничные, камердинеры и лакеи, возницы и конюхи, и, разумеется, те, кто отвечал за трапезу — от главного повара до последнего поваренка.

В день отъезда Анжелика проводила Розину почти до особняка герцога. Все соседние улицы были запружены тележками, каретами, экипажами. Такое событие!

Блез был одет в роскошный красно-бордовый костюм с серебряными галунами — ливрею слуг, отвечающих за трапезу в герцогском доме. Для работы молодой человек станет одеваться в белое, а его голову будет украшать белый колпак, высота которого зависит от ранга повара.

В момент расставания Анжелика и Розина молча смотрели друг на друга.

Что скрывалось в душе Розины, этой девочки-подростка со свежим личиком? Может быть, ее спокойствие — признак равнодушия и нечувствительности?

Но у Анжелики не было таких сомнений. Она знала, что это — признак природной отваги, нерушимого мужества и упорства, которые помогают выжить. Она была уверена, потому что сама обладала такими же качествами.

События прошлого связывали их прочнее, чем кровные узы. Невозможно стереть то, что прочно врезалось в память. Память сердца неизгладима.

Анжелика снова видит Розину холодной зимней ночью на кладбище Невинных среди жен Великого Кесаря Коротышки-Ролена с обнаженной грудью. А Розина видит Анжелику на коленях возле убитого чудовища с окровавленным кинжалом в руке.

Слышит неумолимый голос: «Тихо! А то мне придется убить и тебя».

И после этого они вместе, как сумасшедшие, бегут через весь город, чтобы оставить позади себя ночной

мрак.

— Розина, — произнесла наконец Анжелика, — обещай мне, что, если ты почувствуешь, что я тебе нужна, ты найдешь способ сообщить мне об этом. Я приду, я прибегу. Я все брошу, лишь бы быть рядом с тобой.

Глава 19

Обыкновенно с наступлением сумерек^[101] Лино выходил на улицу со своей корзиной маленьких вафель. Обычно он пел песенку, настойчиво приглашая всех желающих отведать его легкие вафли, которые в народе называли «позабудь». «Эй! Кто хочет забыть, что он потерял? Позабудь! Позабудь! Цену отличную ты отыскал».

Затем мальчик возвращался к трактиру с множеством новых клиентов из числа встреченных им прохожих.

Поздним вечером он пел и танцевал в трактире с обезьянкой Пикколо, позвякивая тамбурином.

Анжелика перераспределила обязанности. Мэтра Буржую, к которому вернулась его былая жизнерадостность, она отправила в общий зал, где по достоинству ценили его обширные кулинарные познания. Ее убедительные речи примирили ротисье со всеми «новшествами».

Он чувствовал себя увереннее в присутствии Одиже, который сам взялся за роль помощника. Анжелика не возражала. Она знала, что представления дворецкого о том, чем должна заниматься женщина, разделяет ее «дядя», и в то же время в присутствии Одиже хозяин трактира скорее соглашался с нововведениями своей «племянницы».

Сама хозяйка надолго исчезала в недрах кухни, где она, как все знали, собственноручно добавляла в блюда особые приправы, те самые тайные ингредиенты, секреты которых «гурманы» мечтали вырвать у нее во славу своих дней и своих «академий».

Ложка меда в коричневый соус, измельченный лук-шалот с жирным козьим сыром... Говорят, эти желтые

репки с изысканным вкусом, которые подают к жареному мясу, отварены в крепкой грушовке. Добавляя последний штрих, Анжелика с улыбкой прислушивалась к шуму в зале.

И вот наступал час, когда она присоединялась к гостям.

Молодая женщина появлялась в маске. Она переходила от одного столика к другому, приветствовала знакомых, знакомилась с новыми клиентами и всех одаривала улыбкой.

Зал был переполнен. Слухи о трактире передавались из уст в уста. Где-то в Париже... дегустируют вина... новые блюда для гурманов... и... самое удивительное: у хозяйки таверны тонкий ум, прекрасная фигура, ее волосы можно увидеть лишь мельком, но это блондинка. Что скрывает красная маска?

Многих терзали сомнения, многие умирали от любопытства, многие заключали пари. Порой, снисходя до просьб, Анжелика снимала маску и со своего высокого помоста дарила улыбку дорогим гостям. Такой сюрприз вызывал восхищение и радостное потрясение у тех, кто видел молодую женщину впервые. Они были счастливы узнать, кто скрывается за знаменитой маской. Некоторые из мужчин на коленях признавались, что их изумлению и восторгам нет предела; коленопреклоненные поэты посвящали даме стихи.

«Никогда свет не видел женщины прекрасней...»

Анжелика радовалась, что ее облик не разочаровывал посетителей. Природа и отменное здоровье не только сохранили ее прелесть, но напротив, она еще больше расцвела. Бывшая госпожа де Пейрак недолго влачила жалкое существование. И если она еще злилась на свои руки, испорченные стряпней, зато цвет кожи не пострадал от жара печей. Но она тотчас забывала о руках, погружаясь в ставшую

для нее привычной атмосферу всеобщего преклонения, неизменно возникавшую при ее появлении.

Защищенная красной маской, Анжелика чувствовала себя неуязвимой.

Легкость, с которой золото наполняло кошельки, принадлежащие мэтру Буржую и Анжелике, порой начинала казаться молодой женщине несоразмерной тем усилиям, которые они прилагали, чтобы превратить свое заведение в арену веселого праздника. В самом деле, все давалось им с легкостью.

Мысленно сравнивая тяжелый дебют в «Храбром петухе» с нынешним положением, Анжелика приходила к выводу, что за несколько месяцев ей удалось достичь поставленной цели и что отныне она свободна и находится вне опасности.

Те, кого она именovala своей «командой» или «общинной», были преданными, глубоко уважали, а некоторые — страстно любили свою хозяйку. Между тем посетители выказывали ей — возможно, излишне шумно, но искренне — восхищение и даже поклонение. Эти чувства, витавшие вокруг нее, как фимиам вокруг камильниц, придавали Анжелике новых сил. И каждый вечер, в означенный час, она превращалась в божество, окруженное пестрой публикой, пришедшей насладиться отменными винами и прекрасным мясом. Причем именно она всех объединила и собрала здесь. Будущее больше не представлялось ей огромной стеной страха. Она преодолела последние препятствия, и скоро к ней вернется жизнь, для которой она предназначена. Наступит долгожданный день, когда она окажется там, где ее ждут роскошь и великолепие.

На своем небольшом возвышении Анжелика испытывала моменты искренней, ничем не омраченной радости просто оттого, что она жива.

Тем ужаснее оказалось происшествие, которое потрясло молодую женщину и едва не сломало ее, как

СОЛОМИНКУ.

Глава 20

Для трактира «Красная маска» это был счастливый вечер. Один из тех вечеров, когда, безмятежная под прикрытием своей необыкновенной маски, Анжелика могла со своего возвышения созерцать происходящее, оставаясь недоступной для любопытных глаз.

А для тех, кто трудился, спеша накрыть на стол, повернуть вертел над огнем или помешать суп в кастрюльке, да и тех, кто только что вошел в трактир — будь то завсегдатаи или новые клиенты, которые лишь понаслышке знали о царившей здесь удивительной обстановке, — было достаточно видеть, что в зале находится ОНА. Величавая, внимательная, знавшая всех посетителей в лицо, таинственная, волнующая незнакомка в маске, как однажды ей сказал пылкий поклонник, очарованный блеском ее красоты.

Каждый из присутствующих находил здесь, что хотел, все, что обещали рассказы о новом трактире на улице Валле-де-Мизер: изобилие деликатесов, чудесные вина, но прежде всего — тайну, окутывавшую хозяйку в блестящей красной накидке. Иногда в жаркой духоте, в тумане голубого табачного дыма и душистых парах, под той накидкой угадывались очертания плеча, которые помогали вообразить весь облик незнакомки...

В начале вечера Анжелика главным образом следила за проворностью и прилежанием слуг, за их готовностью угодить гостям, усевшимся за столики в надежде отлично провести вечер.

Флипо отвечал за жарку мяса. Он внимательно следил за приготовлением цыплят, гусей и каплунов, вовремя поворачивая вертел. Анжелика издали наблюдала за Давидом, который с невероятной быстротой и ловкостью готовил по особому рецепту

куропаток и перепелов: это блюдо пользовалось неизменным успехом, тем более что его было не найти в других заведениях.

Вооруженный длинной иглой, обязательным инструментом в руках профессионала, он сшивал начиненные фаршем тушки, причем уже один аромат приправ вызывал одобрение и восторг в рядах «гурманов».

Целая компания собиралась отведать сегодня это блюдо.

Давиду помогала небольшая, но ловкая команда; несколько парней и девушек ошипывали птицу, и работа спорилась.

В «Красной маске» никогда не подавали залежалой дичи, но только птицу, убитую накануне, мясо которой было мягким, так как пролежало в ягдташе не более одного дня.

В трактире был и Одиже. Он переходил от одного гостя к другому, встречая их с радушием хозяина дома. Анжелика не сожалела о его присутствии, ведь именно благодаря дворецкому в трактире появилось много новых клиентов. Она понимала, что Одиже считал свою деятельность неоценимой услугой хозяйке, и это было отчасти справедливо. Благодаря нововведениям, в «Красной маске» порой начиналось настоящее столпотворение, и помощь при встрече гостей не была излишней. Тогда и Анжелика участвовала в приеме посетителей.

Входящих сердечно приветствовали. Кто-то уже уходил. Некоторые завсегда и, просидев здесь всю вторую половину дня за стаканчиком вина или за кружкой пива, поднимались и с явным сожалением покидали заведение. В такие моменты в дверях скапливалась целая толпа. Посетители спотыкались на трех ступенях, ведущих в зал: кто-то с шумом входил, кто-то медленно шел на улицу. Анжелика издали

внимательно следила за теми, кто входит, отмечала новые лица, узнавала знакомых и порой искренне радовалась приходу тех, кого она давно не видела и кто вновь появлялся, принося свежие новости и рассказывая их с блеском в глазах. Жизнь снова налаживалась. У нее опять была семья, круг общения.

В тот вечер Анжелика как раз смотрела на дверь, когда случилось нечто ужасное, невозможное... чего нельзя было предвидеть. Анжелике показалось, что с небес сверкнула молния и пронзила ее насквозь.

В толчее посетителей перед приоткрытой дверью, откуда в зал заглядывал уличный мрак, она увидела глаза, блеснувшие, как мерцающие светлячки... глаза, которые невозможно было забыть ^[102].

Но взгляд погас, и мужчина спустился по ступеням вместе с группой молодых людей, похоже его собутыльников.

Анжелика в мгновение ока очутилась у подножия своего возвышения и рванулась было к выходу, но накидка зацепилась за край стола и удержала ее на месте.

Она дернула накидку и почти разорвала ее. Анжелика попыталась пройти вперед, не понимая, что ее задерживает: то ли скопление людей, то ли дрожащие, отказавшие повиноваться ноги.

Ей под руку подвернулся Флипо, который только что занес вертел, чтобы насадить на него цыпленка. Анжелика схватила подростка за плечо, конвульсивно сжала его и вдруг вырвала у Флипо цыпленка, едва не швырнув тушку в сторону незнакомца.

Флипо вырос при Дворе чудес, где он сталкивался с жестокостью, но парнишка редко испытывал подобную боль. В тот миг ему показалось, что плечо схватили железными щипцами.

Он поднял глаза и увидел за маской картину, оставшуюся в прошлом. Перед ним стояла Маркиза Ангелов из Нельской башни, та, что обладала могуществом и славилась отвагой, та, что убила Великого Кесаря, та, которую боялись самые грозные бандиты.

— Флипо, — сказала Анжелика. — Видишь мужчину — вон там? Он пытается снова выйти, расталкивая тех, кто спускается по ступенькам в трактир...

Она взглянула еще раз, так как не была уверена, что это именно «он». Теперь она смотрела на мужчину со спины; но было в этой спине нечто, вызвавшее у Анжелики отвращение. Как судорожно пытался он сбежать, двигаясь, точно омерзительный слизняк.

— Да, вижу, — ответил Флипо, застыв с вертелом в руке.

— Давай, за ним!

В этот момент фигура человека с горящими глазами скользнула в ночь и, казалось, растворилась в ней.

— Иди за ним, — повторила Анжелика, отпуская мальчика. — Иди за ним! Не упusti из виду! Иди вслед, и на самой глухой улице, где он окажется в твой власти, убей его... ПРИКОНЧИ своим вертелом.

Флипо бросился вперед с первобытной ловкостью, приобретенной им за годы обучения ремеслу вора и карманника, той самой ловкостью, которая помогала ему становиться невидимкой среди самой густой толпы.

Анжелика видела, как он исчезает, тоже растворяется в ночи.

К ней вернулся здравый смысл. Казалось, никто ничего не заметил, и хозяйка трактира, упрекнув себя за то, что потеряла хладнокровие, вновь стала переходить от столика к столику.

Постепенно залы опустели.

Часто по вечерам Флипо сопровождал Анжелику домой, неся факел или фонарь. Но он не возвращался.

Анжелика разволновалась. К счастью, в тот вечер «Красная маска» опустела раньше обычного. Хозяйка постаралась уверить себя, что это случайность, а не следствие того, что постоянные посетители почувствовали себя неуютно из-за терзавшей ее тревоги.

Внезапный ужас! Неумолимый приказ, отданный Флипо. Все произошло слишком быстро. Никто не мог ни услышать, ни понять, что она сказала.

Анжелика с облегчением увидела, что осталась одна. Закончив уборку на кухне, работники быстро ушли. Возможно, подчиненным тоже передалось смутное беспокойство хозяйки. Ведь их всех связывает совместный тяжелый труд весь день и почти всю ночь!..

Анжелика ходила из угла в угол, волнуясь за Флипо. Она не сомневалась, что он выполнит приказ с тем же мужеством и решительностью, как если бы она попросила уничтожить отвратительного и опасного зверя. И тогда она сможет спокойно вздохнуть. От одной только мысли об этом случайно замеченном субъекте, переступившем порог трактира, все ее естество восставало вновь и вновь.

Она твердила себе, что у Флипо все получится. И справедливость восторжествует.

Погоня поваренка за ускользающей тенью — всего лишь незначительный эпизод на ночных улицах Парижа.

Но вдруг ее обуял страх.

А если они повстречают собаку?..

Она представила себе стелящийся силуэт белого пса, затем вспомнила о человеке... О полицейском, который жестокой рукой схватил ее за волосы и отвел назад голову, пытаясь опознать Маркизу Ангелов. От

страха на лбу ее выступил пот, но, к счастью, в это мгновение на пороге появился Флипо.

Он все еще сжимал в руке вертел, но Анжелика сразу же заметила, что от усталости мальчик едва держится на ногах.

— Ну что!.. Ты убил его?

Увидев жалкое выражение его лица, Анжелика все поняла.

— Я мог бы, — промямлил Флипо. — Я зажал его в угол на одной улочке... Но он обернулся... У него глаза горят... Маркиза Ангелов, я не сумел... Это демон...

— Тебе надо было перекреститься! — воскликнула Анжелика.

Глава 21

Сквозь ночь, сквозь темноту улиц она шла и шла вперед. Нет, она не бежала. Но шла так быстро, так испуганно, что движение походило на бег, вернее — на бегство. Отодвинув Флипо в сторону, Анжелика, не раздумывая, бросилась на улицу. Она хотела убежать от воспоминаний. От всех воспоминаний.

До сих пор она старалась стереть именно воспоминания. Сильнее всего на свете она боялась до конца осознать глубину своей потери и меру чудовищной несправедливости, вызвавшей эту потерю. В чем же тогда ей черпать мужество, чтобы продолжать свой труд, такой ничтожный и такой жалкий в сравнении со всеми стоящими перед ней препятствиями, труд, который должен вытащить ее из пропасти?

Но прошлое само пришло к ней в самом отвратительном и бессмысленном образе, который в ее сознании прочно переплетался с внезапной потерей счастья.

Пока она шла, перед ее глазами всплывала далекая сцена, и она вновь слышала голоса двух молодых конюших, которые обменивались тихими фразами, сворачивая попоны кардинальских мулов.

Это случилось в Сен-Жан-де-Люзе, в те два или три дня, когда графиня де Пейрак, бесчувственная ко всему окружающему, скиталась по городку в надежде встретить Жоффрея и Куасси-Ба.

Проходя мимо двух молодых людей, занятых работой, она и услышала это странное имя — Флегетан...

Остановившись, Анжелика прислушалась к обрывкам фраз.

— А правду говорят, будто он счетовод у Фуке?

— Никто не воспринимает всерьез каких-то там счетоводов, а ведь в их руках сосредоточена огромная власть...

— Это именно он устроил ту самую оргию содомитов и святотатцев в Страстную пятницу прошлого года...

— В Руасси, у Антуанетты де Месм.

— А вы там были?

— Да. И да, и нет. Месье де Месм^[103] убеждал меня, что, как истинный дворянин, я получаю таким образом возможность доказать свое свободомыслие. Однако когда он ушел и я увидел аббата, направлявшегося в свою комнату, то присоединился к нему. Мы решили бежать в Париж. Но в пути нас догнали: Луи-Виктор послал за мной своего камердинера, чтобы я устыдился страха перед Адом. Зато выяснилось, что камердинер тоже боится, как и мы. И вот втроем мы нашли место в экипаже, который понесся к Парижу, чтобы успеть в столицу до вечернего колокольного звона, который, как говорят, доносится до самого Рима. На следующий день я был на Темной утрени^[104], но никто меня не видел, и я полагаю, что это все тоже были козни дьявола... Тот случай в Руасси будет преследовать меня до самого Судного дня...

Анжелика шла в ночи.

Картина из прошлого по-прежнему стояла перед ее мысленным взором. Она видела залитый солнцем двор, двух дворян, движениями рачительных домохозяек складывающих попоны, золотое шитье которых сияло, а колокольцы звенели. Она слышала беседу этих придворных о кощунственном действе.

Наконец, усталость овладела ею. И когда занялся рассвет, Анжелика поняла, что находится рядом с собором Парижской Богоматери.

По какому мосту она попала на остров Сите? Неважно. Пытаясь скрыться от дневного света, Анжелика почти наткнулась на колонны портала и, подняв глаза, увидела, как над ней, подобно утесу, вздымается фасад и колокольни собора Парижской Богоматери. Робкие лучи солнца бросали неясные блики на рельефные скульптуры, нависающих горгулий и каменные резные цветы.

Она представила себя на паперти собора Парижской Богоматери: крошечная фигурка, окруженная такими же фигурами других людей, озябших и сосредоточенных, которые, еще не до конца освободившись от власти сна, поспешили прийти к заутрене. Анжелика слышала стук небольшой двери, открывающейся и закрывающейся за прихожанами.

Ее пошатывало от усталости.

Руки ее ласково ощупывали металлическую вязь двери — дивного художественного творения, о котором говорили, что его выполнил сам Сатана, получив взамен душу мастера.

В тот день солнце решило потеснить тучи. Тонкие лучи, осветив паперть, заставили Анжелику зажмуриться, и тогда она вошла под своды собора, чтобы укрыться в полумраке. По правую сторону от входа она нащупала кропильницу^[105]. Одна из огромных раковин, что встречаются в тропических морях, поражая совершенством формы и блеском перламутра, и составляют славу храмов, которые смогли купить их, чтобы те служили сосудом для омовения святой водой рук верующих, вступающих в церковь.

Пальцы Анжелики ощутили свежесть воды, и она широко перекрестилась, старательно исполняя ритуал

входа в святой храм. Устремленные в бесконечность своды собора Парижской Богоматери терялись во мраке.

Эхо вторило тихому шелесту молитв, пению псалмов, которое то затихало, то усиливалось; тут и там в ожидании богослужения танцевали огоньки. В главном алтаре и в боковых нефх причетники зажигали восковые свечи.

Анжелика повернула направо и оказалась перед открытой решеткой, за которой находилось небольшое помещение с каменной скамьей вдоль стены. Она из последних сил вошла внутрь. Уже очень давно она не совершала столь длительных прогулок по Парижу. Напряжение, близкое к страху, придавало Анжелике сил, и вот, поглощенная воспоминаниями о Сен-Жан-де-Люзе, она даже не заметила, по скольким улицам прошла в нервном исступлении, которое теперь покинуло ее, уступив место слабости.

Ее изящные туфельки были в плачевном состоянии. На ходу она их не раз теряла, то одну, то другую, и обращала на это внимание лишь потому, что начинали болеть ноги.

От чулок почти ничего не осталось.

Анжелика сидела, постепенно восстанавливая дыхание и силы.

Теперь она знала, куда бессознательно толкала ее паника: к Дворцу правосудия. Его здание возвышалось совсем неподалеку, на другом конце Бочарной улицы, которая разделяла остров Сите на две части. С одной стороны — собор Парижской Богоматери, с другой — бывший королевский дворец, ставший вотчиной парламента и судебных властей.

Она знала... На этом острове она чувствовала себя, как дома.

Темнота рассеивалась, становясь полутенью.

Появившийся на пороге мужчина замер, заметив фигуру одиноко сидящей женщины. При виде его к Анжелике вернулись все ее былые страхи, и она лишь молча смотрела на незнакомца.

Оглядевшись по сторонам, он присел рядом и спросил:

— Куда ты его положила?

Анжелика вздрогнула. Став хозяйкой «Красной маски», она отвыкла, чтобы к ней обращались на «ты».

Внезапно молодая женщина с беспокойством подумала о том, как она выглядит со стороны: после такой безумной прогулки следовало ожидать, что ее внешний вид будет внушать подозрение.

Ей даже в голову не пришло снять с себя шейный платок и повязать им голову при входе в церковь.

Кутаясь в накидку, Анжелика постаралась выглядеть как можно более достойно.

— Простите меня. Я немного устала и решила посидеть здесь, чтобы не привлекать внимания. К чему относился ваш вопрос?

— Складывается впечатление, что ты действительно ничего не знаешь о соборе. Здесь, за порталом Святой Анны, находится помещение, предназначенное для звонарей... я — главный звонарь.

— Месье, прошу меня извинить.

— С другой стороны, за порталом Девы Марии, находится еще одно помещение, там можно просить убежища... настоящего убежища. О да! Конечно! Раньше говорили, что весь собор дает право на убежище, так говорят и сейчас.

Звонарь сказал, что в этом помещении, где они сейчас находятся и куда он сам приходит, чтобы предаться духовному созерцанию перед тем, как отправиться звонить в колокола, она тоже может

передохнуть. Но правильнее было бы свернуть налево, в помещение за порталом Девы Марии, потому что много веков существует непреложный обычай: его порог не может переступить даже дьявол, чтобы схватить виновную женщину или преследуемого мужчину. Туда закрыт путь и стражникам из Шатле, и стражникам из Дворца правосудия, которые обычно появляются первыми, так как находятся по соседству.

— Месье, не говорите о дьяволе.

— Почему? Ведь мы сейчас находимся в месте, где он не властен. Здесь тебя не может настичь людская злоба. Какими бы ужасными ни были твои грехи, ты можешь отдохнуть здесь в мире и милосердии Божьем! Господин Венсан перед смертью распорядился поставить в убежище собора Парижской Богоматери, в помещение за порталом Девы Марии, мраморную скамью, устланную соломой, чтобы женщины оставляли своих младенцев именно там. Ведь внутри храма новорожденному будет не так холодно, как на паперти, где дует северный ветер!

Это и объясняло вопрос «Куда ты его положила?», который задал звонарь, когда, заметив женщину в правом помещении, он решил, что она ошиблась дверью и принесла ребенка не туда, куда следует.

Звонарь поведал, что здесь очень часто можно увидеть женщин, которые хотят, пусть еще недолго, но побыть рядом со своим младенцем, не боясь, что их узнают, разоблачат, схватят... Затем, пользуясь темнотой, они уходят.

— Не все женщины так уж плохи, — заключил доброжелательный звонарь.

В эту минуту появились два запыхавшихся паренька. Звонарь назвал их своими учениками. Мальчикам было приблизительно по двенадцать-четырнадцать лет, именно в этом возрасте они набирают силу и так любят отрываться от земли,

взлетать в воздух, вцепившись обеими руками в «Маргариту» или «Жаклин»^[106]. Собору Парижской Богоматери нужны сильные звонари.

— В день рождения дофина потребовалось шестнадцать человек, чтобы раскачать самый большой колокол собора Парижской Богоматери.

Пройдя вдоль Нового рынка, а затем по Новой улице, Анжелика оказалась перед Дворцом правосудия. Она пересекла Бочарную улицу.

В конце сводчатого прохода молодая женщина увидела силуэт стражника, его бородатый профиль под отделанной галуном офицерской шляпой с округлым плюмажем. Все стражники, вооруженные копьями или алебардами, носили бороды, возможно, подражая швейцарским гвардейцам, признанным лучшими воинами Европы.

Стражник, состоящий при царственной особе или на карауле у покоев, должен всегда оставаться настороже и при малейшей угрозе первым движением направить оружие, а вторым — убить.

По правде говоря, воин с алебардой, охранявший вход во Дворец правосудия, казался скорее добродушным. Разнообразная публика во многом состояла из зевак, которые приходили поглазеть на сокровища галереи Галантерейщиц. Среди любопытствующих почти не попадалось подозрительных личностей, поэтому бдительность стражника притупилась. Однако большую часть посетителей Дворца правосудия составляли именно личности, представлявшие возможную угрозу, а также магистраты, творящие правосудие, или адвокаты, защищающие своих клиентов.

Не встретив препятствий, Анжелика оказалась во дворе, воспоминания о котором сохранила в глубине души. Но на сей раз вместо надвигающейся ночи здесь занимался ясный день. Солнце уже высвечивало стройный золотистый силуэт Сен-Шапель, напоминая всем о своем присутствии. Красоту этого здания можно в полной мере оценить, стоя внизу и глядя вверх на венки его витражей, которые, будь то ночью или днем, возносят вас на небеса.

Но Анжелика, хорошо запомнившая этот первый двор, искала витрину мэтра Людовика со странными и экзотическими предметами — рогом единорога, бивнями слона, яйцом страуса, — которая так привлекла ее когда-то. Не найдя витрины, молодая женщина расспросила местных торговцев, которые сказали ей, что теперь мэтр Людовик торгует редкими книгами и перебрался поближе к Консьержери, со стороны набережной Часов, в галерею, которую называют галереей заключенных.

Тогда Анжелика прошла вдоль длинной галереи Галантерейщиц, популярность которой привлекала сюда множество людей. Погруженная в свои мысли, хозяйка «Красной маски» не замечала соблазнительных товаров, выставленных в галерее: кружева, драгоценности, веера, предметы роскоши и всевозможные безделушки.

На другой стороне галереи, по которой она шла, на каменных скамьях, места на которых бальи, скорее всего, сдавал за высокую цену, выставлялись напоказ — по-другому и не скажешь — адвокаты, писцы и магистраты в черных платьях с белыми брыжами, обладающие «полезными связями». Они рассуждали, спорили между собой, а рядом с некоторыми стояли ничего или почти ничего не понимающие клиенты, на которых внимательно поглядывал стражник.

Анжелика свернула на галерею Заключенных.

Она нерешительно шла вдоль этой новой для себя галереи с таким зловещим названием. Здесь собиралась совсем другая публика, отличающаяся от публики живописной галереи Галантерейщиц. Среди почитателей красивых и старинных книг почти не встречалось женщин. Тут прохаживались магистраты, профессора, образованные мещане, преимущественно одетые в черное. Они склонялись над связками листов или над открытыми книгами с тем видом, с которым кот склоняется над миской молока. Охваченные своею страстью, они нисколько не заботились о том, чтобы освободить проход колоннам заключенных, которых вели из Консьержери под эскортом вооруженных алебардами стражников. У многих заключенных ноги были закованы в кандалы. Анжелика увидела также нескольких женщин, которых сопровождали или поддерживали монахини-тюремщицы из ордена Святой Екатерины. Хозяйка «Красной маски» узнала их по рысе: чтобы присутствовать на процессе мужа и не быть узнанной, она облачалась точно в такую же ^[107]. Анжелика судорожно сжала воротник своей накидки, чтобы защититься от внезапно охватившего ее непонятного холода. Она уже потеряла надежду обнаружить среди всевозможных вывесок название «Королевский книготорговец» — магазинчик мэтра Людовика.

Наконец, в одной из витрин, находившейся чуть в глубине, молодая женщина заметила предмет, воспоминание о котором она хранила: рог единорога. находка пробудила в ней радостное волнение.

Смутные видения, воспоминания о маленьких синих книжках! ^[108] Именно из них она когда-то узнала о мифическом единороге — животном, которое никогда не существовало, но описывалось как восхитительное создание, белый конь, мчащийся рысью, почти не

касаясь копытами земли. Иногда единорог останавливался, чтобы оказать вам честь. Он с небывалой грацией тряс гривой, а рог, словно из розовой слоновой кости, блистал.

И дети в замках, уже почти заснувшие, грезили о белом лунном единороге, скачущем мягким галопом среди лужаек...

— Я ждал вас, — раздался голос из темноты.

Анжелика узнала того, кто обратился к ней однажды вечером, когда она встречалась с адвокатом Дегре.

Мэтр Людовик появился в ту минуту, когда она с тайным облегчением уже решила отказаться от поисков, и Анжелика так и застыла, не найдя, что сказать в качестве приветствия.

Мужчина жестом пригласил ее сесть с другой стороны прилавка-витрины. Там стоял табурет. Анжелика почти рухнула на него. И тотчас заговорила.

Без лишних предисловий она начала объяснять причину своего присутствия. Существует какой-то человек, вне всякого сомнения, демон, который появляется в лучшие моменты ее жизни, чтобы разбить ее счастье, и обрушивает на нее ужасные напасти, даже смерть мужа. Ее губы отказывались проговорить, как он был казнен, и, не найдя нужных слов, Анжелика замолчала столь же внезапно, как и начала говорить.

Она внимательно смотрела в лицо своего собеседника, но его выражение не показалось ей ни серьезным, ни озабоченным, а лишь слегка ироничным.

Мэтр Людовик долго хранил молчание, очевидно, для того, чтобы дать ей время прийти в себя, а потом, как в прежние времена Магистр, принялся загибать пальцы.

Во-первых, с чего она взяла или кто ей сказал, что вышеупомянутая личность — демон?

Во-вторых, где и при каких обстоятельствах все это произошло?

Вместо того чтобы ответить, что все случилось в Сен-Жан-де-Люзе, во время свадьбы короля, на которую она была приглашена, Анжелика молчала, а мужчина с иронией наблюдал за ней.

Молчание затянулось. Наконец, он задал третий вопрос, который и вовсе лишил молодую женщину дара речи.

— У вас есть портрет матери?

Анжелике пришлось приложить значительное усилие, чтобы понять суть вопроса и вежливо ответить. Да, конечно, некогда у нее был портрет матери, и, вне всякого сомнения, она взяла его с собой, покидая отчий кров после замужества. Но где портрет теперь?

Маг ждал, всем своим видом напоминая учителя, который и не надеется услышать верный ответ. Вдруг он встал, подозвал жестом одного из мальчишек-посыльных из Дворца правосудия и, дав ему какие-то наставления, вручил серебряную монету. По всей видимости, вознаграждение было щедрым, потому что довольный парнишка поспешно удалился. Мэтр Людовик вновь уселся перед Анжеликой.

— Возвращайтесь домой, — сказал он. — И приходите не раньше трех-четырех часов пополудни.

Анжелика вздрогнула и заявила, что не желает возвращаться домой. Ей нужно получить ответы на мучающие вопросы. Она предпочитает остаться в ожидании того часа, когда он сможет принять ее вновь.

— Ну что же, оставайтесь здесь, — мэтр Людовик не отказался от насмешливого тона, который, казалось, заготовил специально для этой посетительницы. — Любой парижанин во Дворце правосудия чувствует себя как дома. Наверное, среди жителей столицы нет ни единого человека, кто здесь не бывал, — это как

крещение. Каждый хоть раз приходил поплакаться на грозящую ему опасность или на потерянную жизнь...

В поисках места, где она могла бы подождать, Анжелика обратила внимание на широкую лестницу, спускавшуюся к Майскому двору. Каждый год в этом просторном дворе горожане сажали традиционное майское дерево, символизирующее приход весны. Действо сопровождалось красочным представлением. За насыпью виднелись крыши домов и колокольни церкви, оттуда доносился городской шум.

Анжелика села на ступеньки лестницы, подобно другим посетителям Дворца правосудия, которые, как и она, были вынуждены ждать приема. Двое или трое из них, объединившись в кружок, скромно предлагали друг другу колбасу, хлеб и кувшинчик с каким-то напитком.

Именно здесь, у подножия лестницы, той самой холодной и ненастной ночью билась в истерике женщина, которую угрызения совести заставили кричать: «Это я его предала!.. Это я!»

Но видение тут же исчезло. Сегодня сверкало солнце, а камни были почти горячими. Анжелика скатала свою накидку и подложила ее под голову, как подушку. Она закрыла глаза. Ею овладевал сон.

Вдруг кто-то ласково дотронулся до ее ноги.

Анжелика открыла глаза и увидела молодого человека, стоявшего перед ней на коленях и снимавшего мерки.

— Я подмастерье сапожника, — объяснил он. — Ваши туфли испорчены. Нужно уговорить моего хозяина из галереи торговцев, чтобы он сделал вам пару туфель. Мы украсим их настоящими жемчужинами, а не стеклянными бусинами, как у вас.

Рядом с Анжеликой на ступени присел молодой человек с гитарой.

*На ступенях Дворца
Сидит прекрасная дева
Лон-ла,
Сидит прекрасная дева!..*

После долгих месяцев, вдруг показавшихся молодой женщине годами, в течение которых она постоянно отбивалась от настойчивых ухаживаний кавалеров, редко привлекательных, всегда немного пьяных, а порой откровенно наглых — если не считать охваченного страстью Одиже, — Анжелика испытывала чувство легкости, слушая на ступенях Дворца правосудия комплименты двух веселых юношей. Они не строили никаких далеко идущих планов, а всего лишь хотели отвлечь и рассмешить ее.

Анжелика чувствовала себя помолодевшей, освободившейся от тяжести повседневной жизни, от груза постоянной ответственности за детей, которых необходимо спасти. Ведь у них никого не было, кроме нее — матери, ставившей перед собой невыполнимые задачи в надежде выиграть это пари у судьбы...

Шутник продолжал импровизировать.

*А рядом малыш-сапожник,
Ему улыбнулась удача,
Лон-ла,
Ему улыбнулась удача...*

Молодой сапожник, прихватив с собой мерки, взбежал по ступеням, тоже напевая песенку.

Гитара навевала на Анжелику сон, она вновь прилегла на сложенную накидку и закрыла глаза, наслаждаясь теплым солнцем. Молодой человек продолжал напевать.

*Красавица, если хочешь,
Мы будем спать вместе,
Лон-ла...
Мы будем спать вместе!*

— Вот еще! — возмутилась Анжелика, не открывая глаз.

Но певец напевал с такой нежностью, а слова лишь подчеркивали привлекательность мелодии, напоминающую колыбельную.

*В огромной постели,
В огромной постели,
Под белыми простынями,
Лон-ла...*

Когда молодая женщина проснулась от того, что все ее тело онемело от неудобной позы на пыльных ступенях, солнце уже клонилось к закату и гордые силуэты окрестных колоколен выделялись темными пятнами на позолоченном небе. Певец и сапожник исчезли.

Анжелика с трудом пришла в себя и огляделась вокруг мутным взглядом. Где-то там, в городе, ее ждала тяжелая ноша, которую опять придется взвалить на плечи, но теперь она уже не знала, будет ли от этого хоть какая-нибудь польза. Полулежа в теплых лучах солнца на ступенях Дворца правосудия, она ужаснулась тому непреодолимому безумию, что властно влекло ее к ночным улицам города. Неужели это никогда не закончится?

Чтобы укрепить свое мужество и развеять страх, она не видела другого выхода, кроме как обратиться за

помощью к колдуну, который пока не оправдал ее ожиданий. А больше ей не у кого было спросить совета.

Она поднялась по ступеням, с трудом переставляя ноги, как настоящая старуха.

Эта широкая парадная лестница, некогда построенная для приема высокородных друзей короля и их свиты, а со временем поневоле впитавшая в себя все тревоги и вину людей, вызванных в суд, людей, остановленных законом, людей, застывших между жизнью и смертью, для многих превратилась в Голгофу. Некоторые шли по ней с озабоченным видом, иногда останавливаясь, а иногда перешагивая через ступеньку, и их черные платья развевались на ветру.

Но большая часть посетителей поднималась степенно и торжественно, ведь они направлялись на заседание суда.

Словом, в этот час на лестнице скопилась целая толпа самых разных людей, которые, скорее всего, как и Анжелика, чего-то ждали. Сюда, за решетку Дворца, был закрыт вход для бездомных бродяг. Тут жил своей жизнью город в городе, и в этом городе каждый играл свою роль. Именно так выглядели посетители, входящие через ворота во двор Сен-Шапель, чтобы побродить по галереям или присутствовать на процессах.

Книжная лавка, ревниво прячущая свои сокровища — книги и содержащиеся в них знания, казалась надежным пристанищем. Анжелика уселась на тот самый табурет, на котором сидела несколько часов назад, а хозяин лавочки, окутанный ароматами неизвестных трав, с довольной полуулыбкой рассматривал некий предмет, лежавший в его ладонях.

— Я послал к вам певца, — сообщил он Анжелике. — Удалось ли ему успокоить ваши расстроенные чувства?

Его несколько насмешливый и пренебрежительный тон вновь пробудил беспокойство в душе молодой

женщины.

— Месье, вы не понимаете. Только вы можете меня успокоить! Я хочу знать, почему этот страшный человек меня преследует. Разве не вы предупредили меня когда-то, что надо мной тяготеет проклятие, которое мешает мне жить?

— Вот именно, — заявил мэтр Людовик, — мы к нему и подошли! Теперь у меня есть нечто, что мне было необходимо.

Он протянул свою ладонь, и Анжелика вскрикнула от удивления.

— Ах! Это портрет моей матери!

— Вы ее узнаете?.. Это хорошо.

И, не обращая внимания на изумление посетительницы, мэтр Людовик объяснил, что речь идет о проклятии, которое из-за ошибки ее отца довлеет над всей семьей, но, главным образом, над ней.

Все произошло в ту пору, когда барон Арман растрачивал свои силы и свои деньги ^[109] в Париже, на службе у короля, как и подобает представителю старинного дворянского рода.

Жизнерадостный и бойкий, не задумывающийся об осторожности, он пережил бурное любовное приключение с опасной женщиной, принадлежавшей к далекой и неизвестной расе, истоки которой теряются в тумане на восточных границах Европы. Как известно, грань, разделяющая столь разные народы, почти непреодолима, особенно в делах любовных. То была цыганка, причем цыганка, принадлежавшая к знатному роду. Ведь у этих странных орд, кочующих по дорогам с худыми лошадьми и шаткими телегами, есть свои принцы, а следовательно, и принцессы. А дальше случилось вот что. Когда барон Сансе де Монтелу решил вернуться в свою провинцию с намерением вступить в брак, цыганка не смогла смириться с

мыслью, что потеряет его. Однако возлюбленный не отказался от своих планов и в конце концов уехал, нисколько не заботясь о девице. Тогда она решила наложить на него проклятие, которое бы заставило его заплатить за те муки, что она испытала.

Быть может, она надеялась, что он женится на ней? Самые безумные мечты могут пустить ростки в сердце влюбленной женщины, даже если она цыганка.

Но еще не наступили те времена, когда сумасшедшая страсть сможет помочь двум влюбленным преодолеть черту общественных и религиозных запретов. За одни только подобные мечты церковь могла приговорить цыганку к сожжению, а родня — к смерти.

— Итак, она не простила твоему отцу-барону, что он оставил ее мракобесию соплеменников, обрек на судьбу кочевников — всеми ненавидимых, отверженных, вечно гонимых на дорогах французского королевства, да и всей Европы.

Мэтр Людовик добавил:

— Говорят даже, что они, как и евреи, пытались уплыть в Новый Свет, но и там их встретили костры, потому что испанская инквизиция тоже отправилась за море.

Анжелика слушала собеседника, не понимая, чего он хотел добиться, рассказывая ей эту поразительную историю об отце. Ее разум восстал. Обессиленная, ошеломленная, она совсем растерялась.

— Но я вас просила не об этом! — внезапно воскликнула она. — Я просила вас рассказать мне о человеке, который, вне всякого сомнения, связан с миром демонов. Мне рассказывали, что вы умеете изгонять этих демонов, чтобы изменить судьбы честных людей, которых они преследуют и мучают... Я хочу знать, что скрывается за несчастьями, которые обрушились на нас. Я уверена, что он это знает, и вы

тоже знаете... Или могли бы узнать, — поправилась Анжелика, осознавав, что ее упреки и недовольство невольно могут оскорбить человека, который снискал уважение всего Дворца правосудия и у которого спрашивает совета сам канцлер Сегье.

— Ну почему вы не хотите меня понять, почему вы оставляете меня на произвол судьбы?

Она вдруг почувствовала так, как будто тонет в зыбучих песках, которые поглотили ее счастье.

Мэтр Людовик не рассердился.

— Успокойся, — сказал он, внезапно переходя на «ты», — доверься мне. Знай, что я не могу сказать тебе больше того, что уже сказал, но не могу сказать и ничего другого. Именно в этом проклятии кроется зло, влияющее на твою жизнь, обрекающее тебя на поражение, вопреки тому, что при рождении ты получила силу побеждать. Все, что я могу сделать, это избавить тебя от проклятия, которое было направлено на твоего отца, а посему коснулось твоей матери и всей твоей семьи... Это не так просто, поверь! Распутать, уничтожить проклятие, наведенное тремя одаренными цыганками...

— Почему тремя?

— Потому что одна оскорбленная девица, несмотря на всю обиду, не смогла бы навести столь сильное заклятие. Она обратилась за помощью к матери и к одной из своих теток, слава которой преодолела границы королевства и докатилась до самого Черного моря. Твой отец должен был потерять все, что имел, а главное — он должен был остаться бездетным.

— Но тогда... как же получилось, что мы все-таки появились на свет?

— В этом-то и заключена тайна... Насколько бы ни была сильной наведенная порча, порой случается так, что она не действует или ослабляется неучтенными противодействующими силами. Святость вашей матери

смогла отвести или изменить предначертанные несчастья.

Анжелика продолжала зачарованно глядеть на колдуна, но не произнесла ни слова, и он добавил почти весело:

— Все ясно как день. Невозможно заставить страдать кого-либо, если для него любое страдание, любая жертва, даже невозможность иметь детей, — испытание, ниспосланное Богом. И именно это испытание дарует скромному созданию счастье служить Богу, разделить страдания Господа Нашего Иисуса Христа на кресте. Горячо верующий человек принимает все муки, лишь благословляя их. Самые зловредные умы бессильны против таких жертв. Таким образом, ваша матушка частично разрушила чары, воздействовавшие на вашего отца, и избавила его от злой участи остаться бездетным, что, несомненно, стало бы самой жестокой карой как для него, так и для нее.

Мэтр Людовик говорил с такой искренней добротой, что Анжелика вконец растерялась. И вспомнила своего отца сидящим на склоне холма, пока она сама, прыгая то на одной, то на другой ножке, приставала к нему с вопросами.

Вся эта история с цыганкой была так не похожа на него.

— Мой отец был порядочным человеком, — жалобно пролепетала она, пытаясь нарисовать более правдивую картину минувшего.

— Почему вы говорите «был»? Ваш отец не умер, насколько мне известно. И что странного в том, что восточная женщина до безумия влюбилась в порядочного человека, христианина, который оценил ее по достоинству и который заставлял ее смеяться? Эти женщины-гадалки очень впечатлительны и чувствительны, как арфы, но при этом они не

избалованы романтическим вниманием своих мужчин, которые в большинстве своем отличаются угрюмостью и не блистают красноречием.

— А... тот, другой? Тот, чьи глаза горят во тьме.

— Он меня не интересует. Это ваше дело. Скажу только: никакой это не демон, а просто человек, родившийся злым и развращенным. Таких много, и всех их объединяет то, что они не умеют или не желают воспользоваться возможностями, которые им дарованы, чтобы измениться в лучшую сторону. Они идут к власти самой легкой дорогой: продают душу дьяволу или заставляют поверить в это наивных людей. Они сеют беспокойство и ужас, используя трюки фокусников с Нового моста. Они плодят хаос и преступления. Все, что я могу сказать — он бессилен против вас. Возможно, сейчас он напуган много сильнее, чем вы. Но давайте больше не будем говорить об этом. Когда я избавлю вас от проклятия, все изменится к лучшему.

Было ясно, что мэтр Людовик больше ничего не скажет. Он и так уже сказал своей посетительнице намного больше, чем имел обыкновение сообщать клиентам, будь они хоть судьями, хоть принцами или канцлерами.

Озадаченная, Анжелика поднялась и положила на стол кошель. А ведь она возлагала столько надежд на эту встречу, цеплялась за нее, как тонущий за соломинку.

Когда Анжелика, полная сомнений, уже брела в сторону шумной толпы библиофилов и конвоируемых заключенных, мэтр Людовик догнал ее и обратился к ней, словно к ребенку или к подруге:

— Держите себя в руках, малышка! Не поддавайтесь танцу Сатаны!.. Именно вам предначертано спасти мир!

Глава 22

Шутник! Вот он кто, твердила себе Анжелика, идя по направлению к улицам Валле-де-Мизер и Фран-Буржуа. Он посмеялся над ней. Поразительно, как Полька, обладавшая тонкостью суждений и верным чутьем, порекомендовала ей этого колдуна.

Сначала Анжелика отправилась на улицу Фран-Буржуа, а потом вошла в «Красную маску» через заднюю дверь, появившись в трактире по ее распоряжению.

После исчезновения хозяйки все извелись.

Не видеть ее, а главное, не знать, где она находится, — вся команда «Красной маски» была в полной растерянности, на грани отчаяния. Оказалось, что во многих мелочах, например сколько щепоток перца добавить в то или иное блюдо, доверяют только Анжелике. Никому и в голову не пришло обратиться к мэтру Буржю и уж тем более к Одиже, который с готовностью предложил свои услуги и чей профессиональный опыт был общепризнанным. Все невольно повернулись к Флипо, который, очевидно, знал больше остальных. Фразы на воровском жаргоне, которыми порой обменивались Анжелика и подросток, говорили о том, что у них свои секреты, а это вызывало любопытство и порождало зависть. Поваренок не отрицал, что он знал чуть больше остальных, но объяснил только, что мадам Анжелика ушла, чтобы «закончить одно дело...». Это заявление никого не успокоило.

И вдруг она появилась, как обычно, с первыми лучами зари. Ее фигурка возникла в неясном сером свете, который окутывал еще холодное помещение. Теперь можно зажечь огонь, отворить ставни, открыть

витрину с соблазнительными блюдами, манящими прохожих.

Тогда как сама Анжелика ощущала себя лишь тенью той женщины, которая когда-то жила совсем иной жизнью.

Однако постепенно, занявшись простыми, но нужными делами, которые она так любила, Анжелика вновь обрела душевный покой.

На следующее утро после своего безумного приключения Анжелика окончательно пришла в себя, стоя перед кухонным столом, на котором была навалена гора овощей и фруктов.

Ее пальцы слегка коснулись гладкой кожуры роскошной тыквы. Она взяла нож, разрежала тыкву, и крепкая мякоть цвета утренней зари вызвала улыбку на ее лице.

Помнится, в Монтелу дети не слишком любили тыквенный суп? Но госпожа де Сансе, гордившаяся прекрасными овощами, которые делали честь ее огороду, настаивала, чтобы дети непременно ели это сезонное блюдо.

Анжелика прекратила свой бунт. Она смирилась с разоблачениями и откровениями, которые выплеснул на нее прорицатель из Дворца правосудия.

Она приняла и признала... все, что он ей сообщил, ПРАВДА. Имелось неопровержимое доказательство, что незнакомец, обосновавшийся в галерее Заключенных, знал что говорит: он подробно описал мать Анжелики, баронессу Сансе де Монтелу.

Он разгадал ее характер по одному маленькому портрету — да и каким образом портрет попал ему в руки?! Он знал о ней все. Мэтр Людовик знал больше, чем супруг покойной, который, однако, ее обожал; больше, чем могли бы знать дети, маленькие безразличные и эгоистичные тираны. Дети, на которых была направлена ее светлая молчаливая добродетель,

были предметом ее внутренней страсти, ведь она жила только ради них. Но в высшем смысле ее жизнь была посвящена Господу. Вся семья находилась в ореоле ее святости. Пока мэтр Людовик говорил, Анжелика вновь вспоминала мать, с корзинами в руках, такую кроткую и худенькую. Особенно зимой! Летом здоровый прилив сил наделял ее хрупкую фигурку женской привлекательностью, которой она отличалась в молодости. Именно эту хрупкость унаследовала Анжелика.

Неожиданное, но яркое воспоминание о матери стало надежным доказательством ясновидения мага. Кто еще смог бы указать на невидимое зло, что, без их ведома, опутало членов семьи Сансе? Одно из необычных явлений, влияющих на судьбу целого поколения, но о котором никто даже не догадывался. Однажды, возможно, его назовут семейной тайной.

В этом и состояло, по утверждению самого мэтра Людовика, его ремесло: находить и выявлять проклятия, чтобы очистить судьбы людей, которых преследуют удивительные противники, порождающие зло, зло для...

Пока Анжелика хлопотала вокруг овощей, она поняла еще одну очевидную истину.

Этот визит к колдуну из Дворца правосудия избавил ее от постоянной тревоги, от болезни, которую молодая женщина могла бы назвать страхом перед собственным прошлым. Под впечатлением от пугающей встречи с человеком с горящими глазами эта болезнь вновь пробудилась в ней и почти довела ее до безумия. Анжелика поздравила себя с тем, что побывала у мэтра Людовика. При всей их противоречивости, разоблачения колдуна вернули ее к обычной жизни, в которой заключалось и ее настоящее, и ее будущее. К тому же, вопреки уверениям старого охотника за демонами,

Анжелика не сомневалась, что он займется этой сомнительной личностью — Флегетаном.

Теперь она могла спокойно вспоминать о Флегетане, о прошлом, воскрешая в памяти отдельные картины. Солнце Сен-Жан-де-Люза, неразрывно связанное с теми днями, когда оборвалось... закончилось ее счастье... Тех дней ей не забыть никогда.

— Тыкву так не чистят! — категорическим тоном произнес Одиже.

Он забрал нож из рук Анжелики. И заговорил о сливках, о грибах, о белом вине, которое нужно добавить к телячьему бульону, чтобы сварить превосходный тыквенный суп.

— Одиже, — сказала Анжелика, — вы не могли бы... не могли бы... оставить меня в покое хоть на минуту?

Она говорила очень сдержанно, но взгляд красноречивее любых слов давал понять, что сейчас с ней лучше не спорить.

Одиже отошел и уселся в углу. Один из слуг почтительно поднес ему кувшинчик любимого вина. Дворецкий скромно умолчал, что несколько дней назад Анжелика сама попросила научить ее паре-тройке рецептов, чтобы добавить к меню сезонный овощ, который отличается разнообразием форм и цветов. Одиже успокаивало уже то, что он снова видит Анжелику живой и здоровой, видит, что после многочасовой отлучки она как ни в чем не бывало расхаживает по залам и кухне «Красной маски». Когда он узнал, что накануне ночью она исчезла без объяснений и видимой причины, его обуял панический страх. Молодой человек и не подозревал, что способен испытывать подобный страх; он сохранял хладнокровие даже во время военных кампаний, в которых участвовал как распорядитель армейской кухни и, случалось, наряду со знатными вельможами и солдатами рисковал жизнью под огнем артиллерии. Но за те несколько

часов, когда он было решил, что больше никогда не увидит Анжелику, он не раз спрашивал себя, как ему жить дальше, а ведь по характеру дворецкий был весьма жизнелюбивым человеком. Одиже понимал, что хозяйка «Красной маски» свела его с ума, но ничего не мог с этим поделать. К тому же его смущал беспокойный нрав этой женщины, которая мало-помалу заняла главное место в его жизни.

Когда они поженятся, он постарается постепенно отстранить Анжелику от работы. Одиже признавал за своей избранницей умение вести дела, но подобное занятие не для порядочной женщины... Пусть она совершенствует свой талант принимать и радовать гостей в кругу семьи, на радость близких и детей. Освобожденная от забот, она очень скоро поймет, что успешно управлять трактиром — не женское дело. В работе повара и трактирщика нужны духовная и физическая энергия мужчины. Даже для взбивания соусов и ежедневного разливания вина требуется намного больше мышечной и моральной силы, чем думают некоторые. А иной раз, чтобы привести в чувство посетителей, и вовсе необходима сноровка укротителя хищников, ведь многие приходят в трактир, чтобы весело провести время, и позволяют себе всяческие излишества. Только присутствие мужчины помогает разрешить и, при необходимости, уладить самые сложные ситуации.

Одиже был человеком опытным и знал, как привлечь в трактир «Красная маска» лучших посетителей, то есть самых знатных и самых богатых людей Парижа. Он уже добился, что сюда стали захаживать благородные господа из окружения короля, которые, не считая его другом, ценили его советы дворецкого. Потом он заманил бы в «Красную маску» обладателей легких денег, которые жаждут утопить в оргиях и драках свою тоску по полям битвы. И которые,

— он трепетал заранее — привлеченные красотой Анжелики, без зазрения совести станут ее у него оспаривать.

Да и сама Анжелика таила в себе массу загадок и тайн. Одиже издали наблюдал за ней.

Ее можно было бы назвать задумчивой или даже рассеянной.

На самом деле, погруженная в кропотливый труд, Анжелика предавалась воспоминаниям; ее ум воскрешал разные картины, приятные и нет, о которых она боялась размышлять всерьез, но и забыть, стереть из памяти была не в силах. Эти картины были лишь обрывками прошлой жизни, на которые раньше она старалась не обращать внимания и тут же выбрасывала из головы. Например, вопрос, который она иногда себе задавала: «Как получилось, что безумная монахиня Карменсита ускользнула от приставленной к ней монастырской охраны и поздним зимним вечером появилась у подножия лестницы Дворца правосудия, чтобы прокричать о своем раскаянии?»

В своих раздумьях Анжелика перенеслась к мэтру Людовику.

Она спрашивала себя, сколько времени ему понадобится, чтобы ослабить влияние проклятия цыганки на их семью. Колдун не скрывал, что это трудная задача и что он берется за нее с тяжелым сердцем. Она заставила себя не думать об этом слишком долго, а только помолилась, чтобы он не отчаялся и не оставил ее. Она попыталась быть разумной, надеясь, что он забудет ее нетерпеливые речи и ее сомнения и возьмет на себя заботу о ней.

Она старалась понять, зачем совершила этот «визит» в прошлое. Быть может, настало время отбросить сомнения и подготовить свою память к неожиданным встречам с прошлым, смириться с их

неизбежностью и не терять рассудка. Она правильно поступила.

Ей стало легче жить, у нее прибавилось сил.

Что бы ни случилось, она будет готова, она встретит будущее, свободная от страхов прошлого.

Глава 23

Как-то раз, когда на город опустились осенние сумерки, Анжелика прогуливалась по Новому мосту. Она зашла сюда купить цветы и, пользуясь случаем, бродила от лавочки к лавочке. Остановившись перед платформой Большого Матье, она вздрогнула.

Большой Матье тащил зуб у молодого человека, стоявшего перед ним на коленях. Рот пациента был широко раскрыт и растянут щипцами хирурга. Но Анжелика узнала светлые и жесткие, как кукурузная солома, волосы и черный поношенный плащ. Это был молодой человек с кораблика с сеном.

Она растолкала локтями толпу, чтобы протиснуться в первый ряд.

Несмотря на прохладную погоду, лоб Большого Матье покрылся крупными каплями пота.

— Клянусь брюхом святого пьяницы, как сказал бы тот, кто стоит напротив!^[110] Бог ты мой, какой упрямый зуб!

Лекарь прервал работу, чтобы утереть пот, достал свое орудие изо рта жертвы и спросил:

— Тебе больно?

Пациент повернулся к публике, улыбнулся и отрицательно помотал головой. Сомнений не оставалось. Это был точно он, его бледное лицо, его большой рот и его ужимки обольстительного простофили!

— Вы видите, дамы и господа! — вскричал Большой Матье. — Ну разве это не чудо? Вот человек, который не испытывает боли, а ведь зубы у него очень крепкие, уж поверьте мне! Вы спросите, благодаря какому чудодейственному средству он не испытывает боли? Благодаря вот этому волшебному бальзаму, которым я

натер его десну перед операцией! В этом маленьком флаконе, дамы и господа, содержится средство, которое позволит вам забыть о любой боли. Благодаря чудесному бальзаму у меня никто НЕ ИСПЫТЫВАЕТ БОЛИ! У вас вырывают зубы, а вы этого даже не замечаете. Ну что же, друг мой, давай вернемся к работе.

Молодой человек вновь поспешно открыл рот. С проклятиями и оханьем лекарь опять взялся за непокорную челюсть.

Наконец с триумфальным криком Большой Матье показал восторженным зевакам клещи с зажатым в них упрямым коренным зубом.

— Отлично! Вы чувствовали боль, друг мой?

Пациент поднялся, продолжая улыбаться. Он сделал жест, показывая, что ему не больно.

— Что я могу еще добавить? Вот человек, страдания которого вы видели, и он уходит свежий и бодрый. А все благодаря чудесному бальзаму, которым из всех медиков-эмпириков пользуюсь лишь я один. Отныне каждый без колебаний избавится от вонючей гвоздики, которая позорит рот честного христианина. Теперь к зубодеру будут являться с улыбкой. Не сомневайтесь, дамы и господа. Подходите! Боли больше нет! БОЛЬ УМЕРЛА.

Тем временем пациент Большого Матье уже надел свою остроконечную шляпу и теперь спускался с платформы. Анжелика пошла за ним следом. Ей хотелось подойти к молодому человеку, но она не была уверена, узнает ли ее незнакомец.

Сейчас он шел по набережной Морфондю вдоль Дворца правосудия. Всего в нескольких шагах от себя Анжелика видела, как в тумане, пришедшем с Сены, мелькает его причудливый худой силуэт. И вновь ей показалось, что это призрак. Молодой человек шел очень медленно, останавливался, потом шел дальше.

Вдруг он исчез. Анжелика сначала вскрикнула, но тут же сообразила, что незнакомец просто спустился по трем или четырем ступеням к берегу реки. Тогда, ни секунды не раздумывая, молодая женщина тоже спустилась по лестнице и едва не столкнулась с неизвестным, прислонившимся к стене. Согнувшись пополам, он глухо стонал.

— Что случилось? Что с вами? — спросила Анжелика.
— Вы больны?

— Ох! Я умираю, — ответил незнакомец слабым голосом. — Этот зверь чуть не оторвал мне голову. Наверняка он сломал мне челюсть.

Молодой человек сплюнул тонкой струйкой крови.

— Но вы же говорили, что вам не больно?

— Я ничего не говорил, я был на это просто неспособен. К счастью, Большой Матье хорошо заплатил мне за эту маленькую комедию!

Он застонал и сплюнул снова. Анжелике показалось, что молодой человек сейчас упадет в обморок.

— Какая глупость! Вам не нужно было на это соглашаться, — сказала она.

— Я ничего не ел уже целых три дня.

Анжелика обхватила рукой тощий торс незнакомца. Он был выше ростом, но казался таким легким, что, наверное, даже ей под силу унести на руках этот несчастный скелет.

— Пойдемте, сегодня вечером вы отлично поужинаете, — пообещала она. — И это не будет вам ничего стоить. Ни су... и ни одного зуба.

Вернувшись в трактир «Красная маска», Анжелика побежала на кухню и отыскала там все необходимое, чтобы утолить голод жертвы зубодера. Нашелся бульон с отличным говяжьим языком, нашпигованным огурцами и корнишонами. Все это хозяйка трактира отнесла своему гостю, прихватив кувшинчик красного вина и большой горшок горчицы.

— Вот, начните с этого. Мясо нежное. А дальше посмотрим.

Длинный нос бедняги затрепетал.

— О, дивный аромат супа! — прошептал молодой человек. Его плечи расправились, казалось, он воскрес. — Благословленная амброзия! Пища богов!

Анжелика оставила незнакомца, чтобы он мог спокойно поесть. Отдав необходимые распоряжения и проверив, все ли готово к приему посетителей, она направилась в подсобное помещение, чтобы приготовить соус. Здесь хозяйка «Красной маски» уединялась, когда готовила особенно изысканное блюдо.

Через несколько минут дверь приоткрылась и в образовавшуюся щель просунулась голова гостя.

— Скажи-ка, красавица, ты — та самая маленькая нищенка, которая знает латынь?

— Это я... и не я, — сказала Анжелика, которая никак не могла понять, довольна ли она тем, что молодой человек ее узнал. — Сейчас я племянница мэтра Буржую, владельца этого заведения.

— Другими словами, ты больше не находишься под сомнительным покровительством господина Весельчака?

— Избави Боже!

Молодой человек проскользнул в комнату, легкой походкой приблизился к Анжелике и, обняв ее за талию, поцеловал в губы.

— Итак, мессир, полагаю, что вы уже отлично себя чувствуете! — сказала Анжелика, когда к ней вернулось дыхание.

— Более или менее. Я уже давно ищу тебя по всему Парижу, Маркиза Ангелов!

— Тише! — Молодая женщина с опаской огляделась по сторонам.

— Не бойся. В зале нет ни одного сыча. Поверь мне, я знаю их наперечет. А ты неплохо устроилась, маленькая нищенка. В твоей жизни было много корабликов с сеном? Я оставил маленький, бледный, слабый и чумазый цветочек, который плакал во сне, а сегодня нашел пухленькую, отлично устроившуюся дамочку...

Но это и вправду ты. Твои губы все так же хороши, но теперь у них привкус вишен, а не горьких слез. Иди ко мне...

— Я занята, — промолвила Анжелика, отталкивая руки, потянувшиеся к ее щекам.

— Две секунды счастья стоят двух лет жизни. И к тому же, знаешь ли, я все еще голоден!

— Хотите блины и мармелад?

— Нет, я хочу тебя. Только ты сама и твои объятия смогут утолить мой голод. Я хочу твои губы-вишни, твои щеки-персики. Ты стала вся такая аппетитная. О чем еще может мечтать бедный голодный поэт... У тебя такая нежная кожа, что мне хочется тебя укусить. Ого, тебе жарко!.. Это чудесно! Аромат твоего божественного тела заставляет меня умирать от внезапного приступа голода...

— Право, вы невыносимы! — запротестовала Анжелика, стараясь освободиться. — Ваши речи — то лирические, то ужасно непристойные, сводят меня с ума.

— Это именно то, чего я желаю. Ладно, не строй из себя недотрогу.

Уверенным движением, свидетельствующим о том, что силы вновь вернулись к нему, молодой человек прижал Анжелику к себе, откинул ее голову на сгиб руки и вновь прильнул к ее губам.

Громкий удар деревянного половника о стол заставил их резко отскочить друг от друга.

— Клянусь святым Жаком! — прорычал мэтр Буржю.
— Проклятый писака, приспешник Сатаны, мерзкий клеветник, в моем доме, в моем трактире, позволяет себе вольности по отношению к моей девочке! Вон отсюда, негодяй, покуда я не вышвырнул тебя на улицу пинком под зад!

— Сжальтесь, мессир, сжальтесь над моим бедным задом и моими штанами! Они настолько изношены, что ваша августейшая нога может одним неловким движением обнаружить зрелище, недостойное дамского взора.

— Убирайся вон, наглец, грызущий ногти бумагомарака! Ты позоришь мой трактир драной одеждой и шляпой ярмарочного фигляра.

Тогда незнакомец, продолжая корчить рожи, смеясь и держась обеими руками за ту заднюю часть тела, которой угрожала опасность, бросился к двери на улицу. На пороге он показал хозяину нос и исчез. Анжелика несколько смущенно сказала:

— Этот тип ворвался в комнату, и я не могла от него избавиться.

— Хм-м! — проворчал ротисье. — А мне показалось, что ты была вполне довольна. Потихе, красавица, не спорь! Я не на это разозлился. Немного ласки только на пользу хорошенькой девушке. Но если честно, Анжелика, ты меня разочаровываешь. Разве в наше заведение не приходят достойные мужчины? Почему из всех надо было выбрать именно этого памфлетиста?

У фаворитки короля мадемуазель де Лавальер был слишком большой рот. Она немного хромала. Утверждали, что этот недостаток придает ей особую пикантность и не мешает восхитительно танцевать, но факт оставался фактом: она хромала.

У нее почти не было груди. Лавальер сравнивали с Дианой, говорили о привлекательности андрогинных существ, но факт оставался фактом: у нее была плоская грудь. Ее кожа была слишком сухой. Слезы, вызванные многочисленными изменами короля, оскорблениями придворных, угрызениями совести, заполняли ее глаза. Она стала худой, как щепка. К тому же после второй беременности она страдала от интимного недуга, в детали которого был посвящен лишь Людовик XIV. Но знал о них и Грязный Поэт.

И вот, обо всех тайных и явных бедах и обо всех физических недостатках фаворитки Клод Ле Пти написал остроумнейший памфлет, но настолько злой и непристойный, что даже наименее целомудренные горожане не осмеливались показывать его своим женам, которые посылали за стихами своих служанок.

*Будь хромой, но пятнадцатилетней,
Ни груди, ни ума не имей.
Оставайся невинной девицей
Даже в спальне своих малышей.
Не грусти, что отца ты не знаешь,
Это к счастью, малышка, поверь,
Фавориткой Людовика станешь,
Как Луиза де Лавальер.*

Именно так начинался тот памфлет.

Листы с пасквилями встречались в Париже повсюду: в особняке Бирон, где жила Луиза де Лавальер, в Лувре и даже в покоях королевы, которая, прочитав описание соперницы, впервые за долгое время рассмеялась и потеряла от радости маленькие ручки.

Оскорбленная, умирающая от стыда мадемуазель де Лавальер бросилась в первый попавшийся экипаж и приказала отвезти ее в монастырь Шайо, чтобы принять постриг.

Но король приказал ей вернуться ко двору.

За ней отправили господина Кольбера.

Это распоряжение было продиктовано не столько нежными чувствами, сколько яростью монарха, над которым осмелился смеяться его собственный народ и который начал подозревать, что такая любовница не делает ему чести.

Самые опытные полицейские ищейки были брошены в погоню за Грязным Поэтом.

На сей раз никто не сомневался, что его повесят.

Глава 24

Анжелика была одна в своей маленькой комнате на улице Фран-Буржуа. Жавотта только что удалилась, сделав реверанс. Дети спали. Вдруг снаружи раздался шум торопливых шагов, приглушенный тонкой пеленой снега, который начал медленно падать этим декабрьским вечером.

Кто-то постучал в дверь. Анжелика накинула халат и пошла взглянуть в дверное окошко.

— Кто там?

— Открой скорее, маленькая нищенка, скорее. Собака!

Не мешкая ни секунды, Анжелика отодвинула засовы, шагнула под свод портика и тут же столкнулась с памфлетистом. В тот же миг белая тень, выскочив из ночной тьмы, напрыгнула на молодого человека сзади и вцепилась ему в горло.

— Сорбонна! — закричала Анжелика.

Она бросилась вперед и схватила дога за влажную шерсть.

— Оставь его, Сорбонна! Lass ihn! Lass ihn!

Анжелика заговорила на немецком, вспомнив, что именно на этом языке Дегре отдавал команды собаке.

Сорбонна рычала, а ее клыки глубоко вонзались в воротник жертвы. Но узнав наконец голос Анжелики, собака вильнула хвостом и согласилась выпустить добычу, хотя рычать не перестала.

Молодой человек задыхался:

— Я умер!

— Пока еще нет. Быстро заходите в дом.

— Собака останется перед дверью и предупредит полицейского.

— Да входите же, говорю я вам!

Анжелика втокнула молодого человека в дом, захлопнула за ним дверь, а сама осталась на улице. Она крепко держала Сорбонну за ошейник. Молодая женщина видела, как перед входом в сводчатую галерею в свете фонаря кружится снег. Наконец послышались приглушенные шаги хозяина, те самые, которые всегда раздавались после появления собаки: шаги полицейского Франсуа Дегре.

Анжелика подалась вперед.

— Не свою ли собаку ищете, мэтр Дегре?

Полицейский остановился, а потом тоже зашел под навес.

Молодая женщина не могла разглядеть его лица.

— Нет, — очень спокойно ответил мужской голос. — Я ищу памфлетиста.

— Сорбонна пробежала мимо. Представьте, в прежние времена мы с вашей собакой были знакомы. Я узнала ее и окликнула, а она позволила мне взять себя за ошейник.

— Несомненно, Сорбонна была искренне рада встрече, мадам. Вы дышите свежим воздухом на пороге собственного дома в столь дивную погоду?

— Я вышла запереть дверь. Но мы разговариваем в темноте, мэтр Дегре, и я уверена, что вы не догадываетесь, кто я такая.

— Я не догадываюсь, мадам, я знаю наверняка. Мне давным-давно известно, кто живет в этом доме, а поскольку в Париже нет кабака, в котором бы я не бывал, то могу сказать, что видел вас в «Красной маске». Вы взяли себе имя мадам Моренс, и у вас два сына, старшего из которых зовут Флоримон.

— От вас ничего не скроешь. Но если вы знаете, кто я, то почему для того, чтобы мы смогли побеседовать, потребовалось вмешательство случая?

— Я не был уверен, мадам, что мой визит доставит вам удовольствие. В последнюю нашу встречу мы

расстались не совсем по-дружески.

Анжелика воскресила в памяти ночь охоты в предместье Сен-Жермен. Во рту у нее пересохло, ей казалось, что там не осталось ни капли влаги.

Бесцветным голосом она спросила:

— Что вы хотите этим сказать?

— В ту ночь, как и сейчас, шел снег, а в потерне Тампля было так же темно, как и в этой сводчатой галерее.

Анжелика с трудом скрыла вздох облегчения.

— Мы расстались совсем не так уж плохо. Мы были побеждены, а это не одно и то же, мэтр Дегре.

— Не надо называть меня «мэтром», мадам, потому что я продал свою адвокатскую должность после того, как меня выгнали из университета. Но следует заметить, продал очень выгодно и смог выкупить чин капитана полиции, ответственного за аресты. Так что теперь я занимаюсь доходным и не менее полезным делом: преследую злоумышленников и неблагонадежных горожан. Вот так, с высот красноречия я спустился в глубины молчания.

— Однако вы по-прежнему отлично изъясняетесь, мэтр Дегре.

— При случае. Когда обнаруживаю вкус к ораторскому искусству. Быть может, именно поэтому мне поручают судьбы тех, кто столь невоздержан в речах, как в письменных, так и в устных: поэты, газетчики — всевозможные бумагомаратели. Скажем, сегодня вечером я преследую опасную личность, некоего Клода Ле Пти, также прозванного Грязным Поэтом. И сейчас, несомненно, этот человек должен благословлять вас за своевременное вмешательство.

— Отчего же?

— Оттого, что вы остановили меня и собаку, когда мы шли по следу, а тем временем злоумышленник сбежал.

— Примите мои извинения за то, что задержала вас.

— О, лично я безмерно рад этому. Хотя небольшому салону, в котором вы меня принимаете, несколько недостает уюта и тепла.

— Простите. Заходите в другой раз, Дегре.

— Я приду, мадам.

Полицейский склонился к собаке, чтобы надеть на нее поводок. Снежные хлопья становились все крупнее. Полицейский приподнял воротник своего плаща, сделал шаг, но затем остановился.

— Я тут кое-что вспомнил, — сказал он. — Ведь именно он, Грязный Поэт, написал крайне жестокий пасквиль во время процесса вашего мужа. Подождите, как же там...

*А мадам де Пейрак, красавица,
Надеясь, что камера заперта глухо
И что муж в Бастилии останется...*

— Ради Бога, замолчите! — воскликнула Анжелика, зажимая уши ладонями. — Больше никогда не говорите об этом. Я больше не вспоминаю ни о чем. Я не хочу об этом вспоминать...

— Значит, прошлое умерло для вас, мадам?

— Да, прошлое умерло!

— И это лучшее, что оно могло сделать. Я вам больше никогда не напомню о нем. До свидания, мадам... и спокойной ночи!

Стуча зубами, Анжелика закрыла засовы. Она промерзла до костей, стоя на холоде перед домом, ведь на ней был одет лишь тонкий пеньюар. К холоду прибавилось волнение от новой встречи с Дегре и от услышанных откровений.

Анжелика вошла в свою комнату и закрыла дверь. Молодой человек со светлыми волосами сидел перед

очагом, обхватив руками худые колени. Так он был похож на сверчка.

Молодая женщина прислонилась к двери. Упавшим голосом она спросила:

— Вы — Грязный Поэт?

Нежданный гость улыбнулся.

— Грязный? Разумеется. Поэт? Возможно.

— И это вы написали эту гадость... о мадемуазель де Лавальер? Почему вы не можете позволить людям спокойно любить друг друга? Король и эта девушка сделали все возможное для того, чтобы сохранить свои чувства в тайне, а вы раздуваете скандал и пишете гнусное стихотворение! Конечно, поведение короля достойно порицания. Но он — молодой горячий мужчина, его насильно женили на принцессе, не отличающейся ни умом, ни красотой.

Клод Ле Пти усмехнулся.

— Как ты его защищаешь, красавица моя! Этот высокородный распутник покорил и твое сердечко?

— Нет, но меня охватывает ужас, когда я вижу, как пачкают грязью любовь — чувство, достойное уважения, самое благородное чувство на свете.

— На свете нет ничего благородного и достойного уважения.

Анжелика пересекла комнату и прислонилась к камину. Она чувствовала себя слабой и измученной. Поэт поднял на нее глаза. Молодая женщина видела, как в них танцевали красные отблески пламени.

— Разве ты не знала, кто я? — спросил он.

— Никто мне не сказал, а сама как бы я догадалась? Ваше перо безжалостно и ядовито, а вы...

— Продолжайте...

— А вы показались мне добрым и веселым.

— Я добрый с маленькими нищенками, которые плачут на кораблях с сеном, и злой с людьми голубой крови.

Анжелика вздохнула. Она никак не могла согреться. Она указала подбородком в сторону двери.

— Теперь вам следует уйти.

— Уйти! — воскликнул поэт. — Уйти, когда Сорбонна поджидает меня, чтобы пойти по следу, а чертов полицейский мечтает заковать в кандалы?

— Их уже нет на улице.

— Нет, они там. Они подстерегают меня в темноте.

— Клянусь вам, они и не подозревают, что вы находитесь именно здесь.

— Как можно быть в этом уверенным? Разве ты не знаешь эту парочку, моя милая, ты, которая была в банде Весельчака?

Анжелика жестом приказала молодому человеку замолчать.

— Вот видишь? Ты и сама чувствуешь, что они там, снаружи, настороже, ждут, осыпанные снегом. И ты хочешь, чтобы я ушел!

— Да, пойдите прочь!

— Ты меня выгоняешь?

— Да, я вас выгоняю.

— Но ведь я не причинил тебе зла?

— Причинили.

Он долго смотрел на Анжелику, а затем протянул к ней руку.

— Тогда давай помиримся. Иди сюда.

Она осталась неподвижной, и он добавил:

— Нас обоих преследовала собака. Что нам останется, если мы будем злиться друг на друга?

Он все еще протягивал ей руку.

— Твои глаза стали такими жесткими и холодными, как изумруды. В них больше не увидишь солнечного отражения маленькой речушки под зеленью листвы, которая говорит: «Люби меня, целуй меня...»

— Это говорит река?

— Нет, это говорили твои глаза, пока я еще не был твоим врагом. Иди ко мне!

Анжелика внезапно уступила и присела на корточки рядом с ним. Молодой человек обнял ее за плечи.

— Ты вся дрожишь и больше не выглядишь уверенной хозяйкой трактира. Что испугало тебя, что причинило боль? Собака? Полицейский?

— Собака. Полицейский. И вы тоже, господин Грязный Поэт.

— О, роковая троица Парижа!

— Вы знаете все и обо всех, вы всегда в курсе малейших событий... вы знаете, кем я была до того, как попала к Весельчаку?

Молодой человек досадливо поморщился.

— Нет. С тех пор как я тебя вновь встретил, я разузнал, как тебе удалось выпутаться и как ты прибрала к рукам хозяина трактира. Но что было до Весельчака — тут след обрывается.

— Вот и прекрасно.

— Но меня раздражает, что, в отличие от меня, этот чертов полицейский знает о тебе все, я уверен.

— Вы состязаетесь друг с другом в получении сведений?

— Случается, мы с ним даже ими обмениваемся.

— В сущности, вы очень похожи друг на друга.

— Чуть-чуть. Но все же между нами существует большая разница.

— Какая же?

— Дело в том, что я не могу его убить, а вот он вполне способен отправить меня в последний путь. Если бы сегодня вечером ты не открыла мне дверь, его стараниями я оказался бы в Шатле. И сейчас благодаря дыбе мэтра Обена стал бы на три дюйма длиннее, ну а завтра на рассвете уже раскачивался бы на виселице.

— А почему вы говорите, что сами не сможете его убить?

— Потому что я не умею убивать. Мне становится плохо от одного только вида крови.

Увидев выражение отвращения на его лице, Анжелика рассмеялась. Худая рука поэта коснулась ее шеи.

— Когда ты смеешься, ты становишься похожей на маленькую голубку.

Клод Ле Пти склонился к ней. Она увидела в его нежной и насмешливой улыбке темную прогалину, оставленную щипцами Большого Матье, и ей захотелось плакать и любить этого мужчину.

— Все хорошо, — шептал поэт, — ты больше ничего не бойся. Все уходит далеко-далеко... Только снег за окном, и мы здесь, в тепле... Не часто мне доводится заночевать в таком уютном местечке!.. Под халатом на тебе ведь ничего нет?.. Да, я чувствую. Не шевелись, моя милая... Не говори больше ни слова...

Его рука скользнула, раздвинула полы пеньюара, чтобы коснуться плеча, затем опустилась ниже. Он смеялся, потому что Анжелика вздрагивала.

— Вот они, нежные почки весны. Но ведь на улице — зима!.. Он накрыл ее губы своими. Затем опустился на пол перед очагом и осторожно привлек к себе Анжелику.

*Слышишь, родная, где-то
Разносчик водки кричит,
Увы, означает это,
Что утро в окно стучит...*

Клод напялил на себя огромную шляпу и дырявый плащ. Близился рассвет, и по заснеженной улице в молчаливой белизне, переваливаясь, как медведь, брел укутанный шарфом продавец водки.

Анжелика подозвала разносчика. Он налил им обоим, прямо на пороге дома, по стаканчику крепкой наливки. Когда торговец ушел, они улыбнулись друг другу.

— Куда же вы теперь направляетесь?

— Рассказать Парижу о новом скандале. Господин де Бриенн сегодня ночью застал свою жену с любовником.

— Этой ночью? Откуда вы знаете?

— Я все знаю. До свидания, моя красавица.

Анжелика удержала его за полу плаща и сказала:

— Возвращайтесь.

Продолжение следует...

notes

1

Потерна — закрытый проход, галерея внутри крепостного укрепления или же тайный выход из крепости. *(Здесь и далее примеч. ред., если не указано иное)*

Тюны — устаревшее французское жаргонное слово. Так во Франции в XVII веке называли нищих-попрошаек, воров. — *Примеч. пер.*

3

Так у автора. Приказ о строительстве моста отдавал Генрих III, мост был достроен при Генрихе IV.

В 1725 году во Франции было учреждено своеобразное полицейское подразделение так называемых «агcher des pauvres» («стрелков бедных»), которые занимались препровождением в тюрьму нищих и попрошайек. — *Примеч. пер.*

5

В здании дворца Генего впервые стала выступать Парижская опера, а позднее Комеди Франсез.

6

27 мая 1653 г. в Турне была найдена гробница короля Хильдерика I (440 — 481 гг., правил с 457 г.). В погребении находился плащ с 300 золотыми пчелами, а также другие сокровища и кольцо, на котором была надпись «Childeric Regis». Хильдерик был представителем династии Меровингов, которые, как считалось, обладали даром излечения путем наложения рук. Этот дар приписывался всем французским королям.

Флипо от французского «Flipot» — «деревянный клин». — *Примеч. пер.*

В 1645 г. под Нёрдлингеном французская армия под командованием маршала Тюренна и принца Конде одержала победу над имперскими войсками.

9

Кимвал — ударный инструмент, состоящий из тарелок. — *Примеч. пер.*

10

Piccolo — малыш (итал.). — *Примеч. пер*

11

Список книг, запрещенных католической церковью. Первые подобные списки появились в Нидердандах (1529 г.), Венеции (1543 г.) и Париже (1551 г.) и публиковались регулярно до 1948 г. Переиздания были прекращены в 1966 г.

Башня Бонбек. Bonbec — «человек, разливающийся соловьем» (жарг.). — *Примеч. пер.*

13

Св. Оппортуна (ум. ок. 770 г.) особо почиталась в Средневековье в Северной Франции, откуда она была родом. Ее день — 22 апреля.

Магистр путает: Хильдерик был отцом Хлодвига, а не сыном.

«Сид» — трагедия французского драматурга Пьера Корнеля. — *Примеч. пер.*

«Астрея» — пасторальный роман французского писателя Оноре д'Юрфе. — *Примеч. пер.*

Глазер (Glazer) Кристоф (1615/1628) — 1672/1678 гг.) — швейцарский химик и фармацевт, открыл несколько химических соединений, в частности хлорид мышьяка, плавкий нитрат серебра и сульфат калия. Автор «Трактата по химии», аптекарь Людовика XIV и герцога Орлеанского. Фигурировал в «Деле о ядах» как наставник Сен-Круа.

Яд, благородная дама! (нем.) См. том 2 «Тулузская свадьба». — *Примеч. автора.*

Берри — историческая область в центральной Франции. — *Примеч. пер.*

Жюстокор (фр. «justaucorps» — дословно «точно по корпусу») — мужская одежда приталенного, расширенного книзу силуэта с поясом-шарфом на линии талии, длиной до колен, с застежкой на ряд мелких пуговиц и петлиц. Рукава вверху узкие с расширенным низом и широкими отложными манжетами. — *Примеч. пер.*

Государь должен выбрать с заботой предмет своих страстей, так как на него смотрит мир. — *Примеч. автора.*

«Самаритянка» — название гидравлической машины, установленной в XVII в. перед Новым мостом и обеспечивавшей водой питьевые фонтаны правого берега. Здесь же находилось скульптурное изображение доброй самаритянки, подносящей воду Христу, отсюда название машины. — *Примеч. пер.*

В средневековой Европе понятия «врач» и «эмпирик» часто смешивались и врачей называли «эмпириками» из-за того, что врачевание было основано не на теории, а на опыте.

Электуарий, или кашка лекарственная, — фармацевтический препарат, в котором лекарственное вещество входит внутрь пасты с сиропом или медом. — *Примеч. пер.*

Спагирик — последователь Парацельса, знаменитого алхимика, врача, оккультиста эпохи Возрождения. — *Примеч. пер.*

Олимпия Манчини, графиня де Суассон, была старшей фрейлиной королевы. — *Примеч. пер.*

Туаз — старинная французская мера длины, около 2 метров. — *Примеч. пер.*

Луиза-Франсуаза де Ла Бом-Леблан, герцогиня де Лавальер и де Вожур (1644 — 1710 гг.) — фаворитка Людовика XIV.

Vallée-de-Misère — дословно Долина Нищеты.

Pierre-au-lait — дословно «Петр-с-молоком», в Париже в Средневековье было принято называть площади и рынки, объединяя название ближайших церквей (Святого Петра) и специализацию ярмарки. — *Примеч. пер.*

Позорная колесница — телега, на которой везли осужденных на казнь (ист.). — *Примеч. пер.*

Старая французская пинта равна 0,93 литра. —
Примеч. пер.

1 ноября. — *Примеч. пер.*

Луи Лево (ок. 1612 — 1670 гг.) — французский архитектор. Один из ведущих мастеров классицизма, с 1654 г. «первый архитектор короля». — *Примеч. пер.*

Шарль Лебрен (1619 — 1690 гг.) — французский живописец и декоратор, один из создателей так называемого стиля Людовика XIV. — *Примеч. пер.*

Франсуа Ватель (ок. 1624 — 1671 гг.) — знаменитый французский кулинар. Начиная свою карьеру дворецким у Николя Фуке. — *Примеч. пер.*

Андре Ленотр (1613 — 1700 гг.) — знаменитый французский ландшафтный архитектор. Создатель регулярных парковых ансамблей. — *Примеч. пер*

Алессандро Франчини — представитель
флорентийской семьи инженеров-гидравликов. —
Примеч. пер.

После ареста Фуке был разлучен с женой и двумя детьми, провел в крепости Пиньероль около 20 лет, где и умер, увидев родных лишь за два месяца до смерти. Капитаном мушкетеров, производившим арест, был шевалье д'Артаньян, прототип героя романов А. Дюма-старшего.

Франсуа Дегре (? — 1703/1705 гг.) получил чин капитана полиции в 1676 г. в связи с арестом маркизы де Бренвилье.

Во Франции XI — XVIII вв. королевский чиновник или ставленник феодала, обладавший до XV в. на вверенной ему территории судебной, фискальной и военной властью. С XV в. выполнял лишь судебные функции. — *Примеч. пер.*

Val-d'Amour — дословно «Долина Любви».

Шарантон-ле-Пон — город в 2 км к юго-востоку от современного Парижа, при слиянии рек Сены и Марны.

Гранд-Бушри (Grande-Boucherie) — дословно «Большая Мясная торговля». — *Примеч. пер.*

Россоли — род французского сладкого и пряного ликера. — *Примеч. пер.*

Клуатр — замкнутый монастырский двор с крытой арочной галереей-обходом. — *Примеч. пер.*

Знаменитое учебное заведение. Коллеж основан в 1304 г. по инициативе Жанны Наваррской, супруги Филиппа Красивого, для обучения студентов, приехавших в Париж из провинции.

Pierre-à-Poisson — дословно «Петр-с-Рыбой» (фр.). —
Примеч. пер.

Triperie — «торговля требухой, субпродуктами»
(фр.). — *Примеч. пер.*

Morfondus — дословно «Продрогшие». — *Примеч. пер.*

Бисетр — психиатрическая больница в Париже. —
Примеч. пер.

Бриош — маленькая сдобная булочка. — *Примеч. пер.*

Фуа-гра — паштет из печени гуся или утки, откормленных специальным способом. Знаменитый, очень дорогой французский деликатес, получивший широкое распространение в XVIII в. Производством фуа-гра прославилась Тулуза. — *Примеч. пер.*

Ротисье (от фр. «rôtisseur») — в Средние века торговец жареной дичью, мясом птицы, позднее просто жареным мясом, содержатель харчевни. В те времена существовала очень жесткая цеховая система, и мастер определенного цеха должен был работать только по своей специализации. — *Примеч. пер.*

Pilori — позорный столб (фр.). — *Примеч. пер.*

Давид Шайю, офицер королевы, получил исключительный патент на торговлю шоколадом сроком на 29 лет от Людовика XIV 28 мая 1659 г. Он держал лавку на Дровяной улице в Париже.

Кюлоты — короткие, застегивающиеся под коленом штаны. — *Примеч. пер.*

Феррандин — старинная легкая смесовая ткань. Основа производилась из шелка, а уток из шерсти, или хлопка, или льна. — *Примеч. пер*

День св. Фиакра празднуют 30 августа.

Фарандола — старинный провансальский народный танец, характеризующийся быстрым темпом. — *Примеч. пер.*

Кампеш, кампешевое дерево — сандаловое дерево, синий сандал, небольшое дерево семейства цезальпиниевых. — *Примеч. пер.*

31 декабря.

Антреме (от фр. «entre» — «между» и «mets» — «кушанье»). Блюда, подаваемые между главными, основными блюдами или перед десертом. Антреме призваны нейтрализовать или заглушать вкус предыдущего блюда с целью лучшего восприятия вкуса последующего. — *Примеч. пер.*

Vielle Laterne — дословно «Старого Фонаря». —
Примеч. пер.

65

Парламент в тот период был судебным органом.

Дикорастущее растение с голубыми цветами. —
Примеч. автора.

Ванв — небольшой город недалеко от Парижа. Славился производством высококачественного сливочного масла. — *Примеч. пер.*

В те времена очень изысканное и популярное блюдо. — *Примеч. автора.*

Пьер Монмор — литературный персонаж. Главный герой романа Альбера Анри де Салленгра «История Пьера де Монмора, королевского профессора греческого языка в Парижском университете», опубликованного в 1715 г. Этот роман составлен из свидетельств и воспоминаний современников и представляет собой фиктивное и тенденциозное жизнеописание поэта-сатирика, знаменитого «паразита и обжоры» Пьера де Монмора.

Одно из старейших учебных заведений Франции. Основан в 1530 г. Франциском I, в XVII в. переименован в Королевский коллеж Франции, а во время Великой французской революции — в Коллеж де Франс.

Мадлен де Савре, маркиза де Сабле (1599 — 1678 гг.) — в молодости замечательная красавица, хозяйка популярного парижского салона. Она написала книгу афоризмов «Поучение детям» и сборники изречений «О дружбе» и «Максимы».

Дословно: Свободных горожан.

Дословно: Старая Храмовая.

Название местности в ту эпоху. — *Примеч. автора.*

Близ Латинского квартала находился холм из строительного мусора, который студенты иронически прозвали «Горой Парнас», в XVIII в. холм срыли, и на его месте возник район и бульвар Монпарнас.

Графство Перш располагалось в Нормандии, к югу от устья Сены.

Во Франции, как и во всей Западной Европе, до Великой Французской революции в армии существовала система продажи офицерских чинов. — *Примеч. пер.*

Галиот — в XVII в. небольшая быстроходная галера, имевшая до 25 пар весел и одну мачту. В XVIII – XIX вв. небольшое транспортное двухмачтовое судно для прибрежного плавания. — *Примеч. пер.*

Променад по направлению к Шайо, бравший начало поблизости от Тюильри. — *Примеч. автора.*

Монастырь в Шайо — *Примеч. автора.*

На холме Шайо в XVII в. располагался монастырь визитандианок, т.е. монахинь ордена Визитации. «Визитацией» было принято называть посещение Богоматерью святой Елизаветы, орден был назван в честь этого события. — *Примеч. пер.*

Фонарь — круглое или многогранное в плане сооружение с большими оконными проемами, венчающее купол и служащее для освещения. — *Примеч. пер.*

Длинные, ниспадающие усы. — *Примеч. пер.*

Жак Клеман — доминиканский монах, под влиянием Католической лиги убил короля — покровителя гугенотов. — *Примеч. пер.*

Католическая лига — католическая партия во Франции, организованная в 1576 г. герцогом Генрихом Гизом. Целями Лиги были борьба с гугенотами и ограничение централизованной королевской власти феодальной знатью. — *Примеч. пер.*

Во время осады Парижа королевскими войсками
1589 — 1590 гг. — *Примеч. автора.*

Так у автора. Хлодомир из династии Меровингов — отец Хлодовальда, он же Святой Клод (Сен Клу).

Генгет — дешевое вино, от фр. «guinguette» — «трактир», «дешевый кабак». — *Примеч. пер.*

Кабаре — так назывались трактиры, столы в которых были покрыты скатертями, а еда подавалась на тарелках. Позднее это название стало более вульгарным, и теперь так называли места, где подавалось «вино в горшках». В наши дни кабаре превратилось в развлекательное заведение. — *Примеч. автора.*

Так называли римляне центральную и северную часть Галлии, населенную воинами с длинными волосами. — *Примеч. автора.*

Каменный Трагуарский крест был поставлен в XII в. в память о казни средневековой королевы Брунгильды. В наши дни не сохранился. — *Примеч. пер.*

Матлот — рыбное блюдо под винным соусом. —
Примеч. пер.

Рингравы — часть мужского придворного костюма в виде укороченных штанов и складчатой юбки из плотной материи, вшитых в один пояс.

Пурпуэн — стеганая одежда с отрезным лифом и баской.

Линон — сорт очень тонкой плотной льняной отбеленной ткани. — *Примеч. пер.*

Некий Одиже, служивший дворецким в домах Олимпии Манчини, Ж.-Б. Кольбера и др., действительно написал книгу с длинным названием: «Хорошо поставленный дом и искусство управлять домом знатного вельможи и другими домами, как в городе, так и в деревне; основные обязанности дворецких и другой прислуги. С указанием, как готовить любые виды напитков, вод и ликеров, как крепких, так и освежающих, по итальянской моде. Полезный и необходимый труд для всех заинтересованных лиц, дворян из провинции, иностранцев, мещан, дворецких больших домов, торговцев прохладительными напитками и торговцев ликерами». Книга вышла в Амстердаме в 1697 г., после смерти автора, и была переиздана в 1700 г. Должность дворецкого в XVII в. предполагала более широкий круг обязанностей, чем в позднейшие времена. — *Примеч. пер.*

В Средние века «сомелье» во Франции называли слугу, который отвечал за перевозку багажа, а позже за белье, посуду, провизию и винный погреб господина. — *Примеч. пер.*

Криспиан (ум. 287 г.) — святой католической церкви. Вместе с братом он занимался башмачным ремеслом в Суассоне, был убит во время гонения на христиан. По легенде, братья крали кожу, чтобы сшить из нее обувь и раздать бедным. — *Примеч. пер.*

Орден гиллемитов возник в Италии в первой половине XII в.; название он получил по имени основателя — отшельника Гильома. — *Примеч. пер.*

Триденский собор — собор, созванный папой Павлом III в 1545 г. «для искоренения ересей и преобразования нравов». Главная цель собора заключалась в противостоянии Реформации и проведении реформ в Римско-католической церкви. — *Примеч. пер.*

Прощение, которое предоставляет Церковь, отпуская полностью или частично тяжесть грехов. — *Примеч. автора.*

Так у автора. Парижская базилика названа в честь святой Марины, жившей в VIII в. Желая служить Богу, она вместе с отцом постриглась в монахи под именем Марин и всю жизнь прожила в мужском монастыре. Святой отшельник Марин (IV в.) жил в пещере на горе, в окрестностях которой позже возникло существующее поныне государство Сан-Марино.

В час после окончания рабочего дня, перед обедом.
— *Примеч. автора*

См. том 3 «Королевские празднества». — *Примеч. автора.*

Так у автора. Луи-Виктор де Рошешуар (1638 — 1688 гг.) — герцог де Вивонн, маршал, командующий галерным флотом, пэр Франции. Супруг урожденной Антуанетты де Месм.

Особенное богослужение в четверг, пятницу и субботу Страстной недели, во время которого гасят одну за другой свечи и храм постепенно погружается в темноту.

Кропильница — сосуд для освященной воды, находящийся в притворе католического храма. В первые века христианства верующие перед тем, как войти в базилику, омывали головы, руки и ноги. Со временем этот жест был сведен к символическому омовению пальцев и сотворению крестного знамения. — *Примеч. пер.*

Название колоколов собора Парижской Богоматери.
— *Примеч. пер.*

См. том 4 «Мученик Нотр-Дама». — *Примеч. автора.*

См. том 1 «Маркиза Ангелов». — *Примеч. автора.*

Денье — старинная французская медная монета. —
Примеч. пер.

Большой Матье употребляет ругательство ventre-saint-gris. Так ругался Генрих IV, конная статуя которого находилась напротив платформы Большого Матье. — *Примеч. пер.*